

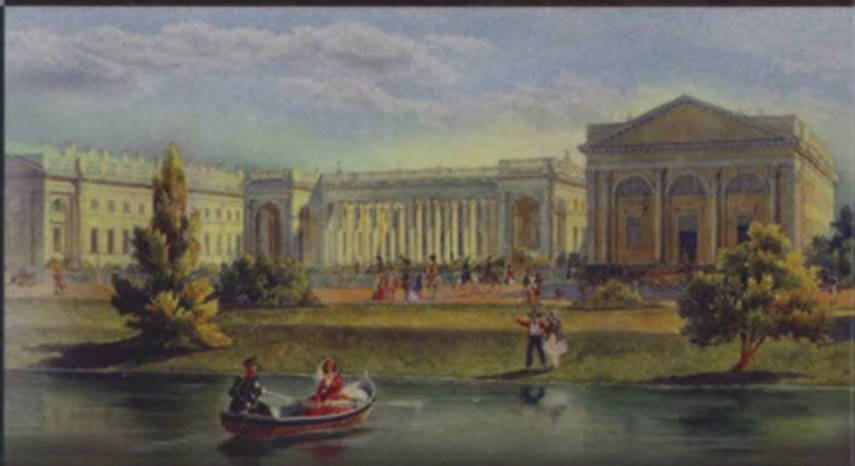
СВЯТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

И. Ордынская

СВЯТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Ирина
Ордынская

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖЗЛ

Annotation

Долгое время последняя Царская семья Дома Романовых, основой которой стали любовь и глубокая привязанность Августейших супругов, подвергалась циничной и предвзятой критике как со стороны «просвещенного общества» и элиты, так и ближайших родственников. Со времени революции члены Царской семьи больше не рассматривались в качестве реальных людей, был создан образ, построенный целиком на идеологических клише. Эта книга — попытка в какой-то степени восстановить справедливость, очистить от идеологических наслоений реальные образы членов Царской семьи, отринуть горы лжи, десятилетиями закрывавшей чистые, благородные образы обогланных людей. Если убрать все политические споры и идеологические мифы и всмотреться в Царскую семью как в реальных людей, увидеть в них личности, то в результате можно изменить и само отношение к недавней истории России.

Святая Царская семья достойна того, чтобы ее жизни была посвящена реальная история, пусть и больше века спустя их гибели. Император Николай II Александрович, императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, наследник цесаревич Алексей Николаевич — все они замечательные люди, которыми Россия может гордиться.

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [Ирина Ордынская](#)
    -
    - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
    - [ЧАСТЬ 1](#)
      - [Детство и юность цесаревича](#)

- [Детство и юность принцессы Алисы](#)
- [Знакомство цесаревича и принцессы. Помолвка. Брак](#)
- [Семейная жизнь Царской семьи до 1914 года](#)
- [Мировая война](#)
- [Арест. Ссылка. Расстрел](#)
- [ЧАСТЬ 2](#)
  -
  - [Юность](#)
  - [Война. Сестра милосердия](#)
  - [Арест. Ссылка. Расстрел](#)
- [ЧАСТЬ 3](#)
  -
  - [Юность](#)
  - [Война. Сестра милосердия](#)
  - [Арест. Ссылка. Расстрел](#)
- [ЧАСТЬ 4](#)
  -
  - [Юность](#)
  - [Война](#)
  - [Арест. Ссылка. Расстрел](#)
- [ЧАСТЬ 5](#)
  -
  - [Юность. Война](#)
  - [Арест. Ссылка. Расстрел](#)
- [ЧАСТЬ 6](#)
  -
  - [Отрочество. Война](#)
  - [Арест. Ссылка. Расстрел](#)
- [ЭПИЛОГ](#)
- [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -
  -

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

- [ЛИТЕРАТУРА](#)

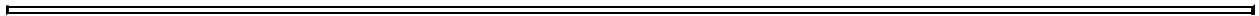
- [INFO](#)

-

-

- [notes](#)

- [1](#)

ЖИЗНЬ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2102

(1902)

Ирина Ордынская

СВЯТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2022

---

*

© Ордынская И. Н., 2022

© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

Последний император России Николай II Александрович Романов и его жена императрица Александра Федоровна прожили в браке без малого 24 года. Царская семья была уникальна тем, что влюбленные друг в друга с юности Августейшие супруги смогли пожениться, несмотря на все сложности, которые им пришлось преодолеть. В XIX веке в монарших семьях Европы подобные браки по любви стали редкими, можно сказать, были исключением. Потому что в основном женихи и невесты подбирались по политическим соображениям. В результате большинство брачных союзов изначально оказывались неудачными и не принесли личного счастья супругам. Распадались подобные браки редко, но несли лишь страдания несчастным супругам, так как создавались без любви и настоящей близости.

Казалось, свадьба по любви цесаревича Николая Александровича не могла состояться по множеству причин: изначально наследнику российского престола прочили в невесты принцесс из совсем других европейских Домов, а строгий этикет не позволял ему даже написать любимой письмо. Отношения между возлюбленными осложнялись и тем, что принцесса Аликс воспитывалась в лютеранской вере и категорически отказывалась менять конфессию. Как глубоко верующий человек, она долгое время сомневалась и, прежде чем приняла православие — а по Законам Российской империи супругой будущего русского царя могла стать только православная, — подробно изучала новую для себя религию. Первое время не в восторге от выбора сына были его родители — император Александр III и императрица Мария Федоровна. Да и английская королева Виктория, бабушка принцессы Аликс, мечтала выдать ее замуж за одного из английских принцев, и даже содействовала подобной помолвке, от которой внучка категорически отказалась. Однако все сложности влюбленные смогли преодолеть, и в основу их семьи легло глубокое нежное чувство: оно объединяло их в одно целое, и они смогли пронести его через всю жизнь.

Долгое время последняя Царская семья Дома Романовых, основой которой стала любовь и глубокая привязанность Августейших супругов, подвергалась циничной и предвзятой критике, как со стороны «просвещенного общества» и элиты, так и ближайших родственников. Все личные качества императора и императрицы рассматривались предвзято и в

отрицательном ключе. Сдержанность, хорошее воспитание и манеры царственных супругов стали поводом обвинять их в скрытности. Глубокая вера объявлялась склонностью к мистицизму. Доверие к людям рассматривалось как слабость и даже глупость. Какие бы прекрасные душевные порывы ни двигали царем и царицей в случае успеха их начинаний, заслуги приписывали кому угодно, но только не им, а если случались неудачи, размер их раздувался до колоссальных размеров.

Император, искренне любивший Россию, жизнь положивший на алтарь служения Отечеству, отдававший все силы для ее экономического процветания, заботившийся о военной мощи страны, как человек глубоко верующий, как «отец нации», действительно готов был пожертвовать всем для своих подданных. Однако сколько бы он ни отдавал всего себя России, подданные, как неблагодарные дети, не считали нужным ценить его заслуги.

Еще в более трудном положении оказалась императрица. Александра Федоровна как человек искренний, верующий, логически мыслящий приняла Россию как свою новую Родину, а народ ее как своих детей. Она не сомневалась, что после венчания на царство стала «матерью русского народа». Поэтому ее самопожертвование не знало границ, во время Первой мировой войны она работала простой сестрой милосердия в лазарете, выполняя самые тяжелые обязанности. В дни войны царица, забывая о себе, организовывала помощь раненым, беженцам, осиротевшим семьям по всей стране. Но народ не только не был ей благодарен, а ненавидел ее. Сочиняли небылицы о ее личной жизни, называли «немкой» и подозревали в измене — в помощи Германии. Большого оскорбления для императрицы не могло быть. Даже настоящую, искреннюю любовь Государыни к своему мужу-императору извращенно объявляли попыткой влиять на него, хитроумным способом получить власть.

Настоящими единомышленниками и помощниками для своих царственных родителей стали их подрастающие дети. Но и цесаревны подвергались нападкам и гнусной клевете. «Немка и ее дети» — так называли в неблагодарном народе императрицу и цесаревен с цесаревичем.

Несправедливое отношение к Царской семье усугубила приближавшаяся революция. Царь, который был символом монархии, ее хранителем, защитником устоев, превратился в главную мишень для критики у революционеров всех мастей. Они могли ни в чем друг с другом не соглашаться, представляли себе будущее России по-разному, но одно их объединяло — ненависть к Царской семье.

Со времени революции члены Царской семьи больше не

рассматривались в качестве реальных людей, был создан образ, построенный целиком на идеологических клише. Царь превратился для новых идеологов в сосредоточие всего негативного и отрицательного, что случалось до революции со страной. Теперь император в принципе не мог считаться достойным или хорошим человеком, делавшим что-то полезное. Такой же ущербной объявлялась и вся его семья.

Физического устранения Царской семьи новой власти было мало, ей казалось необходимым уничтожить, извратить саму память о расстрелянных самодержцах. Переписать историю так, чтобы у обывателя не осталось сомнений: расстрел царской четы с детьми в подвале дома Ипатьева в Екатеринбурге — «торжество справедливости» или даже «героическая доблесть». Попытка уничтожить тела, лишить расстрелянных людей даже права на могилы стала еще одним шагом в череде настойчивого желания стереть из коллективной памяти положительный образ последней Царской семьи.

Чудом спасшиеся родственники и приближенные императора и императрицы, чтобы сохранить правду о последнем царе и его семье, написали достаточно много воспоминаний и мемуаров, опубликовали свои дневники, сохранились дневники и письма царя, царицы и их детей и т. д. Все вместе эти документы позволяют восстановить правдивую историю жизни последней Царской семьи, не имеющую ничего общего с искусственно созданной после революции 1917 года политической агиткой.

Эта книга — попытка в какой-то степени восстановить справедливость, очистить от идеологических наслоений реальные образы членов Царской семьи, отринуть горы лжи, десятилетиями закрывавшей чистые, благородные образы оболганных людей. Если убрать все политические споры и идеологические мифы и всмотреться в Царскую семью как в реальных людей, увидеть в них личности, то в результате можно изменить и само отношение к недавней истории России.

Для движения нашей страны вперед необходимо честно оценивать прошлое, отдать должное убитой без суда и следствия Царской семье. И тогда канонизация в 1981 году Царской семьи Русской православной церковью за границей и в 2000 году причисление Русской православной церковью венценосной семьи к лику святых страстотерпцев в сонме Собора новомучеников и исповедников Церкви Русской не будут кому-то казаться нелогичными или неоправданными действиями.

Святая Царская семья достойна того, чтобы ее жизни была посвящена реальная история пусть и больше века после их гибели. Император Николай II Александрович, императрица Александра Федоровна, великие

княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, наследник цесаревич Алексей Николаевич — все они замечательные люди, которыми Россия может гордиться.

ЧАСТЬ 1

АВГУСТЕЙШИЕ СУПРУГИ

Детство и юность цесаревича Николая Александровича

Шестого мая 1868 года в семье будущего императора Александра III и его супруги великой княгини Марии Федоровны в Царском Селе родился первенец — сын Николай. Это был день почитания святого Иова Многострадального. В это время отцу младенца было 23 года, матери — 20 лет. Считается, что новорожденного они назвали в честь цесаревича Николая Александровича — старшего сына Александра II, который был наследником престола, но скончался в 1865 году. 20 мая младенца крестили в Воскресенской церкви Большого Царскосельского дворца. Восприемниками (крестными) будущего наследника престола стали его дед император Александр II, королева Датская Луиза (матушка роженицы), ее сын — наследный принц Датский Фредерик, великая княгиня Елена Павловна (вдова великого князя Михаила Павловича).

Детство Ники, как называли его домашние, прошло счастливо и безмятежно в Аничковом и Гатчинском дворцах, в Царском Селе и в Петергофе, где в разное время жила Царская семья. В младенчестве в основном воспитанием цесаревича занимались, как было принято в то время, русские кормилицы и английские няни. Главного наставника для своего подрастающего старшего внука выбрал лично Александр II. В 1877 году он назначил на эту должность генерала Григория Григорьевича Даниловича. Генерал был опытным военным педагогом, в 1860 году принимал активное участие в реформе военно-учебных заведений России, долго возглавлял одно из старейших военных заведений страны 2-й кадетский корпус. Данилович являлся главным воспитателем цесаревича Николая Александровича до 1891 года, всего 14 лет.

В 1878 году, когда цесаревичу исполнилось 10 лет, для него пригласили преподавателя английского языка Карла Иосифовича Хиса. Англичанин оказался превосходным педагогом: будущий император овладел английским в совершенстве. Позже в Англии в Оксфорде даже университетские профессора не признали в нем иностранца.

Мистер Хис, обратив внимание на то, что никто не занимается физическим развитием его ученика, взял эту обязанность на себя. Он начал закаливать цесаревича — по утрам тот стал обливаться холодной водой, учитель привил ему любовь к спорту. Когда в марте 1881 года, после гибели Александра II, Царская семья переехала жить в Гатчинский дворец, где для

старших сыновей нового императора подготовили классную комнату, то рядом с ней по просьбе мистера Хиса оборудовали специальное помещение для занятий спортом, установив там турник и брусья. Учитель систематически занимался спортом с цесаревичем и его младшим братом Георгием Александровичем.

В результате, как вспоминали близкие к императорскому двору люди, цесаревич вырос физически закаленным и чрезвычайно спортивным человеком. Он не боялся сквозняков и холода, практически никогда не простужался, был выносливым и сильным. Занимался многими видами спорта — верховой ездой, плаванием, гимнастикой, фехтованием, прекрасно стрелял, отлично играл в теннис и др.

Планированием воспитания сына занимался отец — император Александр III, который считал, что его дети должны быть в первую очередь нормальными здоровыми людьми. Известны слова императора, которые отражают его взгляды на воспитание своих детей: «Они должны хорошо молиться Богу, учиться, играть, шалить в меру. Учите хорошенько, спуску не давайте, спрашивайте по всей строгости законов, не поощряйте лени в особенности. [...] Повторяю, что мне фарфора не нужно. Мне нужны нормальные русские дети. Подерутся — пожалуйста. Но доносчику — первый кнут».

Царская семья была многодетной, венценосные родители воспитывали трех сыновей и двух дочерей, еще один их сын (второй ребенок в семье — Александр Александрович) скончался в младенчестве от менингита. С детства цесаревич Николай Александрович был очень дружен со своими братьями и сестрами, и эта привязанность сохранилась на всю жизнь. Особенную же любовь цесаревич всегда питал к своей матери императрице Марии Федоровне, сын с матерью были по-настоящему близки. Уже взойдя на престол, он постоянно переписывался с матерью и старался каждый свой день рождения проводить с ней, считая этот день праздником благодарности той, которая дала ему жизнь.

Главной основой формирования личности цесаревича стала православная вера. С детства нравственные ориентиры Николая Александровича строились на христианских ценностях. Так воспитывали его Августейшие родители.

Светским манерам, умению вести себя в обществе, учтивости сына научила мать, она же контролировала процесс его обучения. В восемь лет будущий царь сел за парту. Обучение было домашним. Начал он учиться по обычному гимназическому курсу, который дополняли разнообразные предметы — ботаника, анатомия, зоология, физиология, минералогия,

вольтижировка, фехтование, рисование, музыка и др.

Учебная программа для будущего царя была рассчитана на восемь лет общеобразовательного курса и пять лет курса академического. Последний включал в себя политическую экономию, право и военное дело (военное правоведение, стратегию, военную географию, службу Генерального штаба).

Оценки будущему царю преподаватели не ставили, это запрещалось. Самыми любимыми для него предметами в курсе высших наук стали правоведение, география и стратегия. Всего в неделю проходило до тридцати уроков. Учителями наследника были известные в России люди: историк В. О. Ключевский, химик Н. Н. Бекетов, экономист Н. Х. Бунге, профессор фортификации и композитор Ц. А. Кюи, юрист К. П. Победоносцев, известный богослов, писатель и проповедник И. Л. Янъшев, лучший в стране специалист по международному праву М. Н. Капустин и др. Преподавателями у наследника стали самые известные в стране ученые по военным дисциплинам, естественным наукам, государственному, гражданскому и уголовному праву, политической экономике.

Все преподаватели отмечали блестящие способности цесаревича, а также его прекрасное воспитание, усидчивость и аккуратность. Николай Александрович обладал феноменальной памятью, прочитанное или услышанное он запоминал навсегда. Был наблюдателен, обладал логическим мышлением. Встретившись один раз с человеком, он позже всегда помнил его имя, должность и другую личную информацию. Эта способность сохранилась у него на всю жизнь: приближенные поражались, как император мог помнить сотни людей, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Из общеобразовательных предметов больше всего цесаревичу нравились история и литература. Он феноменально много читал, очень любил художественную литературу, отдавая предпочтение русским авторам, хорошо знал и европейских. Французских, немецких и английских писателей он читал в подлинниках — этими языками он владел свободно, как родным. Любимыми русскими писателями у него были А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов.

С 14 лет Николай Александрович начал вести дневник. Делал он это аккуратно, ежедневно записывая все события, которые с ним происходили. Дневник он вел до последних дней своей жизни.

Особое внимание при воспитании наследника престола уделялось военному образованию. Как и его предки, Николай Александрович всегда с

особым чувством относился к военной службе и армии, которую считал главной защитницей Отечества.

После гибели Александра II и восшествия на престол Александра III Николай Александрович был официально объявлен наследником цесаревичем и назначен также атаманом всех казачьих войск.

В 16 лет, 6 мая 1884 года, в день своего совершеннолетия цесаревич принес присягу в Большой церкви Зимнего дворца и поступил на действительную военную службу. Теперь Николай Александрович мог издавать собственные государственные акты. Первым таким распоряжением стало перечисление 15 тысяч рублей на нужды самых бедных жителей Москвы, деньги были выделены из собственных средств цесаревича, из его будущего наследства.

Параллельно с изучением военной теории, чтобы цесаревич познакомился и с реальной военной службой, в течение нескольких лет он принимал участие в летних военных сборах. Так Николай Александрович провел два лагерных сбора в рядах лейб-гвардии Преображенского полка, где сначала служил обычным субалтерн-офицером, а затем ротным командиром. Следующие два лета он посвятил кавалерийской службе в рядах лейб-гвардии Гусарского полка сначала в качестве взводного офицера, потом эскадронного командира. И наконец, последний лагерный сбор цесаревич провел в артиллерии, после чего император Александр III 6 августа 1892 года присвоил сыну чин полковника гвардии, которым тот очень гордился. До восшествия на престол Николай Александрович продолжал состоять на действительной военной службе в чине полковника и командовал 1-м батальоном лейб-гвардии Преображенского полка.

В период летних лагерных сборов (в 1889 году) цесаревич писал в своем дневнике: «Я проделал уже два лагеря в Преображенском полку, страшно сроднился и полюбил службу; в особенности наших молодцов-солдат! Я уверен, что эта летняя служба принесла мне огромную пользу, и с тех пор заметил в себе большие перемены».

Цесаревич любил армию, многие считали, что он прирожденный военный. Офицером он был строгим, требовательным к себе и другим, отлично знавшим военную науку и армейские уставы. В полку его уважали за серьезность, добросовестность и справедливость. К наследнику престола хорошо относились сослуживцы. Со многими офицерами он был дружен, участвовал в полковых пирушках. Случалось, что после веселых застолий цесаревич на следующий день опаздывал на занятия с преподавателями. Но это были редкие «грехи молодости», возможность немного отдохнуть и развлечься при строгой полной серьезной ответственности жизни будущего

царя.

Кроме практики в военном деле, Николай Александровича отец-император готовил к практическому управлению государством. С 1889 года цесаревич стал участвовать в заседаниях Государственного совета и Комитета министров. Александр III также хотел, чтобы его сын познакомился лично с различными регионами России, поэтому наследник сопровождал отца в его многочисленных поездках по стране.

Однако как бы ни был занят учебой и государственными делами юный цесаревич, он успевал отдавать должное своему увлечению искусством. Особенно он любил театр, за зимний сезон успевал посетить десятки спектаклей и все основные премьеры. Предпочтение наследник отдавал опере и балету. В 1890 году Николай Александрович на выпускном вечере балетной школы Императорского театрального училища познакомился с Матильдой Кшесинской, на тот момент выпускницей училища, позже ставшей балериной Мариинского театра. Их роман продлился около четырех лет. Однако он был не первым и не единственным у юного, пылкого цесаревича. До увлечения Кшесинской цесаревич был влюблен в княжну Ольгу Александровну Долгорукову, некоторое время у наследника была симпатия к английской принцессе Виктории, дочери Альберта принца Уэльского. В это время, рассуждая о своих влюбленностях, о том, что он способен увлекаться то одной женщиной, то другой, Николай Александрович весной 1892 года писал в своем дневнике: «Право, можно было бы заключить из этого, что я очень влюбчив? До известной степени да; но я должен прибавить, что внутри я строгий судья и до крайности разборчив!»

По завершении высшего образования Александр III принял решение отправить сына в длительное зарубежное путешествие. Император хотел, чтобы тот познакомился с различными странами и их государственным устройством. 22-летний цесаревич отправился в путь 23 октября 1890 года. Для этого практически мирового турне император выделил сыну крейсер «Память Азова», который для безопасности наследника сопровождала целая эскадра военных кораблей. Программа поездки включала в себя знакомство с достопримечательностями стран, в которых побывал наследник, а также официальные встречи.

В октябре 1890 года Николай Александрович поездом прибыл из Петербурга в итальянский порт Триест, где поднялся на борт крейсера. Из Италии он направился в Грецию, где встретился с королевой эллинов Ольгой Константиновной и ее мужем королем Греции. Их сын принц Георг присоединился к Николаю Александровичу, став его товарищем в

предстоящем путешествии.

Из Греции цесаревич направился в Египет, где со свитой путешествовал по Нилу, знакомясь с египетскими древностями. Затем он отправился в Индию, по которой достаточно долго путешествовал, посещая самые известные достопримечательности страны. Затем Николай Александрович посетил Цейлон, Сингапур, остров Яву. Он гостил у короля Сиама, где был награжден орденом и получил дорогие подарки. В марте 1891 года цесаревич прибыл в Китай, где оставался больше месяца, знакомясь со страной, путешествовал по рекам, посещал чайные плантации, покупал предметы искусства.

В середине апреля 1891 года российские корабли прибыли в Японию. Цесаревич активно заинтересовался бытом и искусством этой страны, посещал старинные японские города, интересовался культурой, приобрел множество предметов искусства. Принимающая сторона буквально осыпала высокого гостя подарками, которые пришлось увозить сразу на трех российских судах. Наследника российского престола принимали на самом высоком уровне, его сопровождал в поездке по стране лично японский принц Арисугава Такэхито. В Японии Николаю Александровичу по его желанию сделали цветную татуировку на руке в виде дракона, процедура длилась семь часов. Его очень заинтересовало такое исключительно японское явление, как гейши. У цесаревича даже появилась подруга-гейша, сохранились фотографии, на которых они запечатлены вместе.

В Японии в городе Оцу 29 апреля 1891 года фанатик Санзо Цуда совершил покушение на жизнь русского наследника престола, два раза ударив цесаревича саблей по голове. Быстрая реакция греческого принца Георга, который не позволил самураю нанести еще удары и попытался сбить убийцу с ног тростью, возможно, спасла Николаю Александровичу жизнь. Также задержать нападавшего помогли два рикши, которых цесаревич впоследствии щедро наградил. Раны, два удара пришлись по касательной, оказались не опасны для жизни, цесаревич успел среагировать и увернуться. Особенно тяжелым было ранение в области темени, докторам пришлось удалить кусок рассеченной кости, достаточно большая рана оказалась на затылке, немного было задето левое ухо и порезана правая рука. Цесаревич вел себя мужественно, спокойно, его на месте перевязали. Он в это время невозмутимо беседовал с сопровождавшим его японским принцем Арисугава Такэхито. Шрамы от ран остались у Николая Александровича на всю жизнь. Ранение не прошло для будущего царя бесследно, всю жизнь его время от времени мучили головные боли.

После покушения император Александр III приказал цесаревичу немедленно возвращаться в Россию. 7 мая 1891 года Николай Александрович, покинув Японию, отправился во Владивосток, где дальше продолжил путешествие по родной стране. Во Владивостоке цесаревич присутствовал при закладке Сибирской железной дороги, которая должна была связать Дальний Восток и Сибирь с Европейской частью России.

Далее Николай Александрович пересек всю Россию, по не всегда благоустроенным дорогам и по рекам. Познакомился с культурой и историей многих народов, населяющих страну, которой он в будущем должен был править. Останавливался в стойбищах, юртах, примерял национальную одежду и пробовал национальную кухню. Кочевники преподнесли ему красивую юрту, полностью оборудованную всем необходимым для жизни.

Многочисленные подарки, полученные в дороге наследником престола от подданных разных национальностей, он передал в различные музеи. Также в музейные коллекции цесаревич отдал произведения искусства, которые купил или которые подарили ему в Египте, Китае, Сиаме, Японии и других странах. Кроме культурных ценностей и предметов быта, цесаревич привез из дальних стран и экзотических животных.

Возвращаясь в Петербург, Николай Александрович посещал по дороге крупные города на востоке России — Уссурийск, Хабаровск, Читу, Иркутск, Красноярск, Томск, Тобольск, Омск, Оренбург и др. 4 августа 1891 года цесаревич вернулся в Санкт-Петербург. Закончилось путешествие, продолжавшееся девять месяцев (с 23 октября 1890 года по 4 августа 1891 года), цесаревич преодолел за это время 35 тысяч верст.

С 1891 года закончивший образование 23-летний наследник престола стал настоящим помощником в государственных делах для своего отца-императора. С 1892 года цесаревич был назначен председателем Комитета по строительству Сибирской железной дороги, и даже после восшествия на престол не оставил этот пост. Также в это время Николай Александрович, по поручению отца, становится председателем Особого комитета по доставлению помощи населению губерний, пострадавших от неурожая. Комитет призван был остановить возможный голод. Собрав пожертвований больше 13 миллионов рублей, цесаревичу удалось справиться с задачей, обеспечить продовольствием пострадавшие районы.

По мнению современников, мало было не только в России, но и в мире таких ярких, талантливых и хорошо образованных молодых людей в высшем свете и правящих Домах, как наследник российского престола.

Цесаревич Николай Александрович был прекрасно образован: владел в

совершенстве несколькими иностранными языками — английским, французским, немецким, отлично знал русскую и мировую историю и географию, глубоко разбирался в экономике и в военном деле. Будущий царь был широко эрудированным человеком: любил литературу, театр, музыку, прекрасно рисовал.

Повзрослевший наследник престола, получивший отличное образование, вдумчивый, последовательный, от природы обладавший спокойным, уравновешенным характером, к 1892 году был полностью готов приступить к освоению практических навыков управления государством. Казалось, что времени до восхождения его на трон оставалось много, его отцу императору Александру III было всего 47 лет, и здоровье его никогда не подводило.

Детство и юность принцессы Алисы

Шестого июня 1872 года в немецком городе Дармштадте в семье наследного принца Гессенского и Прирейнского Людвиг родилась четвертая дочь, которая при крещении была наречена Викторией Алисой Еленой Луизой Беатрисой. В семье девочку звали Аликс.

Великое герцогство Гессенское и Прирейнское было одним из небольших германских княжеств. Правителем его в 1872 году был великий герцог Людвиг III, двоюродный дед новорожденной принцессы. После его смерти в 1877 году великим герцогом стал Людвиг IV — отец маленькой Аликс.

Гессен-дармштадтские герцоги вели свою родословную от Карла Великого, была в их роду и почитаемая в Европе святая — Елизавета Венгерская ландграфиня Тюрингская, первая германская францисканская терциарка, канонизированная в 1235 году. Святую Елизавету в Дармштадте почитали как родоначальницу Гессенского Дома.

Матерью принцессы Аликс была английская принцесса Алиса, вторая дочь (и третий ребенок) английской королевы Виктории. В семье великого герцога Гессенского и Прирейнского Людвиг IV и принцессы Алисы было семь детей.

Великая герцогиня Алиса получила строгое английское воспитание, не была избалована. С детства религиозная, с добрым, сострадательным сердцем, она отличалась от остальных детей королевы Виктории последовательным желанием помогать людям, старанием приносить пользу. В юности принцесса мечтала посвятить жизнь медицине — стать сестрой милосердия, чтобы работать в больнице. Она начала изучать медицину, в том числе и хирургию. Ее мать королева не одобряла занятия дочери, считая хирургию отвратительной. Когда в 1862 году принцесса Алиса стала женой принца Людвиг Гессенского, то всю неистраченную энергию она обратила на улучшение жизни подданных.

Особенно много внимания герцогиня уделяла благотворительности, постоянно следила за работой больниц и приютов, часто на собственные средства обеспечивала их всем необходимым. Кроме того, современники отмечали ее живой ум, интеллект и прекрасный художественный вкус.

Великогерцогская семья, можно сказать, была образцовой, традиционно-патриархальной, во главе угла стояли трудолюбие, аккуратность, деловитость. Детей воспитывали набожными, учтивыми,

скромными. Герцогиня так писала о принципах воспитания своих детей: «Важно принцам и принцессам знать, что они ничем не лучше других людей, хотя и стоят выше их, и что это положение накладывает на них двойную обязанность: жить для других и подавать им пример быть добрыми и скромными, и я надеюсь, что мои дети вырастут такими».

Дармштадт, столица герцогства, был совсем небольшим, в нем проживало около 30 тысяч человек. Тихий и уютный город окружали зеленые холмы. Спокойная, размеренная жизнь здесь годами не нарушалась. Принцесса Алиса, получив приданое от матери, 30 тысяч фунтов стерлингов, огромную по тем временам сумму, потратила ее на строительство резиденции для своей семьи, так как старый дворец обветшал, в нем жить было невозможно. Новый дворец возвели в итальянском стиле, здание не было роскошным, но его построили с просторными комнатами с белыми стенами и украшениями с позолотой, с огромными окнами. С трех сторон дворец был окружен красивым парком.

Герцогиня Алиса — утонченная, прекрасно образованная, доброжелательная — поддерживала дружеские отношения со многими известными людьми своего времени. Герцогов навещали в их замке известные теологи, историки, философы, литераторы. В гостях в Дармштадте бывали поэт Альфред Теннисон, писатель Джон Рескин. Особенную любовь герцогиня питала к музыке, сама прекрасно играла на рояле. Ее дворец посещал Рихард Вагнер, с Иоганнесом Брамсом она не раз играла в четыре руки.

Главным в своей жизни герцогиня считала веру в Бога, она писала: «Вера в Бога! Всегда и беспрестанно я чувствую в своей жизни, что это — моя опора, моя сила, которая крепнет с каждым днем». Как глубоко верующий человек, герцогиня Алиса в христианской вере воспитывала своих детей. Посещая больницы, бедные семьи, богадельни, она брала с собой дочерей. Приучая их к тому, что помощь ближнему — это святая обязанность каждого христианина. Маленькая принцесса Аликс каждую субботу с матерью и сестрами приезжала в городскую больницу, приносила больным в палаты цветы.

Юная принцесса Аликс росла в семье, окруженная родительской любовью, особенно она обожала свою мать. Герцогиня тоже очень любила свою крошку Аликс. В письме к своей матери королеве Виктории она так описывала маленькую дочь: «Она — чудесная и жизнерадостная маленькая личность, неутомимая хохотушка и с ямочками на одной щеке...» Аликс обожала вся семья. Домашние звали ее «солнышко», это прозвище она получила за свой прекрасный, добрый, веселый нрав. Это было абсолютно

счастливое детство.

Безоблачное детство принцессы Аликс прервалось внезапно, ей было всего шесть лет, когда 5 ноября 1878 года ее старшая сестра Виктория пожаловалась на острую боль в горле и доктора поставили диагноз — дифтерит. Девочку изолировали от остальных детей, но было уже поздно — через несколько дней заболела юная Аликс, дифтерит протекал у нее в тяжелой форме. А в это время один за другим слегли ее младшая сестра Мария (которую в семье звали Мэй) и одна из старших сестер Ирена, брат Эрнст, а затем и отец — великий герцог. Осталась здоровой только сестра Елизавета, которую срочно увезли из дворца. Герцогиня Алиса, не жалея себя, все силы отдавала, ухаживая за больными.

Шестнадцатого ноября случилась трагедия: умерла младшая из дочерей герцога и герцогини — Мэй, ей было всего 4 года. Вскоре после похорон малышки безутешная герцогиня тоже оказалась больна дифтеритом, за ее жизнь боролись лучшие врачи, своих придворных докторов прислала из Англии королева Виктория. Но все было тщетным — 14 декабря 1878 года великая герцогиня Алиса Гессенская и Прирейнская скончалась.

Герцогский дворец, до этого радостный и полный жизни, погрузился в траур. Вдовец-герцог мало обращал внимание на переживания детей. Маленькая Аликс, после смерти матери, оказалась одинокой и брошенной. У достаточно взрослых старших сестер были свои сложившиеся интересы, она же оказалась совсем одна. Часами шестилетняя девочка оставалась в своей пустой комнате, у нее практически не было даже игрушек и вещей — их сожгли в целях дезинфекции. Покои почившей герцогини Алисы любивший ее супруг распорядился оставить в неприкосновенности, сохранив все ее вещи, практически превратив комнаты жены в музей.

Так получилось, что после смерти матери самым близким человеком для принцессы Аликс стала ее бабушка королева Англии Виктория. Позже принцесса говорила, что бабушка ей заменила мать, а будучи взрослой, писала, что не было в ее жизни человека добрее и заботливее бабушки. Неожиданно для окружающих королева Виктория, которая всегда была строга и достаточно безразлична к своим детям, стала проявлять заботу и внимание к осиротевшим гессенским внукам. Особенно из них она выделяла Аликс. Более того, выделяла ее особо из всех своих многочисленных внуков, с удивлением приближенные видели, что королева может приласкать Аликс, больше, чем с другими, проводит с ней время, занимается ее воспитанием.

С детства принцесса Аликс не отличалась хорошим здоровьем. Она

часто чувствовала себя плохо. Врачи поставили ей несколько диагнозов. У принцессы иногда так болели ноги, что она вынуждена была подолгу оставаться в постели или кресле, потому что с трудом могла ходить, это происходило из-за воспаления пояснично-крестцового нерва или радикулита. Беспокоили Аликс также невралгия лица и развившиеся с возрастом ревматизм и ишемия. Уже в молодости родные вынуждены были отправлять принцессу лечиться на курорты, где она принимала серные ванны, ей делали массаж и др.

Принцесса Аликс по несколько месяцев в году жила у бабушки в Англии, практически обрета там свой второй дом. В отличие от других внуков, достаточно шумных и своенравных, Аликс была послушной и уравновешенной, аккуратной и обязательной от природы, к бабушке она относилась с огромным почтением. В ответ королева — все это замечали — с удовольствием проводила время с любимой внучкой.

Подолгу живя в королевских резиденциях у бабушки, принцесса Аликс тем не менее не была приучена к роскоши. Во дворцах у королевы жизнь была устроена скромно, согласно протестантской традиции. Никаких излишеств, никаких дорогих вещей. Принцесса Аликс с детства привыкла обходиться без слуг, сама убирала свою комнату, штопала свою одежду, вязала для себя вещи. Многому ее научила сама бабушка. Так, королева лично показывала маленькой внучке, как нужно правильно стелить постель. Ежедневное питание тоже было достаточно скудным, основными блюдами для детей много лет оставались пудинг и печеные яблоки. Позже, когда принцесса Аликс подросла, ее гардероб долго оставался достаточно скромным, а из украшений в девичестве у нее было только несколько недорогих колец и брошей.

Принцесса Аликс получила прекрасное домашнее образование. Любила литературу и музыку, сама отлично играла на рояле и пела, практически профессионально, замечательно рисовала, особенно акварелью. Очень много читала, и не только художественную литературу, но и религиозную и научную, особенно ее привлекала философия. Она защитила диссертацию по философии в Оксфордском университете.

Бабушка принцессы Аликс королева Виктория мечтала, что любимая внучка выйдет замуж тоже за королевского внука Альберта Виктора герцога Кларенса и Эвондейла — старшего сына наследника Британского престола, будущего короля Эдуарда VII, вместе с которым когда-нибудь сможет править Великобританией. Королева Виктория практически распланировала для принцессы Аликс будущее британской королевы. Принц Альберт Виктор сделал предложение, но получил категорический

отказ. Бабушка-королева была в гневе, но Аликс не поддавалась давлению, настаивая на том, что выйдет замуж только по любви.

Знакомство цесаревича и принцессы. Помолвка. Брак

В конце мая 1884 года принцесса Аликс, которой тогда было 12 лет, вместе с отцом, сестрами и братом впервые приехала в Россию. Семья великого герцога прибыла в Петербург на свадьбу старшей дочери Людвига IV Эллы (Елизаветы) и великого князя Сергея Александровича (брата императора Александра III). Семью великого герцога в России встречали радушно, император с императрицей устроили для них праздничный обед в Аничковом дворце. Для проживания семье определили покои в Петергофе.

Принцессе Аликс в России очень понравилось, а о Петергофе она написала в своем дневнике, что это самое замечательное место. В свои 12 лет Аликс была очаровательной, милой девушкой, воспитанной, серьезной. Во время венчания старшей сестры она стояла рядом с невестой в платье из белого муслина, с розами в волосах. И выглядела очаровательной. Цесаревич Николай Александрович, которому было 16 лет, на свадьбе дяди исполнял роль шафера.

Цесаревич и принцесса познакомились в первый же день ее приезда в Петербург и сразу приглянулись друг другу. Во время праздничного обеда они сидели за столом рядом, в этот день Николай Александрович записал в своем дневнике, что Аликс ему очень понравилась.

Не только на свадебной церемонии общались цесаревич и принцесса, они гуляли вместе в парках, катались на лодках и в экипажах, играли в разные игры. И очень подружились. Уже через четыре дня после знакомства цесаревич в дневнике называл принцессу «душкой» и написал, что они друг друга любят и оставили на заднем окне Итальянского домика в память об этом свои имена.

Конечно, подростковую влюбленность трудно назвать настоящей любовью, и все же память об этом искреннем нежном чувстве осталась у обоих навсегда. После отъезда семьи великого герцога домой цесаревич и принцесса не виделись почти пять лет. Переписываться им не позволял этикет того времени.

В 1889 году во время поездки в Дармштадт Элла и ее супруг великий князь Сергей Александрович пригласили великого герцога Людвига посетить с детьми Россию. Принцесса Аликс стала готовиться к визиту основательно, начала учить русский язык. 18 января 1889 года император Александр III с семьей на Варшавском вокзале Петербурга встречал

великого герцога Людвига IV и его семью. Цесаревич (которому было 20 лет) почти пять лет не видел принцессу Аликс (ей теперь было 16). В тот день в дневнике он записал, что она очень выросла и похорошела.

Во второй приезд принцессы Аликс в Россию они с цесаревичем встречались постоянно, и не только на официальных мероприятиях, но и на прогулках, на катке, играли в бадминтон, танцевали вместе на балах. На этот раз их общение продлилось шесть недель. За это время они полюбили друг друга по-настоящему. Уезжая домой, принцесса написала короткое благодарственное письмо цесаревичу, подписав его: «Всегда любящая тебя Аликс». В ответ Николай Александрович написал ей, что ее сестра Элла подарила ему фотографию, где обе сестры в бальных платьях, и он не расстанется с этим фото ни на минуту. Написал, что все время о ней думает. Подписал: «С любовью, Ники».

Влюбленные расстались с печалью, у них не было возможности встретиться и даже переписываться, это им не позволяло положение. Однако вскоре Николай Александрович, не выдержав, письмом поздравил принцессу с ее днем рождения. Это было нарушением всех правил, но обоюдные чувства были слишком сильны. Наконец цесаревич в один из июньских дней 1889 года рассказал «тете Элле» о своих чувствах к ее младшей сестре, прямо заявив, что мечтает на ней жениться. Елизавета Федоровна об этом разговоре с цесаревичем рассказала только своему мужу великому князю Сергею Александровичу, и они вдвоем начали помогать влюбленной паре, строго сохраняя их секрет и став посредниками в их отношениях.

В это время о любви русского цесаревича и гессенской принцессы еще никто не догадывался. Газеты в Европе и России уверяли, что будущий русский царь собирается жениться на прусской принцессе Маргарите, другой внучке королевы Виктории и сестре кайзера Вильгельма II. Эти слухи никакой реальной почвы под собой не имели, но везде упорно обсуждались.

Неожиданно о возможных отношениях своей внучки Аликс и русского цесаревича узнала английская королева Виктория. Она была категорически против этого брака и предложила ей другого кандидата в женихи — принца Макса Баденского, но и этот вариант замужества Аликс отвергла. Королева была недовольна поведением внучки, но признала, что у той сильный характер и заставить ее выйти замуж без любви (по политическим предпочтениям) не получится.

В конце 1891 года Николай Александрович записал в дневнике, что он мечтает когда-нибудь жениться на Аликс Гессенской, потому что глубоко и

сильно ее любит. Возможную женитьбу на любимой он называл своей заветной мечтой. Наконец осенью 1893 года цесаревич, не обращая внимания на условности, послал принцессе письмо, в котором написал о своей любви и попросил прямого ответа: станет ли она его женой? В ответном письме Аликс написала, что не готова поменять веру, в которой воспитана, поскольку считает это грехом. Но и цесаревича она любила. И страдала, потому что никак не могла принять окончательное решение.

Николай Александрович решился встретиться с любимой лично, чтобы выяснить до конца их отношения. Но он как наследник престола не мог самовольно отправиться в путешествие в Европу и обратился за разрешением к матери. Ему пришлось рассказать ей всю историю их отношений с принцессой. Императрица была оскорблена тем, что он скрывал от нее правду, и возмущена, что влюбленным помогали великокняжеская чета Елизаветы Федоровны и Сергея Александровича. Императрица была в гневе, строго запретила родственникам впредь даже касаться темы женитьбы наследника. Однако цесаревич не сдался и упросил родителей разрешить ему лично встретиться с принцессой. Император с императрицей надеялись, что если Аликс сама скажет их сыну, что отказывается менять веру, то он отступится, поняв, что этот брак невозможен.

Весной 1894 года в Кобурге состоялась свадьба великого герцога Эрнеста Людвиг Гессенского и Прирейнского (брата Аликс) и принцессы Виктории Мелиты Саксен-Кобург-Готской, одной из внучек английской королевы Виктории. 4 апреля цесаревич Николай Александрович прибыл в Кобург. Объяснение между влюбленными состоялось, и, глядя в глаза любимому, принцесса забыла обо всех преградах между ними и согласилась стать его женой. Николай Александрович вспоминал, что от напряжения, от радости они в этот момент оба заплакали. Они были счастливы. 8 апреля 1894 года было официально объявлено о их помолвке. В письме родителям цесаревич писал, что не может описать, как он счастлив, что весь мир для него перевернулся и стал отрадным.

Однако 20 апреля жених и невеста вынуждены были расстаться: цесаревичу пора было вернуться в Россию. Свадьбу запланировали отпраздновать через год. Но теперь влюбленные могли переписываться. Сколько в их письмах было нежности, преданности, светлых надежд. Принцесса Аликс писала, что готова отдать любимому всю себя, всю свою любовь, что она весь день думает о нем и это блаженство, что «любовь — это единственное, чего мы не теряем на земле..., что она протекает через Рай».

Николай Александрович считал, что год — это очень долгий срок, и мечтал уговорить родителей перенести свадьбу на осень 1894 года. Аликс жила у бабушки в Англии, и летом в июне влюбленный цесаревич приехал туда повидать невесту. Пять недель они провели вместе, и это время принцесса называла лучшим в своей жизни. Жених осыпал невесту дорогими подарками — роскошными драгоценностями, поражая скарредный британский Двор.

Несмотря на строгие правила придворного этикета, королева позволила невесте и жениху оставаться наедине. В это время они старались рассказать друг другу о себе как можно больше. Цесаревич показал Аликс свой дневник. И они договорились, что она, когда захочет, сможет делать в нем записи. И она писала туда о своей любви к нему.

Только одна история немного омрачила чистую радость влюбленных. На имя Аликс из России пришло анонимное письмо, по его содержанию было понятно, что написала его балерина Матильда Кшесинская, которая была юношеским увлечением цесаревича. Мудрая принцесса письмо читать не стала, а передала его своему жениху. Николай Александрович сам рассказал ей историю своих отношений с балериной. В ответ невеста его сразу простила, отметив, что понимает, какими бывают юношеские пылкие искушения, и то, что было до их любви, пусть останется в прошлом. В его дневнике она написала, что любит его еще больше, потому что понимает, что он ей полностью доверяет. Позже, через месяц, цесаревич уже в своем письме принцессе Аликс из России еще раз искренне покался, что причинил ей боль рассказом о давно законченной интрижке с балериной, что «ангельское прощение» его невесты вызвало у него муки стыда, а отношения с Матильдой назвал своим «скотским поведением».

Свидание в Англии окончательно сблизило Ники и Аликс, теперь они стали практически одним целым. Оставшись наедине, постоянно целовались, у обоих от счастья кружились головы.

Николай Александрович уехал из Англии 11 июля, влюбленные договорились, что в сентябре они снова увидятся, но уже в Дармштадте. Аликс продолжила изучать историю и географию России, русский язык, готовилась принять православие. За следующие три месяца она написала цесаревичу 87 писем, он ей — 81.

Однако в сентябре цесаревич в Дармштадт приехать не смог, серьезно заболел его отец-император, у него обнаружилась тяжелая болезнь почек — нефрит. Царская семья переехала в Ливадию, надеясь, что Александру III там станет легче, но облегчения не наступало. К октябрю стало понятно, что император долго не проживет, ему становилось все хуже. 5 октября

император и императрица отправили телеграмму принцессе Аликс с просьбой срочно приехать в Крым. 10 октября принцесса прибыла в Ливадию. Александр III был рад приезду невесты сына, при встрече он ее обнял и поцеловал и благословил их брак словами: «Будьте счастливы, дети мои».

Император Александр III скончался 20 октября 1894 года, на следующий день принцесса Аликс приняла православие, став великой княгиней Александрой Федоровной, нужно было спешить, потому что на престоле оказался неженатый взрослый император и необходимо было срочно обвенчать его с невестой. Однако решили все же обряд венчания провести не в Крыму, а в столице. После похорон императора был объявлен траур на год. Только на один день его отменили — на 14 ноября, для того чтобы смогла состояться свадьба.

В церкви Зимнего дворца 14 ноября 1894 года состоялось венчание Государя императора Николая II и пока еще великой княгини Александры Федоровны. Торжественный обед по этому поводу дали в Аничковом дворце. Там же, заняв шесть комнат на первом этаже, молодожены поселились на первое время, понимая, что овдовевшей императрице во дворце одной будет тяжело пережить потерю любимого мужа. У молодоженов не было ни свадебного путешествия, ни медового месяца, только на пять дней они уединились в Александровском дворце в Царском Селе. Влюбленные были счастливы хотя бы немного побыть наедине.

На искренне и глубоко переживавшего смерть отца Николая Александровича легла тяжелая ноша управления огромной империей. И хотя его с детства готовили к этому, само воцарение произошло неожиданно. Планировалось, что цесаревич постепенно начнет участвовать в государственных делах, а его жена в это время хорошо познакомится со своей новой родиной, с ее культурой, историей, религией, в совершенстве изучит русский язык. На момент смерти Александру III было всего 49 лет. До этого он всегда был абсолютно здоровым человеком, даже простудами некогда не болел. Его неожиданная смерть стала для всех шоком. Но самым большим ударом она оказалась для цесаревича и его невесты. Николаю Александровичу исполнилось 26 лет, Александре Федоровне — 22 года, когда им пришлось стать властителями огромной державы.

Лавина дел захлестнула молодого императора, единственной отдушиной для него оказалась любовь его нежной жены. Государь так уставал, что часто по вечерам у него не оставалось сил даже на разговоры, они с любимой просто сидели молча, обнявшись. Так же трудно было и Александре Федоровне, это потом она хорошо выучила русский язык,

прекрасно знала историю и географию России, полюбила до глубины души православие. Вначале же она старательно занималась, каждый день по несколько часов, относясь к изучению России, ее языка серьезно как ученый, как доктор философии. Первое время после приезда в Россию вокруг нее был непонятный мир. По традиции как императрица она получила собственный Придворный штат, но им полностью распоряжалась свекровь — Мария Федоровна сама подбирала невестке служащих и фрейлин, и даже по своему вкусу заказывала ей наряды. Александра Федоровна все это молча, с достоинством терпела. Высший свет буквально под лупой рассматривал каждый поступок молодой царицы и, что бы она ни сделала, находил в этом только недостатки. Сестра Государя Ольга Александровна вспоминала, что стоило Александре Федоровне улыбнуться, в свете заявляли, что она насмешничает, стоило быть серьезной — говорили, что она сердится.

С самого начала русское высшее общество новую императрицу приняло в штыки. Так же и к молодому царю его родственники великие князья относились часто без должного почтения. И ему приходилось ставить их на место. Так, императору пришлось написать письмо своему дяде великому князю Владимиру Александровичу, после его неприемлемого поведения, с требованием помнить, кто в стране царь, и хоть он, его племянник, и молод, но не имеет права «смотреть сквозь пальцы на действия кого бы то ни было из членов семейства, которые считаю неправильными... Более чем когда-либо необходимо, чтобы наше семейство держалось крепко и дружно, по святому завету своего Деда. И тебе бы первому следовало бы Мне в этом помогать».

В это трудное для себя время Александра Федоровна находила утешение в религии. Она часто днем между службами приходила в Казанский собор, который находится недалеко от Аничкового дворца, вместе с одной из фрейлин, и коленопреклоненно молилась у икон.

Семейная жизнь Царской семьи до 1914 года

Весной 1895 года молодые император и императрица наконец-то обрели собственный дом — они переехали в Царское Село, в Александровский дворец. Александра Федоровна была счастлива — теперь она могла стать настоящей хозяйкой в своем доме, могла устроить ежедневную жизнь так, как ей это нравилось. Император просыпался ранним утром и его график был расписан поминутно до вечера. Кроме воскресенья и дней церковных праздников все время он отдавал делам. Александра Федоровна организовывала жизнь Двора, принимала делегации, встречалась с дипломатами, устраивала приемы и т. д. Она умела это делать. Еще до своей помолвки, будучи принцессой Гессенской, ей пришлось в родном Дармштадте управлять Двором своего отца, она отлично с этим справилась. Ее отец — великий герцог Людвиг IV — был вдовцом, старшие ее сестры вышли замуж, брат учился в университете, ей приходилось устраивать при Дворе приемы, встречи, заниматься благотворительностью, помогая отцу.

Весной 1895 года Александра Федоровна узнала, что она беременна. Для молодых супругов это стало великой радостью. Счастливые, они на втором этаже Александровского дворца распорядились сделать ремонт, там решили подготовить детские комнаты. На первом этаже левого крыла дворца находились покои императора и императрицы, длинный коридор делил его на две равные части. Слева располагались покои Государыни с несколькими гостиными и общая спальня Августейших супругов, а справа покои Государя с несколькими кабинетами. Вот над своими покоями они на втором этаже и подготовили «детскую половину». Второй и первый этажи соединяла не только лестница, со временем был сооружен специальный лифт.

Молодые супруги с трепетом ждали появления на свет своего первенца. 3 ноября 1895 года в 9 часов утра в Царской семье родилась дочь, которую называли Ольгой. Счастливый отец писал, что он испытывает блаженное состояние от сознания случившегося — от рождения Богом посланной дочки! Александра Федоровна называла рождение дочери «бесконечным счастьем», а дочь — драгоценной. Государыня взяла на себя руководство штатом нянек и большую часть времени проводила в детской. Много времени с маленькой дочерью проводил и Государь. Более того, нарушая все традиции королевских Домов, Александра Федоровна сама

решила кормить ребенка. Высшее общество не только России, но и всей Европы было возмущено невиданным делом — не просто знатная дама, а императрица решила кормить младенца сама? Для этого же существуют кормилицы! Невиданное вольнодумство долго обсуждали в газетах и салонах. Но Александра Федоровна, не обращая внимания на это неодобрение, и в будущем не только кормила всех своих детей грудью, но купала их, учила их всему, что знала и умела сама, молилась вместе с ними перед сном по вечерам. В этом жену полностью поддерживал Государь, считавший, что для детей необходимы родительская ласка и постоянное внимание.

Императрица сама подбирала учителей для своих детей, участвовала в разработке учебных программ, лично занималась их религиозным воспитанием, учила дочерей рукоделию, музицировала вместе с ними и т. д. Император занимался с детьми спортом (теннис, плавание, велосипед, коньки, лыжи, гребля на байдарке и т. д.). Он приучил их к длинным пешим прогулкам. Любивший литературу Государь каждый день вечерами читал детям вслух книги. Именно он систематически посещал с ними театр, оперу, балет, музыкальные концерты, художественные выставки. В результате царские дети были прекрасно образованы, обладали широким культурным кругозором, были физически развиты.

Великая княжна Ольга Николаевна от природы была ребенком ласковым и веселым. С возрастом превратилась в очаровательную девушку, романтическую, мечтательную. Она прекрасно училась, по мнению учителей, была самой способной из царских детей. Ей одинаково хорошо давались гуманитарные и математические науки. По всем предметам у нее были высшие баллы. При этом она отлично играла на пианино и пела, хорошо рисовала, рано начала писать стихи, обожала литературу — ее постоянно видели с книгой. Любила она философию, интересовалась историей и экономикой. Любимой исторической личностью для нее всегда оставалась императрица Екатерина II. Ольга Николаевна ею восхищалась. Пока в Царской семье не появился на свет сын — цесаревич, старшую цесаревну неофициально считали возможной претенденткой на престол. Постепенно Государь стал привлекать Ольгу Николаевну к государственным делам, советовался с ней по важным вопросам. Из-за этого высшее общество по-особенному относилось к старшей цесаревне, полагая, что история может сложиться так, что великая княжна Ольга Николаевна однажды взойдет на престол.

Цесаревне Ольге Николаевне исполнилось всего девять месяцев, когда Александре Федоровне пришлось «отнять ее от груди». Государственные

дела для императора и императрицы всегда были на первом месте, они ощущали себя отцом и матерью всей страны. Поэтому когда в Москве началась подготовка к коронации, Государь с Государыней активно приняли в этом участие.

Торжественный въезд царя и царицы в старую столицу состоялся 9 мая 1896 года, процессия растянулась на несколько километров. Несколько дней в Москве проходили различные мероприятия, связанные с коронацией, во всего мира съехалось огромное количество иностранных гостей.

Утром во вторник 14 мая 1896 года Государь с Государыней под громкие крики народа «ура!» вошли в Успенский собор Кремля, где их встречало духовенство во главе с митрополитом Московским и Коломенским Сергием. Состоялась церемония помазания на царство, которую совершил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Палладий, в конце которой царю поднесли большую императорскую корону, он надел ее, взял в руки скипетр и державу и сел на трон. К нему подошла Александра Федоровна и опустилась на колени. Он снял с головы свою корону, прикоснулся ею ко лбу жены, затем надел ей на голову малую корону. Обнял и поцеловал жену. Венчание на царство свершилось! Вечером царица Александра Федоровна записала в своем дневнике, что вдохновлена сознанием того, что вступает «в мистический брак с Россией. Теперь я действительно Царица».

Семейная жизнь Царской семьи протекала в полном понимании между супругами. Каким бы усталым ни возвращался император вечером во дворец на половину императрицы, Александра Федоровна, всегда спокойная и уравновешенная, умела создать уютную семейную обстановку, в которой муж мог расслабиться и отдохнуть. Как вспоминали фрейлины Государыни, каким бы тяжелыми и напряженными ни были дни для Государя, рядом с женой он всегда смягчался, теплел его взгляд.

Через полтора года после появления на свет старшей дочери императрица родила вторую дочь. 29 мая 1897 года стало днем рождения великой княжны Татьяны Николаевны. С раннего возраста стало заметно, что она очень отличается характером от старшей сестры. Татьяна Николаевна росла ребенком серьезным, организованным, ответственным. И если у старшей сестры учителя отмечали яркие таланты в самых разных областях, то Татьяна Николаевна достигала в учебе не меньших результатов за счет настойчивости и последовательности. С детства обе сестры были чрезвычайно дружны. Восторженная, впечатлительная Ольга Николаевна часто позволяла Татьяне Николаевне быть ведущей в их, как называли

придворные двух сестер, «старшей паре».

Великая княжна Татьяна Николаевна отличалась поразительной красотой, классической, практически античной. К дням совершеннолетия ее красота не оставляла равнодушными никого из видевших ее мужчин. Но ее сдержанность и даже скрытность у некоторых людей оставляла впечатление, что она холодна и горда. В свете говорили, что она истинная принцесса. Но близкие знали и ценили ее доброе сердце, никто не мог, как Татьяна Николаевна, преданно заботиться о заболевших родных, точно и аккуратно исполнять поручение отца и матери. Она ничего не забывала, все делала так, как ее просили родители, поэтому если императрице нужно было отлучиться из дворца, то именно Татьяне Николаевне она поручала быть «за старшую».

Через два года 14 июня 1899 года в Царской семье родилась еще одна дочь — великая княжна Мария Николаевна. С детства она была милой, забавной, славной девочкой. И как сразу все близкие отмечали — очень доброй. Пухленькая, неторопливая, мечтательная — она иногда становилась мишенью для насмешек сестер. Но добрая малышка не умела надолго обижаться, ее мягкое сердце легко прощало людей. Мария Николаевна со временем превратилась в настоящую русскую красавицу, а врожденная доброта и нежность вызывали к ней особое отношение у каждого человека, что-то родное и близкое проступало в ее милом облике. Она не скрывала, что больше всего мечтает выйти замуж и иметь много детей, которых она обожала. Казалось, этим созревающим в ней материнством она щедро одаривала окружающих.

Мария обладала недюжинной физической силой, что казалось необычным для девушки. В 18 лет могла легко поднять на руки взрослого мужчину, спокойно поднимала и носила тяжелые чемоданы. Близкие считали, что свою силу она, единственная из внуков, унаследовала от деда — императора Александра III, которого родные в шутку называли Геркулесом. Он сгибал подковы, пальцами мог свернуть в трубочку серебряную монету, поднимал на плечах коня, как-то разозлившись на австрийского посла, который нелестно высказался о русской армии, Александр III завязал узлом вилку, сказав, что так он поступит с австрийскими военными корпусами.

В конце осени 1900 года Царская семья с тремя маленькими дочками отдыхала в Крыму. Погода стояла прекрасная, родители и дети наслаждались купанием в теплом море, прогулками и спокойной тихой жизнью. Беда случилась неожиданно, тяжело заболел император. У Государя диагностировали брюшной тиф. Болезнь протекала в очень

острой форме, какое-то время стоял вопрос — выживет ли царь или нет? Девочек увезли из Ливадийского дворца к родственникам, доктора настаивали, чтобы и Александра Федоровна уехала тоже. Врачи очень волновались, Государыня в это время была беременна в четвертый раз, инфекция для будущего ребенка могла стать фатальной. Однако императрица категорически отказалась покидать любимого мужа. Она стала для него сиделкой и медсестрой, не оставляла его ни на минуту. Когда Государь начал выздоравливать, в письме матери он написал, что его жена чистый ангел. Даже зная Александру Федоровну лучше всех, он был поражен ее самоотверженностью. После полного выздоровления мужа беременная Государыня чуть не заболела от усталости, от волнения и бессонных ночей у его постели у нее случилось нервное расстройство.

Одной из причин для волнения у Александры Федоровны было и то, что великие князья, во время болезни императора, провели тайную встречу и решили, что если царь умрет, то они присягнут на верность его брату великому князю Михаилу Александровичу, даже если царица родит сына. Известие об этой тайной встрече очень ранило Александру Федоровну, она с печалью убедилась, что среди родственников мужа ей никогда не найти поддержки.

Пятого июня 1901 года императрица родила четвертую дочь — великую княжну Анастасию Николаевну. Появление на свет еще одной дочери вызвало уныние во всем русском обществе. Газеты в России и за рубежом писали о проклятии Дома Романовых, о том, что, наверное, наследника в Царской семье так и не будет. Роптали родственники царя, светское общество и простой народ. И только два человека были абсолютно счастливы — император с императрицей. Они радовались появлению на свет еще одной дочери так же, как и трех предыдущих. Каждого своего ребенка Государь считал Божьим даром. Государыня вновь нянчилась с малышкой сама, кормила ее грудью, купала. Старалась проводить в детской как можно больше времени.

Великая княжна Анастасия Николаевна росла настоящим сорванцом. Смешливая, ироничная, она с самого раннего детства была сущей головной болью для нянек. К их ужасу, она забиралась на самые высокие деревья, пряталась в укромных уголках дворца, где ее часами не могли найти. Наедалась зеленых яблок в саду, в который ей запрещали заходить. Она дралась с чопорными детьми знатных родственников, никому не позволяя обижать себя. Маленькая, ловкая, по словам ее тети и крестной, великой княжны Ольги Александровны, «как обезьянка», Анастасия Николаевна была грозой даже для кузенов мальчишек. Крестная ее обожала,

восхищалась ее смелым, бесстрашным характером. Анастасия Николаевна никогда не юлила, не пыталась уйти от наказания, если провинилась, с честью принимала самые строгие ограничения.

Цесаревна ненавидела уроки, особенно математику, называя ее «свинством». Она любила рассказывать смешные истории, всех передразнивала, без умолку болтала, с ней рядом невозможно было скучать. Ее вольный нрав требовал свободы. Особенно счастлива она была в Крыму, где не нужно было посещать уроки, и далеко в Царском Селе оставались обязательства, связанные с жизнью Двора. Вечерами в Ливадии цесаревна забиралась на крышу дворца и могла долго смотреть в яркое звездное небо, о чем-то мечтая. Лучшей подругой для нее стала сестра Мария Николаевна, с которой они жили в одной комнате и вдвоем занимались в одном классе. При дворе их называли «младшей парой».

Несмотря на то, что все четыре цесаревны были абсолютно не похожи характерами, темпераментом, интересами, внешностью, они очень любили друг друга. И всегда оставались единым целым. Они придумали для себя общую подпись, которую ставили в конце совместных посланий. ОТМА — это были первые буквы их имен.

Александра Федоровна была необыкновенно близка со своими дочерьми, с раннего детства став им настоящим другом. Между ней и каждой дочерью существовало настоящее глубокое доверие, которое императрица свято берегла. У цесаревен не было секретов от матери, они делились с ней всеми своими тайнами, и мать ни разу никого из них не предала, не обидела. Кроме доверительных разговоров наедине, девочки писали матери письма, когда она болела или занималась государственными делами. Императрица всегда на эти письма подробно отвечала. По вечерам вся семья собиралась в одной из гостиных Государыни, пили чай, девочки занимались рукоделием или во что-то играли, Государь часто для всех читал вслух очередную книгу. Они все очень любили эти теплые, домашние вечера.

Как и с матерью, дочери были близки с отцом, ему они тоже рассказывали о своих секретах. С самого раннего детства сохранялась необычайная откровенность между каждой из дочерей и отцом-императором. И в юности они сохранили постоянную потребность в духовной близости с отцом. Особенно это заметно в их письмах отцу, где они необыкновенно откровенно рассказывают о своих мечтах, чувствах, первых юношеских влюбленностях. Такое в отношениях родителей и детей возможно только в случае многолетней, глубокой, искренней дружбы.

Несмотря на то, что в Царской семье росли четыре прекрасные дочери,

мечта о сыне не покидала императора и императрицу. Империи нужен был наследник престола, только в этом случае трон мог быть защищен от заговоров великих князей и царская власть оставалась бы стабильной и надежной. Только сын императора для народа России и для всего мира имел безусловное право наследовать императорскую власть. Александра Федоровна чрезвычайно серьезно относилась к тому, что не может родить наследника, сына для любимого мужа. Для нее со временем это стало печалью и главной проблемой.

Как люди глубоко верующие, Государь с Государыней постоянно молились Богу о даровании наследника. Они почитали любимого в России старца Серафима Саровского и верили, что по его молитвам Господь дарует им сына. Император сделал все возможное, чтобы преподобный Серафим Саровский был канонизирован, для чего ему пришлось выдержать довольно серьезную битву с противниками прославления старца.

В июле 1903 года при огромном стечении народа в Сарове в лике святых был прославлен преподобный Серафим Саровский. При обретении мощей царь лично вместе с другими людьми нес гроб святого старца, вместе с женой участвовал во многочасовых службах, посетил все памятные места, связанные с жизнью святого. Царская чета везде молилась об одном — о даровании им сына. Император с императрицей говорили со знаменитой блаженной Пашей Саровской, которая предрекла им скорое рождение сына, Александра Федоровна была вдохновлена этим предсказанием.

Начало 1904 года принесло для России и Царской семьи большое несчастье — на Дальнем Востоке Япония развязала войну с Россией. Император погрузился в государственные заботы, военные действия шли тяжело, русские войска, уступавшие в численности противнику, были вынуждены отходить. Императрица взяла на себя заботы по санитарному обеспечению сражающихся войск: открывала склады медицинских материалов, занималась формированием санитарных поездов, открывала лазареты, организовывала помощь для инвалидов и осиротевших семей. Александра Федоровна трудилась не покладая рук, часто преодолевая плохое самочувствие, так как она была снова беременна. Но об этом никто не знал. Новость об очередной пятой беременности Государыни стала государственной тайной, о которой не сообщили даже самым близким родственникам. Только накануне родов, когда скрывать положение императрицы стало невозможным, было официально объявлено, что Государыня вновь ждет ребенка. Это вызвало бурю эмоций в России и мире, слухи, мифы, предположения публиковали все газеты. Все надеялись,

что в этот раз Российская империя наконец-то обретет наследника престола!

Тридцатого июля 1904 года императрица родила сына! И этот день для России стал настоящим праздником! Радовался весь народ, на улицах и в парках по всей стране шли гулянья, в церквях служили благодарственные молебны, целый день звонили колокола всех храмов. Император назвал этот день самым счастливым в своей жизни. Императрица была горда и счастлива. Их многолетняя мечта наконец-то осуществилась. Сына нарекли Алексеем.

Великий князь и наследник Алексей Николаевич родился крепким славным младенцем. Сначала никто не подозревал, что он болен, но вскоре неожиданно сильное пупочное кровотечение не оставило у врачей сомнений: у мальчика неизлечимая наследственная болезнь — гемофилия. Когда при любой травме или ушибе кровотечение трудно остановить, а при определенном стечении обстоятельств это может привести к летальному исходу. Заболевание передается по женской линии, но болеют только мужчины. Александра Федоровна потеряла сознание, когда ей сообщили, что ее долгожданный единственный дорогой сын болен страшной гемофилией. Постоянная тревога за жизнь любимого сына, борьба за его здоровье стали главной целью ее существования. Ей пришлось стать еще более сильной, спрятать глубоко в душе свое страдание, теперь каждый день ее жизни — это был бой за жизнь сына. Государь полностью разделил с ней эту трагедию, став настоящей опорой для семьи в тяжелом испытании. Их любовь и верность давали им силы выдержать вместе горький удар судьбы.

Именно в это время рядом с Царской семьей появился сибирский крестьянин, «путешествующий проповедник», обладавший способностями и знаниями знахаря — Григорий Распутин. Царская семья считала его старцем, человеком глубоко верующим, по молитвам которого Бог дарует облегчение цесаревичу во время болезни. Наследник престола был не единственным человеком, кому помогал Григорий Распутин, родственники царя представили императору с императрицей старца после того, как тот лечил особ из высшего света. Александра Федоровна искренне считала старца из Сибири человеком, который молится о их семье как друг и помогает ее больному сыну — облегчает его страдания. Императрица верила, что этот человек из народа, из глубины России в противовес высшему свету, который ее так и не принял, любит ее как «матушку царицу» и предан Царской семье.

Цесаревич Алексей Николаевич рос очень шустрым сообразительным

мальчишкой, с острым умом и в то же время добрым и отзывчивым. Из-за приступов гемофилии его обучение часто приходилось откладывать, неделями он оказывался прикованным к постели. Однако чем старше он становился, тем реже болел. И к десяти годам уже достаточно успешно учился. В меру сил стал заниматься спортом.

К подростковому возрасту цесаревич внешне ничем не отличался от ровесников. Физически он был достаточно развит для своих лет, внешне даже выглядел старше. Любил литературу и поэзию. Причем он читал книги не только на русском языке, но по-французски и по-английски тоже. Эти два иностранных языка Алексей Николаевич достаточно хорошо знал, свободно на них говорил. Наследник вел достаточно большую переписку, в том числе и на английском и французском языках, каждый день аккуратно записывал произошедшее в свой дневник, интересовался историей и военным делом. Отец-император постоянно, буквально с младенчества, брал сына с собой на парады и смотры войск, а также на встречи с иностранными гостями. Мать, как и дочерей, учила сына манерам поведения в обществе.

Врожденная доброта и умение сострадать чужим несчастьям привлекали к цесаревичу сердца окружающих Царскую семью людей. Он легко привязывался к людям, причем положение человека в обществе не имело для него значения. Его лучшими друзьями были два сына его дядьки боцмана А. Е. Деревенько и Коля — сын доктора В. Н. Деревенко. Цесаревич не любил церемоний в обращении, его простота сразу вызывала симпатию к нему.

Ежедневная, обыденная жизнь Царской семьи проходила достаточно строго и однообразно. Император каждый день с раннего утра до поздней ночи все свое время посвящал делам. Императрица занималась всем, что было связано с семьей и жизнью Двора, плюс делами милосердия. Она также принимала участие во всех мероприятиях, где по этикету требовалось ее присутствие. Царские дети каждый день, кроме воскресенья и праздников, учились. Много времени также уделялось спорту и прогулкам на свежем воздухе. Изредка Государь возил детей в театр, на концерты и выставки, в гости к родственникам. Сестры Государя великие княгини Ольга Александровна и Ксения Александровна иногда приглашали цесаревен в свои дома в гости, устраивая для них чаепития и развлечения, в том числе и с танцами. Особенным торжеством становилось для Царской семьи Рождество Христово, императрица устраивала в Царском Селе несколько праздничных елок, на них родственникам, свите, детям служащих обязательно лично дарила подарки.

В июне каждый год летний сезон для Царской семьи начинался путешествием на яхте вдоль финского побережья, с остановками в красивых бухтах и купанием (император с детьми начинал купаться, когда вода в море нагревалась до +15 градусов). Затем большую часть лета семья жила на Нижней даче в Александрии — в Петергофе. И только в конце лета отправлялась в Крым, в Ливадию, предпочитая нежаркий бархатный сезон у Черного моря — конец августа, сентябрь. Ежегодно случались и поездки за границу, в основном визиты к родственникам в Англию и в Дармштадт, изредка официальные визиты во Францию, Германию, Румынию и т. д. Бывали и обычные неофициальные путешествия по Европе. Как правило, заграничные путешествия проходили в теплые сезоны, и если можно было отправиться в дорогу морем, то использовали императорскую яхту «Штандарт», которую любила вся семья. А офицеры экипажа яхты со временем стали для царских детей близкими личными друзьями.

Особыми пышными празднованиями исторических событий были отмечены 1912 и 1913 годы. В 1912 году по всей России широко отметили столетие победы в Отечественной войне 1812 года. Центром праздничных мероприятий стало Бородинское поле, а главными действующими лицами — Царская семья. В 1913 году состоялось празднование 300-летия Дома Романовых. В начале года — январе и феврале — прошли многочисленные торжественные мероприятия в Петербурге, а 15 мая 1913 года Царская семья отправилась в Москву, откуда началось двухнедельное путешествие на пароходе по Волге с остановками в крупных городах, в каждом из которых проходили торжества. Главные финальные события юбилея состоялись 24 мая 1913 года в Москве.

Мировая война

Летом 1914 года, когда Царская семья радостно собиралась отправиться как обычно в это время на отдых в финские шхеры, 15 (28) июня в Сараеве боснийский студент застрелил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его супругу. Особого волнения данное событие ни у императора, ни во всем российском обществе не вызвало. Террористические акты в начале XX века стали чуть ли не привычным делом, превратившись в неприятное, но достаточно часто случавшееся зло. Никто не ожидал, что убийство в Сараеве повлечет за собой столь катастрофические последствия, ввергнет Европу в пучину кровопролитной войны. События приняли неожиданный поворот. Напряжение, в конце концов, вылилось в австро-венгерский ультиматум Сербии и объявление Веной 15 (28) июля войны Белграду. Австрийская тяжелая артиллерия начала обстрел сербской столицы. Германия, во всем поддерживающая Австро-Венгрию, выступила на ее стороне. Россия поддержала Сербию.

Меньше всего император Николай II хотел, чтобы Россия оказалась втянутой в войну. Все приближенные царя знали — он против войн вообще. Подобно своему отцу Государь испытывал к войнам стойкое отвращение, считал их безобразным явлением, глубоко противным христианским убеждениям. Еще в 1899 году именно император Николай II стал инициатором созыва в Гааге международной конференции по разоружению и законам войны. Конференция открылась 6 мая, в день рождения русского царя. Вторая подобная конференция в Гааге состоялась в 1907 году. На конференциях были приняты международные конвенции о законах и обычаях войны, ставшие основой норм международного гуманитарного права. На конференции в 1907 году обсуждалось предложение императора Николая II о создании Лиги Наций, которая могла бы своим авторитетом предупреждать вооруженные конфликты. Европейские газеты писали, что только благодаря настойчивости русского царя состоялись обе мирные конференции, которые готовила и проводила Россия, выдержав и преодолев сопротивление многих европейских государств. И вот все, над чем император Николай II столько лет настойчиво работал, его многолетняя миротворческая деятельность в июле 1914 года оказалась под ударом.

Император Николай II остро переживал обострение политической

ситуации в Европе. И он до последнего надеялся, что здравый смысл возобладает и кровопролитие удастся предотвратить. Государь находился в постоянной переписке со своим кузеном Германским императором Вильгельмом II, с которым с детства был в дружеских отношениях, и как только обстановка накалилась, то отправлял депеши «кузену Вилли» с призывом решить все споры мирным путем. Однако после объявления войны Сербии Австро-Венгрия стала сосредоточивать свои войска не только на ее границах, но и на границе с Россией. В ответ Россия объявила о начале мобилизационных мероприятий. Что вызвало резкую реакцию Берлина, который предъявил России ультиматум, потребовав отменить мобилизацию, в противном случае угрожая войной.

До последнего пытаюсь остановить войну, Государь после получения ультиматума отправил своему германскому кузену срочную телеграмму, в которой призывал того одуматься: «С Божьей помощью наша испытанная временем дружба должна найти возможность предотвратить пролитие крови». Российский император предлагал «...передать австро-сербский вопрос на Гаагскую конференцию». Но Вильгельм II требовал от России только односторонних уступок.

Для императрицы Александры Федоровны ситуация оказалась вдвойне ужасной, ее родина, где она появилась на свет и где жили ее любимые родственники, угрожала войной ее стране, родине ее детей и мужа, России, которая для императрицы стала новым домом. Она отправила своему брату в Дармштадт телеграмму, полную ужаса, отчаяния и понимания, что приближается катастрофа: «Господи, помоги нам всем и не допусти кровопролития!»

Вечером 19 июля (1 августа) Царская семья в храме коленопреклоненно молилась о мире. Время ультиматума, объявленного Германией России, еще не вышло, но германский посол в Санкт-Петербурге граф Ф. Пурталес уже вручил министру иностранных дел С. Д. Сазонову ноту об объявлении войны. После возвращения с вечерней службы император Николай II увидел на своем рабочем столе телеграмму о том, что Германия объявила войну России. Бледный и сосредоточенный он появился в столовой, где его на ужин ждала семья. Узнав страшную новость, Александра Федоровна разрыдалась, испугавшись слез матери, начали плакать цесаревны.

С первых дней войны все мысли, все дела императора и императрицы были посвящены армии, заботам о фронте. Семейная жизнь Царской семьи теперь была подчинена интересам воюющей страны. Александра Федоровна поставила в известность приближенных и объявила своим

детям, что пока идет война, не будет у них никакого отдыха, никаких празднеств, никаких дорогих покупок. Императрица считала своим долгом служить всем, чем возможно, своей новой родине, а главной своей обязанностью — обеспечение всем необходимым раненых, беженцев, семей фронтовиков. По всей стране она занималась организацией лазаретов, создала систему санитарных поездов, доставлявших раненых с передовой в тыл, питательных пунктов, где они в дороге могли получить горячее питание, на складах готовили медицинские материалы, сортировали лекарства, в созданных ею сотнях мастерских шили постельное белье и комплекты белья для солдат. Специальные пункты принимали беженцев и инвалидов, обеспечивали их всем необходимым, помогали устроиться на новом месте. Множество помещений (включая дворцы), принадлежавших Царской семье, были отданы под лазареты, автомобили и экипажи выделены для перевозки раненых.

Императрица постоянно лично инспектировала лазареты и склады по всей Европейской части страны. Она как будто забыла о своих болезнях, проблемах с сердцем и болезни ног, неделю и больше проводя в дороге. Для всех ее многочисленных дел нужны были колоссальные деньги, собственных средств Царской семьи не хватало. Александра Федоровна руководила советами и комитетами, созданными для сбора пожертвований и для организации дел милосердия. Подобная работа отнимала много сил и времени. Ее любимый супруг император с начала войны редко бывал свободен, и даже когда приезжал домой, то его время всецело принадлежало военным заботам. Он круглосуточно получал телеграммы, телефонограммы, депеши, держа в своих руках все нити связи фронта и тыла. Теперь император постоянно находился в разъездах. Государыня очень скучала по мужу, в это время ее письма к нему полны нежности и тоски, волнения о любимом человеке.

Вместе со старшими дочерьми сразу после начала войны императрица поступила на курсы сестер милосердия, после успешного их окончания в октябре 1914 года начала работать в лазарете в Царском Селе обычной сестрой. Сначала медицинский персонал госпиталя с осторожностью относился к желанию Государыни работать сестрой милосердия, но со временем сестры и врачи убедились, что она ни в чем не дает себе поблажек. Александра Федоровна наравне со всеми занималась перевязками, ассистировала при операциях и даже ампутациях, ухаживала за ранеными, а когда приходили санитарные поезда с фронта, участвовала в санобработке прибывших. Главный врач Царскосельского дворцового госпиталя, блестящий хирург княжна В. И. Гедройц писала, что сначала

скептически отнеслась к желанию императрицы и двух ее старших дочерей работать в лазарете, но потом, часто находясь рядом с ними, вынуждена была признать, что они оказались сестрами милосердия «в лучшем значении этого слова».

Мало кто догадывался, что Александра Федоровна в это время переживала и глубокую личную трагедию. Она необыкновенно была привязана к своим сестрам и брату. С любимым братом великим герцогом Гессенским и Прирейнским Эрнстом Людвигом она состояла в постоянной переписке, чрезвычайно доверительной. Они всегда оставались близкими друзьями, доверяя друг другу личные тайны. И вот теперь ее брат, как и вся Германия, послал войска своего герцогства против России. А муж ее старшей любимой сестры Ирены, принц Генрих Прусский, теперь командовал германскими военно-морскими силами на Балтике. С болью Государыня прервала все отношения с родными. Но не могла поступить иначе, говорила: «Я — русская. Я — православная». Императрица в это время говорила своей фрейлине баронессе С. К. Буксгевден: «Двадцать лет я провела в России, половину моей жизни, ее лучшую, счастливую половину. Это страна моего мужа и сына. Именно в России я стала счастливой женой и матерью. И сердце мое навсегда отдано этой стране». Не раз Александра Федоровна, чтобы объяснить, как она относится к России, писала, что «чувствует себя матерью этой страны». И подтверждала это делом: не жалея себя, она во время войны изо всех сил старалась служить России, не только как императрица, но и как сестра милосердия. И не казалось ей это чем-то особенным, она считала такое поведение «материнским долгом».

На фронтах с самого начала войны шли тяжелые бои, войска несли большие потери. В 1914 году русские войска «держали удар», а на австрийском фронте им удавалось одерживать серьезные победы и захватить часть австрийской Галиции. Однако в 1915 году германские войска перешли в масштабное наступление, под угрозой оказались Польша, Белоруссия, Прибалтика, шли тяжелые бои в Карпатах. Жестокое противостояние привело к тому, что потери русской армии в результате жестоких боев составили почти 1 миллион человек, противник потерял 800 тысяч человек. Австро-венгерские войска перешли в наступление в направлении Львова. Столкнувшись со «снарядным голодом» русские войска отступали в общей сложности полтора месяца, оставив большую часть Царства Польского и отойдя за Брест-Литовск. Однако планам германского командования о дальнейшем наступлении и взятии Минска не суждено было сбыться: осенью они были остановлены русской армией.

В конце лета 1915 года в тяжелейшей для России ситуации на фронтах император принял решение возложить на себя обязанности Верховного главнокомандующего и лично возглавить воюющую армию. Большинство министров выступили категорически против этого, считая, что возглавить армию во время ее отступления и неудач, в тот момент, когда в обществе назревало недовольство, активизировались революционеры, становилось чрезвычайно опасным. Любые новые провалы на фронте могли вызвать критику действий царя и настроить народ против монархии как таковой. Но император был неумолим, преданность стране и личная порядочность давали ему уверенность в том, что его святая обязанность в тяжелый для родины момент возглавить сопротивление врагам, не думая о собственной выгоде.

С сентября 1915 года император много времени проводил в Ставке в Могилеве, руководя военными действиями, выезжая в находящиеся на фронте части, организовывая снабжение армии и т. д., отдавая этому все силы. По мнению современников, армия с воодушевлением приняла новость о том, что теперь император стал Верховным. Авторитет верховного вождя безусловно сыграл важную роль в том, что русскому командованию в кратчайшие сроки удалось остановить отступление русской армии и организовать оборону. Также к началу 1916 года удалось улучшить снабжение армии боеприпасами и продовольствием. Более того, император постоянно знакомился с новыми видами вооружений, пытаясь в кратчайшие сроки перевооружить армию, обеспечить ее новыми видами оружия. Именно по его распоряжению в армию начали поступать ручные газовые гранаты, огнеметы (причем их было девять разных видов), развернуты массовые поставки противогазов. 3 февраля под Могилевом по приказу Николая II и в его личном присутствии были проведены испытания всех известных форм защиты от химического оружия. Лучший противогаз, разработанный известным ученым Н. Д. Зеленским, по приказу царя вскоре был запущен в массовое производство. Государь лично наградил разработчиков. Царь начал формировать отдельное элитное оперативное объединение, сосредоточив в нем отборные гвардейские части, для решения особых тактических задач.

Особое значение император придавал поддержанию высокого боевого духа в войсках. Считая, что не только его присутствие важно для офицеров и солдат, но и полезно, чтобы наследник престола также находился в Ставке, Государь осенью 1915 года решил взять с собой в Могилев цесаревича. Сын сопровождал его в поездках по фронтам, госпиталям, на встречах с отличившимися в боях частями.

Заполненное важными делами расписание Верховного главнокомандующего практически не оставляло времени на общение с семьей, хотя Государь тосковал по любимой жене и дочерям, остающимся в Царском Селе. Государыня почти каждый день писала мужу длинные, нежные письма, в которых подробно рассказывала обо всем, что происходило в ее жизни и вокруг. В ответ император, не имея возможности писать подробно, отвечал телеграммами. Но как только выпадала свободная минута, сразу писал жене, основательно рассказывая о своей жизни. Письма Августейших супругов содержат столько же нежности и любви, как и те, которые они писали друг другу перед свадьбой, будучи женихом и невестой. За время войны император и императрица написали друг другу почти три сотни писем. Так же постоянно писали в Ставку отцу и брату очень скупавшие по ним великие княжны. Царская семья, оказавшись разлученной войной, по-прежнему была объединена любовью. Государыня писала любимому мужу на фронт 19 сентября 1914 года: «Мои усердные молитвы следуют за тобой днем и ночью. Пусть Господь хранит тебя, пусть он оберегает, руководит и ведет тебя, и приведет тебя здоровым и крепким домой». Государь писал любимой жене из Могилева 6 июня 1916 года: «Дорогая моя — люблю тебя и безумно тоскую по тебе. Я редко так тосковал по тебе, как теперь, несмотря на то, что со мною наш Солнечный Луч. Храни Господь, моя дорогая, тебя и девочек!» Царская семья старалась хотя бы семейные праздники, дни рождения проводить вместе. Пусть нечасто, но императрица с дочерьми все же приезжали в Ставку, император позволял себе вместе с семьей провести немного времени. Это были редкие радости среди напряженной военной поры, за которыми снова следовало расставание и общение только посредством писем и телеграмм.

Седьмого декабря 1916 года в Петрограде был убит Григорий Распутин, император вместе с цесаревичем спешно покинул Ставку, чтобы поддержать горевавшую о потери друга Александру Федоровну и присутствовать на его похоронах. Неожданная гибель человека, которого Царская семья уважала, считая молитвенником за них лично и всю Россию и своим личным другом, опечалила не только Государыню, но и детей, привыкших к его доброму к ним отношению, и Государя, считавшего Распутина боголюбивым старцем.

Назад в Могилев император вернулся в начале 1917 года, на этот раз оставив наследника в Царском Селе. Государыня, провожая мужа на фронт, умоляла его долго не задерживаться в Ставке, считая, что он больше нужен в столице, где начинались нешуточные манифестации и забастовки. Позже она написала мужу: «Ты гораздо нужнее здесь, чем там».

Письма Государыни Государю перед катастрофой полны тревоги и волнения за него: «Мой драгоценный! С тоской и глубокой тревогой я отпустила тебя одного без нашего милого, нежного Бэби. Какое ужасное время мы теперь переживаем! Еще тяжелее переносить его в разлуке — нельзя приласкать тебя, когда ты выглядишь таким усталым, измученным. Бог послал тебе воистину страшно тяжелый крест. Мне так страстно хотелось бы помочь тебе нести это бремя! Ты мужественен и терпелив — я всей душой чувствую и страдаю с тобой, гораздо больше, чем могу выразить словами».

В конце февраля в Петрограде начались погромы, на улицах появились манифестанты, которые призывали: «Долой царя!» Государственная дума, воспользовавшись ситуацией, отказалась подчиняться императору и образовала Временный комитет. Апогеем беспорядков стало присоединение к ним военных частей Петроградского гарнизона. Правительство ушло в отставку. Императрица оказалась в ужасной ситуации, 28 февраля она получила телеграмму от императора о том, что он возвращается в Петроград, чтобы усмирить беспорядки. После этого связь со Ставкой прервалась, и Государыня не знала, что происходит с ее любимым мужем. Из Петрограда императрице позвонил возглавивший думский комитет М. В. Родзянко и предложил вместе с детьми срочно куда-нибудь уехать. Она решительно отказалась.

В это время император пытался прорваться из Могилева в столицу, но его поезд остановили под Псковом. Там, оказавшись в кругу предателей, он под давлением подписал Акт об отречении от престола. Император отказывался от трона в пользу своего младшего брата великого князя Михаила Александровича. Решив, что он сам стал непопулярным в народе царем, считая, что нужно не держаться за власть, а спасти страну, Государь вовсе не потакал революционерам, а спасал монархию, передавая трон своему ничем незапятнанному в глазах народа брату. Император добровольно отдавал власть, чтобы остановить противостояние в обществе и возможные конфликты, чтобы русские не пролили и капли братской русской крови.

В это время ничего не зная о судьбе мужа императрица написала письмо, которое может служить символом ее бесконечной любви к нему: «Любимый, душа души Моей, Мой крошка, — ах, как Мое сердце обливается кровью за тебя! Схожу с ума, не зная совершенно ничего, кроме самых гнусных слухов, которые могут довести человека до безумия... Ах, Мой милый Ангел, Я так люблю Тебя, Я всегда с Тобою, ночью и днем!.. Обнимаю Тебя крепко и никогда не дам им коснуться Твоей сияющей

души. Целую, целую, целую, благословляю Тебя и всегда понимаю Тебя».

Арест. Ссылка. Расстрел

В конце февраля 1917 года заболели корью старшие княжны — Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, а через несколько дней с высокой температурой слег цесаревич и сразу за ним Анастасия Николаевна. Какое-то время из царских детей здоровой оставалась только великая княжна Мария Николаевна. Александра Федоровна, не снимая форму сестры милосердия, металась между страдавшими от жара и лихорадки детьми.

Из Петрограда в Царское Село приходили сведения о беспорядках — забастовках и демонстрациях. Вокруг Александровского дворца собирались толпы революционных солдат, раздавались призывы «разобраться с немкой и ее детьми». Во дворце начались перебои со светом и отоплением. Но самым страшным для семьи было то, что от Государя перестали приходить телеграммы. Последнее, что знала о муже Александра Федоровна: он пытался вернуться из Ставки в Царское Село к семье, но его остановили где-то под Псковом.

В довершение ко всем несчастьям взбунтовался Царскосельский гарнизон. Только небольшая часть офицеров и солдат вместе с офицерами императорской яхты «Штандарт» пришли к Александровскому дворцу защищать Царскую семью. Угроза расправы была реальной, революционная толпа приближалась, выстрелы уже раздавались у ворот дворца, в пятистах метрах убили часового. Две роты Сводного пехотного полка организовали оборону в дворцовом парке. К верным частям, чтобы поддержать их морально, вышла Александра Федоровна с дочерью Марией.

Всю ночь шли переговоры между мятежниками и верными Царской семье военными, в конце концов революционные солдаты отступили по приказу Временного правительства. После нескольких часов, проведенных на морозе, оказалась в постели и Мария Николаевна, у нее резко поднялась температура. К кори, которой она заболела, так же как сестры и брат, прибавилась простуда. Состояние цесаревны быстро ухудшалось, и вскоре врачи объявили Александре Федоровне, что ее дочь может умереть. Мария Николаевна приняла последнее причастие, простилась с родными и близкими.

Когда из Петрограда пришли новости об отречении императора, Александра Федоровна отказывалась им верить, пока в Царское Село не приехал великий князь Павел Александрович, который подтвердил —

Государь отрекся от престола в пользу своего брата великого князя Михаила Александровича. Через три дня назначенный командующим войсками Петроградского военного округа генерал-лейтенант Л. Г. Корнилов сообщил императрице о том, что она и император считаются арестованными.

Свита, приближенные и слуги могли остаться вместе с Царской семьей под арестом по собственной воле. Большинство слуг и служивших в Александровском дворце людей разбежались, многие при этом уносили с собой ценные вещи, принадлежавшие Царской семье. Во дворце остались единицы преданных императору людей.

Государь вернулся в Царское Село 9 марта, из его многочисленных адъютантов с ним остался только один — князь Василий Александрович Долгоруков. Александра Федоровна, по словам подруги, как юная девочка, радостная бежала навстречу любимому по коридорам и лестницам дворца. Все было неважно, главное, она могла обнять дорогого мужа, который невредимым вернулся к ней и детям.

Для арестованной Царской семьи ввели строгие ограничения — бывшим императору и императрице не разрешалось встречаться наедине, они не должны были спать в одной комнате, и даже больных детей им запрещалось навещать вместе. Арестованным запрещалось разговаривать на иностранных языках. Их письма читал комендант, назначенный Временным правительством, он единолично решал — посылать ли их адресатам или нет. Прогулки проходили строго по часам, под наблюдением вооруженного конвоя, и только в специально отведенном месте, парк посещать запрещалось. И конечно, запрещалось покидать дворец, общаться можно было только с другими арестованными и больше ни с кем.

Только к началу мая дети окончательно выздоровели, последней — болевшая тяжелее и дольше всех Мария Николаевна. К этому времени режим содержания арестованных по некоторым позициям был смягчен. Государь с Государыней снова могли находиться в одной спальне. На прогулках можно было посещать парк и даже кататься на велосипедах и лодках. Царской семье рядом с дворцом разрешили разбить огород. Это стало для арестованных интереснейшим занятием, 60 грядок они засадили зеленью и овощами. Сами копали землю, ухаживали за растениями — пололи, поливали. Урожай очень разнообразил питание арестованных.

После выздоровления детей младшие цесаревны, Татьяна Николаевна и цесаревич вновь стали посещать уроки. Так как учителей к арестованным больше в Царское Село не пускали, а во дворце остался только учитель французского языка Пьер Жильяр, преподавали те, кто мог — сами

Августейшие родители, доктор Е. С. Боткин, гофлектриса Е. А. Шнейдер, старшая великая княжна Ольга Николаевна и другие взрослые.

После двух с половиной лет войны, когда Царская семья в основном жила врозь, император с цесаревичем находились в Ставке в Могилеве, а императрица с цесаревнами в Царском Селе, пять месяцев под арестом в Царском Селе стали практически первым периодом для семьи, проведенным по-настоящему вместе. Эти месяцы Государь все время посвящал детям и жене, что раньше было невозможно в его наполненном государственными обязанностями царском служении стране. Теперь он имел возможность каждый вечер часами читать детям вслух книги, гулять с ними и заниматься спортом, неспешно беседовать с женой. Впервые все члены Царской семьи, несмотря на трудности ареста, могли позволить себе роскошь оставаться самими собой и тратить свое время на то, что им нравилось.

С самого начала заключения постоянно приезжавший в Александровский дворец министр нового правительства А. Ф. Керенский объявил бывшим императору и императрице, что Временное правительство не может гарантировать их безопасность в Царском Селе, так близко от революционной столицы. Их планируется перевезти в другое место. Царская семья просила позволить им поселиться в Ливадии. Но разрешения на это они не получили, Керенский объяснял это сложностью организовать дальний переезд через всю революционную страну. Было получено приглашение из Великобритании, которая предлагала принять бывшего российского императора с семьей. Это всем казалось логичным, правивший английский король одновременно являлся кузеном Александре Федоровне и Николаю II. Государыня выросла в Англии у бабушки и готова была вернуться туда после отречения мужа, так как Временное правительство сначала решительно отказывало Царской семье в желании остаться в России.

Переговоры с Великобританией шли долго, и когда вдруг из Лондона была получена депеша, что английское правительство и король отзывают свое приглашение, время было упущено — организовать выезд Царской семьи за рубеж в другую страну уже стало невозможно, новые переговоры требовали времени.

От Царской семьи до последнего момента скрывали, куда именно их увезут. Но то, что им приказали взять с собой много теплых вещей, не оставляло сомнений — это будет Сибирь. Государыня с цесаревнами, прощаясь с любимым домом, постоянно плакали. Радовался только цесаревич, Алексею Николаевичу казалось заманчивым увидеть новые

края, пожить в незнакомом ему месте. В последний момент, наконец, Керенский назвал место ссылки — Тобольск.

Ранним утром 1 августа в поезд с надписями «Японская миссия Красного Креста» посадили Царскую семью, их теперь немногочисленную свиту и слуг и во второй состав охрану. Поезда двинулись на восток. 6 августа Царскую семью привезли в Тобольск. Здесь их разместили в бывшем доме губернатора, отгородив часть двора, сад и дом высоким дощатым забором. Первое время жизнь в небольшом провинциальном городе протекала для арестованных в спокойном ритме. Прогулки в небольшом садике, игра в городки, для детей соорудили во дворе качели, зимой построили снежную горку. Царские дети снова начали учиться. Приятно проходили тихие вечера в привычном кругу приближенных. С сентября арестованным хотя и под охраной, но разрешили посещать службы в близлежащем храме. Чтобы как-то оживить скучные серые будни, решено было создать домашний театр. Все вели оживленную переписку с родными и друзьями, и даже получали от них посылки. Жизнь казалась терпимой и имеющей свои радости.

Однако все изменилось после октябрьского переворота, когда в столице к власти пришли большевики. В ноябре 1917 года связь с Петроградом на время прервалась, перестали приходить даже телеграммы, не перечисляли деньги на жалованье охране, назревал солдатский бунт.

Большевицкие власти сменили руководство охраной Царской семьи, уволили прежних солдат, заменив их красноармейцами. Был резко ужесточен режим содержания арестованных, вплоть до того, что перестали выделяться деньги на их содержание, пришло распоряжение уволить большинство слуг. Поднимался вопрос о помещении Царской семьи в каторжную тюрьму.

Зима 1917/18 года в Тобольске выдалась холодной, дров для нормального отопления дома не хватало. Арестованные спали в верхней одежде. Температура в комнатах опускалась до +6 градусов. Особенно холодно было в комнате у цесаревен, в помещениях они постоянно ходили в валенках. В доме перестали работать водопровод и канализация, починить их было некому. Государыня в письмах подругам из Тобольска писала, что стала «страшно худа» и у нее «волосы быстро седеют» — «Я стала похожа на тень», и уверяла их, что они бы ее не узнали. Тяжелое материальное положение, отсутствие денег и возможностей покупать новые вещи и продукты довели в это время Царскую семью практически до нищеты. Императрица жаловалась в письмах близким, что у императора «брюки страшно заштопаны», «рубашки у дочек в дырах», у цесаревича

теплые чулки в дырах, и он попросил ее связать ему новую пару «потолще и потеплее», потому что в доме невыносимо холодно. Александра Федоровна писала Анне Вырубовой, что, несмотря на трудности и печали, дух у всех членов Царской семьи был бодр и «мирно на душе, хотя страдаешь сильно, сильно за Родину», но «Господь так близок, чувствуешь Его поддержку».

В это трудное время Государыня восхищалась твердостью и мужеством любимого мужа, что «Он прямо поразителен — такая крепость духа, хотя бесконечно страдает за страну», так же достойно вели себя, по словам императрицы, и царские дети: «Такие храбрые и хорошие и никогда не жалуются».

В каждом письме из Тобольска императрица, как молитву, как главное желание своей жизни повторяла: «О, Боже, спаси Россию!» и добавляла: «Этот крик души и днем и ночью — все в этом для Меня...» И никакой ни к кому ненависти у Государыни не было, только чистая любовь к России и ее народу: «Какая Я стала старая, но чувствую Себя матерью этой страны и страдаю, как за Своего ребенка и люблю Мою Родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из Моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает Мое сердце, но ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!»

К весне 1918 года тучи вокруг Царской семьи стали сгущаться с каждым днем, арестованных окончательно перевели на солдатский паек. Усугубились проблемы с питанием, магазины в Тобольске стали закрываться, наличных денег ни у Царской семьи, ни у их приближенных совсем не осталось. Арестованные голодали бы, если бы им не помогал продуктами Иоанно-Введенский женский монастырь.

Солдатский комитет принял постановление о запрете носить погоны и царские награды. Адьютантам государя и ему самому пришлось подчиниться, потому что красноармейцы угрожали всем, кто не снимет погоны, расстрелом. Особенно тяжело переживал случившееся цесаревич, который несмотря ни на что мечтал стать военным. Со слезами на глазах он срезал с гимнастерки свои ефрейторские погоны.

В начале января 1918 года цесаревич и цесаревны заболели краснухой, болели достаточно тяжело. Вскоре из Екатеринбурга в Тобольск прибыл отряд красноармейцев, потребовавших выдать им Царскую семью, иначе угрожали захватить ее силой. Охрана выдать царя отказалась, была организована круговая оборона дома с пулеметами по периметру. Нападения не последовало, потому что екатеринбуржцев вытеснил из

Тобольска отряд красноармейцев из Омска, тоже мечтавший увезти царя с семьей в свой город. Через время в Тобольск снова вернулись екатеринбуржцы, увеличив свой отряд. Красноармейцы собирали митинги и агитировали за перевод Царской семьи в каторжную тюрьму. Обстановка в бывшем губернаторском доме становилась тревожной, все ждали нападения революционных солдат.

Когда обстановка в Тобольске накалилась, Александра Федоровна приняла решение, что на случай непредвиденного развития событий оставшиеся у нее драгоценности нужно зашить в одежду свою и дочерей. Из жемчужин и драгоценных камней мастерили пуговицы, зашивали камни в корсеты, шляпы и муфты и т. д.

Четырнадцатого февраля 1918 года Советская Россия перешла на новый стиль летоисчисления. По постановлению Совета народных комиссаров состоялся переход с юлианского на григорианский календарь: разница между старым и новым стилями составляла 13 дней, декрет предписывал после 31 января 1918 года считать 1 февраля сразу 14-м. Первые месяцы рядом с новыми датами в скобках писали старые.

У цесаревича все время с начала ареста (с начала марта 1917 года) не было серьезных приступов гемофилии, он чувствовал себя хорошо, и это очень радовало родителей и сестер. И тем неожиданнее и страшнее был удар — 12 апреля (30 марта) 1918 года у Алексея Николаевича начался один из самых тяжелых приступов гемофилии в его жизни. После небольшой травмы началось внутреннее кровотечение, он стал страдать от резкой боли. Круглосуточно кричал, таял на глазах. Лекарства в революционном Тобольске не удавалось достать, обезболивающее у врачей Е. С. Боткина и В. Н. Деревенко закончилось, аптеки в городе оказались закрыты. Цесаревич ничего не ел, с трудом переносил постоянную тошноту, не спал, его крики во время приступов боли круглосуточно никому в доме не давали покоя. Родные по очереди дежурили у постели больного, им помогали дядька Клементий Нагорный и учитель Пьер Жильяр.

В разгар приступа гемофилии у цесаревича — 15 (2) апреля — в губернаторском доме появился эмиссар из Москвы комиссар В. В. Яковлев с приказом увезти царя из Тобольска. Комиссар разрешил бывшему императору взять с собой несколько человек, кого тот пожелает. Александра Федоровна разрывалась между долгом быть рядом со страдающим сыном, который вполне мог умереть, и любимым мужем, которого увозили, как все думали, в Москву на судебный процесс. В конце концов Государыня после бессонной ночи приняла решение уехать вместе с

мужем, чтобы быть ему опорой во время судебных разбирательств. А сына они оставляли на попечении старших дочерей, доктора Деревенко, учителей, дядьки и свиты. Александра Федоровна хотела быть рядом с мужем в тяжелых испытаниях. После отъезда обоих родителей Алексей Николаевич горько рыдал в своей постели. Он никогда во время приступов не оставался без матери. 26 (13) апреля, несмотря на болезнь цесаревича, Государя с Государыней, великую княжну Марию Николаевну (ее родители выбрали как самую физически сильную из детей), князя В. А. Долгорукова, доктора Е. А. Боткина, камердинера Т. Н. Чемодурова, комнатную девушку А. С. Демидову и унтер-офицера И. Д. Седнёва увезли из Тобольска в неизвестном для близких направлении.

Оставшиеся в Тобольске цесаревны только после праздника Пасхи Христовой — 5 мая (22 апреля) — получили известие о том, где находятся их родители и что с ними случилось. Получив письмо, они с удивлением узнали, что родные не в Москве, как все предполагали, а в Екатеринбурге, где их держат в заключении в доме инженера Ипатьева. Что дорога в Екатеринбург была очень тяжелой, приходилось вброд переходить ледяные реки, сразу после ледохода, трястись по грязи в телегах, сидя на соломе, постоянно меняя выбившихся из сил лошадей. Особенно трудно было в пути Александре Федоровне, которая страдала от болезней ног, сердца, нервной системы и уже обычно практически большую часть времени проводила в инвалидном кресле. О дороге из Тобольска в Екатеринбург в дневнике императрица писала: «Дорога просто ужасная, замерзшая земля, грязь, снег, вода до живота лошадей. Жутко трясло, болит все тело».

Цесаревич все еще плохо себя чувствовал, не мог стоять на ногах, не то что ходить. Его носил на руках дядька матрос К. Г. Нагорный. Алексей Николаевич ослабел и очень сильно похудел, но и он, и сестры после получения писем от родителей сразу стали уговаривать комиссаров отвезти их в Екатеринбург к остальной семье.

Наконец 20 (7) мая три цесаревны, цесаревич и оставшаяся часть свиты в сопровождении красноармейцев прибыли на пристань в Тобольске, чтобы сначала на пароходе «Русь», а потом на поезде отправиться в Екатеринбург. В тот день для Царской семьи окончательно закончились девять месяцев ссылки в Тобольске.

На пристани царских детей провожали горожане. Когда матрос Нагорный с цесаревичем на руках приблизился к пароходу, в толпе запричитали: «На кого же ты нас покидаешь?!» Многие мужчины, сняв шапки, опустились на колени, женщины заплакали. Алексей Николаевич перекрестил прощавшихся с ним людей. Позже вечером в каюте,

прислушиваясь к крикам пьяных красноармейцев на палубе, он сказал доктору и дядьке: «Я знаю, они нас убьют. Только бы не очень мучили».

Царская семья, к их большой радости, воссоединилась 23 (10) мая в Екатеринбурге. В доме инженера Ипатьева родители и дети плакали и целовались, не обращая внимания на удивленных комиссаров и охранников. Приехавшие из Тобольска три цесаревны и цесаревич боялись, что им не удастся больше никогда увидеть родителей и сестру, и когда они, к счастью, снова оказались все вместе, то им казалось, что это самое главное и ничего ужасного теперь просто не может случиться.

Режим содержания Царской семьи в доме Ипатьева существенно отличался от условий жизни в Тобольске. Комендант «Дома особого назначения», большевик, бывший политический ссыльный А. Д. Авдеев сразу заявил Государю, что теперь он оказался в руках настоящих революционеров. Жизнь Царской семьи была подчинена строгому распорядку. Утром проходила поверка — комендант обходил все комнаты, пересчитывая заключенных. На завтрак пили чай с черным хлебом, если таковой оставался с предыдущего дня. Перед обедом была прогулка 15–30 минут, обед сначала приносили из рабочей столовой, потом разрешили готовить царскому повару И. М. Харитонову из пайков, которые выделялись на каждого арестованного. Перед ужином снова была прогулка 15–30 минут, на ужин ели то, что осталось после обеда, чаще всего кроме хлеба ничего не оставалось. Царская семья голодала бы, если бы местные монахини не помогали ей. По благословению игуменьи, насельницы Ново-Тихвинского монастыря систематически приносили в дом Ипатьева передачи с продуктами.

Дом Ипатьева огородили двумя высокими дощатыми заборами, между которыми поставили дополнительные посты охраны. Из всех окон можно было видеть только забор, но все равно их не разрешали открывать даже в жару, и стекла замазали побелкой. Охранники, состоявшие из рабочих местной фабрики, напивались, по ночам буйствовали на первом этаже дома, мешая спать заключенным. Также они воровали ценные вещи у Царской семьи, в основном в то время, когда арестованных выводили на прогулки. Однажды два пьяных рабочих попытались украсть у цесаревича, в его присутствии, маленькую икону Богородицы на золотой цепочке, вошедший в это время в комнату дядька матрос Нагорный попытался им помешать. Завязалась драка, на помощь дядьке прибежал Седнёв, но их обоих подоспевшие охранники скрутили и увели. Больше их Царская семья не видела, узники дома Ипатьева так и не узнали, что Седнёва и Нагорного через несколько дней расстреляли...

Без дядьки Нагорного арестованным стало сложно ухаживать за больным цесаревичем, теперь няньками для него стали сестры. На руках Алексея Николаевича носила Мария Николаевна. Княжны помогали на кухне повару Харитонову, стирали одежду и убирали. Неожиданно у Государя началось кровотечение, обострилось хроническое заболевание, у доктора Боткина случились почечные колики, плохо себя чувствовала Государыня. Старшие цесаревны практически снова стали сестрами милосердия, ухаживая за больными. Цесаревичу снова стало хуже, возобновились боли, парализовало ногу, на которую пришлось наложить гипс. Для этого в виде исключения разрешили пригласить доктора Деревенко, жившего свободно в городе, но в дом Ипатьева его до этого не пускали.

Неожиданно в середине июня в продуктах, которые передали Царской семье монахини, арестованные нашли написанную по-французски записку от «верных царю офицеров», которые «хотели спасти царя и его семью». В ответной записке, которую написала под диктовку отца великая княжна Ольга Николаевна, Царская семья ответила, что, во-первых, не согласна бежать, если с ними не спасут людей, которые добровольно отправились с ними в ссылку, и, во-вторых, они настаивали, чтобы не пострадали часовые — рабочие, которые их охраняли. В назначенную ночь, когда арестованные легли спать одетыми, никто не попытался их освободить. Царская семья так и не узнала, что никаких «верных офицеров» не было, записки писали чекисты, чтобы доказать, что бывший император и императрица с детьми готовятся бежать.

Жизнь арестованных полностью контролировалась Уральским областным Советом рабочих и солдатских депутатов. Даже мелкие вопросы решал только областной Совет. Вся переписка Царской семьи тоже шла через него. Проворовавшийся комендант А. Д. Авдеев и его люди были уволены, новым комендантом стал чекист Я. М. Юровский, которые еще сильнее ужесточил режим содержания арестованных. Он запретил насельникам Ново-Тихвинского монастыря передавать Царской семье продукты. Посты охраны в Ипатьевском доме заняли чекисты и бывшие австро-венгерские военнопленные, которым было строжайше запрещено общаться с Царской семьей. Юровский изъясил у арестованных все ценные вещи, описал и унес с собой.

Неожиданно охранники увели доктора Боткина. У Государыни случилась истерика, она не представляла, как они смогут обойтись без врача, когда так болен цесаревич. Никто из тех, кого уводили красноармейцы, назад к Царской семье не возвращался, однако доктора

Боткина неожиданно для всех привели назад. Врач вел себя странно, заговаривался, писал какое-то длинное письмо своим детям. Доподлинно не известно, сказал ли доктор Боткин кому-то из заключенных, что чекисты ему предлагали не возвращаться в дом Ипатьева, работать в госпитале для красноармейцев, прямо заявив, что «судьба Романовых уже решена». Доктор Боткин отказался покинуть Царскую семью. И вернувшись к ней, начал писать прощальное письмо своим детям.

К середине июля жизнь Царской семьи в доме Ипатьева стала совсем невыносимой, полной тоски и неясных предчувствий. В гостиной, где заключенные собрали все иконы, которые привезли с собой, они каждый день устраивали домашнюю службу. По вечерам Государь читал духовные книги, которых у Александры Федоровны был целый чемодан. Часто Государыня с цесаревнами пели молитвы, их голоса наполняли притихший дом.

Утром в воскресенье 14(1) июля Юровский вдруг объявил Царской семье, что к ним придет священник, служить обедницу. Священник потом вспоминал (он служил для заключенных в доме Ипатьева во второй раз), что Царская семья вела себя странно, ему показалось, что у них что-то случилось.

В понедельник 15 (2) июля Юровский привел нескольких уборщиц, которые во всем доме навели порядок, вымыли полы, им помогали цесаревны.

Во вторник 16 (3) июля неожиданно монахини принесли целую корзину яиц, пятьдесят штук. Юровский сказал, что это для больного цесаревича.

В ночь на 17 (4) июля Юровский разбудил доктора Боткина, попросив его сообщить Государю, что Царская семья и слуги должны срочно собраться, взять только самые необходимые вещи, так как их должны срочно увезти.

Около 3 часов ночи 17 (4) июля арестованные, по приказу Юровского, спустились в подвальную комнату в доме инженера Ипатьева. Государь нес спящего сына на руках. За ним шли полусонные цесаревны с Государыней и рядом их верные слуги. В пустую комнату по просьбе Государыни принесли два стула, на один из которых император посадил цесаревича, на другой села императрица.

Расстрельная команда под руководством чекиста Юровского открыла огонь, убийцы распределили заранее, кто в кого будет стрелять. Императора убил лично Юровский, он же стрелял в цесаревича, но не убил его сразу, подошел к стонавшему мальчику, лежавшему в луже крови, и

добил выстрелом в голову. Сразу погибла Александра Федоровна. Потом убили старших цесаревен — Ольгу Николаевну и Татьяну Николаевну. Цесаревны, в корсеты которых были защиты драгоценности, умерли не сразу. Пули отскакивали. Мария Николаевна успела добежать к двери, ее добились там. Громко кричала Анастасия Николаевна, ее из царских дочерей убили последней. Погибли доктор Евгений Сергеевич Боткин, царский повар Иван Михайлович Харитонов, камердинер Алоизий (Алексей) Егорович Трупп, горничная императрицы Анна Степановна Демидова, которую убили последней — закололи штыками.

На момент гибели императору Николаю II было 50 лет, императрице Александре Федоровне — 46 лет, великой княжне Ольге Николаевне — 22 года, великой княжне Татьяне Николаевне — 21 год, великой княжне Марии Николаевне — 19 лет, великой княжне Анастасии Николаевне — 17 лет, цесаревичу наследнику российского престола Алексею Николаевичу — 13 лет (через две недели ему бы исполнилось 14).

Император и императрица были женаты без малого 24 года, воспитывали четырех дочерей и сына, и в последний день своей жизни были так же близки и так же любили друг друга, как и в день своего венчания.

ЧАСТЬ 2

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА

Практически с первых дней после венчания 14 ноября 1894 года императора Николая II и тогда еще великой княжны Александры Федоровны все их родственники и близкие Царской семье люди ожидали сообщения о беременности молодой царицы, стараясь увидеть в ее состоянии признаки желанной новости. Вот что записал великий князь Константин Константинович в своем дневнике через месяц после свадьбы Августейшей семьи: «Молодой императрице опять сделалось дурно в церкви. Если это происходит от причины, желанной всей Россией, то слава Богу!»

Ожидание родственников и верноподданных вскоре оправдались. Вначале Царская семья тщательно скрывала новость о беременности Государыни. В первую очередь на этом настаивала будущая мать. Сохранилось письмо Александры Федоровны брату Эрнсту Людвигу, в котором она признается ему, что подозревает, что беременна, но просит держать это в тайне. Письмо было написано в конце февраля 1895 года, счастливая Государыня писала: «О, просто не могу в это поверить, это было бы слишком хорошо и слишком большое счастье».

Беременность у Государыни была трудной, она постоянно чувствовала слабость, ее часто мучил сильный токсикоз. Ела она с трудом, мучила тошнота. Очень часто Александра Федоровна целыми днями оставалась в постели.

Летом 1895 года Царская семья переехала на Нижнюю дачу в Петергоф, в тихую, небольшую виллу на берегу моря. В тот год летние месяцы выдались необыкновенно жаркими, а на морском воздухе в доме с видом на Финский залив в окружении густого парка Государыне легче дышалось, проще было переносить тяжелую беременность.

Все теплое время — с июня по сентябрь — Царская семья жила в Петергофе в уединении и покое. Александра Федоровна много гуляла, сама шила и вязала для будущего малыша одежду. А ребенок все больше давал о себе знать, активно напоминая о себе движением в животе матери. Александра Федоровна писала брату Эрнсту Людвигу в июле: «Моя крошка иногда прыгает, как сумасшедшая, и от этого у меня начинает кружиться

голова, а во время ходьбы время от времени делает толчки». Государыне в это время было 22 года, и будущее материнство казалось ей беспредельным счастьем, которым она делилась в письмах с братом: «Какая это, должно быть, радость — иметь собственного маленького сладкого крошку. Я с огромным нетерпением ожидаю тот момент, когда Бог даст нам нашего — это будет такое счастье и дня моего дорогого Ники».

В конце августа Царская семья переехала из Петергофа в Царское Село в специально отремонтированный и обустроенный к рождению ребенка Александровский дворец. Неожиданно в сентябре у Государыни случился острый приступ боли в животе. В Царское Село вызвали придворную акушерку госпожу Е. К. Гюнст и самого известного гинеколога России — Д. О. Отта. Приступ прошел без последствий.

В формулярном списке Дмитрия Оскаровича Отта на 1 декабря 1895 года были зафиксированы следующие должности и звания: «директор Повивального института, лейб-акушер Двора Его Императорского Величества, консультант и почетный профессор по женским болезням при Клиническом институте великой княгини Елены Павловны, доктор медицины, действительный статский советник».

Происходившая из семьи обрусевших немцев Евгения Конрадовна Гюнст была известной в Санкт-Петербурге акушеркой, которую часто приглашали для принятия родов в высокопоставленных семьях не только в России, но и в европейских королевских Домах.

Рождение первенца в Царской семье сначала ожидали в середине октября. К этому времени из Москвы в Царское Село приехала сестра Государыни, супруга великого князя Сергея Александровича — великая княгиня Елизавета Федоровна (Элла). Она отправляла в Англию их с Александрой Федоровной бабушке — королеве Виктории, которая волновалась о здоровье беременной внучки, успокаивающие послания. Радуюсь хорошему состоянию сестры, писала, что та «весела, совсем как ребенок», «лицо округлилось, и цвет лица такой здоровый». Молодая императрица к тому времени чувствовала себя лучше, чем вначале беременности.

Государь старался постоянно находиться рядом с женой, очень волнуясь о ней. В это время он часто писал матери — вдовствующей императрице Марии Федоровне — о состоянии жены. Сообщал ей в письмах все новости: «Детка сместилась ниже, и от этого ей очень неудобно, бедняжке!»

Ребенок был очень большой, перед родами Государыня с трудом могла двигаться, ее мучили боли в спине и ногах, большую часть времени она

лежала. «Ребенок все никак не родится — уже на подходе, но пока не желает появляться», — жаловалась Александра Федоровна в письме брату Эрнсту. В Александровском дворце теперь постоянно дежурили доктор Отт и Евгения Гюнст. Первоначально планировалось, что первые роды молодой императрицы Александры Федоровны должны пройти в Зимнем дворце в Санкт-Петербурге. Именно там готовили все для этого необходимое. Но потом от этого плана отказались.

Цесаревна Ольга Николаевна родилась в Царском Селе в Александровском дворце 3 ноября 1895 года. В час ночи у императрицы начались схватки. Всю ночь Александра Федоровна не спала, мучаясь от боли. Утром она не смогла подняться с постели, провела целый день в кровати, страдая от сильных схваток. Император не находил себе места, видя, как тяжело его жене. В Александровском дворце роженице помогали родная сестра императрицы Елизавета Федоровна и свекровь вдовствующая императрица Мария Федоровна. Они вдвоем всячески поддерживали венценосную роженицу и беспокоившегося о ней императора. Обе осторожно растирали Государыне спину и ноги, что помогало ей расслабиться. Вдовствующая императрица много и горячо молилась.

Роды были тяжелыми. Пришлось применить хлороформ и для извлечения плода использовать щипцы. Елизавета Федоровна вспоминала, что малышка оказалась огромной, но Государыня была отважна и терпелива.

Великая княжна Ольга Николаевна появилась на свет в 9 часов вечера. Измотанный ожиданием и состраданием жене Государь с радостью услышал через закрытую дверь плач своего первого ребенка. Его счастьем не было предела, он записал в своем дневнике: «В 9 часов ровно услышали детский писк и все мы вздохнули свободно! Богом нам посланную дочку при молитве мы назвали Ольгой! Когда все волнения прошли, и ужасы кончились, началось просто блаженное состояние при сознании о случившемся! Слава Богу, Аликс перенесла рождение хорошо и чувствовала себя вечером бодрою».

Имя будущему ребенку родители выбирали заранее, было решено, что если родится мальчик, то назовут его Павлом, если девочка — Ольгой. В выборе имен принимала участие будущая бабушка — императрица Мария Федоровна, она имена одобрила.

По одной из легенд: акушерка, увидев густые и темные волосы на головке новорожденной цесаревны, сказала, что девочку ждет счастливая судьба. Ольга Николаевна родилась абсолютно здоровой, весила она 4,5

килограмма и была ростом 55 сантиметров. Счастью молодых родителей не было предела. Император, обычно сдержанно выражавший чувства в своем дневнике, искренне радовался отцовству. 4 ноября — на следующий день после рождения дочери — он записал в дневнике: «Сегодня я присутствовал при ванне нашей дочки. Она — большой ребенок, 10 фунтов весом и 55 сантиметров длины. Почти не верится, что это наше дитя. Боже, что за счастье! Аликс весь день пролежала... она себя чувствовала хорошо, маленькая душка тоже».

Император не мог налюбоваться дорогой малышкой. 6 ноября он снова пишет о ней в дневнике: «Утром любовался нашей прелестной дочкой; она кажется вовсе не новорожденной, потому что такой большой ребенок с покрытой волосами головой».

Новость о рождении дочери в Царской семье мгновенно разнеслась по всему миру. Нужно сказать, несмотря на то, что цесаревна Ольга Николаевна родилась немногим менее чем через год после бракосочетания ее Августейших родителей, по непонятной причине в Европе муссировались слухи, что императрица Александра Федоровна бесплодна. Старшая сестра императрицы великая княгиня Елизавета Федоровна в письме бабушке — королеве Виктории — писала: «Вы знаете об ужасных слухах, которые неизвестно кто распускает, будто Аликс опасно больна и не может иметь детей и что нужны операции».

Одной из первых о появлении на свет правнучки узнала королева Великобритании Виктория, бабушка Александры Федоровны. Император лично сообщил ей радостную новость телеграммой: «Дорогая Аликс только что родила прекрасную огромную дочку, Ольгу. Мою радость не выразить словами. Мать и ребенок чувствуют себя хорошо». В ответ они получили от королевы поздравление.

Августейшие родители от души радовались рождению дочери, не обращая внимания на досужие рассуждения российской и западной прессы, высказывавшей разочарование, что появилась на свет девочка, а не наследник трона. Александра Федоровна о рождении дочери говорила: «Для нас вопрос о поле нашего ребенка не стоит. Наш ребенок — это просто дар Божий».

Доктор Отт и акушерка Гюнст были щедро награждены: врач был «всемиловитейше пожалован в лейб-акушеры Двора Его Императорского Величества с оставлением в занимаемых должностях и званиях», ему вручили золотую табакерку, украшенную драгоценными камнями, и деньги — 10 тысяч рублей; акушерка получила 3 тысячи рублей.

Вместе с Августейшими родителями радовалась вся Россия. О

появлении на свет цесаревны сообщили пушечными залпами в столице — 101 выстрел, так по традиции сообщали о рождении в Царской семье девочек. Люди выбежали на улицы и громко считали количество залпов. Повсюду в публичных местах исполнялся гимн России. В храмах служили благодарственные молебны в честь благополучного разрешения царицы от бремени. В честь рождения дочери император объявил амнистию заключенным, осужденным по политическим статьям и религиозным, были уменьшены сроки уголовным преступникам. 5 ноября в Санкт-Петербурге был объявлен царский манифест по случаю рождения великой княжны Ольги Николаевны: «Поскольку мы считаем это прибавление Императорского дома знаком благословения, который дарован нашему дому и Империи, мы уведомляем об этом радостном событии всех наших верноподданных. Вознесем же наши общие горячие молитвы к Всевышнему, чтобы вновь родившаяся княжна росла в счастье и благополучии».

Великая княжна Ольга Николаевна была крещена в возрасте 11 дней — 14 ноября 1895 года — в церкви Царскосельского дворца. Церемонию крещения провел придворный протопресвитер и духовник Их Императорских Величеств И. Л. Янышев. Известный богослов, писатель, проповедник — отец Иоанн был духовником Царской семьи с 1883 по 1910 год, до самой своей смерти. 14 ноября было особым днем для Царской семьи, это день рождения любимой матери Государя — вдовствующей императрицы Марии Федоровны, в день крестин внучки ей исполнилось 48 лет. Так же 14 ноября в 1894 году, ровно за год до крещения цесаревны Ольги Николаевны, состоялось венчание ее родителей — императора Николая Александровича и великой княжны Александры Федоровны. Теперь же к двум праздничным датам 14 ноября прибавлялась третья — крестины великой княжны Ольги Николаевны.

Восприемниками или, как говорят в России, крестными родителями цесаревны стали семь человек, в том числе и королева Великобритании Виктория. На церемонии всех крестных матерей представляла мать императора — вдовствующая императрица Мария Федоровна, а отцов — дядя Государя великий князь Владимир Александрович. Последний — третий сын императора Александра II, член Государственного совета, сенатор, боевой генерал, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, награжденный за храбрость боевыми наградами, командующий войсками Гвардии — был особенно уважаемым в стране человеком. В начале царствования император Николай II прислушивался к советам опытного в государственных делах дяди. Именно его Государь выбрал восприемником

для своей первой дочери.

Цесаревну везли в домовую церковь Большого Царскосельского дворца — церковь Воскресения Христова — в специальной золоченой карете, запряженной шестеркой белых лошадей. Карету сопровождал эскорт из казаков Собственного Его Величества конвоя. Вот что писал об этом в своем дневнике Государь: «Утро было светлое и вполне праздничное. В 10 3/4 нашу дочку повезли в золотой карете в Большой дв[орец]. Из серебряной залы началось шествие в церковь; я шел с Мама — княг[иня] М. М. Голицына несла дочку. Сидел один в комнате за церковью, пока происходило крещение. Все обошлось хорошо и маленькая душка вела себя, оказывается, примерно. Обедня окончилась в 1 1/2, а вернулись мы домой только в 2 ч[аса]. Обняв Аликс, сел за семейный завтрак». По традиции родители не принимали участие в крещении ребенка, и для Царской семьи не делали исключения.

На церемонии крещения присутствовали практически все великие князья и княгини — родственники Августейшей семьи, члены Святейшего синода, дипломаты и представители иностранных держав, высокопоставленные сановники. Все гости прибыли в парадных мундирах, духовенство — в полном парадном облачении.

Церемония началась с торжественного шествия по дворцовым залам Екатерининского дворца к домовой церкви. К купели на подушке из золотой парчи цесаревну несла статс-дама княгиня Мария Михайловна Голицына. Согласно требованиям церемониала на ней было русское придворное платье, кокошник с нашитыми бриллиантами, перекрытый фатой. По традиции новорожденную покрыли парчовым покрывалом, прикрепленным к плечам и груди статс-дамы. Подушку и покрывало придерживали двое знатных придворных. Цесаревну одели в крестильную рубашку ее отца — императора Николая Александровича.

Маленькая цесаревна вела себя тихо, была спокойна, не плакала, когда ее, согласно обряду, три раза окунали в купель. После чего Ольгу Николаевну переодели в сухую одежду и передали крестной матери — императрице Марии Федоровне. Состоялось миропомазание, священник крошечной великой княжне крестообразно помазал елеем лоб, глаза, нос, рот, уши, грудь, руки и ноги. Потом крестная мать в сопровождении крестного отца три раза с цесаревной на руках обошла купель.

Церемония таинства крещения в пышном храме Большого Царскосельского дворца закончилась причащением царственного младенца. После этого бабушка, крестная мать Мария Федоровна, положила на одеяльце, в которое завернули крошечную цесаревну, знаки ордена Святой

Екатерины: бриллиантовую звезду, знак ордена и ленту.

Для новорожденной цесаревны был собран целый штат русских нянь и их помощниц. Но главную няню, которая должна была руководить работой в детской, искали за границей. По традиции к детям в Царскую семью нянь приглашали из европейских стран. Королева Виктория, как прабабушка и крестная мать новорожденной, считала своим долгом найти в Англии для цесаревны самую лучшую няню. В декабре 1895 года в Царское Село прибыла очень опытная няня, отобранная королевой. Ею стала заслуженная английская воспитательница — миссис Инмен. В ее обязанности входило общее руководство детской, в ее подчинение перешли все русские няни. Прибытие миссис Инмен в Царской семье ждали с опаской, зная о строгости правил английского воспитания. Государь с сожалением писал в дневнике, что новая няня точно переведет ребенка в специально отведенные комнаты на втором этаже Александровского дворца — «нашей дочке придется переехать наверх, что довольно скучно и жаль». И ему уже заранее было обидно, что любимая дочь, которая оставалась рядом с ним и Государыней на первом этаже, где он мог сколько угодно долго наблюдать за нею, играть с малышкой, теперь будет под строгим контролем чужого семье человека.

С еще большим сомнением ожидала приезда английской няни Государыня, которая вопреки всем традициям «отстраненного воспитания» детей, сложившимся при русских и европейских дворах, мечтала стать настоящей матерью. Она не только хотела кормить дочь грудью, но сама собиралась купать ее, одевать, следить за состоянием ее здоровья.

Новая няня сразу не понравилась императорской чете. Государь писал брату о миссис Инмен: «В ее лице есть что-то тяжелое и неприятное, и, похоже, она женщина упрямая». Понятно, что с первого дня появления миссис Инмен у нее возникли проблемы и глубокое непонимание с царственными родителями. Конфликты случались постоянно, строгая няня не могла понять желание Государя и Государыни вникать во все тонкости ухода за их дочерью. Заслуженная английская няня стала устраивать свои порядки в детской. Государь упоминает об этом в одном из писем: «Она уже решила, что нашей дочери не хватает комнат и что, по ее мнению, Аликс слишком часто появляется в детской». В итоге уже весной 1896 года «несносная» миссис Инмен была уволена. 29 апреля Государь с радостью писал в дневнике: «Мы очень рады, что, наконец, отделались от нее».

Миссис Инмен сменила новая профессиональная английская няня — миссис Костер. Но снова на недолгое время. Какое-то время нянями руководила сама Государыня, пока в 1898 году на службу не была принята

ирландка Маргаретта Игер, которая проработала в Царской семье шесть лет. Милая, славная Маргаретта искренне любила детей, была уравновешенной и доброй. И после возвращения в Англию она сохраняла о Царской семье самые хорошие воспоминания, скучала о детях и даже позже переписывалась со старшими цесаревнами. Но какие бы няни ни работали в детской, Государыня сама руководила тем, как следует ухаживать за ее дочерью. К примеру, она отдала распоряжение, чтобы цесаревне каждое утро делали солевые ванны. Объясняя это свое желание, Государыня писала: «...Поскольку я хочу, чтобы она была как можно сильнее, чтобы носить такое пухлое тело». Малышка в младенчестве была достаточно упитанной.

Государыня решила сама кормить дочь грудью, что с жаром обсуждалось в обществе и в прессе не только в России, но и за рубежом. Об этом писали в газетах, горячо обсуждая, правильно так поступать царице или нет. В королевских домах не было принято, чтобы Августейшие матери кормили грудью своих детей, для этого существовали кормилицы. Но Александра Федоровна твердо решила сама кормить новорожденную дочь, и никто не мог отговорить ее. В обществе шушукались, знатные особы «были шокированы», ни одна светская дама не кормила грудью своих детей. Государь полностью поддержал жену, он писал в письме королеве Виктории, которая пыталась отговорить внучку от этого шага, что кормление грудью — «это самое естественное, что может сделать мать, и я думаю, что это превосходный пример!». В конце концов на всякий случай кормилицу для юной цесаревны все же нашли. Отбор состоялся самый серьезный. Множество женщин из разных концов России рассматривали в качестве кандидаток на эту почетную должность. Все они были крестьянки с безупречным здоровьем, которое проверяли врачи. Также обязательно брали на анализ молоко. Кандидатки должны были иметь не менее двух детей и не более четырех. Почему-то отдавалось предпочтение женщинам со смуглой кожей. Однако маленькая цесаревна неохотно брала материнскую грудь. В итоге ее в основном кормила грудью все же кормилица. Государь писал об этой истории так: «Окончилось тем, что Аликс очень удачно стала кормить сына кормилицы, а последняя давала молоко Ольге! Пресмешно!» Великую княжну Ольгу Николаевну кормила крестьянка Ксения Антоновна Воронцова, которой было на тот момент 22 года. Государыня часто и сама кормила дочь, но в основном получалось, что ее молоко доставалось сыну кормилицы. Впоследствии Ксении Антоновне, которая работала в Царской семье до лета 1896 года, установили пожизненную пенсию, и сам император стал крестным отцом

ее следующего ребенка.

Маленькая великая княжна была очаровательная, пухленькая, улыбчивая, совершенно не капризная — она сразу очаровывала всех, кто видел ее впервые. Царственные родители обожали свое сокровище. Государь описывал в дневнике все подвиги малышки: когда у нее появлялись зубы, как спокойно она спала ночью, как хорошо кушала, как ее в четырехмесячном возрасте стали переодевать в короткие платьица. Отец отмечал, когда дочь причащали или когда им с женой выпадала возможность погулять в парке с малышкой, которая спала в коляске. Счастливая государыня полностью растворилась в материнстве, отдавая себя воспитанию дочери.

К сожалению, из-за коронации, которая потребовала переезда Царской семьи сначала в Петербург, потом в Москву, и множества дел, связанных с подготовкой этого важного события, Государыня с печалью вынуждена была отказаться от грудного вскармливания дочери. Она писала брату Эрнсту Людвигу, что ей грустно отказываться от кормления дочери грудью, потому что это ей очень понравилось.

Собравшиеся на коронацию, которая состоялась 14 мая 1896 года в Москве, родственники императора и императрицы со всей Европы отмечали цветущий вид Государыни, материнство ее преобразило. Ее сестра принцесса Виктория Баттенберг писала королеве Виктории: «Аликс так хорошо выглядит и так счастлива, совсем другой человек, и превратилась в крупную, красивую женщину с румянцем на щеках и широкими плечами».

У всех, кто видел юную цесаревну Ольгу Николаевну, она вызывала восторг. Та же принцесса Виктория Баттенберг писала о малышке: «... Прекрасное и очень умное создание. Она особенно любит Орчи и широко улыбается всякий раз, когда видит ее». Мисс Орчи — старая няня самой Александры Федоровны, которая с детства с любовью заботилась о ней. Государыня привезла ее с собой в Россию. Мисс Орчи очень надеялась, что ее назначат няней и к цесаревне Ольге Николаевне, но возраст помешал бы ей исполнять трудные обязанности ухода за ребенком. Миссис Орчи сердечно полюбила крошку, часто помогала няням в детской, и маленькая великая княжна платила ей искренней привязанностью.

Ольга Николаевна подрастала, радуя родителей, которые с удовольствием делились в письмах новостями о ребенке с родными Александры Федоровны. Больше всех хотела увидеть правнучку бабушка императрицы — королева Виктория. Наконец, в начале сентября, когда цесаревне Ольге Николаевне исполнилось десять месяцев, Царская семья

решилась на путешествие в Великобританию. Встреча с английскими родственниками состоялась в замке Балморал в Шотландии.

Августейшая семья прибыла 9 сентября на яхте в порт Лейт, где их радостно встречали горожане, дальше дорогу продолжили на поезде. В течение всей поездки к королевскому замку шотландцы в килтах приветствовали русского императора с императрицей и их маленькую дочь, национальные мелодии исполняли целые ансамбли волынщиков, на холмах горели костры, в знак гостеприимства вдоль железной дороги стояли местные жители с зажженными факелами. Для Ольги Николаевны и ее нянь в поезде был специально выделен отдельный вагон.

В замке Балморал Царскую семью встретила лично королева в окружении родственников и придворных. В центре всеобщего внимания оказалась, конечно, маленькая цесаревна. Прабабушка была очарована. Королева писала старшей дочери: «Ребенок чудесный!» Восхищались малюткой и при английском Дворе. Одна из придворных дам писала, что милая великая княжна прелестный ребенок, какого редко увидишь, что она веселая, улыбчивая, искрится счастьем и энергией. Королеве Виктории так понравилась правнучка, что она даже приходила посмотреть, как вечером малышка принимает ванну. Об этом случае с удивлением писали в английских газетах, потому как этот поступок королевы был исключительным при строгом этикете чопорного Королевского двора.

Именно в гостях у прабабушки великая княжна сделала свои первые шаги. Говорят, что помогал ей учиться ходить сын герцога Йоркского — ее двоюродный брат, которому тогда было чуть больше двух лет (будущий король Эдуард VIII). К моменту отъезда Царской семьи из Шотландии юная Ольга Николаевна смогла, держась за руку брата, полностью пройти гостиную замка. Королева Виктория, наблюдая за детьми, сказала: «Это симпатичная парочка!» В английских газетах из-за этой фразы поднялась шумиха. Журналисты обсуждали: а не означают ли эти слова, что состоялась неофициальная помолвка детей.

Царская семья пробыла в Шотландии совсем недолго, и уже 21 сентября император с императрицей снова отправились в дорогу. Теперь их ждал официальный визит во Францию. Снова на своей яхте Августейшая чета пересекла Ла-Манш, путешествие из приморского Шербурга до Парижа вылилось в праздник, везде императора и императрицу России приветствовали толпы французов. Государь 24 сентября 1896 года записал в дневнике, что встреча населением Парижа была «задушевна и трогательна».

В Париже в честь русской императорской четы президент Феликс Фор

устроил великолепный прием. С самого начала особенное внимание французской публики было приковано к юной великой княжне Ольге Николаевне. Везде продавались сувениры с ее изображением, восторженная публика приветствовала появление цесаревны радостными криками: «Да здравствует царица!» Везде звучала полька «Для великой княжны Ольги», которая была специально написана к приезду Царской семьи. Газеты с умилением писали, что очень трогательно видеть, как сильно Царская семья любит свою дочь, даже привезла малышку во Францию во время официального визита!

Государыня, находясь в Европе, конечно, очень хотела увидиться со своим любимым братом Эрнстом Людвигом, с которым постоянно переписывалась. Александра Федоровна всегда была по-особенному близка с братом. Тем более что в это время у великого герцога с женой тоже росла первая дочь Елизавета, которой едва исполнился год. Практически весть октябрь Царская семья гостила у брата Александры Федоровны в Дармштадте. В Россию вернулись на царском поезде ко дню рождения Ольги Николаевны. Первый год ее рождения был торжественно отмечен в Царском Селе. 3 ноября 1896 года Государь писал в дневнике: «Первая годовщина счастливого события рождения нашей маленькой души! Много было пережито в этот день год тому назад! Да благословит ее Господь здоровьем, на радость и счастье нам! В 11 час. поехали к обеду — радостные помолиться в такой день».

Нужно сказать, что к моменту возвращения Царской семьи из европейского турне в Россию великая княжна Ольга Николаевна была, наверное, самым популярным Августейшим ребенком в мире, о ней постоянно писали газеты буквально всех стран. Говорили, что она необыкновенно богата, что ее отец русский император положил на ее личные счета в банках баснословные суммы. Безусловно, император, думая о будущем своей дочери, действительно обеспечил личное состояние великой княжны, открыв на ее имя счета в французских банках. Но положены были туда совсем не фантастические суммы, не миллионы, о которых писала пресса. Журналисты фантазировали, что спит цесаревна в перламутровой колыбели, что ей закалывают подгузники золотыми булавками, украшенными жемчугом.

Великая княжна подрастала и так же, как все дети, иногда болела. 10 ноября 1896 года в дневнике Государь записал: «Дочка спала лучше эту ночь и жар был меньше чем вчера». И на следующий день обеспокоенный здоровьем ребенка отец радостно записывает хорошую новость: «Дочка, слава Богу, себя чувствует хорошо, жар больше не возобновлялся».

Августейшие родители по-прежнему много времени проводили рядом с дочерью. Государь писал в дневнике 20 ноября 1896 года, что они с женой «днем долго играли наверху с дочкой в ее манеже, показывали ее Ксении [родной сестре Государя]».

Зимой Царская семья жила в Петербурге в Зимнем дворце. В одном из писем этого периода Александра Федоровна пишет своему брату Эрнсту Людвигу о подрастающей Ольге Николаевне: «Малышка растет и пытается разговаривать, прекрасный воздух придает ее щекам приятный румянец. Она, как яркий маленький солнечный лучик, всегда весела и улыбчива». В конце весны Царская семья переехала в летнюю резиденцию — в Петергоф, где вскоре у Ольги Николаевны появилась на свет сестра — Татьяна.

В августе 1897 года в Россию с официальным визитом прибыл президент Франции Феликс Фор. Президент навестил свою «старую знакомую» — великую княжну Ольгу Николаевну. Он долго и с удовольствием качал ее на коленях, как написали газеты: «Дольше, чем было положено по протоколу». И преподнес юной цесаревне дорогой подарок, который специально изготовили для нее в Париже: в изящном кожаном чемодане с гербом Ольги Николаевны и ее инициалами лежали три прелестные куклы. Для одной из них приготовили полный гардероб: платья, белье, шляпки, обувь, принадлежности для туалетного столика. Все было сделано очень искусно, в лучших французских традициях. Хороши были наряды всех кукол, украшенные прекрасными ручной работы кружевами. Одна из кукол, когда нажимали на кнопку у нее на груди, открывала рот и говорила по-французски: «Добрый день, моя дорогая мамочка! Хорошо ли ты спала сегодня?» Малышке подарок очень понравился.

Третьего ноября 1897 года Царская семья торжественно отметила второй день рождения великой княжны Ольги Николаевны. В это время в России гостила английская кузина Александры Федоровны — принцесса Тора (Елена Виктория) Шлезвиг-Гольштинская, дочь принцессы Елены, тети Государыни. Именно из ее письма королеве Виктории можно узнать, как именно проходил в Августейшей семье этот праздник. Она описывает, что утром состоялась церковная служба, на которую взрослые взяли с собой и маленькую цесаревну. Малышка вела себя примерно, внимательно за всем наблюдала, слушала пение. И вызвала умиление у всех присутствующих тем, что попыталась подпевать церковному хору. Днем состоялось торжественное открытие учрежденного в честь дня рождения Ольги Николаевны приюта, который был рассчитан на 180 сирот в возрасте

от 6 до 15 лет. Деньги на создание этого заведения выделила Александра Федоровна из личных средств.

Цесаревна Ольга Николаевна по всеобщему мнению росла умненькой и была развита не по годам. В два года она хорошо разговаривала, причем сразу на двух языках. Государь писал матери в ноябре 1897 года: «Наши дочки растут, превращаясь в восхитительных счастливых маленьких девочек. Ольга разговаривает и по-русски, и по-английски и обожает свою маленькую сестру».

Княгиня Мария Барятинская вспоминала о встрече в Царском Селе с Государыней и юной цесаревной Ольгой Николаевной: «Маленькая Ольга была с ней [Государыней] рядом, и, увидев меня, она спросила по-английски: «Кто вы?» Я ответила: «Я — княгиня Барятинская!» «Ах, этого не может быть, — сказала она, — у нас уже есть одна!» Маленькая леди смотрела на меня с видом полного изумления, а затем, прижавшись ближе к матери, она стала поправлять свои туфли, которые, как я могла заметить, были новыми. «Новые туфли, — сказала она. — Тебе они нравятся?» И все это по-английски».

Зимой жизнь в Александровском дворце шла спокойно, в привычно заведенном распорядке, великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна подрастали, радуя окружающих. Августейшие родители по-прежнему часто бывали в детской на втором «детском этаже» или девочки проводили с ними много времени в гостиных императрицы на первом «взрослом» этаже дворца. Идиллия продолжалась до февраля 1898 года, когда тяжело заболела корью Государыня. Болезнь протекала в острой форме. Почти два месяца Александра Федоровна провела в постели. Государь записал 6 февраля в дневнике: «Теперь многие будут бояться нас видеть... Вечером у Аликс была температура 38,9°». В следующие дни у Александры Федоровны температура поднималась до 40°, была опасность развития пневмонии. Государь много времени проводил в спальне больной. После болезни весной и летом Государыня долго восстанавливала здоровье.

В начале сентября 1898 года Царская семья отправилась на отдых в Ливадию. Тихая безмятежная жизнь в Крыму — купания, прогулки, размеренный режим — прекрасно действовала на здоровье Государыни. На прогулки в экипажах брали и великую княжну Ольгу Николаевну, одетая в простые белые платья милая, улыбчивая цесаревна неизменно привлекала внимание публики, все умилялись, видя очаровательную малышку.

Известный французский литературовед Гюстав Лан-сон, который в это время преподавал французский язык детям из великокняжеских семей,

вспоминал, какой забавной в это время была Ольга Николаевна, и в то же время с каким достоинством, согласно своему положению, она себя вела: «Здесь я часто вижу маленькую великую княжну Ольгу; этот милый трехлетний ребенок уже умеет держать себя согласно своему положению. Ее учат быть любезною и предупредительною со всеми: если она завидит меня издали, то уже бежит мне навстречу с поднятою выше головки ручкой, которую я всегда почтительно целую».

Осенью в Крыму стало известно, что Государыня ждет третьего ребенка, чтобы облегчить ей беременность, было решено остаться в Ливадии до зимы. Царская семья вернулась домой в Александровский дворец уже перед Рождеством — 16 декабря. В конце весны 1899 года Царская семья, как обычно, переехала в Петергоф, в середине июня у Ольги Николаевны появилась вторая сестра — Мария.

1900 год оказался для Царской семьи сложным, полным тревог. Весной в любимом Петергофе вместо спокойных тихих дней отдыха случилось несчастье. Неожиданно тяжело заболела Ольга Николаевна. В конце мая пятилетняя цесаревна почувствовала недомогание, которое быстро прогрессировало, поднялась высокая температура, доктора поставили диагноз — брюшной тиф. Как случилось заражение великой княжны этой страшной болезнью, никто не понимал. Петергоф с его строжайшей охраной и прекрасно организованной жизнью Двора, где были до мельчайших подробностей отработаны правила, казался самым безопасным местом в империи. И вдруг такая страшная болезнь.

Ольгу Николаевну сразу поселили отдельно от младших сестер. Хорошо изолированная от остальных помещений комната нашлась только под самой крышей дома. Май и июнь в том году выдались очень теплыми. И малышка страдала не только от тяжело протекавшей болезни, но и от жары, проникавшей в комнату от раскаленной крыши. Государыня большую часть дня находилась с больной дочерью, тяжелое состояние которой облегчала нежная материнская забота. Александра Федоровна, которую часто из-за болей в спине и ногах возили на кресле с колесами, была вынуждена подниматься по крутой лестнице под крышу дома, что было для нее каждый раз настоящим испытанием. Но она считала, что обязана находиться рядом с больной дочерью, которая не отпускала ее от себя. В те дни Государыня писала: «Сердце разрывается при виде больного ребенка, это очень больно, — храни ее Бог». Как настоящая любящая мать, императрица исполняла свой материнский долг без сомнений, не обращая внимания на недовольство высшего общества, считавшего, что она мало уделяет внимания свету, а все свое время отдает семье. Слова Александры

Федоровны понятны любой матери, у которой когда-нибудь опасно болел ребенок: «Ей нравится, когда я с нею, и поэтому я провожу у нее все время, быть с ней для меня удовольствие».

Пятилетняя цесаревна болела больше месяца, сильно похудела и стала очень слабой, бледной. Ее длинные красивые русые волосы были такими ломкими, что начали выпадать. Их пришлось коротко подстричь. Ольга Николаевна так изменилась, что когда ей, наконец, врачи разрешили вернуться к обычной жизни, четырехлетняя Татьяна Николаевна, не узнав сестру, увидев ее, громко расплакалась.

К концу лета Царская семья уехала в Крым. Нужно было восстановить здоровье ослабленной тифом Ольги Николаевны, в отдыхе остро нуждалась и Государыня, уставшая от забот по уходу за больной дочерью и волнений о ее здоровье. Южный берег Крыма, как всегда, оказался лучшим из лекарств. Цесаревны много купались в теплом, ласковом море, весело возились на берегу. Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне совсем не нужны были еще какие-то подруги. Родители с радостью замечали, что девочки отлично ладят друг с другом, могут часами играть вдвоем. Долгие теплые вечера Царская семья проводила на веранде, которую наполняли дивные запахи растущих неподалеку цветов. Очарование южной природы, прогулки на экипажах в горы, свежие вкусные овощи и фрукты — это было лучшее время года.

В конце октября брюшным тифом заболел Государь. Болезнь протекала тяжело, весь ноябрь врачи опасались за жизнь императора, в газетах каждый день публиковали бюллетени о его здоровье.

Во время болезни государя в Царской семье и правящих кругах невольно возник вопрос о возможном изменении закона о престолонаследии, по которому наследник мог быть только мужского пола. Государственные мужи обсуждали: есть ли возможность на основании Законов Российской империи объявить наследницей престола великую княжну Ольгу Николаевну. Планам изменить закон не суждено было осуществиться. Но само обсуждение возможности восхождения на трон старшей цесаревны навсегда осталось в истории. И заставляло современников по-особенному относиться к великой княжне Ольге Николаевне.

Черноморское побережье Августейшая семья покинула только 9 января 1901 года, после полного выздоровления императора. Это был единственный случай, когда Царская семья встречала Рождество и Новый год в Крыму.

Из Англии 22 января 1901 года пришла скорбная весть— умерла

королева, любимая бабушка Александры Федоровны, воспитавшая ее после смерти матери. Для Государыни, как и для всей Царской семьи, это был серьезный удар, потеря очень близкого человека, всегда заботившегося обо всех родных. Императрице врачи не разрешили ехать на похороны, так как она была беременна и, с их точки зрения, была не в состоянии перенести долгий путь, который мог оказаться опасным для ребенка. 4 июня 1901 года у Ольги Николаевны появилась еще одна сестра — Анастасия.

Так в шесть лет Ольга Николаевна стала старшей сестрой уже трех младших цесаревен. И чем дальше, тем больше ей приходилось привыкать к роли старшего в семье ребенка, обязанного строго выполнять все наставления взрослых и помнить их слова, что она должна понимать, что младшие сестры берут с нее пример. Поэтому ей всегда меньше других детей прощались шалости, Государыня требовала от старшей дочери серьезности, организованности и строгого послушания.

Взрослея, из милого, веселого младенца цесаревна Ольга Николаевна быстро превращалась в славную девочку, в которой уже можно было рассмотреть основные черты характера, а также определенные таланты и склонности. Все близкие и даже люди, видевшие цесаревну редко, отмечали, что она не по годам умна, сообразительна и развивается быстрее, чем дети ее возраста. Рано выяснилось, что у Ольги Николаевны прекрасный слух, ей нравилась музыка и вообще искусство. Натура впечатлительная, ранимая, эмоциональная, она пылко реагировала на обиды, которых другие люди не замечали. Окружающие видели, что ей присуще какое-то особое острое чувство справедливости, и ее сердце абсолютно не приемлет никакой лжи даже в мелочах.

Подруга Государыни Анна Александровна Вырубова вспоминала, как «семилетней девочкой она [Ольга Николаевна] играла со своей кузиной, великой княжной Татьяной, и кузенами, сыновьями великого князя Михаила. Один из мальчиков позволил себе умышленно неправильный ход. Ольга расплакалась и подбежала ко мне со словами: «Знаешь, что он сделал, Аня? Он сказал неправду».

Ольга росла очень мечтательной, любила фантазировать, постепенно складывался ее сложный духовный мир, в котором ярко отражалось все происходившее вокруг нее. Государыня, описывая игру в слова с дочерью, с удовлетворением писала: «Ольга всегда загадывает слова, связанные с солнцем, облаками, небом, дождем или еще чем-нибудь, имеющим отношение к небесам, объясняя мне, что ей очень нравится думать об этом». В восемь лет цесаревна впервые была на исповеди. Отнеслась к этому серьезно и вдумчиво. А когда через какое-то время умерла ее

маленькая кузина Елизавета Гессенская, дочь великого герцога Эрнста Людвига, с которой цесаревна успела подружиться, то Ольга Николаевна очень переживала неожиданный уход подруги. Своей няне Маргаретте Игер она в это время сказала: «Кузина Элла знает: она на небесах, она сидит и разговаривает с Богом, и тот рассказывал ей, как он это сделал и почему».

Когда пришло время Ольге Николаевне получать образование, Государыня сначала сама стала учить дочь английскому и французскому языкам. Преподавать остальные предметы императрице помогала гофлектриса Екатерина Адольфовна Шнейдер, которая в свое время учила русскому языку саму Государыню.

В России все без исключения императоры, их братья и сестры получали только домашнее образование. Александра Федоровна лично руководила образованием своих детей, подбирала штат учителей, вникала в тонкости программы обучения, следила за оценками, иногда и сама присутствовала на уроках. Ориентируясь на программу, принятую в гимназиях, она творчески ее адаптировала для цесаревен, а позже и для цесаревича, с которыми занимался целый штат учителей. И только обучением старшей дочери вначале Государыня занималась лично.

Позже, когда был сформирован коллектив учителей и на втором «детском этаже» подготовили классные комнаты, с Ольгой Николаевной начали заниматься профессиональные преподаватели. Когда подросла Татьяна Николаевна, то они стали учиться вдвоем.

Преподаватели отмечали, что Ольга Николаевна отличалась прекрасными способностями, практически ни по одному предмету у нее не возникало проблем, ее оценки в большинстве были отличными, очень редко она получала четверки. О таких детях говорят «хватает всё на лету». Однако, зная, что ей легко дается учение, цесаревна иногда ленилась. Впрочем, после серьезного разговора с матерью все вновь становилось на свои места и великая княжна снова начинала прилежно заниматься.

Преподаватель французского языка Пьер Жильяр, который со временем стал для Царской семьи близким человеком, так вспоминает свой первый урок в Александровском дворце: «Меня провели во второй этаж, в маленькую комнату с очень скромной обстановкой в английском вкусе. Дверь отворилась, и вошла императрица, держа за руку двух дочерей, Ольгу и Татьяну.

Сказав несколько любезных слов, она заняла место за столом и сделала мне знак сесть против нее; дети поместились по обе стороны. Старшая из великих княжон, Ольга, девочка десяти лет, очень белокурая, с глазами,

полными лукавого огонька, с приподнятым слегка носиком, рассматривала меня с выражением, в котором, казалось, было желание с первой же минуты отыскать слабое место, — но от этого ребенка веяло чистотой и правдивостью, которые сразу привлекали к нему симпатии».

На уроках обе старшие цесаревны были внимательны и ответственные, а вот во время перемен, которые длились 10 минут, между уроками, девочки бегали, прыгали, иногда даже по стульям и диванам. Но стоило прийти очередному учителю, проказницы сразу превращались в воспитанных, послушных учениц.

Пьер Жильяр, долго учивший Августейших детей, считал, что Ольга Николаевна была самой талантливой из них. С самого начала занятий он отмечал: «Старшая, великая княжна Ольга Николаевна, была умна и рассудительна» и вспоминал, что когда цесаревна подросла, то стала просить учителя дать почитать ей новые, взрослые книги на французском языке не по программе, потому что, замечает преподаватель, «очень любила читать в часы, свободные от занятий». Вторит похвалам учителя и подруга Государыни Анна Вырубова: «Ольга была, вероятно, наиболее одаренной из царских дочерей. Она совсем неплохо писала стихи, у нее были способности к музыке, она могла играть самые сложные музыкальные пьесы по слуху, ее голос не был сильным, но чистым. Все учителя поражались ее памяти, которую она, конечно, унаследовала от отца. Ничто не могло отвлечь ее, если она была погружена в занятия, но ей достаточно было прочитать урок раз или два, чтобы знать его на память. Как и мать, она была очень религиозна».

С учителями у Ольги Николаевны сложились очень теплые отношения. Сохранились ее письма старшему над всеми учителями, преподавателю русского языка и литературы Петру Васильевичу Петрову, которые она, как и ее сестры и брат, писала ему в детстве из путешествий. Когда Царская семья уезжала, Петр Васильевич в письмах давал советы ученикам, какие книги им стоит прочитать, и объяснял почему. Так как больше всех детей любила чтение Ольга Николаевна, то советы о новых книгах учитель чаще всего давал именно ей. К примеру, 25 августа 1910 года (тогда великой княжне было 14 лет) учитель пишет ей письмо, из которого понятно, что цесаревна на отдыхе в Крыму читала книги классиков русской литературы: «Когда окончите «Войну и мир» Л. Толстого, приступите, пожалуйста, к чтению «Недоросля» Фонвизина, а потом уже к «Мертвым душам» Гоголя. Д. И. [Фонвизин] был по выражению Пушкина не только русский, но «перерусский» человек. В комедии «Недоросль» он в смешном виде изобразил невежество и

жестокость тогдашних помещиков».

Согласно сохранившемуся «Расписанию учебных занятий на 1909–1910 учебный год» у Ольги Николаевны каждый день было от четырех до шести уроков. Кроме обычных общеобразовательных предметов она изучала английский, немецкий и французский языки. Обязательным предметом всегда оставалось рисование. Акварели и рисунки великой княжны выполнены на очень высоком уровне. Три раза в неделю по вечерам у цесаревны проходили уроки музыки, которой она занималась серьезно, отлично играла на фортепьяно, хорошо пела. Могла на слух подобрать любую мелодию. На фортепьяно исполняла сложные произведения.

В сохранившемся «Классном журнале великой княжны Ольги Николаевны» (за 1910 год) на страницах, отведенных русской литературе, можно увидеть, например, что 18 ноября на уроке сначала повторяли пройденный материал, затем читали отрывки из «Евгения Онегина» А. С. Пушкина. И цесаревна получила за урок пять баллов. А 3 декабря изучали биографию М. В. Ломоносова, и вновь — оценка «пять». А 10 декабря Ольга Николаевна читала наизусть отрывок из первой главы «Евгения Онегина» — «Мой дядя самых честных правил...». Вновь твердая пятерка. Практически на каждом уроке ей за знания ставили оценки. И почти всегда это были пятерки. Редко четверки. Например, из тринадцати оценок по русской литературе за ноябрь и декабрь 1910 года только две четверки, остальные пятерки.

Учителя детей Царской семьи обязательно в конце учебного года готовили отзыв об успехах каждого из своих учеников, писали перечень того, что они с каждым учеником прошли на занятиях за отчетное время. Ольга Николаевна отлично успевала по всем предметам, можно сказать, что она училась лучше всех своих сестер и брата. Учителя в своих отчетах великую княжну хвалили.

Довольно рано любовь Ольги Николаевны к чтению, к литературе вылилась в желание писать стихи. Цесаревна начала неумело, но старательно сочинять стихотворения: уже в восемь лет она подписывает Государыне открытку ко дню рождения собственным четверостишием — его она назвала «Матери».

С раннего возраста, как только цесаревны могли научиться пользоваться иглой, Государыня стала учить их разным рукоделиям. Ольга Николаевна, как и все ее сестры, умела шить, вязать, вышивать гладью и бисером, мастерить разные украшения. Но эти занятия она не любила. Часто, когда младшие сестры с матерью вышивали, Ольга

Николаевна, уединившись, читала или музицировала. Даже в Крыму среди всеобщего веселья и радостной суеты старшая цесаревна любила одна у моря или в парке часами читать книги.

Интересно, что в мире к старшей дочери Российского императора по-прежнему сохранялся стойкий интерес, теперь он распространялся и на то, как цесаревна учится. Зарубежные газеты писали о цесаревне, как об «очень интересной, с развитым воображением девочке, которая очень любит читать», уточняли, что «стало известно даже о том, что она имеет большие способности к арифметике». В одной из английских газет журналист, после описания достоинств русской старшей великой княжны, задавался вопросом: «Не суждено ли ей [Ольге Николаевне] стать нашей будущей королевой-консортом?»

Если организацией образования детей в Царской семье занималась государыня, то за их физическим развитием, за занятиями спортом следил Государь, сам прекрасный спортсмен. Именно с отцом они катались на велосипедах, байдарках, коньках, лыжах, играли в теннис, городки, плавали и т. д. Ольга Николаевна прекрасно играла в теннис, часто на корте они тренировались вдвоем с отцом. Со временем она стала играть не хуже императора. Любила цесаревна верховую езду, повзрослев, стала отличной наездницей. Нередко именно Ольгу Николаевну Государь брал с собой на длительные прогулки, которые он всегда любил. И все же, несмотря на занятия спортом и здоровый образ жизни, цесаревна росла достаточно слабым ребенком. Нередко в переписке ее родителей встречаются переживания и тревоги о здоровье старшей дочери: она нередко простужалась и пропускала из-за этого уроки. В сохранившихся классных журналах великой княжны встречаются отметки о пропусках ею занятий по болезни.

Чем старше становилась Ольга Николаевна, тем ярче проявлялся ее пылкий темперамент, временами она могла вспылить из-за какой-нибудь мелочи, могла быть упрямой, непослушной. Обижаясь на близких, даже на мать, по словам Государыни — могла долго «дуться». Александра Федоровна с огромным терпением занималась воспитанием дочери, объясняя ей, почему та неправильно поступает. Государыня, чтобы не ранить самолюбие девочки, делала это очень тактично: не поучала цесаревну в присутствии младших детей и даже не отчитывала ее лично, а писала ей небольшие записки, которые та читала, оставаясь одна.

Вот одно такое послание императрицы дочери: «Моя милая, дорогая девочка, я надеюсь, что все обошлось хорошо. Я так много думала о тебе, моя бедняжка, хорошо зная по опыту, как неприятны бывают такие

недоразумения. Чувствуешь себя такой несчастной, когда кто-то на тебя сердится. Мы все должны переносить испытания: и взрослые люди и маленькие дети, Бог преподает нам урок терпения. Я знаю, что для тебя это особенно трудно, так как ты очень глубоко все переживаешь и у тебя горячий нрав. Но ты должна научиться обуздывать свой язык. Быстро помолись, чтобы Бог тебе помог сочувствовать и не думай о себе. Тогда с Божией помощью тебе будет легче терпеть. Да благословит тебя Бог».

Особенно Государыня волновалась, чтобы темперамент Ольги Николаевны не сказался на воспитании младших детей, которые обожали старшую сестру и старались во всем ей подражать. Поэтому Александра Федоровна с тревогой писала старшей дочери: «Да, старайся быть более послушной и не будь чересчур нетерпеливой, не впадай от этого в гнев. Меня это очень расстраивает, ты ведь сейчас совсем большая. Ты видишь, как Анастасия начинает повторять за тобой, Дитя мое». И еще: «Ты бываешь такой милой со мной, будь такой же и с сестрами. Покажи свое любящее сердце». Государыня, понимая, что ее старшая дочь — натура тонкая и глубокая, а ее нервозность — следствие искренности переживаний, от всего сердца хотела, чтобы великая княжна научилась бороться со своими недостатками, и терпеливо помогала ей в этом. В ответ цесаревна с благодарностью писала: «Дорогая мама, мне очень помогает, когда ты пишешь мне, что делать, и тогда я изо всех сил стараюсь так и поступать».

Только в письмах императору Государыня позволяла себе жаловаться на трудный характер старшей дочери в подростковом возрасте. Со временем повзрослевшая цесаревна научилась справляться со своей эмоциональностью, которая стала проявляться в подлинной доброте и внимании к людям.

Августейшие родители старались готовить своих детей к будущей взрослой жизни, заранее понимая, какое место им предстоит занять в государстве, в обществе. Едва Ольге Николаевне исполнилось семь лет, как в дневнике Государя стали появляться записи о том, что на какие-то официальные встречи, смотры, парады он брал с собой юную цесаревну. В это же время великую княжну стали вместе со всеми близкими сажать за общим столом. К этому времени она уже умела себя подобающим образом вести, правильно пользоваться столовыми приборами, поддерживать с гостями милую светскую беседу. Государыня рано стала доверять старшей дочери попечение над младшими детьми. В 1903 году, когда император с императрицей летом уехали в Саров, с дороги она писала Ольге Николаевне, которой было всего восемь лет, — «старайтесь быть

золотыми». И просила, чтобы цесаревна обязательно каждый день телеграфировала родителям о том, как поживает сама, как чувствуют себя ее маленькие сестры.

Особое значение Государыня уделяла религиозному воспитанию детей. С младенчества Ольга Николаевна постоянно с родителями посещала храм, причащалась. Среди изучаемых ею предметов был Закон Божий, если посмотреть отчет священника протоиерея Александра Петровича Рождественского о том, что за три года (1904–1906) освоила его ученица, то становится понятным: великая княжна прекрасно знала Священную историю Ветхого и Нового Завета; Евангелие читала по-русски и по-церковнославянски; ею были изучены материалы о православных праздниках, о литургии, об устройстве храмов, богослужениях, таинствах и постах. Кроме того, Александра Федоровна постоянно посылала дочери письма с духовными наставлениями. Так, в 1909 году она писала Ольге Николаевне: «Учись послушанию, пока ты еще мала, и ты приучишься слушаться Бога, когда станешь старше», в другом письме: «Ольга, дорогая, в комнате я или нет, ты всегда должна вести себя одинаково. Это не я за тобой смотрю, а Бог все видит и повсюду слышит, и это Ему мы должны в первую очередь постараться понравиться, делая все, что нужно...» В 1910 году особые наставления цесаревна получает от матери во время поста: «Изо всех сил старайся быть как можно лучше, терпеливее и любезнее во время Святого Поста — серьезно вслушивайся в прекрасные молитвы в церкви».

Когда 30 июля 1904 года в Царской семье родился сын, то на церемонии крещения брата — цесаревича Алексея — юная Ольга Николаевна была назначена одной из его крестных. Великой княжне в ту пору было около девяти лет. Юная княжна отлично справилась со своими важными обязанностями. Ольга Николаевна была одета в роскошное платье в русском национальном стиле, сшитом из голубого атласа, расшитого серебром. Голову ее украшал богатый кокошник, украшенный жемчугом. Ольга Николаевна радостно и гордо улыбалась, держа за уголок подушку, на которой к крещенской купели несла цесаревича Алексея бабушка — вдовствующая императрица Мария Федоровна.

В тот день двоюродный брат великой княжны Иоанн Константинович, восторгаясь прекрасной цесаревной, сказал своей матери: «Я так восхищен ею, что даже не могу выразить словами. Это было как лесной пожар, раздуваемый ветром. Ее волосы развевались, глаза сверкали, ну, я даже не знаю, как это описать!!»

Юность

У великих княжон, а также у девушек из знатных семей Российской империи светская жизнь начиналась в 13–15 лет. Именно в этом возрасте подраставших в семьях высшего общества девочек начинали готовить к выходу в свет. Они впервые появлялись в обществе, но это были не настоящие взрослые, а так называемые «розовые балы» — своего рода смотрины именно для девочек-подростков, на которых они могли научиться вести себя подобающим образом, отточить манеры и мастерство в танцах. В этом возрасте немного менялись их наряды — удлинялись платья и юбки. Конечно, это еще были не длинные платья, как у взрослых девушек, но и не укороченные наряды маленьких девочек. У девушек 13–15 лет из высшего общества еще не было настоящих дорогих украшений, их распущенные по плечам волосы пока не укладывали в прически, но платье по щиколотку уже выдавало их возраст, который стремительно приближался к совершеннолетию. Оно у великих княжон наступало в 16 лет. Тогда каждая великая княжна получала в подарок свои первые настоящие драгоценности, роскошное бальное платье в пол, а ее волосы укладывали в высокую замысловатую прическу. И, как правило, в день шестнадцатилетия в честь именинницы давали настоящий «взрослый» бал. С этого момента считалось, что девушка уже готова выйти замуж. Во всяком случае, ей могли сделать официальное предложение руки и сердца.

Довольно рано, еще в подростковом возрасте, пылкая, эмоциональная, романтическая великая княжна Ольга Николаевна начала обращать внимание на молодых людей противоположного пола, но, как правило, это были не родственники из именитых семейств империи и не представители Европейских владетельных домов. Первые самые невинные вздохи и ласковые взгляды доставались симпатичным офицерам, служившим в Собственном Его Величества конвое или на любимой императорской яхте «Штандарт». О своих увлечениях цесаревна рассказывала матери — от нее у великой княжны не было секретов. Императрица с пониманием относилась к ее чувствам, только предупреждала дочь, чтобы она была осторожна. Вокруг было много недобрых глаз, и Государыня боялась, что откровенное внимание к кому-то Ольги Николаевны могло вызвать сплетни. В 1910 году она писала дочери: «Сейчас, когда ты уже большая девочка, ты всегда должна быть осмотрительной и не показывать своих чувств. Нельзя показывать другим свои чувства, когда эти другие могут

счесть их неприличными. Я знаю, что он относится к тебе как к младшей сестре, и он знает, что ты, маленькая великая княжна, не должна относиться к нему иначе. Дорогая, я не могу написать все, на это потребуется слишком много времени, а я не одна. Будь мужественна, приободришься и не позволяй себе так много думать о нем».

Во время отдыха на императорской яхте или в Крыму великих княжон сопровождали на прогулках или становились их партнерами на корте молодые, brave моряки, вполне естественно, что подрастающая Ольга Николаевна невольно кокетничала с ними. Возникали и невинные привязанности.

Яхта «Штандарт» стала практически вторым домом для Царской семьи. Дети знали всех членов экипажа, многих с детства. Экипаж отвечал глубокой преданностью Царской семье, и так повелось, что к цесаревнам моряки обращались по имени и отчеству, без титулов. На яхте сложилась очень дружественная, почти семейная атмосфера. По вечерам устраивали танцы, слушали музыку, собирались у столов с картами и настольными играми. Участвовали в этих забавах вся Царская семья, члены Свиты и офицеры экипажа. Но если и возникали какие-то симпатии у молодых военных и цесаревен, то они были невинными. Офицеры знали, что такое присяга и честь.

Первое увлечение Ольги Николаевны, на которое обратили внимание сестры и родители, случилось, когда милая юная великая княжна просто краснела и застенчиво вздыхала в присутствии офицера императорской яхты Николая Павловича Саблина. Офицер сопровождал цесаревну на прогулках, заботился о ней на яхте, играл с ней в теннис, но при этом подчеркнуто сохранял дистанцию. Человек взрослый, он был старше великой княжны на 15 лет и служил старшим офицером императорской яхты, был героем Русско-японской войны. До конца своих дней, а умер он в Париже в 1937 году, Николай Павлович Саблин хранил светлую память о Царской семье и о своей службе на яхте «Штандарт» написал воспоминания.

Государыня в это время в письмах к старшей дочери упоминает некоего «Н.П.» и волнуется, что цесаревна так много о нем думает. «Да, Н.П. очень мил. Я не знаю, верующий ли он. Но незачем о нем думать. А то в голову приходят разные глупости и заставляют кого-то краснеть». Вскоре Александра Федоровна снова упоминает таинственного «Н.П.»: «Я знаю, о ком ты думала в вагоне, — не печалься так. Скоро, с Божией помощью, ты его снова увидишь. Не думай слишком много о Н. П. Это тебя расстраивает». Совпадение инициалов неизвестного «Н.П.» и Н. П.

Саблина позволяет предположить, возможно, это был именно он. Однако юная Ольга Николаевна достаточно часто испытывала влюбленность. Иногда ей нравились одновременно сразу два молодых офицера, виной тому были ее пылкое воображение и природная романтичность.

Юные великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, взрослея, понемногу начинали посещать родственников и друзей Царской семьи, Государыня чаще всего не могла сопровождать их из-за проблем со здоровьем или неотложных дел. Весной 1907 года императрица назначила Софью Ивановну Тютчеву, внучку известного русского поэта, на должность фрейлины-гувернантки для своих дочерей. Софья Ивановна помогала девочкам готовить уроки и сопровождала их на прогулках и во время выездов за пределы дворца. Она была она чрезвычайно строга и требовательна, достаточно часто у нее случались конфликты с цесаревнами. От Ольги Николаевны она потребовала, чтобы цесаревна, которая имела влияние на младших сестер, убедила их слушаться и не озорничать. На что великая княжна ей ответила: «Нет, тогда мне пришлось бы всегда вести себя хорошо, а это невозможно!»

Также девочки часто отправлялись на прогулки вместе с подругой Государыни Анной Вырубовой, которой императрица полностью доверяла. Другой подругой Государыни, которой она без опасения моглаверить своих детей, была Лили Ден — жена офицера Гвардейского экипажа. Лили сразу понравилась детям, веселая и милая, она легко могла присоединиться к их самым безудержным, озорным играм.

Чем старше становились девочки, тем чаще они общались со своими ближайшими родственниками, с тетками — родными сестрами их отца Ольгой Александровной и Ксенией Александровной, а также с бабушкой — вдовствующей императрицей Марией Федоровной. Бабушка устраивала для них у себя в доме вечера, на которых юные цесаревны могли потанцевать в свое удовольствие. Но особенно цесаревны были близки с Ольгой Александровной, которая в то время не имела своих детей и в племянницах души не чаяла. Позже она вспоминала: «Кто-то должен был находиться рядом с ними, чтобы помочь детям вести себя правильно, вставать, когда необходимо, и приветствовать людей, как это следует делать, или, может быть, еще что-нибудь, за чем стоит приглядеть. В конце концов, стало как-то само собой разумеющимся, что я всегда должна была идти вместе с ними, куда бы они ни направлялись». Ольга Александровна была очень близка со своей старшей племянницей и тезкой, которая всего на 13 лет была ее младше. И говорила об отношениях с Ольгой Николаевной так: «Она была похожа на меня по характеру, и, наверное,

поэтому мы так хорошо понимали друг друга».

Летом 1909 года Царская семья отправилась на императорской яхте «Штандарт» в Англию, чтобы встретиться с британской Королевской семьей. Встреча состоялась на борту королевской яхты «Виктория и Альберт». Потом смотрели парад и регату, а затем яхты отправились в гавань города Каус. Для старших цесаревен это было настоящее приключение! Еще и потому, что им вдвоем разрешили посетить город Каус. И хотя они были окружены охраной, но смогли прогуляться по главной улице города и прошлись по магазинам. Великим княжнам выдавали 15 рублей в месяц на личные расходы, и Ольга Николаевна смогла на эти деньги купить себе что-то в английских магазинчиках. Ну какое же это было счастье для четырнадцатилетней цесаревны, которой в России охрана не позволяла без предварительной подготовки и всяческих проверок, которые часто занимали около двух недель, посещать общественные места. А в магазинах и на базарах цесаревны бывали только в Крыму.

Две очаровательные цесаревны гуляли по улицам английского городка. Публика радостно приветствовала великих княжон, одетых в одинаковые элегантные серые костюмы и соломенные шляпки. Три часа цесаревны гуляли по городу, к концу прогулки их сопровождала уже большая толпа. Великие княжны осмотрели местный старинный храм, в котором когда-то молилась их бабушка.

В магазинчиках цесаревны купили много открыток с местными видами и фотографиями английской Королевской семьи, в ювелирной лавке выбрали какие-то милые безделушки, а в аптеке приобрели духи. Девушки с удовольствием говорили с хозяевами магазинов по-английски. Великие княжны были веселы, переговаривались между собой и смеялись. «Таймс» позже писала, что цесаревны «держали себя с полным самообладанием, улыбаясь, когда кто-нибудь из поклонников устраивал им шумное приветствие».

Следующим летом в 1910 году Государыня решила пройти курс лечения на знаменитом курорте в Бад-Наухайме у себя на родине в Гессен-Дармштадте. Царская семья поселилась в соседнем с курортом городе Фридберге. Инкогнито Ольга Николаевна с Татьяной Николаевной смогли прогуливаться по улицам города, тратить свои карманные деньги в местных магазинах.

Осенью 1910 года, когда Царская семья вернулась в Царское Село, Августейшие родители решили, что детям пора почаще появляться в обществе, особенно старшей дочери, которой в ноябре исполнилось 15 лет.

Наступило время Ольге Николаевне принимать участие в светских развлечениях зимнего сезона. В январе 1911 года Государь вместе с дочерью посетил постановку оперы М. П. Мусоргского «Борис Годунов», главную партию в которой исполнял знаменитый бас Ф. И. Шаляпин. В следующем месяце уже с обеими старшими цесаревнами император слушал оперу «Евгений Онегин» П. И. Чайковского, а вскоре, уже вместе со всеми четырьмя дочерьми, смотрел балет «Спящая красавица». А на следующее мероприятие — концерт оркестра балалаечников — Государь привез уже всех пятерых детей.

Пятнадцатилетняя Ольга Николаевна зимой 1911 года начала меняться на глазах, превращаясь из нескладного подростка в красивую девушку. На концерте балалаечников публике особенно это стало заметно. Цесаревна надела белое платье, на шее у нее висела нитка мелкого жемчуга. Светлые волосы красивыми прядями опускались на плечи. В зале цесаревна появилась с букетом фиалок в руках. Все заметили ее девичье очарование. Концерт очень понравился Царской семье и всем зрителям. Люди в зале не могли поверить своим глазам, наблюдая за царскими детьми, которые все же достаточно редко появлялись на публике.

Еще летом 1909 года Государь назначил цесаревну шефом 3-го гусарского Елисаветградского полка. Цесаревна была очень этим горда и чрезвычайно серьезно относилась к своей почетной должности. Ей сшили полковую форму, которую она с удовольствием носила: прекрасная наездница, в гусарской форме в боковом седле великая княжна смотрелась потрясающе. Но это была не просто почетная должность, великая княжна принимала участие в жизни полка, в важных мероприятиях, знала многих офицеров. Она присутствовала при смотрах своего полка.

Весной 1911 года Ольга Николаевна участвовала в очередном военном смотре полка. Нужно сказать, что, так как цесаревне вскоре должно было исполниться 16 лет, то при европейских Дворах начали всерьез присматриваться к ней как к потенциальной невесте. На военные смотры русской армии в качестве наблюдателя из Англии прибыл внук королевы Виктории неженатый принц Артур Коннаутский. Говорили, что на самом деле он приехал познакомиться с Ольгой Николаевной. Но данное знакомство продолжения не имело, остается только предполагать, что молодые люди не понравились друг другу.

В начале сентября 1911 года состоялось важное событие в светской жизни страны: старший сын великого князя Константина Константиновича князь Императорской крови Иоанн Константинович, еще один неудачливый претендент на руку Ольги Николаевны, женился на сербской королевне

Елене, дочери короля Петра I Карагеоргиевича. Когда-то ребенком влюбившийся в нее на крещении цесаревича Алексея в 1904 году, он в 1909 году посетил Царскую семью в Крыму, где признался императору и императрице в своих чувствах к тогда еще четырнадцатилетней великой княжне. Удивленный Государь ответил, что цесаревна слишком молода для брака. Несчастному влюбленному пришлось уехать домой ни с чем. Безутешный, он с печалью сказал своему отцу: «Они не позволят мне жениться на Ольге Николаевне». Но со временем Иоанн Константинович утешился, нашел невесту королевских кровей, на его свадьбе присутствовала вся Царская семья. И цесаревны в роскошных платьях в русском стиле, в белых с розовыми цветами, и в красивых кокошниках были чудо как хороши и милы.

Как расцветает бутон, так великая княжна Ольга Николаевна изменилась буквально в одночасье. Еще вчера это была милая девочка-подросток, по общему мнению, славная, но некрасивая, и вдруг в одно лето цесаревна превратилась в красавицу! К своему совершеннолетию великая княжна стала очаровательной девушкой. Свидетелем этого превращения стал ее учитель Пьер Жильяр, который летом 1911 года уехал в отпуск на родину в Швейцарию, а когда вернулся в Царское Село, то не узнал свою подопечную. Перед ним предстала девушка одного с ним роста, элегантная, красивая, но слегка смущенная своим собственным преображением. Она краснела, глядя на своего достаточно молодого учителя, можно только догадываться, каким восхищенным был его взгляд.

В конце лета Царская семья впервые отдыхала в только что построенном дворце в Ливадии. Роскошный дворец был прекрасен: сияющий белизной среди зелени парков, со светлыми комнатами, буквально наполненными солнечными лучами, с удобными балконами, с которых открывались завораживающие виды на море или горы, с уютным внутренним двориком, украшенным клубами роскошных роз, с галереей и лавочками. Кроме того, новый дворец оказался чрезвычайно удобным, подогреваемые полы в комнатах и залах, электрические лифты для подъема на верхние этажи, телефонная связь в каждой комнате, холодильники на кухне, в общем, в нем оказались все, какие были в то время, технические и градостроительные новинки.

Жизнь Царской семьи в новом дворце протекала удобно и приятно. Ежедневные прогулки по живописным окрестностям были долгими, чарующими. Ольга Николаевна любила гулять пешком, а еще она любила рисовать в дивном парке, окружавшем дворец, или читать, уединившись на скрытой зеленым лавочке. Взяв мольберт, она проводила за ним целые дни

среди густых трав и пышных деревьев. В семье всегда практиковались морские купания, Государыня считала, что детям очень полезны водные процедуры. На пляже цесаревны с цесаревичем могли проводить целые дни.

Император с императрицей и детьми часто навещали родственников, у многих из которых в окрестных имениях были летние резиденции. Те в свою очередь тоже приезжали с визитами к Августейшей семье. Теплые вечера во дворцах в начале осени в Крыму наполнялись музыкой, веселыми разговорами, танцами, столы ломились от изысканных угощений.

Приближался самый важный день 1911 года в жизни Ольги Николаевны. Ее совершеннолетие — 16 лет! К этому празднику готовились вся Царская семья, их родные и все окружение. Приглашение на бал в честь совершеннолетия великой княжны Ольги Николаевны получили родственники и высокопоставленные особы, в это время отдыхавшие в Крыму, члены Свиты Его Величества, офицеры императорской яхты «Штандарт» и офицеры расквартированного неподалеку Крымского конного Государыни императрицы Александры Федоровны полка.

Утром 3 ноября 1911 года родители поздравили любимую дочь с совершеннолетием. Она получила от них в подарок свои первые настоящие драгоценности: два дорогих ожерелья — жемчужное, собранное из крупных, отборных жемчужин, и роскошное бриллиантовое. Плюс еще одним подарком стало драгоценное кольцо.

Вечером на бал стали съезжаться гости, знатные дамы в вечерних платьях сияли россыпями драгоценных украшений — на шеях, пальцах, руках, на платьях и даже в прическах блестели бриллианты. Мужчины в парадных мундирах, украшенных наградами, многие из орденов тоже украшали драгоценные камни. Сиятельная публика с восторгом встречала виновницу торжества.

Ее Императорское Высочество великая княжна Ольга Николаевна появилась в зале Ливадийского дворца во всем великолепии юного очарования. Ольга Николаевна была одета в длинное в пол белое бальное платье из нежного тюля, с высоким воротником. Кружевной лиф и украшенный розами пояс дополняли наряд цесаревны. Ее волосы были собраны в высокую красивую прическу. Цесаревна слегка краснела от волнения, ее глаза блестели от всеобщего внимания и восхищения!

Ужин давали на втором этаже Ливадийского дворца в его главном зале. В 9 часов вечера к столу были приглашены 140 гостей, кандидатуру каждого из которых заранее подробно обсудили. Меню было великолепно, подавались самые изысканные блюда, восхитительно красиво был украшен

зал. За каждым стулом гостя стояли богато одетые слуги. Лакеи были одеты в красные с золотом ливреи, на головах у них были шляпы с перьями.

После ужина, уже в танцевальном зале на первом этаже, где для гостей играл оркестр императорской яхты «Штандарт», начались танцы. Гордый своей прекрасной красавицей дочерью император, взяв ее за руку, вывел Ольгу Николаевну в центр зала. Счастливая великая княжна с кавалером открыла вальсом первый бал в своей взрослой жизни. Гости и особенно молодые офицеры, не скрывая восхищения, любовались ее красивым вальсированием. Все присутствующие почтительно расступились, освободив круг для будто порхающей по танцевальному залу пары.

Высокие застекленные двери закрывали зал от уютного внутреннего дворика дворца, в котором цвели множество роз. И когда стеклянные двери, наконец, открыли, то танцевальный зал наполнился дурманящим ароматом роз и морской прохладой.

Подруга императрицы Анна Вырубова с восхищением вспоминала тот бал: «Стеклянные двери во двор распахнулись, музыка невидимого оркестра лилась вместе с запахом роз, как дыхание их собственного дивного аромата. Это был восхитительный вечер, ясный и теплый, и бальные платья, и драгоценности женщин, и блестящие мундиры мужчин вместе представляли собой поразительное зрелище в блеске электрических огней».

Ольга Николаевна была счастлива. Она, не останавливаясь, танцевала с молодыми офицерами. И конечно с человеком, который был назначен главным ее сопровождающим на праздничный вечер, со старшим офицером императорской яхты «Штандарт» Николаем Павловичем Саблиным. Цесаревна была весела и слегка, ну совсем чуточку, захмелела. Впервые им с сестрой Татьяной Николаевной родители разрешили выпить по бокалу шампанского.

Перед сном уставшая великая княжна написала в дневнике: «Я все время танцевала, до часа ночи, и была очень счастлива. Были многие офицеры и дамы. Всем было ужасно весело. Мне 16 лет». Бал в честь совершеннолетия великой княжны Ольги Николаевны в свете единогласно признали главным событием осени 1911 года.

В это время образ очаровательной русской цесаревны все больше будоражил умы принцев — самых завидных и богатых женихов Европы. На южном берегу Крыма в Хараксе в собственной резиденции проводила лето великая княгиня Мария Георгиевна, троюродная сестра Государя, дочь короля Греции. Царская семья довольно часто посещала родственницу, у которой в это время гостил ее брат — двадцатитрехлетний принц

Христофор Греческий и Датский. Он однажды признался сестре, что «восхищен великой княжной Ольгой», но не знает — может ли он рассчитывать на ее взаимность? В результате на совете брат с сестрой постановили, что нужно действовать решительно. Принц Христофор выпил виски с содовой для смелости и отправился в Ливадию попытать счастье. Вернулся он ужасно опечаленным, по словам одной из подруг великой княгини, выглядел, «как побитая собака». Император принял Греческого принца любезно. Однако категорически ему отказал, объяснив, что все-таки цесаревна слишком молода, чтобы думать о браке.

Зарубежные газеты постоянно сплетничали, обсуждая кандидатуры возможных женихов для Ольги Николаевны. По утверждению одних газет, Российский император хотел бы отдать свою старшую дочь в жены Сербскому королевичу Георгию, чтобы сохранить дружбу с близкой балканской страной. Другие газеты утверждали, что ничего подобного, совсем скоро будет объявлено о помолвке цесаревны с наследником болгарского престола князем Борисом Тырновским, и это уже решенный вопрос. Но оба предположения не имели под собой никакой почвы. Обе помолвки — это были досужие фантазии журналистов.

В Великобритании, после коронации в июне 1910 года Георга V, любимой темой в светских салонах и обсуждений на страницах газет стали разговоры о том, что теперь самым важным событием для Великобритании будет свадьба наследника престола Эдуарда принца Уэльского, которому тогда исполнилось 17 лет. Для принца уже был составлен список самых лучших и желанных невест из европейских монарших Домов, первой в нем значилась русская цесаревна — великая княжна Ольга Николаевна.

В России в это время в «обществе» было принято считать — об этом судачили газеты, — что цесаревна предпочтет отдать руку и сердце кому-то из молодых великих князей. Правда в этом утверждении состояла в одном — Ольга Николаевна решительно сказала Августейшим родителям, что категорически не хочет покидать Россию. Она желала выйти замуж только за русского. И поэтому, когда стали возникать разговоры о ее возможном замужестве, она напомнила родителям, что они еще в детстве обещали ей, что никогда не выдадут ее замуж без ее согласия. Государыня дочь полностью поддержала, считая, что она имеет полное право на личное счастье. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов вспоминал, что императрица однажды сказала: «Господь устроил мою судьбу и послал мне семейное счастье, о котором я и не мечтала. Тем более я считаю себя обязанной предоставить моим дочерям право выйти замуж только за людей, которые внушат им расположение». Государь слишком любил Ольгу

Николаевну, чтобы сделать ее несчастной. Разговоры о замужестве совершеннолетней великой княжны в Царской семье на время прекратились. Однако этот вопрос широко обсуждался в политических кругах, в правительстве считали, что с помощью выгодной для страны женитьбы можно решить многие политические проблемы. Поэтому тайные переговоры министры вели с заинтересованными странами.

Подруга императрицы Анна Вырубова вспоминала: «Когда подрастали великие княжны и мы, близкие, думали о их возможных свадьбах. За границу уезжать им не хотелось, дома же женихов не было. С детства мысль о браке волновала великих княжон, так как для них брак был связан с отъездом за границу. Особенно же великая княжна Ольга Николаевна и слышать не хотела об отъезде из родины. Вопрос этот был больным местом для нее, и она почти враждебно относилась к иностранным женихам».

Когда на императорской яхте «Штандарт» отмечали именины Ольги Николаевны, среди множества подарков оказался портрет английского принца Эдуарда, фотография была вырезана из газеты или журнала и вставлена в рамку, цесаревна только посмеялась над прозрачным намеком. А вот Татьяне Николаевне было очень обидно за сестру, она возмущалась вульгарным и неуместным подарком неизвестного лица. Так и осталось загадкой, кто подарил великой княжне этот портрет.

С самого детства родственники, ближайшее окружение Царской семьи, члены Свиты и придворные считали, что Ольга Николаевна очень похожа внешностью, характером, темпераментом на Государя. Многие так и говорили о ней — это «отцовская дочь». Цесаревна своего венценосного отца боготворила, как писал воспитатель цесаревича Пьер Жильяр: «Их отношения с Государем были прелестны. Государь для дочери был одновременно царем, отцом и товарищем». Отношение Ольги Николаевны к отцу «переходило от религиозного поклонения до полной доверчивости и самой сердечной дружбы».

Пьеру Жильяру вторят многие близкие Царской семье люди. Баронесса М. К. Дитерихс вспоминала: «Ольга Николаевна была очень предана своему отцу. Она безгранично его любила». Замечает, что старшая дочь больше других детей была похожа на отца, учитель английского языка Сидней Гиббс, по его словам, «ее моральный облик напоминал мне ее отца, которого она любила больше всего на свете. Она была по-настоящему верующей». Игумен Серафим (Кузнецов) писал, что «характер ее [Ольги Николаевны] мягкой и доброй души был более похож на характер отца; также и наружным своим видом она больше походила на отца, чем мать. Это была дочь отца». Внешность Ольги Николаевны подруга Государыни

Анна Вырубова описывала так: «У нее были чудные белокурые волосы, большие голубые глаза и дивный цвет лица, немного вздернутый нос, походивший на Государев». Окружающие замечали, что и во всем ее облике легко было увидеть черты, которые она унаследовала от отца. «Ольга Николаевна улыбалась так же хорошо, как Государь», — вспоминал Ялтинский градоначальник генерал А. И. Спиридович.

Император очень любил свою старшую дочь. Именно ее он чаще других детей брал с собой на прогулки, которые ему очень нравились и были просто необходимы, чтобы поддерживать хорошую физическую форму. Государь мог гулять часами, при этом обдумывая важные государственные дела. С возрастом Ольга Николаевна стала не просто его спутницей на прогулках, но и человеком, с которым он мог обсуждать то, о чем в данный момент думал. Может быть, Государь все еще не сбрасывал со счетов возможность того, что старшая цесаревна когда-нибудь при определенных условиях взойдет на трон. И он готовил таким образом дочь к любому повороту событий. Или императору был необходим собеседник, слушатель, которому он мог доверять и, не опасаясь, проговаривать вслух свои мысли. В любом случае, по воспоминаниям дежурных офицеров, в Александровском дворце иногда даже ночью Государь, получив важное послание, просил разбудить Ольгу Николаевну. Она сонная спускалась в кабинет к отцу со второго этажа в халатике, он зачитывал ей полученную депешу и обсуждал с дочерью полученную новость, возможно, это помогало ему быстрее принять решение. Император называл Ольгу Николаевну — «мой маленький близкий друг».

Известно, что любимой исторической личностью у великой княжны Ольги Николаевны была императрица Екатерина Великая. Цесаревна ею восхищалась, но с этой оценкой деятельности Екатерины II не была согласна Александра Федоровна. Однажды, когда цесаревна восхищалась словами Екатерины II, она сказала дочери: «Все это только красивые фразы, а дела нет никакого!» Ольга возразила: «Красивые слова поддерживают людей, как костыли, при Екатерине было сказано много красивых слов, которые перешли потом в дело!»

К моменту совершеннолетия Ольги Николаевны императрица часто по состоянию здоровья не могла сопровождать императора на разных важных государственных и светских мероприятиях. Ее в таких случаях подменяла Ольга Николаевна — одна или вместе с Татьяной Николаевной. Так и в трагический момент в Киевском городском театре 1 сентября 1911 года рядом с Государем были две его старшие дочери, ставшие свидетелями покушения на П. А. Столыпина. Когда тяжелораненого во время 2-го

антракта премьер-министра выносили из зала, министр Императорского Двора барон В. Ф. Фредерикс сказал царю: «Ваше Величество, Петр Аркадьевич попросил меня сказать, что он счастлив умереть за Вас». Цесаревны были рядом с отцом. Государь ответил: «Надеюсь, что нет никаких оснований говорить о смерти». На что министр с печалью сказал: «Я боюсь, что есть, поскольку одна из пуль попала в печень». Цесаревны, волнуясь, что отцу может тоже угрожать опасность, пытались уговорить его быстрее уйти из ложи и вообще из театра. Многим до этого случая казалось, что старшая цесаревна слабее, ранимее и впечатлительнее, чем ее сестра. Но именно Ольга Николаевна уверенно и бесстрашно стояла рядом с отцом, успокаивая плакавшую Татьяну Николаевну. Когда после ареста анархиста Д. Г. Богрова, стрелявшего в Столыпина, публика в зале и труппа на сцене в едином порыве запели «Боже, Царя храни!», Государь остался стоять в ложе у самых перил, «подавленный, но без страха». И такой же стойкой и бесстрашной была и стоявшая рядом с ним великая княжна Ольга Николаевна.

Потрясенный Государь написал матери об этих событиях: «Ольга и Татьяна были со мною тогда, и мы только что вышли из ложи во время второго антракта, так как в театре было очень жарко. В это время мы услышали два звука, похожие на звук падающего предмета... Прямо против меня в партере стоял Столыпин. Он медленно повернулся лицом ко мне и благословил воздух левой рукой. Тут только я заметил, что он побледнел и у него на кителе и на правой руке кровь. Он тихо сел в кресло и начал расстегивать китель. Ольга и Татьяна вошли за мною в ложу и увидели все, что произошло».

В начале 1912 года в России в светском обществе появились слухи о скорой помолвке великой княжны Ольги Николаевны и великого князя Дмитрия Павловича. Называлась даже возможная дата помолвки — 6 июня. Зарубежные же газеты всю трубили о помолвке как о решенном деле, придумывая подробности о драгоценных подарках, якобы сделанных женихом невесте.

Великий князь Дмитрий Павлович был сыном Павла Александровича — самого младшего сына императора Александра II. Его мать — греческая принцесса Александра Георгиевна — скончалась после родов и Дмитрий и его старшая сестра Мария остались сиротами. Когда же их отец Павел Александрович в 1902 году вступил в мorganaticкий брак с разведенной женой своего бывшего подчиненного, разразился скандал и Государь запретил ему возвращаться в Россию. Дети остались на родине, заботу о них взяли на себя великая княгиня Елизавета Федоровна и ее муж —

великий князь Сергей Александрович, у которых своих детей не было. Заботились о сиротах при живом отце и император с императрицей, с которыми у покинутых детей сложились самые теплые отношения. Дмитрий Павлович какое-то время даже называл Государя с Государыней «папа» и «мама». А когда великий князь вырос, Августейшая семья его продолжала считать очень близким человеком, фактически членом семьи. Дмитрий Павлович часто запросто бывал в Царском Селе, без церемоний, лишь телефонным звонком он предупреждал о своем приезде. Вдвоем с Государем они могли целый вечер играть в бильярд, прогуливаться. Дмитрий Павлович, прекрасный наездник, постоянно отправлялся с цесаревнами на конные прогулки.

Дмитрий Павлович был на четыре года старше Ольги Николаевны. Когда он вырос, то стал красивым молодым человеком — высоким, стройным, остроумным, светское общество было от него без ума. Придавало ему популярности и крупное состояние. Когда погиб великий князь Сергей Александрович, Елизавета Федоровна со временем подарила своему подопечному, которого любила как сына, имение своего мужа и роскошный дворец на Невском проспекте в столице.

Дмитрий Павлович получил звание корнета Конной гвардии, окончил Офицерскую кавалерийскую школу в Санкт-Петербурге, стал часто сопровождать императора на маневрах и смотрах. С детства великий князь был отличным наездником, поэтому ему было поручено заняться подготовкой российской команды по конному спорту к Стокгольмской олимпиаде, в которой и он сам принимал участие. После чего Государь стал называть его «олимпийцем».

Сестра великого князя Мария Павловна писала о брате: «Никто не вступал в жизнь более непринужденно, более блистательно, чем он. У него было большое состояние, а обязанностей, с ним связанных, почти никаких, необычайно привлекательная внешность в сочетании с шармом, кроме того, он был признанным любимцем царя. Еще прежде, чем он закончил учебу и был зачислен в конную гвардию, в Европе не было ни одного молодого принца, кто бы больше привлекал всеобщее внимание, чем он, что у себя в стране, что за рубежом. Он шел золотым путем, всеми обласканный и восхваляемый».

Всеобщее внимание и жизнь богатого повесы постепенно меняли характер великого князя. Еще в 1908 году Государь запретил Дмитрию Павловичу ездить наедине с Ольгой Николаевной на конные прогулки, причиной послужил какой-то инцидент, о котором предпочитали не упоминать...

Светская жизнь не лучшим образом влияла на князя. Он стал увлекаться карточными играми, принимал участие в скандальных кутежах, заводил романы с женщинами старше его по возрасту, в том числе замужними. Такая буйная слава мало подходила для роли жениха цесаревны — чистой, юной, романтической девушки. Александра Федоровна, конечно, не могла позволить своей дочери обручиться с праздным гулякой. Несмотря на уверения некоторых историков, прямых сведений об увлечении цесаревны Дмитрием Павловичем нет, хотя и нельзя исключить, что очаровательный, красивый юноша мог на какое-то время тронуть сердце великой княжны. Как, впрочем, нет и фактов, подтверждающих нежные чувства великого князя к Ольге Николаевне. Наоборот, близкие князю люди утверждали, что неискушенная в любовных делах, невинная Ольга Николаевна кажется ему «занудой» и «ему абсолютно неинтересна». В результате слухи о помолвке постепенно утихли.

Летом 1912 года Царская семья принимала самое активное участие в праздновании 100-летия Отечественной войны 1812 года. Это важное для истории России событие отмечалось с размахом. Несколько дней в конце августа 1912 года проходили торжественные мероприятия сначала на Бородинском поле, затем в Москве. В них участвовали не только императорская чета, но и цесаревны с цесаревичем. Ольга Николаевна вместе с братом находилась в одной машине с родителями, на что обратили внимание придворные и свитские. Пышные празднества с очень напряженным графиком стали непростыми для царских детей, но они их с достоинством выдержали.

Государыня часто поручала заботу о наследнике старшей дочери. Цесаревича видели на прогулках и мероприятиях в столице именно с Ольгой Николаевной. Алексей Николаевич преданно любил свою старшую сестру, которая кроме всего прочего была его крестной матерью. Цесаревич постоянно повторял, что он «Ольгин сын», и когда в детстве обижался за что-то на своих Августейших родителей, то собирал свои игрушки и уходил в комнату к Ольге Николаевне. Хотя и между ними случались размолвки. Однажды цесаревич из машины наблюдал, как маршируют его сверстники, ему очень захотелось к ним присоединиться, но Ольга Николаевна, которая была с цесаревичем на прогулке, запретила ему покидать машину. В ответ он ее ударил, цесаревна сдержалась, ласково уговаривая брата, но когда они вернулись домой, рыдая от обиды, в слезах убежала в свою комнату. Целый день Алексей Николаевич вымаливал у нее прощение, а во время ужина отдал ее свой десерт и настоял, чтобы она его

съела. В итоге они помирились.

Цесаревна с необыкновенной нежностью относилась к младшему брату, особенно это становилось заметным в те дни, когда он болел. Именно она, помогая падающей от усталости матери, часами сидела у постели страдающего брата, своей заботой облегчая ему боль. Так было и осенью 1912 года в охотничьем дворце в Спале в Беловежской Пуще, где у наследника случился один из самых страшных приступов гемофилии. Положение цесаревича было настолько критическим, что врачи опасались самого страшного — летального исхода. В это время охотничий дворец был полон гостей, которые, сменяя друг друга, приезжали на царскую охоту. Воспитатель наследника Пьер Жильяр вспоминал, что как назло «одна группа охотников сменяла другую, гостей было больше, чем когда-либо». Император и императрица вынуждены были перед светским обществом исполнять свои обязанности радушных хозяев, в то время как рядом в покоях практически умирал их дорогой сын.

Однажды во время особенно сильных болей цесаревич попросил мать поставить ему памятник на могиле, если он умрет. В самые тяжелые минуты рядом с цесаревичем, когда родители вынуждены были его покидать, оставалась Ольга Николаевна. Когда цесаревна уставала, ей на смену приходила Татьяна Николаевна. Однако цесаревич часто просил старшую сестру, чтобы она вернулась. Когда кризис миновал, для всей Царской семьи это стало огромным облегчением. После возвращения в Царское Село Алексей Николаевич выздоравливал медленно, трудно, какое-то время состояние его здоровья стало главным делом для всей семьи. Восстановительные процедуры отнимали у него много сил, родные старались, как могли, скрасить одиночество и печаль мальчика, вынужденного находиться в постели, что при его живом характере временами становилось для него невыносимым. Все осенние месяцы Государыня и старшие цесаревны не появлялись в обществе, на светских мероприятиях, отдавая все свое свободное время наследнику. И только в начале декабря, когда цесаревич смог, наконец, передвигаться хотя бы в кресле с колесами или на руках у своего дядьки боцмана А. Е. Деревенько, Государыня вернулась к государственным делам, а цесаревны вновь стали посещать родственников, выезжать из Царского Села.

В начале 1913 года, в январе и феврале, Государь снова достаточно часто стал бывать с дочерьми в театре. Цесаревны посмотрели с отцом балеты «Конек-Горбунок», «Дон Кихот» и «Дочь фараона», в которых танцевала великолепная Анна Павлова. Старшие цесаревны слушали с Государем оперы «Мадам Баттерфляй», «Сказание о невидимом граде

Китеже». Особенно Ольге Николаевне понравился «Лоэнгрин» Рихарда Вагнера, она назвала оперу прекрасной и волнующей.

Тетка, великая княгиня Ольга Александровна, для развлечения своих старших племянниц устраивала в своем доме дневной чай или ужины. Приглашали молодых друзей-офицеров и близких родственников, музицировали, танцевали, играли в практически детские игры — прятки и догонялки, немного флиртовали. В это время Ольга Николаевна симпатизировала лихому казаку Александру Константиновичу Шведову. Хорунжий лейб-гвардии 1-й Кубанской сотни Собственного Его Величества конвоя, уроженец станицы Григориполисской Лабинского отдела Кубанской области, сын полковника — Александр Шведов был на семь лет старше цесаревны. Почти полгода старшие княжны постоянно посещали чаепития у Ольги Александровны, и все это время Ольга Николаевна испытывала романтические чувства к Шведову. В это время она записала в своем дневнике: «Сидела с АКШ [Александром Константиновичем Шведовым] все время и сильно влюбилась в него. Господи, помилуй! Видела его в течение всего дня, на литургии и вечером. Было очень приятно и весело. Он такой милый».

Юбилейный 1913 год стал для Царской семьи чрезвычайно ответственным — вся страна готовилась отмечать 300-летие Дома Романовых, планировалось провести сотни праздничных мероприятий. В главных принимала участие Царская семья. Особое внимание публики с самого начала привлекали цесаревны. Их молодость, непосредственность, красота, преданность отцу стали лучшим украшением образа Царской семьи. В феврале они впервые за долгое время переехали из Царского Села в Зимний дворец, поскольку им предстояло постоянно участвовать в различных официальных празднествах. 21 февраля в Казанском соборе состоялся торжественный молебен, на котором присутствовали 4 тысячи человек. В этот же день в Николаевском зале Зимнего дворца началось принесение поздравлений с праздником императорской чете, продлившееся и 22 февраля — в нем принимали участие 1500 человек. Вместе с венценосными родителями поздравления принимали и две их старшие дочери. Специально для этих событий им сшили одинаковые придворные платья: длинные атласные белые, с розовыми бархатными вставками на груди и со шлейфами, украшенными искусственными цветами, спереди к лифу у каждой из них был приколот бант со знаком ордена Святой Екатерины; головы украшали кокошники из розового бархата, расшитые жемчугом. Впервые княжны принимали участие в столь значимом официальном событии, как совершеннолетние, взрослые дочери своего

отца-императора.

Во время церемонии перед великими княжнами прошли самые достойные и уважаемые люди России. В числе поздравляющих были все придворные чины, сенаторы, члены Государственного совета и Государственной думы, министры и высшие чины министерств и ведомств, генералитет, представители различных обществ, съехавшиеся со всех концов огромной страны. По воспоминаниям фрейлин, цесаревны живо, с огромным интересом всматривались в людей, которых им представляли.

Вечером 22 февраля в рамках празднеств на сцене Мариинского театра давали оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя», с Ф. И. Шаляпиным в главной роли. Под бурные овации зрителей император и императрица заняли свои места в царской ложе вместе с великой княжной Ольгой Николаевной. У Татьяны Николаевны, к сожалению, неожиданно поднялась температура, и она не смогла приехать в театр. В антракте плохо себя почувствовала Государыня, ей тоже пришлось покинуть зал. И вновь до конца опорой для своего отца в этот важный праздничный день стала Ольга Николаевна. Дома она записала в дневнике: «Слава Богу, что пока все в порядке». И с удовлетворением и радостью добавила: «Весь город праздновал, много людей».

Вечером 23 февраля состоялся грандиозный бал в здании Санкт-Петербургского благородного собрания. На него собрались свыше 3200 человек. Перед началом хлеб-соль императорской чете поднес губернский предводитель дворянства светлейший князь И. Н. Салтыков. Для великой княжны Ольги Николаевны это был первый настоящий бал в ее взрослой жизни. Счастливая цесаревна блистала красотой, изяществом и привлекала к себе всеобщее внимание. Ей очень шло бледно-розовое шифоновое платье, которое буквально летало во время танцев, из которых она не пропустила, наверное, ни одного. Нежная, юная, тоненькая цесаревна в невесомом платье, украшенном только скромной ниткой жемчуга, всем казалась неотразимой. Молодые великие князья буквально сражались за честь танцевать с нею. Одна из приближенных к Царской семье дам видела, как Ольга Николаевна мирила трех великих князей, которые спорили, кому из них должна принадлежать честь стать ее партнером на следующий танец. Лучшие кавалеры блистательного праздничного бала мечтали потанцевать с великой княжной, восхищались ею. Ольга Николаевна была счастлива, и когда императрица, почувствовавшая слабость, уехала, император оставался на балу до конца, отчасти чтобы порадовать дочь. Дома в дневнике Ольга Николаевна написала: «Я много танцевала, было так весело!»

Три месяца — с февраля по апрель — по всей стране шли праздничные мероприятия к 300-летию Дома Романовых. Во всех храмах империи служили благодарственные молебны, губернаторы давали праздничные балы, в крупных городах проходили парады местных гарнизонов, народные гулянья, открывались исторические выставки, посвященные Дому Романовых. 14 мая 1913 года в Санкт-Петербурге торжественно отпраздновали годовщину Дня священного коронования императора Николая II и императрицы. Затем Царская семья отправилась на пароходе в путешествие по Волге, посетила целый ряд городов, приняв участие в торжествах, связанных с воцарением первого царя из Дома Романовых — Михаила Федоровича. Из Нижнего Новгорода в Москву Августейшая семья вернулась тем же путем, которым шло в 1612 году народное ополчение Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского.

Мероприятий во время праздничного вояжа у Царской семьи было множество. Государыне и цесаревичу здоровье не позволяло принимать участие во всех встречах. Императора везде сопровождали цесаревны, хотя им тоже это было непросто. К примеру, в Ярославле план поездки включал в себя и официальный городской прием, и посещение воспитательного дома для детей всех сословий, получившего название в честь юбилея Дома Романовых, и осмотр выставки товаров местного производства, и торжественное открытие Волжского железнодорожного моста, которому было присвоено имя Государя, и молебен в соборе, и торжественный ужин. Только в полночь император с дочерьми оказались в царском поезде, который отправился в Ростов Великий, где их ждал такой же перечень официальных торжеств. Уставшая Ольга Николаевна ночью в купе записала в своем дневнике: «Тьма подарков, очень устала, очень долго и скучно, и очень жарко». Ей было до глубины души жаль Государыню, которая с трудом выдерживала утомительные официальные мероприятия: «Бедная мама!» Цесаревна волновалась о матери, боясь, что у той может не выдержать больное сердце: «Господи, спаси ее!»

Настоящей отдушиной в это напряженное время для Ольги Николаевны оставались ее романтические чувства к красавцу офицеру Александру Шведову, которого она могла в путешествии изредка видеть. Как офицер царского конвоя он был среди сопровождающей Августейшую семью охраны. В дороге цесаревна весело записала в дневнике: «Хороший, милый АКШ был там. Я была ужасно рада его видеть». И уже в Москве снова в дневнике вспоминает, как заметила офицера на вокзале, среди встречающего царский поезд конвоя: «Дорогой АКШ опять улыбался из толпы!»

Праздничные мероприятия в Москве прошли особо торжественно, Царская семья посетила соборы Кремля, Новодевичий монастырь, в котором была открыта часовня в честь 300-летия Дома Романовых, историческую выставку и множество других мероприятий. Вечером 26 мая накануне отъезда в Санкт-Петербург в Благородном собрании состоялся торжественный раут — званый вечер с танцами. На нем блистали обе старшие дочери императора — Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. Они обе с удовольствием танцевали с офицерами 13-го лейб-гренадерского Эриванского полка — старейшего из регулярных полков российской армии, который незадолго до этого получил имя царя Михаила Федоровича. Но как бы весело ни было великой княжне, она среди присутствующей на рауте публики искала глазами избранника своего сердца. Влюбленная Ольга Николаевна позже записала в своем дневнике, что во время танца смогла разглядеть в толпе «милое улыбающееся лицо АКШ издалека».

После возвращения Августейшей семьи в Царское Село 2 июня тетка — Ольга Александровна — вновь устроила в своем доме вечер для племянниц — двух старших цесаревен. Ее дом был полон молодежи, все веселились от души. Среди приглашенных был и Александр Шведов. Танцы, игры, смех — энергия у молодых людей неиссякаемая. Ольге Николаевне было всего 17 лет, жизнь казалась прекрасной. 6 июня снова состоялся ужин у тетки. Опять весельем был наполнен не только дом, но и сад. «Скакали повсюду ужасно, перевернули все вверх дном, даже один большой шкаф. В него залезли 10 человек, сверху сели еще, сломали дверцы, много смеялись и веселились». Но в этот день Ольга Николаевна возвращается домой печальной. Она с горечью записывает в дневнике, что Александр Шведов «уезжает на Кавказ в субботу. Боже, храни его!».

Десятого июня Царская семья на яхте «Штандарт» отправилась в финские шхеры. Как раз с этого момента начинается тесная дружба между великой княжной Ольгой Николаевной и офицером Гвардейского экипажа Павлом Алексеевичем Вороновым, который начал служить на яхте с апреля 1911 года. Офицер постоянно сопровождал цесаревну на прогулках и на пляже, часто становился ее партнером во время игры в теннис. Уже в конце июня из дневника великой княжны практически исчезли упоминания об Александре Шведове. Зато в записях появляется «Пав. Ал.». Сначала это милые слова: «Он такой ласковый», однако вскоре цесаревна уже пишет: «Оказывалось уютно и безумно приятно быть с ним». И вот уже и признание в любви: «Я продиктовала ему вахтенный журнал. После этого мы сидели на диване до 5:00. Я люблю его, Боже, так сильно».

Известно, что после возвращения Царской семьи в Петергоф Воронов

иногда звонил великой княжне. Однако справедливости ради нужно сказать, что в это же время цесаревне звонил и другой офицер яхты «Штандарт» — Николай Павлович Саблин. Вскоре яхта «Штандарт» ушла в плавание, отправилась в Средиземное море. Ольга Николаевна скучала о своем новом сердечном друге — лейтенанте Воронове. Что, впрочем, не помешало ей радоваться возвращению с Кавказа на прежнее место службы милого Александра Шведова. Хотя теперь цесаревна не забывала и о Павле Воронове.

Времени на скуку у великой княжны Ольги Николаевны совершенно не оставалось. Начался последний год обучения по гимназической программе, весной следующего года цесаревну ждали экзамены по всем предметам. А это означало, что занятия требовали внимания и усидчивости. Приходилось также много времени уделять верховой езде: княжна готовилась принять участие в смотре во время армейских маневров, где должна была инспектировать свой полк. Она старательно ежедневно занималась выездкой. Тренировалась она вместе с сестрой Татьяной Николаевной — цесаревны на тот момент являлись самыми молодыми шефами полков женщинами в мире.

На военных маневрах 5 августа великие княжны показали прекрасную выправку. «Обе великие княжны проехали перед императором галопом» вместе с главнокомандующим Гвардией великим князем Николаем Николаевичем. Князь Гавриил Константинович вспоминал: «Был жаркий день, и они очень нервничали, но были восхитительны и сделали все возможное. Я считаю, что император был очень горд, когда смотрел на дочерей...» Ольга Николаевна в серо-голубом доломане с желтым прибором — форме 3-го гусарского Елисаветградского полка — появилась перед войсками на своем коне Ридженте. Она прекрасно держалась в седле и замечательно выполнила все необходимые действия.

В начале августа Царская семья отправилась на отдых в Крым, а 9 августа поднялась на борт яхты «Штандарт». В это время в дневнике Ольги Николаевны практически каждый день появляются записи о некоем «С.», который теперь оказывается в центре ее внимания. Если цесаревна его не видит, то ей без него «пусто» и она «несчастлива». В дни, когда она встречается с С., она так «так счастлива, так ужасно счастлива». С тех пор написано множество статей о том, что неизвестный «С.» из дневника цесаревны — это офицер экипажа императорской яхты «Штандарт» Павел Алексеевич Воронов. Версия о том, что именно он в это время вызывал такие чувства у великой княжны, ее сторонниками доказывается достаточно основательно: ими изучены вахтенные журналы яхты «Штандарт» и сведения из них

сопоставляются с записями в дневниках цесаревны, рассмотрены воспоминания офицеров экипажа яхты на предмет отношений лейтенанта и великой княжны и события в жизни самого лейтенанта. По этой теории Ольга Николаевна впервые была по-настоящему влюблена настолько, что готова была выйти замуж за простого лейтенанта, что означало бы настоящий скандал, потому как император не только не приветствовал морганатические браки, но и выступал категорически против них. Исследователи делают вывод: лейтенанта Воронова специально знакомят с графиней Ольгой Константиновной Клейнмихель, очаровательной, юной племянницей графов Клейнмихель, близких друзей Августейшей семьи. В общем, получается, что Царская семья сделала все возможное, чтобы устранить неугодного возлюбленного великой княжны. Ольга Николаевна очень переживает, что лишена общества своего дорогого «С.», и с печалью пишет в дневнике, что ей «так отвратительно без моего С., ужасно». В конце концов, по мнению сторонников данной теории, родители добиваются своего: в феврале 1914 года Павел Воронов женится на Ольге Клейнмихель. Безутешная Ольга Николаевна страдает, но пишет в своем дневнике, что желает своему любимому счастья. История, у ее авторов, получается красивая и пленительная, как сказка, и герои просто идеально подходят для романтической трагедии — дочь царя и простой офицер.

Однако полностью доказанных фактов, подтверждающих, что дело обстояло именно так, строго говоря, нет. Для начала влюбленность великой княжны в лейтенанта Воронова не была чем-то исключительным, цесаревна во время их теплых отношений параллельно симпатизировала еще нескольким молодым военным. Это было совершенно естественно в ее возрасте. Ольга Николаевна, как пылкая и мечтательная девушка, грезилась о любви. И очаровательные молодые военные будили ее воображения и желания.

Воронов начал свою службу в экипаже яхты «Штандарт» в апреле 1911 года. Нужно сказать, что Царская семья проводила на яхте не так уж много времени. Каждый год это было в начале лета путешествие в Финляндию и в конце лета — жизнь в Крыму, в Ливадии яхта была в распоряжении Государя. Офицеры экипажа постоянно общались с Царской семьей, практически они были «пажами» при великих княжнах, а матросы в детстве их няньками и дядьками цесаревича.

В общем, не так много времени Павел Воронов был сопровождающим у великой княжны Ольги Николаевны, и случалось это только в моменты, когда Царская семья отдыхала на яхте или в Ливадии. А уже через год он, в Крыму, начинает ухаживать за своей будущей женой — Ольгой

Клейнмихель, все свое свободное время посвящая ей, практически перестав бывать в Ливадийском дворце и обращаться с великой княжной. Но та не только не впадает в депрессию от этого, а прекрасно и весело проводит время в обществе друзей — очаровательных молодых родственников и офицеров конвоя и яхты «Штандарт». В это время снова в ее дневнике появляются нежные строки об Александре Шведове, который теперь служит в охране в Ливадии. Ольга Николаевна пишет, что он «милый», что очень красив в форме, особенно когда одет в ее «любимую темную куртку».

Лето и осень 1913 года, Ливадия, цесаревне 17 лет — она счастлива. Молодежь — сестры, молодые офицеры и юные родственники из знатных семей — во дворе царской дачи устраивает веселые шумные игры. Потом дружная компания отправляется на прогулки в Ялту, посещает кинематограф. Цесаревна пишет в дневнике, что она «много скакала повсюду». Кроме Александра Шведова цесаревна в дневнике с теплотой упоминает и других офицеров конвоя, в первую очередь кубанского казака сотника Виктора Эрастовича Зборовского. Иногда Ольга Николаевна вспоминает в дневнике таинственного «С.», об обществе которого скучает, но стопроцентно сказать, что под буквой «С.» скрывается именно лейтенант Воронов, все же будет слишком большой смелостью. В дневнике великой княжны Воронов во многих местах обозначен инициалами так, как она это делала и в случае флиртов-симпатий с другими офицерами. Имя тайной влюбленности «С.», написанное прописной буквой, вполне может оказаться не прозвищем, как нас уверяют сторонники того, что цесаревна называет кого-то «солнце» или «счастье», а фамилией или именем.

Император и императрица никогда не были замечены в тайных интригах. Государь щепетильно относился к офицерской чести и христианским заповедям. Государыня именно своей честностью и прямолинейностью удивляла Двор и знать, которые бесконечно запутывались в сплетнях и кознях друг против друга. Александра Федоровна, воспитывавшая детей настоящими христианами, по-матерински ласково относилась ко всем их друзьям. Нравственность для Государыни была краеугольным камнем ее мировоззрения. Зная чистые неподкупные души императора и императрицы, невозможно представить себе, что они стали инициаторами интриги против любимой дочери и человека, которому она симпатизировала. Нет ни одного документа, в котором содержался бы даже намек на содействие Царской семьи в устройении брака лейтенанта Воронова и графини Клейнмихель, на их давление или неуместную инициативу.

Павел Воронов счастливо, по любви женился на графине Ольге Клейнмихель, и будет несправедливо сомневаться в этом. Он впервые увидел Ольгу Константиновну на балу в Крыму, на приеме у княгини Барятинской, и сразу влюбился. После помолвки он бывал у невесты каждый день и присылал ей корзины цветов. На их свадьбе присутствовала вся Царская семья. Император и императрица стали посаженными матерью и отцом жениха. Они очень тепло, как к сыну, относились к Павлу Алексеевичу.

Ольга Николаевна после свадьбы записала в дневнике: «Примерно в 2:30 мы втроем отправились с Папа и Мама. Мы ездили в полковую церковь на венчание П. А. Воронова и О. К. Клейнмихель. Пошли им счастья, Господи. Они оба нервничали. Мы познакомились с родителями С. и с его 2-мя сестрами, милыми девочками. Мы ездили к Клейнмихелям. На приеме дома было много народу». Эта запись любопытна потому, что цесаревна пишет о П. А. Воронове и «С.» как о двух разных людях.

Супруги Вороновы счастливо прожили вместе до старости, воспитали дочь. Павел Алексеевич никогда и нигде не упоминал о своих особых отношениях с великой княжной Ольгой Николаевной. Он после революции эмигрировал и умер в США в 1969 году. Его жена и дочь позже переехали в Австралию, где Ольга Константиновна умерла в 1981 году. Она написала мемуары о своей жизни, подробные и честные, в которых есть воспоминания о цесаревнах, но тоже нет упоминания о романтических отношениях великой княжны Ольги Николаевны и ее мужа. Будет несправедливым сомневаться в их искренности. До сих пор так и не известно, кого именно скрывала великая княжна под литерой «С», это мог быть кто угодно из окружавших цесаревну молодых людей.

В начале 1914 года восемнадцатилетняя Ольга Николаевна и семнадцатилетняя Татьяна Николаевна вновь начали изредка появляться на светских мероприятиях. Их представления высшему обществу Санкт-Петербурга больше всего ждали ближайшие родственники Царской семьи. Государыня, которая сама редко и неохотно посещала балы и рауты, считала, что светская жизнь может дурно повлиять на молодых девушек. Строгое воспитание дочерей в скромности, трудолюбии и желание дать им серьезное образование никак не предполагали неразумную, с точки зрения императрицы, потерю времени на светские развлечения. Высшее же столичное общество считало Государыню затворницей и не могло ей простить полного равнодушия к светской жизни. Дамы из знатных семей особо возмущались, что юные цесаревны редко выезжали в свет, винили в этом императрицу и преувеличенно жалели «бедных девушек»,

вынужденных скучать по воле матери в Царском Селе. Одна из светских дам в своем письме родственнице возмущалась: «Вообразите себе, великие княжны, которые, возможно, в скором времени выйдут замуж и, возможно, покинут страну, так и не были введены должным образом в петербургское общество!» Особую досаду у знатных немолодых дам вызывал круг общения великих княжон, которые даже на балах танцевали со знакомыми офицерами Собственного Его Величества конвоя или императорской яхты «Штандарт». Их чрезвычайно раздражало то, что вместо дружбы и близости с отпрысками блестящих родов цесаревны общаются с простыми офицерами. Вот как не может скрыть свое возмущение герцогиня Эдинбургская и Саксен-Кобург-Готская Мария Александровна, присутствовавшая на балу, на котором были великие княжны, по ее словам, цесаревны «были окружены китайской стеной казаков и других второсортных служак 3-го класса, из-за которых ни один представитель действительно высшего общества так и не приблизился к ним. Так как девушки никого в обществе не знали, они просто порхали по залу, как провинциальные девицы. Им никто не был представлен, их никто не подвел поговорить с какой-нибудь из дам, молодой или постарше». В этом отзыве плохо скрыта досада от того, что цесаревны просто веселились, танцевали и не обращали внимания на самолюбивых знатных дам и их отпрысков.

Юные цесаревны умели от души радоваться праздникам, которые не часто случались в их строгой, полной ответственной общественной работы и официальных мероприятий жизни. 13 февраля 1914 года бабушка — вдовствующая императрица Мария Федоровна — давала бал в честь официального выхода в свет своих обожаемых внучек — великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны. Мария Федоровна вложила всю свою любовь к дорогим внукам в подготовку к роскошному балу, который стал главным событием светского сезона столицы. В роскошном Аничковом дворце блестящую публику — на бал были приглашены лучшие из лучших представители столичного общества — приветствовали изящные церемониймейстеры в расшитых золотом камзолах. У входа в главный зал гостей встречали лакеи эфиопы, черную кожу которых подчеркивали яркие восточные костюмы и высокие экзотические тюрбаны.

Начало бала ознаменовало торжественное появление императорской четы и великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны. Государь открыл бал церемониальным полонезом. Начался танцевальный вечер. Радостные цесаревны веселились от души, не обращая внимания на чопорную публику, с которой они практически мало были знакомы. Государыня покинула бал достаточно быстро. Императору пришлось

остаться вместе с дочерьми, которые без устали танцевали до утра и были счастливы. Государь в этот день записал в своем дневнике: «Мамá устроила бал в Аничкове, кот[орый] очень удался. Молодежь сильно веселилась. Аликс вернулась в Царское через полтора часа. Бал окончился в 3 1/2. Я с Ольгой и Татьяной вернулся в 4 1/2 ч.».

Вскоре (в феврале) старшие цесаревны вновь побывали на празднике — на вечере с танцами у великой княгини Марии Павловны, неофициальной гранд-дамы высшего общества Санкт-Петербурга. В своем роскошном дворце она устраивала вечера, многолюдные обеды, изысканные балы, на которые мечтали быть приглашенными все сливки высшего общества. Как супруга дяди Государя великая княгиня пользовалась всеобщим вниманием и обожала столичную светскую жизнь, которой практически руководила — с удовольствием, жестко, не жалея денег на развлечения своих гостей. Государыню она открыто осуждала за закрытый образ жизни. Александра Федоровна не понимала, чем вызывает антипатию родственницы, и пыталась наладить с ней отношения. Но Мария Павловна сначала, когда Александра Федоровна только приехала в Россию, попыталась стать советчицей и наставницей молодой царицы, а когда это у нее не получилось — у Государыни всегда был независимый нрав, — холодно дистанцировалась от Царской семьи. Многие сплетни и наветы на венценосную семью появлялись именно в салоне Марии Павловны.

На званый вечер во дворец к Марии Павловне император приехал со всеми четырьмя дочерьми. Вечер удался, великая княгиня лучше кого бы то ни было в Петербурге умела устраивать праздники. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна постоянно были вместе, смеялись, шептались, с удовольствием много танцевали, младшие цесаревны тоже держались вместе. Государь явно скучал, но ради дочерей он оставался до конца танцев.

Начало 1914 года ознаменовалось новым всплеском интереса за рубежом к будущему великой княжны Ольги Николаевны, в европейских газетах вновь стали появляться статьи о возможных претендентах на руку русской цесаревны. Писали, что она очень добродетельна, что мать воспитала дочь настоящей христианкой. Сплетничали о ее воздыхателях, намекали на существование фаворитов среди офицеров. Некоторые издания по-прежнему рассматривали в качестве ее возможного жениха великого князя Дмитрия Павловича, что, конечно, уже совсем не имело под собой никаких оснований. Великий князь большую часть времени проводил в Европе, практически не бывал в России, совсем отдалился от Царской

семьи. Зарубежные журналисты восхищались скромностью цесаревны, указывая на ее недорогие, но элегантные наряды. Удивлялись, что Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна «действительно могут командовать учениями своих полков». Пытались объяснить серьезное отношение сестер к своим обязанностям царских дочерей тем, что в случае необходимости одна из старших дочерей Государя всегда будет способна «заменить отца на троне». Восемнадцатилетнюю Ольгу Николаевну европейские издания описывали задумчивой, мечтательной особой, утонченной и привлекательной внешне, восхищались ее длинной лебединой шеей, красивыми руками с длинными тонкими пальцами. С симпатией вздыхали о том, что весь ее утонченный образ подтверждает ее царское происхождение.

К 1914 году сведения о болезни цесаревича Алексея Николаевича постепенно перестали быть секретом, и в королевских Домах Европы стали понимать, что существует опасность, что носительницей страшной болезни, вслед за матерью — русской императрицей, может стать какая-то из ее дочерей. Вслух это предположение не озвучивалось, газеты об этом не писали, но в частных письмах европейская знать обсуждала эту щекотливую тему. Однако это не останавливало неофициальные переговоры, на которых по-прежнему предпринимались тайные попытки решить вопрос замужества старшей из цесаревен России.

Только Ольга Николаевна не знала ни о статьях о ней в Европе, ни о попытках влиятельных особ устроить ее судьбу, в ее жизни наступило напряженное время — цесаревна должна была сдавать экзамены. Она завершила обучение по программе классической гимназии и в начале марта 1914 года у нее начинались заключительные экзамены. Государыня чрезвычайно серьезно относилась к предстоящей проверке знаний, которую предстояло пройти Ольге Николаевне. И волновалась не меньше дочери.

В первую очередь цесаревну экзаменовали по истории Русской православной церкви, русскому языку, мировой и русской истории, географии. Она должна была подтвердить твердые знания сразу по трем иностранным языкам: английскому, французскому и немецкому. По каждому иностранному языку, как и по русскому, экзамен состоял из двух частей — диктант и сочинение. Плюс цесаревне предстояла проверка знаний по физике и математике, которые она изучала не дома, как остальные предметы, а в Лесном институте. Практически по всем предметам Ольга Николаевна получила высшую оценку. Только два экзамена вызвали у нее определенные трудности: ей оказалось сложно абсолютно без ошибок написать диктант по немецкому языку и нелегко

далось сочинение на английском. После экзаменов цесаревна об оценках с удовлетворением записала в дневнике: «В среднем 5. Мама была рада».

Когда все экзамены уже были позади, 15 марта 1914 года в Царское Село с официальным визитом приехал наследный принц Румынский Фердинанд с супругой Марией и сыном — принцем Каролом. Знатные гости поселились в Александровском дворце, где им выделили западное крыло. Цель визита ни для кого не была секретом: речь должна была пойти о помолвке принца Кароля и великой княжны Ольги Николаевны. С начала февраля эту новость непрерывно обсуждали газеты в России и за рубежом, о ней постоянно говорили в петербургских светских салонах и во всех столицах Европы. Такую явную демонстрацию интереса Румынского королевского двора в обустройстве брака наследника Румынского престола и дочери русского императора невозможно было скрыть. Тайные переговоры с доверенными представителями Румынской королевской семьи, которые активно вело Министерство иностранных дел России, возглавляемое С. Д. Сазоновым, в конце концов привели к личной встрече румынского принца с потенциальной невестой. И император Николай II, и императрица Александра Федоровна настаивали на том, что принц и великая княжна должны понравиться друг другу. Неволить дочь, отправлять под венец без ее согласия венценосные родители заранее категорически отказались, несмотря на все стратегические выгоды будущего брака. Все понимали, что война в Европе неизбежна, брак принца Кароля и великой княжны Ольги Николаевны мог создать крепкий союз между Румынией и Россией, «отдалив» Румынию от Германии. Но российская царская чета сразу заявила посредникам, что хотя и готова говорить о свадьбе, но брак может «состояться лишь после более близкого знакомства между молодыми людьми и только при условии добровольного согласия их дочери».

В мире многие политики и журналисты считали, что свадьба, которая сблизит Россию и Румынию, — это только дело времени. Когда встреча молодых людей еще не состоялась, «Вашингтон пост» уже убеждала читателей в положительном результате знакомства будущих, как газета считала, супругов, которые, по ее мнению, отлично подходили друг другу: «Принц Кароль — красивый и умный молодой человек, а его возможная будущая невеста обладает большим музыкальным талантом и прекрасно знает языки. Она всеобщая любимица в придворных кругах».

Визит Румынского наследного принца с семьей длился неделю. Принимающая сторона организовала его так, чтобы принц Кароль и цесаревна, которые приходились друг другу троюродными братом и

сестрой, обязательно вместе присутствовали на различных мероприятиях. Ольга Николаевна была приветлива и доброжелательна с гостем, безукоризненно придерживалась всех правил этикета, подкрепляя их природным радушием. Молодые люди вместе гуляли по парку Царского Села, посещали церковные службы. Принц был представлен вдовствующей императрице Марии Федоровне, которая устроила в Аничковом дворце в честь румынских гостей званый ужин. Великая княжна вместе с принцем посетили бал в Смольном институте благородных девиц, где с удовольствием танцевали и общались с молодыми представителями высшего общества. Ольга Николаевна была с гостем мила, но не более. В дневнике цесаревна весело называла принца «Карлушей», никаких романтических чувств между потенциальными женихом и невестой не возникло. Родители молодых людей были разочарованы таким поворотом событий. Официальный визит подходил к концу. В России и Румынии ждали объявления о помолвке, но дружественные, ровные, достаточно прохладные отношения принца и великой княжны не давали никакой надежды на их брак. Однако наследный принц Румынии Фердинанд, его жена Мария и императорская чета решили так легко не сдаваться и в конце концов договорились, что летом Царская семья нанесет ответный визит в Румынию. На этом официальный визит и завершился, румынские гости уехали.

Через несколько дней Царская семья отправилась в Крым. Великие княжны и цесаревич были счастливы оказаться на борту императорской яхты «Штандарт». Только Ольга Николаевна больше не была для экипажа маленькой, очаровательной девочкой-подростком. По словам офицеров экипажа, она превратилась в молодую очаровательную леди. И как великая княжна ни уверяла своих старых друзей из экипажа яхты, что ничего не изменилось, все понимали — цесаревне предстоит скоро выйти замуж, возможно, она станет править с супругом в одной из стран Европы, займет положение, достойное ее происхождения. На все немного шутливые замечания друзей-офицеров, что ей скоро предстоит покинуть старых приятелей, стать невестой и уехать из России, Ольга Николаевна твердо отвечала, что «ни за что не выйдет замуж за иностранца и не покинет свою родную землю». Теперь экипаж стал относиться к великой княжне в первую очередь как к дочери царя, больше никто из офицеров не позволял себе никаких фамильярностей, считая прежние отношения со старшими цесаревнами недопустимыми.

Крым в конце весны был прекрасен, в Ливадийском парке распускались цветы, лужайки сияли изумрудным цветом свежей травы,

чистое море и вымытая зимними штормами галька как будто приглашали окунуться в хрустальную воду. И пусть море еще оставалось прохладным, Государь с дочерьми купались, их никогда не пугали холодные волны — они плавали, когда вода была не ниже +15 градусов тепла.

Их Императорскими Величествами был дан бал в Ливадийском дворце для дочерей, родственников и людей, приближенных к Царской семье. Ольга Николаевна в легком летнем платье, счастливая, много смеялась, с удовольствием танцевала. И особенно она казалась хороша во время Венского вальса, нежного, мечтательного, когда необыкновенно легко и невесомо скользила по паркету зала. И никто не знал, что это был ее последний бал в Крыму.

Тем временем приближался официальный визит Царской семьи в Румынию. Вот как описывает наставник цесаревича и учитель цесаревен Пьер Жильяр свой разговор о предстоящей поездке с Ольгой Николаевной: «В конце мая месяца при Дворе разнесся слух о предстоящем обручении великой княжны Ольги Николаевны с принцем Карлом Румынским. Ей было тогда восемнадцать с половиною лет. Родители с обеих сторон, казалось, доброжелательно относились к этому предположению, которое политическая обстановка делала желательным. Я знал также, что министр иностранных дел Сазонов прилагал все старания, чтобы оно осуществилось, и что окончательное решение должно было быть принято во время предстоявшей вскоре поездки русской императорской семьи в Румынию.

В начале июня, когда мы были однажды наедине с Ольгой Николаевной, она вдруг сказала мне со свойственной ей прямоотой, проникнутой той откровенностью и доверчивостью, которые позволяли наши отношения, начавшиеся еще в то время, когда она была маленькой девочкой:

— Скажите мне правду, вы знаете, почему мы едем в Румынию?

Я ответил ей с некоторым смущением:

— Думаю, что это акт вежливости, которую Государь оказывает Румынскому королю, чтобы ответить на его прежнее посещение.

— Да, это, быть может, официальный повод, но настоящая причина... Ах, я понимаю, вы не должны ее знать, но я уверена, что все вокруг меня об этом говорят и что вы ее знаете.

Когда я наклонил голову в знак согласия, она прибавила:

— Ну так вот! Если я этого не захочу, этого не будет. Папа мне обещал не принуждать меня, а я не хочу покидать Россию.

— Но вы будете иметь возможность возвращаться сюда всегда, когда

вам это будет угодно.

— Несмотря на все, я буду чужой в моей стране, а я русская и хочу остаться русской!»

Две прекрасные императорские яхты, сияющие на солнце лакированными темными бортами на фоне спокойного синего моря — «Штандарт» и «Полярная звезда», 1 июня 1914 года вошли в гавань румынской Констанцы под белыми парусами. На палубе «Штандарта» в белой форме морского офицера стоял император Николай II, рядом все в белом императрица с наследником и в светлых платьях и элегантных шляпках четыре цесаревны. На пирсе их встречала Румынская королевская семья — король Кароль I, королева Елизавета, их племянник — наследный принц Фердинанд — с женой Марией и детьми. Весь город собрался в порту встречать Царскую семью. Увидев русского царя и его семью, люди закричали, приветствуя их. Грянул залп пушек приморской батареи, начал играть на берегу военный оркестр. Порт и румынские корабли были украшены флагами. 1 июля в Румынии назвали «Большим русским днем»! Пьер Жильяр вспоминал: «Их Величества были встречены старым королем Карлом, королевой Елизаветой (Кармен-Сильва) и принцами и принцессами Королевского дома. После обычных представлений все отбыли в собор, где Нижне-Дунайским епископом был отслужен молебен. В час дня, пока председатель совета министров угощал лиц свиты, члены обеих царственных семей собрались за интимным завтраком. Он был подан в павильоне, построенном по желанию Кармен-Сильвы в самом конце мола. Это было одно из ее любимых мест пребывания; ежегодно она подолгу жила там. Она любила целыми часами «слушать море» на этой террасе, которая, казалось, повисла между небом и волнами, и где только морские птицы нарушали ее одиночество. Среди дня Их Величества угощали чаем на «Штандарте» и присутствовали затем на большом военном параде».

В 8 часов вечера Румынская королевская семья давала торжественный ужин в честь русской Царской семьи. Для этого был построен специальный павильон, красиво украшенный живыми цветами и электрическими лампочками. Кроме венценосных семей на ужине присутствовали еще 84 приглашенных гостей. Великая княжна Ольга Николаевна сидела рядом с принцем Каролом, они мило разговаривали, цесаревна была учтива, улыбалась. Но ни Ольга Николаевна, ни принц Кароль снова не изъявили желания познакомиться поближе. Как заметили румынские придворные: русская принцесса больше обратила внимание на брата принца Кароля — шестимесячного Мирчу, с которым с удовольствием фотографировалась.

Еще по версии румынской стороны Королевскому двору не слишком нравилась непосредственность Ольги Николаевны, а также ее загар, «как у крестьянки», что выглядело таким «не модным» и слишком простым. А цесаревна, после почти двухмесячного отдыха в Ливадии, где она с удовольствием гуляла в горах, загорала и плавала, как заметили румынские придворные дамы — «была черной, как уголек». Однако наиболее вероятна версия, почему помолвка при всех стараниях обеих семей не состоялась, состоит в том, что великая княжна категорически отказалась выходить замуж за принца Кароля, потому что не хотела уезжать из России.

Родители в итоге решили, что они сделали все, что могли, а теперь будущее этого брака уже в «руках судьбы». После обеда обе семьи проехали по улицам праздничной Констанцы, посмотрели фейерверк и факельное шествие, расстались дружески. В полночь императорская яхта «Штандарт» с Царской семьей на борту взяла курс на Одессу. Визит в Румынию длился всего 14 часов и закончился ничем. Пьер Жильяр написал в своих воспоминаниях: «На следующий день утром я узнал, что предположение о сватовстве было оставлено или по крайней мере отложено на неопределенное время. Ольга Николаевна настояла на своем».

Из Одессы Царская семья на поезде выехала в Царское Село, а 13 июня отправилась в Петергоф, где обычно проводила лето. Позади остались беззаботное детство и нежная юность, великая княжна Ольга Николаевна вступала во взрослую жизнь. Какие прекрасные поступки могла совершить эта искренняя, мудрая девушка, сколько полезного сделать для своей страны. Редко встречаются такие люди, как цесаревна, с душой, полной сочувствия к людям и любви к ближнему. Ее дневники совсем юной девушки, от 14 до 18 лет, полны подлинных переживаний о здоровье матери. Каждый день Ольга Николаевна писала в своем дневнике о самочувствии часто болеющей императрицы: «Мама у себя в спальне и встала только к чаю, т. к. нехорошо себя еще чувствует, голова болит, сердце увеличено и очень устала», «Мама завтракала у себя в спальне, т. к. все еще болит голова и нехорошо себя чувствует». И как сильна ее дочерняя любовь, как она постоянно молится о здоровье матери: «У бедной Мама голова все болит. Четвертая неделя уже. Помогите ей Бог», «Господи дай ей поправиться!» Как радуется, когда императрица выздоравливает: «Слава Богу лучше, и она была веселый ангел!», «Утром и днем Мама в первый раз вышла на несколько времени на балкон и Слава Богу чувствует себя лучше».

Ольга Николаевна много времени уделяла младшему брату. В Царской семье была традиция — перед сном кто-то из родителей молился вместе с

наследником. Но Государыня много болеет, Государь занят важными делами, и по вечерам, заменяя их, с цесаревичем вместе молится Ольга Николаевна. В дневнике постоянно повторяются слова: «Молилась с Алексеем». Посещение церкви для великой княжны было насущной потребностью, каждую субботу и каждое воскресенье в дневнике — запись о посещении храма. «Ко всенощной ездили в полковую церковь. Ужасно хорошо», «В 10 1/2 были у обедни в полковой церкви, пели казаки». И по велению души Ольга Николаевна посещала храмы и среди недели, самой ее любимой была церковь Знамения Божией Матери на Кузьминской улице в Царском Селе.

В дневнике юной Ольги Николаевны нет злых слов ни о ком, ее чистой душе, наверное, не были знакомы черные мысли о людях. Иногда появлялась ирония, но легкая, необидная, совсем без гнева. Зато практически в каждом человеке цесаревна находит много хорошего и ласково пишет о самых разных людях: «ужасно милая» или «милый», «хороший». И мир Ольга Николаевна видит в светлых тонах, он у нее: «веселый», «уютный», и всё вокруг: «чудно», «интересно», «красиво».

Юлия Александровна Ден, подруга Государыни, так писала о великой княжне: «К жизни Ольга Николаевна относилась серьезно, была наделена умом и покладистым характером. На мой взгляд, это была волевая натура, но у нее была чуткая, хрустальная душа».

Война. Сестра милосердия

Все планы и мечты о будущем для великой княжны Ольги Николаевны оборвались в июле 1914 года, когда буквально в течение месяца мирная жизнь осталась в прошлом, а на смену ей пришла страшная, безжалостная война. Начало войны стало чертой, отделившей беспечную юность великой княжны от серьезной, полной ответственности трудной молодости.

Улицы Санкт-Петербурга заполнили патриотические манифестации, люди пели гимн России и клялись до последней капли крови защищать родину. Когда император вышел на балкон Зимнего дворца, толпа опустилась на колени.

С первых дней войны императрица Александра Федоровна решила, что помощь фронту должна полностью изменить жизнь ее самой и детей. Государыня не только объявила, что отменяет все развлекательные мероприятия ее Двора, любой отдых и любые значительные расходы на всё, кроме нужд армии и благотворительности.

Ольга Николаевна после окончания курса классической гимназии должна была продолжать дальнейшее образование по университетской программе, но об этих планах пришлось забыть.

С первых дней войны Александра Федоровна вместе со старшими дочерьми помогали всем, чем могли армии, взяв на себя заботу о раненых, об инвалидах, семьях погибших солдат, о беженцах, о снабжении фронтовых лазаретов всем необходимым. Потери на фронтах были большие, огромное количество раненых везли в тылы. Катастрофически не хватало госпиталей, для которых нужно было готовить сестер милосердия, по оценкам специалистов, в тыловых госпиталях и в армии не хватало около 10 тысяч медицинских сестер. Из-за этого стандартный годовой курс обучения медсестер сократили до двух месяцев.

Государыня организовала и возглавила особый эвакуационный пункт, который включал в себя 85 госпиталей и 10 санитарных поездов ее имени и имени царских детей. Царское Село превратилось в город-госпиталь, все дворцы и просто большие здания были превращены в больницы, в них круглосуточно привозили раненых, которых доставляли с фронтов санитарные поезда.

С сентября императрица и две старшие цесаревны начали заниматься на курсах сестер милосердия. Они учились оказывать помощь раненым, делать перевязки, обрабатывать хирургические инструменты. Государыня и

обе старшие великие княжны осваивали самое сложное из искусств сестер милосердия — они готовились стать хирургическими сестрами. Кроме того, они осваивали теоретические основы медицины под руководством доктора княжны Веры Игнатьевны Гедройц, хирурга, старшего врача Дворцового госпиталя № 3. Занятия начинались каждый день после шести часов вечера, а потом Ольга Николаевна с Татьяной Николаевной в госпитале помогали чистить медицинские инструменты. В конце октября Государыня со старшими цесаревнами получили форменную одежду с красными крестами и аттестаты на звание сестер милосердия. После чего императрица с великими княжнами начали постоянно работать в лазарете.

С началом войны Ольге Николаевне, скромной и стеснительной от природы, пришлось заняться и общественной деятельностью, что временами оказалось для нее очень непросто. 11 августа 1914 года был издан Императорский указ об учреждении Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших в войне. Совет возглавила императрица Александра Федоровна, которая назначила старшую дочь своим заместителем и главой Особого Петроградского комитета Ее Императорского Высочества великой княжны Ольги Николаевны, для простоты в Царской семье его называли Ольгинским комитетом. На заседаниях своего комитета Ольга Николаевна председательствовала лично, выезжая для этого в Петроград. Цесаревне приходилось посещать самые разные мероприятия, на которых присутствовали десятки, а то и сотни людей, выступать перед ними с речами, чтобы собрать необходимые деньги для благотворительных программ. Иногда ее срочно вызывали на встречи, на которых присутствовали представители зарубежных посольств или известные, состоятельные люди, которые хотели сделать пожертвования или организовывали сбор средств. В таких случаях цесаревна, оставив свою работу в госпитале, спешила в Петроград. И она очень радовалась, если поступали большие пожертвования, писала об этом в своих письмах отцу в Ставку.

К 1916 году Ольга Николаевна стала покровительницей пяти лазаретов в Петрограде. Среди них был лазарет общества Белого Креста, лазарет, открытый частными лицами в Волховском переулке, и др. Кроме работы в своем комитете и помощи госпиталям Ольга Николаевна вместе с Татьяной Николаевной сопровождали Государыню в ее поездках по стране, они инспектировали на западе и юге России лазареты, военно-санитарные поезда, медицинские склады. В Екатерининском дворце Царского Села часто проходили благотворительные ярмарки, на которых собирали

средства для лазаретов. Сохранилось воспоминание С. Я. Офросимовой, где она описывает Ольгу Николаевну во время одной из подобных ярмарок: «Наискось от меня сидит великая княжна Ольга Николаевна... К ней меня влечет неодолимая сила — сила ее обаяния. Я почти не могу работать, когда она сидит так близко от меня, и все смотрю на ее обворожительное личико. Я только тогда смущенно опускаю глаза на работу, когда мой взгляд встречается с ее умными, добрыми и ласковыми глазами, я смущаюсь и теряюсь, когда она приветливо со мной заговаривает...

В строгом смысле слова ее нельзя назвать красивой, но все ее существо дышит такой женственностью, такой юностью, что она кажется более чем красивой. Чем больше глядишь на нее, тем милевиднее и прелестнее становится ее лицо. Оно озарено внутренним светом, оно становится прекрасным от каждой светлой улыбки, от ее манеры смеяться, закинув головку назад, так что виден весь ровный жемчужный ряд белоснежных зубов. Умело и ловко спорится работа в ее необыкновенно красивых и нежных руках. Вся она, хрупкая и нежная, как-то особенно заботливо и с любовью склоняется над солдатской рубашкой, которую шьет».

Время от времени Царская семья навещала Государя в Ставке, для цесаревен это был праздник. Им эти поездки всегда казались слишком короткими, они скучали по отцу. Воспитатель наследника Пьер Жильяр вспоминал: «Государыня и великие княжны изредка приезжали на короткое время в Ставку. Они жили в поезде, завтракали у Государя и принимали участие в наших прогулках. Царь в свою очередь обедал у Государыни и, когда мог, проводил часть вечера со своими. Великие княжны очень любили эти поездки в Могилев, всегда слишком короткие, как им казалось; это вносило небольшую перемену в их однообразную и суровую жизнь. Они пользовались там большей свободой, чем в Царском Селе. Станция в Могилеве, как это часто бывает в России, была очень далеко от города и стояла почти в поле. Великие княжны пользовались своими досугами, чтобы посещать окрестных крестьян и семьи железнодорожных служащих. Их простота и безыскусственная доброта побеждали все сердца, и так как они очень любили детей, их всегда можно было видеть, окруженными толпою ребятишек, которых они собирали по дороге во время прогулок и закармливали конфетами».

Уезжая в Ставку к императору, Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна очень волновались о раненых в своем госпитале, за которыми ухаживали. И просили их писать им в Ставку о своем здоровье. Раненые писали, цесаревны им отвечали. Один из подопечных Ольги Николаевны

вспоминал, что почерк у цесаревны был мягкий, закругленный, аккуратный, настоящий женский почерк.

Место своей работы цесаревны и Государыня называли «наш госпиталь». Сначала официально он назывался дворцовым, а в 1916 году его переименовали в Собственный Ее Величества лазарет, это было справедливо, так как императрица не только сама в нем работала, но и содержала его на собственные деньги. Во главе лазарета стояла княжна В. И. Гедройц — прекрасный хирург и хороший скрипач. Как вспоминал один из пациентов: «Главный контингент раненых лазарета составляли пехотинцы, реже — других родов оружия, еще реже гвардейцы и совсем редко титулованные... Время от времени поезд имени Ее Величества с княжной Гедройц и с персоналом для обслуживания отправлялся на фронт и привозил оттуда особо «привилегированных» раненых — без рук, без ног, с раздробленными черепами или с развороченными животами».

Находился лазарет недалеко от Благородного собрания Царского Села, в ста метрах от живой улицы, в глубине небольшого парка; корпуса окружали деревья — липы, березы, клены, кусты жасмина и сирени. Госпиталь был рассчитан приблизительно на 100 человек: 30–40 офицеров и 60–70 солдат. Офицерское отделение располагалось на первом этаже в небольшом двухэтажном доме с широкой верандой, наверху жил медицинский персонал. Обстановка в палатах была самая скромная — простые железные кровати и белые деревянные тумбочки рядом с ними. В маленькой уютной гостиной стояла самая простая мебель, но ее украшали камин и старое фортепьяно. Как писал один из раненых: «Только в одном нам другие лазареты могли позавидовать: за нами ухаживала Царская семья».

С самого начала в госпитале Государыня и великие княжны ни в чем себе не давали послабления, работая наравне с обычными сестрами милосердия. Каждый день с 9 часов утра они приступали к своим обязанностям, целыми днями делали перевязки, участвовали в операциях, чистили хирургические инструменты. Домой возвращались иногда за полночь. Особенно сестрам милосердия было трудно, когда привозили раненых с фронта на санитарных поездах, грязных, часто с загноившимися ранами. Государыня с цесаревнами вместе с другими сестрами мыли офицеров и солдат, чистили и обрабатывали раны, накладывали чистые бинты. Принимали участие как хирургические сестры в экстренных операциях.

С. Я. Офросимова, часто посещавшая «царский лазарет», вспоминала, с какой теплотой относились раненые к Ольге Николаевне: «Великую

княжну Ольгу Николаевну все обожали, боготворили; про нее больше всего любили мне рассказывать раненые. Однажды привезли новую партию раненых. Их, как всегда, на вокзале встретили великие княжны. Они исполняли все, что им приказывали доктора, и даже мыли ноги раненым, чтобы тут же, на вокзале, очистить раны от грязи и предохранить от заражения крови. После долгой и тяжелой работы княжны с другими сестрами размещали раненых по палатам. Усталая великая княжна Ольга Николаевна присела на постель одного из вновь привезенных солдат. Солдат тотчас же пустился в разговоры. Ольга Николаевна, как и всегда, и словом не обмолвилась, что она великая княжна.

— Умаялась, сердечная? — спросил солдат.

— Да, немного устала. Это хорошо, когда устанешь.

— Чего же тут хорошего?

— Значит, поработала.

— Этак тебе не тут сидеть надо. На фронт бы поехала.

— Да, моя мечта — на фронт попасть.

— Чего же? Поезжай.

— Я бы поехала, да отец не пускает, говорит, что я здоровьем для этого слишком слаба.

— А ты плюнь на отца да поезжай.

Княжна рассмеялась.

— Нет, уж плюнуть-то не могу. Уж очень мы друг друга любим».

В своих письмах, которые она практически ежедневно писала Государю в Ставку, Государыня постоянно упоминает, что старшие дочери каждый день рано утром убегают в лазарет. «Старшие девочки вечером идут чистить инструменты», «Ольга и Татьяна (а они всегда вместе) вернулись только около двух, у них было много дела». Александра Федоровна описывает подробности работы в госпитале: «Сегодня мы присутствовали (Я всегда помогаю, передаю инструменты, а Ольга продает нитки в иглы) при первой нашей большой ампутации (целая рука была отрезана), потом мы все делали перевязки».

Работа в госпитале была изматывающей и психологически тяжелой. Страдания раненых, их боль, сложные операции, ампутации и особенно смерть пациентов — для Ольги Николаевны, с ее ранимым, чутким сердцем, стали большим испытанием. Раненых не всегда удавалось спасти, это становилось настоящим горем для сестер милосердия. Ольга Николаевна глубоко переживала каждую такую трагедию, ее нежное сердце болело и в прямом смысле тоже. Вот как описывает одну из первых смертей в госпитале во время операции подруга цесаревен сестра

милосердия Валентина Ивановна Чеботарева: «...Вера Игнатьевна перевязала, дала держать Эберману и вдруг артерия перервалась, кровь хлынула рекой, и тут Вера Игнатьевна проявила чудеса ловкости, мигом отшвырнула Эбермана и одним движением зажала бьющий фонтан. Но легкие уже насытились кровью и всем слышен был роковой свист. Наркоз прекратили, но пульс стал падать, лицо посинело, остановившиеся стеклянные глаза не реагировали ни на свет, ни на прикосновение. Все попытки вызвать искусственное дыхание, опрокидывание головы вниз — ничто не помогало. В жизни не забуду этой первой смерти, что пришлось видеть. Два-три каких-то беспомощных всплескивания губами — и все кончено. Человека не стало. Какая мертвая тишина наступила... Сестры, и Ольга, и Татьяна, плакали. Государыня, как скорбный ангел, закрыла ему глаза, постояла несколько секунд и тихо вышла. Бедная Вера Игнатьевна моментально ушла к себе. До чего ей было тяжело; у всех врачей был сконфуженный, но виноватый вид. Драматично еще то, что жена его не получила телеграммы, ехала, уверенная, что он легко ранен и первым делом наткнулась на денщика: «Где барин, проводи меня скорей», а тот по простоте душевной брякнул: «Вот здесь, в часовне».

Всего 18 лет было Ольге Николаевне, когда она стала сестрой милосердия и начала работать в лазарете. В те дни все ее записи в дневнике — это сплошные «истории болезни». Цесаревна каждый день старательно перечисляет операции, в которых она принимала участие, перевязки, которые она делала. Читать эти скорбные списки горя и страданий раненых страшно, а юной чистой великой княжне, совсем девочке, пришлось пройти через эти ужасы работы в госпитале.

Из дневника великой княжны Ольги Николаевны за 1914 год:

— 25 сентября: «В 11 часов с Мама ездили на перевязку. Татьяниному Степанову 112-го Уральского полка отрезали большой палец левой руки. У меня были Дисеновский 17-го стрелкового полка, ранен в правую голень. Фетчук 112-го Уральского полка, ранен в правую ступню. Чубкин 111-го Донского полка, ранен в правое предплечье»;

— 29 сентября: «...Перевязка. У меня Трошев 111-го Донского полка, ранен в левое бедро, бок. Чепанис 106-го Уфимского полка, ранен в грудь. Морозов 111-го Донского полка, ранен в правое бедро»;

— 6 октября: «...Перевязка. У меня Микертумов 16-го гренадерского Мингрельского полка, ранен в руку. Гайнулин — 4-го стрелкового Кавказского полка, тоже в руку. Лютенко 202-го Гурийского полка, резали грудь. Кусок кости вынули под хлороформом. Татьяниному Арутинову 1-го стрелкового Кавказского полка вынули из щеки-шеи шрапнель, вышедшую

через глаз левый»;

— 7 октября: «...Перевязка. Сундеев, эриванец, рана левой руки. Офицеру Крымского полка Сосницкому вынимали из-под ребра шрапнель. Без наркоза»;

— 15 октября: «...Перевязка. Моему Филиппову 85-го Выборгского полка отняли третий и четвертый пальцы левой руки. Щербаков 5-го драгунского Каргопольского полка ранен в шею и Ухов 13-го стрелкового Финляндского полка в правое бедро»;

— 24 октября: «...Моему Савченкову 9-го Финляндского стрелкового полка резали оторванные и гангренозные кусочки пальцев, перевязка. Соколова 226-го Землянского полка, левое плечо, и Егорова 9-го Финляндского стрелкового полка, в голову, сидит там что-то»;

— 25 октября: «...Моему Егорову вынули из головы 2 осколка, перевязала его. У стрелков были и в коридоре с другими. Иедигарова перевязывали».

И так изо дня в день в дневнике восемнадцатилетней цесаревны — раны, операции, перевязки. И как трогательно о больных Ольга Николаевна пишет «мой». Каждый раненый, которому она помогает, становится для нее близким, своим. Она запоминает их имена, полки, где они служили, записывает подробности ранений. Такое не под силу было бы долго переносить и взрослому человеку, и опытному профессионалу.

Ольга Николаевна до боли переживала трагедию каждого офицера и солдата, случалось, несчастные люди умирали у нее на глазах, другие становились инвалидами. Она пропускала через свою душу чужие страдания. Цесаревна осунулась, похудела, стала бледной и начала таять на глазах. Врачи попытались запретить ей работать в лазарете, назначили постельный режим, но великая княжна, преодолевая себя, по-прежнему продолжала выполнять в госпитале свои обязанности сестры милосердия.

Наконец всем стало понятно, что долго Ольга Николаевна такую нагрузку не выдержит. А. А. Вырубова писала, волнуясь о здоровье великой княжны: «Ее нервы совершенно расстроены, она похудела и побледнела. Недавно она так и не смогла сделать перевязку, не может вынести вида ран, а в операционной расстраивается, становится раздражительной, пытается что-то делать и не может держать себя в руках, чувствует головокружение. Тяжело смотреть на ребенка, она такая печальная и измотанная. Говорят, что это переутомление». Ей вторила в своих воспоминаниях и Т. Е. Мельник-Боткина (дочь врача Царской семьи Е. С. Боткина): «Великая княжна Ольга Николаевна, более слабая здоровьем и нервами, недолго вынесла работу хирургической сестры, но лазарета не бросила, а

продолжала работать в палатах, наравне с другими сестрами, тщательно убирая за больными». Сестра милосердия В. И. Чеботарева записала в это время в дневнике: «Бедная Ольга Николаевна совсем больна — развилось сильнейшее малокровие, уложили на неделю в постель, но с разрешением приезжать в лазарет на полчаса для вспрыскивания мышьяка».

Понимая волнение Государя, Александра Федоровна посылала в Ставку телеграммы, со сведениями о здоровье старшей дочери. Так, 31 октября они сообщала: «Состояние Ольги до сих пор не самое лучшее». В письмах она также в это время постоянно писала супругу о дочери, что «ей нужно как можно больше лежать, поскольку она такая бледная и усталая».

Когда Ольге Николаевне стало лучше, врачи и родные, волнуясь о ее хрупком здоровье, уговаривали ее совсем уйти из лазарета, но она категорически отказалась это сделать. В госпитале цесаревна теперь работала в палатах, помогая раненым, следила за их состоянием, мерила температуру, раздавала таблетки, меняла постельное белье, отправляла письма родным тяжелых больных, те, кто сам не мог писать — диктовали ей послания.

Лечившийся в 1916 году в лазарете Ее Величества 23-летний офицер пулеметной команды 10-го Кубанского пластунского батальона Семен Павлович Павлов, получивший ранения обеих ног и плеча, позже с нежностью и сочувствием писал в своих воспоминаниях о великой княжне: «Великая княжна Ольга взяла на себя утренний разнос лекарств по палатам и обязанность эту она выполняла аккуратно до педантизма. Принесет, бывало, лекарство, улыбнется ласково, поздоровается, спросит, как вы себя чувствуете и уйдет неслышно. Глядя на нее, и на душе делалось светлее и чище: так иной раз в угрюмый осенний день, когда небо обволокло тучами и целый день идет дождь, думаешь о небольшом кусочке голубого весеннего неба. Иной раз княжна Ольга переменила и воду в вазах с цветами. Мне говорили — раньше она работала и в перевязочной. Но ужасный вид искалеченных людей сильно расшатал ее хрупкую нервную систему, и она совсем отказалась от работы в перевязочной».

С. П. Павлов описывает внешность Ольги Николаевны необыкновенно поэтично, с такой любовью и восторгом, что становится понятно, сколько радости и утешения доставляло общение с прекрасной княжной израненным, искалеченным войной офицерам и солдатам: «Великая княжна Ольга, говорили, была похожа на Государя. Не знаю. При мне Государь ни разу не приезжал в лазарет: он был на фронте. Но если великая княжна Ольга была похожа на Государя, то синие глаза княжны говорили о том, что Государь был человек исключительной доброты и мягкости

душевной.

Великая княжна Ольга была среднего роста стройная девушка, очень пропорционально сложенная и удивительно женственная. Все ее движения отличались мягкостью и неуловимой грацией. И взгляд ее, быстрый и несмелый, и улыбка ее, мимолетная — не то задумчивая, не то рассеянная, — производили чарующее впечатление. Особенно глаза. Большие-большие, синие, цвета уральской бирюзы, горящие мягким лучистым блеском и притягивающие».

Ольга Николаевна ко всем больным относилась с вниманием и сочувствием, стараясь каждому помочь, чем могла. Как вспоминал тот же Павлов, однажды она очень помогла ему: «В обращении великая княжна Ольга была деликатная, застенчивая и ласковая. По характеру своему — это была воплощенная доброта. Помню — раз мне было тяжело и неприятно: перевязки были моим кошмаром. Одно уже сознание, что вот, мол, через 20 минут меня возьмут на перевязку, кидало меня в холод и жар: такие страшные боли мне приходилось переживать. В этот день мне как раз предстояла перевязка.

Пришла княжна Ольга.

Посмотрела на мое расстроенное лицо и, улыбаясь, спросила:

— Что с вами? Тяжело?

Я откровенно рассказал ей в чем дело.

Великая княжна еще раз улыбнулась и промолвила:

— Я сейчас.

И действительно, с этого времени мне начали впрыскивать морфий не за 3–4 минуты до начала перевязки, как это делали раньше, и когда он не успевал действовать, а заблаговременно — минут за 10».

Рассказывая о добрых поступках Ольги Николаевны, Семен Павлов делает вывод: «Вообще про доброту княжны Ольги в лазарете рассказывали удивительные вещи. Великая княжна Ольга была воплощением женственности и особенной ласковости».

Цесаревна для раненых становилась родным человеком, которому они доверяли, раненый офицер пишет об этом так: «Великая княжна Ольга предрасполагала к откровенности и интимному разговору. В минуты тяжелого душевного состояния я обратился бы именно к великой княжне Ольге, к ее доброму славному сердцу».

Лазарет стал для великих княжон вторым домом. В нем старшие цесаревны проводили каждый день с утра до ночи, раненые, которым они помогали, становились для них родными, с коллегами врачами и сестрами милосердия великие княжны подружились. Впервые у Ольги Николаевны и

Татьяны Николаевны появились подруги не родственницы или представительницы высшего общества, а девушки, с которыми они вместе работали в госпитале. У Ольги Николаевны сложились теплые отношения с сестрами милосердия Валентиной Ивановной Чеботаревой, Варварой Афанасьевной Вильчковской, Ольгой Яковлевной Колзаковой. По-особенному старшие цесаревны сдружились и с фрейлиной Маргаритой Сергеевной Хитрово, которая тоже работала в лазарете.

Об особой любви Ольги Николаевны к госпиталю, который Царская семья называла «своим», вспоминал уже упоминавшийся Семен Павлов: «Как-то великая княжна Ольга сказала мне, что завтра они у нас в лазарете не будут, так как они должны будут посетить лазарет Большого дворца [Екатерининский дворец] и что им там будет очень скучно. С присущей ей мягкой и застенчивой улыбкой великая княжна объяснила и причины этой скуки:

— Там все так строго и официально, что приходится следить за каждым своим шагом, так как там мы в центре внимания. Нам никогда там не нравилось и сестры там такие важные. Только у себя, в своем лазарете, мы чувствуем себя хорошо и уютно!

В устах великой княжны это звучало очень оригинально. Действительно, высокие сестры любили свой лазарет. Любовь эта проявлялась на каждом шагу и не на словах, а на деле, — в каждой мелочи обыденной жизни».

Ольга Николаевна очень скучала по отцу. Александра Федоровна и все дочери писали ему в Ставку письма, но только Государыня и Ольга Николаевна старались каждый день отправлять Государю хотя бы небольшие послания. В своих письмах цесаревна старательно рассказывала отцу, как прошел ее день, с подробностями о маме, о сестрах и брате, о своей работе в общественном комитете, сколько денег удалось собрать для помощи семьям погибших и раненых, и, конечно, о лазарете и своих подопечных. Сколько доверия, нежности в этих письмах и волнения о любимом «Папа» как о близком, дорогом человеке. Письма всегда начинались одинаково ласково: «Папа, золото мое! Ты уехал, и пусто стало», «Папа-Солнышко!», «Папа золотой мой!» И заканчивались благословением: «Ну, до свиданья, золотой мой, любимый Папа. Господь с Тобой. Крепко, крепко Тебя целую. Твой верный Елисаветградец».

Именно в письмах отцу Ольга Николаевна иногда рассказывала, как трудно ей дается работа в благотворительном комитете ее имени. Ей, восемнадцатилетней девушке, до этого не занимавшейся публичной деятельностью, приходилось терпеливо переносить долгие заседания,

многочасовые мероприятия ради того, чтобы собрать пожертвования. Так, 22 ноября 1914 года Ольга Николаевна пишет Государю об одном из благотворительных концертов: «Сначала было очень скучно — бесконечные гимны и показывали фотографии на полотне, тебя, нас всех и союзных королей. Потом пение. Самое лучшее было балалаешники и песенники железнодорожного полка. Вот хорошо было — публика гудела от восторга. Было много раненых, и им кричали ура. Это был 28-й концерт Долиной. Когда мы уехали (до антракта и было уже 4 часа), должны были играть музыканты Гвард[ии]». В дневнике она постоянно дотошно записывала, какие суммы удалось собрать для работы комитета: «В 2 часа Татьяна и я были в Зимнем дворце. Молебен и открытие комитета оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Оттуда пошла принимать пожертвования у комендантского подъезда. Под[али] более 10 000 рублей».

Ольга Николаевна всегда подробно описывала отцу поездки по стране с инспекцией госпиталей: «Наша поездка в Лугу была весьма удачна. Выехали мы в 1 час 30 минут дня и прибыли туда через 2 часа 5 минут. Мама и я уселись в извозчика исправника в 2 лошади. Сам же он со своим кучером ехал впереди в высоком шарабане. Ехали мы долго, по мягким песчаным дорогам и наконец попали в «Светелку». Толстая В. П. Шнейдер, увидя Мама, чуть не упала в обморок и от радости хохотала все время. Домик у них уютный, но совсем простой, деревянный. Там было 20 раненых. Оттуда мы поехали в другой лазарет, на противоположный конец города, кажется, в доме полиции, устроенный губернаторшей Адельберг. Там большею частью кавказских полков — 4 эриванца и т. д., много грузин, с которыми старалась говорить на их языке, но то, что они отвечали, я не понимала, к сожалению. Покончив с этим, отправились в третий, тоже очень далеко. Там 35 раненых, но тяжелых нет. Вернулись мы сюда в 7 часов с четвертью».

Государь из-за большой занятости не всегда успевал писать ответные письма, его послания были короткими, чаще он присылал телеграммы. Об одной такой телеграмме 7 декабря 1916 года вспоминает в письме Государыня: «Ты не можешь себе представить радость Ольги, когда она получила твою телеграмму — она совсем порозовела и не могла ее прочесть вслух, она напишет тебе сама сегодня. Спасибо, мой голубчик, за то, что ты сделал ей этот великолепный сюрприз [в день своих именин Государь написал старшей дочери] — она и сестры чувствовали себя так, словно это был день ее рождения. Она сразу послала телеграмму пластунам».

Молодая очаровательная великая княжна теперь месяцами не надевала красивые платья и украшения, ее ежедневной одеждой стала форма сестры милосердия. Без ропота Ольга Николаевна принимала свою строгую, трудную жизнь. Только однажды в воспоминаниях сестры милосердия В. И. Чеботаревой мелькнуло упоминание, что великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна надели красивые наряды: «Княжны при Варваре Афанасьевне переоделись, выбирали драгоценности. Ольга сказала: «Жаль только, что некому мною наслаждаться, один папа!» Полное отсутствие кокетства. Раз, два — прическа готова (прически нет), в зеркало и не взглянула». Сколько печали в этом «некому мною наслаждаться», невысказанных желаний.

И все же молодость брала свое, мечты о любви, надежда иметь семью не могли не волновать юное сердце великой княжны. Однажды в лазарете сестры милосердия заговорили о том, как представляют себе счастье. Ольга Николаевна рассказала, что ее мечта о счастье — это «выйти замуж, жить всегда в деревне и зиму, и лето, принимать только хороших людей, никакой официальности».

Выздоровливающие офицеры и медицинский персонал по вечерам собирались в гостиной лазарета. Разговаривали, играли, пели — аккомпанировала обычно великая княжна Ольга Николаевна. Она могла легко подобрать аккомпанемент к незнакомой для нее мелодии. Как вспоминал С. П. Павлов: «Игра ее была тонкая и благородная, туше — мягкое и бархатное. До сих пор помню один вальс, старинный дедовский вальс — мягкий, грациозный и хрупкий, как дорогая фарфоровая игрушка — любимый вальс великой княжны Ольги. Мы часто просили великую княжну Ольгу сыграть нам этот вальс и почему-то мне от него делалось всегда очень грустно».

По словам С. П. Павлова, атмосфера на этих вечерах была особенно доверительная, домашняя: «Свет обыкновенно тушился. Горел только один камин. Сухие березовые дрова потрескивали весело и дружно. Красный свет, дрожащий, как беззвучный смех — освещал часть гостиной, сидевших на креслах около стен и противоположную стену. Часть гостиной тонула в тени. В обстановке этой полутеме-ни-полусвета грани различия как-то незаметно стирались и отношения становились как-то проще и интимнее. Вечера эти создавали какие-то особенные настроения...»

Весной в парке вокруг лазарета благоухали жасмин и сирень, казалось, отступала война, и молодые сердца начинали стучать чаще. Говорили обо всем на свете, о самом сокровенном. Так, однажды заговорили о любви. Восторженная фрейлина М. С. Хитрово пылко говорила об идеальной

любви, раненый поручик ей возражал, разгорелся нешуточный спор. Ольга Николаевна молчала, но всем было интересно, что скажет она о любви. Великую княжну попросили рассудить спорщиков. Цесаревна смутилась, покраснела, стала серьезной и ответила: «Я думаю, что любовь должна быть искренним и хорошим чувством, но без взаимного уважения настоящая любовь немыслима. В этом отношении Рита права».

Великой княжне было всего 18 лет, и интерес цесаревны к противоположному полу так понятен. И вот снова и снова в ее дневнике появлялись записи о ее старом увлечении Александре Шведове. Так, 12 октября цесаревна записывает в дневник: «В 4 мы пили чай у Ани с Зборовским и Ш[ведовым] душкой. Так рада, наконец увидались и уютно говорили». Но рядом в записях вскоре появляются уже новые имена, Ольге Николаевне нравятся раненые симпатичные молодые офицеры, с некоторыми у нее складываются дружеские отношения. В дневнике она упоминала Николая Константиновича Карангозова, корнета лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. Позже нередко повторялось имя еще одного раненого офицера — Давида Сергеевича Иедигарова, уроженца Тифлиса, ротмистра 17-го драгунского Нижегородского полка, который поступил в госпиталь в середине октября 1914 года. Цесаревна написала, что он «ужасно привлекательный, темненький».

Однако все меняется весной 1915 года, когда в лазарет поступает раненый офицер Дмитрий Артемьевич Шах-Багов. Он был всего на два года старше Ольги Николаевны. В начале войны поступил на службу в 13-й лейб-гренадерский Эриванский полк. Поручик Константин Попов, служивший вместе с Шах-Баговым, описывал его так: «Он показал себя, как достойный и храбрый офицер, как редкий товарищ и удивительный добряк. Если ко всему этому прибавить его красивую наружность и большое умение одеться и носить с достоинством форму, то получался тот тип молодого офицера-эриванца, которым по праву гордился наш полк». 19 мая 1915 года прапорщик Шах-Багов был ранен, через пять дней его привезли в лазарет в Царском Селе. Молодой офицер, скромный и даже застенчивый, сразу понравился Ольге Николаевне. Она упоминала в дневнике, что он «милый», «маленький», «ужасный душка». По вечерам цесаревна с «Митей», как вскоре она начинает называть Шах-Багова, гуляли в парке у лазарета, вместе играли в крокет. В. И. Чеботарева вспоминала: «Ольга уверяет, что мечтает остаться старой девой, а по руке ей Шах-Багов пророчит двенадцать человек детей». Раненый офицер Иван Беляев вспоминал, что Шах-Багов был «очень милый и застенчивый, как девушка, и, более того, было видно, что он был сильно влюблен в свою

медсестру. Его щеки густо краснели, когда он смотрел на Ольгу Николаевну».

Ранение у Дмитрия Артемьевича оказалось не тяжелым, и уже через месяц его снова отправили на фронт. Ольга Николаевна была очень расстроена его отъездом. Она даже написала об этом в письме отцу: «Наши эриванцы слишком скоро поправляются и завтра самый милый из них возвращается в полк, что очень грустно». 22 июня 1915 года цесаревна записала в дневнике: «После ужина говорила по телефону с Шах-Баговым, мы попрощались, поскольку завтра он возвращается в свой полк. Мне так жаль его, моего душку, так ужасно, он такой милый». И уже на следующий день 23 июня 1915 года снова в дневнике она с печалью писала: «Скучно очень без маленького душки Шах-Багова».

Сестра милосердия В. И. Чеботарева, после отъезда Шах-Багова на фронт, записала в своем дневнике: «Ольга Николаевна серьезно привязалась к Шах-Багову, и так это чисто, наивно и безнадежно. Странная, своеобразная девушка. Ни за что не выдает своего чувства. Оно сказывалось лишь в особой ласковой нотке голоса, с которой давала указания: «Держите выше подушку. Вы не устали? Вам не надоело?» Когда уехал, бедняжка с часок сидела одна, уткнувшись носом в машинку, и шила упорно, настойчиво... Преусердно искала перочинный ножик, который Шах-Багов точил в вечер отъезда — и бороду черту завязывала, целое утро искала и была пресчастлива, когда нашла. Хранит также и листок от календаря, 6-ое июня, день его отъезда».

Меньше чем через месяц, 16 июля, командуя подразделением разведчиков, Шах-Багов в бою получил сразу два серьезных ранения, в руку и ногу. Он телеграфировал в Царское Село с просьбой, чтобы его вновь направили в лазарет, где он уже лечился. 2 августа его, похудевшего, бледного, доставили в Царскосельский госпиталь на носилках, Ольга Николаевна устроила его в той же палате и на той же кровати, где он лежал раньше. Ранения действительно оказались серьезными, особенно в ногу — с раздроблением кости. Немедленно провели операцию, наложили гипс, и уже через несколько дней Шах-Багов преданно сопровождал свою дорогую сестру милосердия по всему госпиталю. Один из раненых офицеров вспоминал, что и Ольга Николаевна буквально расцвела после возвращения милого прапорщика: «И вскоре стало заметно, что к его Августейшей сиделке вернулось прежнее настроение, и ее милые глазки заблестели вновь». Ольга Николаевна часто писала о «Мите» в своем дневнике. О том, как они разговаривали в палате или в коридоре, или на балконе. Он был рядом, когда цесаревна чистила инструменты или готовила бинты,

развлекал ее разговорами. Они виделись в церкви на службах. Вечерами Шах-Багов звонил ей перед сном. И Ольга Николаевна тут же записывала об этом в дневнике. Так, 3 сентября 1915 года записала: «Был невероятно мил и как никогда весел — такое золото. Спаси его, Господи». Вскоре цесаревна начинает называть милого прапорщика «Маленький». Окружающие заметили необычные отношения между великой княжной и раненым прапорщиком. Кто-то радовался, как раненый офицер Иван Беляев: «Как все понятно, как все мило, чудные девичьи годы, чистое девичье сердце». Другие волновались, считая, что у этих чувств нет будущего.

Вскоре случилось неизбежное, то, чего Ольга Николаевна так боялась — Шах-Багов выздоровел и ему пришло время уезжать в действующую армию. 30 декабря 1915 года цесаревна записала в своем дневнике: «Митя был на комиссии, после пришел, и почти все время вместе сидели, играли в маленькие шашки и так просто. Хороший какой, Господь знает». А вечером Шах-Багов ей позвонил по телефону и сообщил о своем скором отъезде. В тот день великая княжна с печалью записала в дневнике: «Неожиданно получил предписание из полка ехать на Кавказ дня через два».

В первых числах нового, 1916 года Шах-Багов был выписан и собрался отбыть в свой полк. Ольга Николаевна была очень расстроена: 9 января ее «Митя» должен уезжать. Накануне В. И. Чеботарева, сочувствуя цесаревне, записала в своем дневнике: «Уезжает верный рыцарь. Славный, в сущности, мальчик. Он допускает только обожание [Ольги Николаевны], как святыни». Раненый офицер Иван Беляев вспоминал, как расстроилась великая княжна: «Дорогая Ольга Николаевна стала грустной, щеки утратили свой обычный румянец, а глаза потемнели от слез».

Об отношениях Ольги Николаевны и Шах-Батова знала вся Царская семья, его не раз приглашали в Александровский дворец на чай, о нем в письмах Государю упоминала императрица. Он общался с младшими цесаревнами и цесаревичем, сохранилась открытка, в которой он поздравлял великую княжну Марию Николаевну с именинами. Перед выпиской из лазарета 3 января к Шах-Багову приехала в гости мать, он познакомил ее с Ольгой Николаевной. Цесаревна записала в дневнике: «Такая милая, очень похожа на своего Маленького».

Теперь Ольга Николаевна ждала писем от Мити с фронта, и каждое из них становится для нее праздником. Так, 15 февраля 1916 года В. И. Чеботарева стала свидетелем того, как цесаревна получила письмо от своего «Маленького»: «А тут еще пришло письмо от Шах-Багова — Ольга Николаевна от восторга поразбросала все вещи, закинула на верхнюю

полку подушку. Ей и жарко было, и прыгала: «Может ли быть в 20 лет удар? По-моему, мне грозит удар». Но Варвара Афанасьевна продекламировала: «Младая кровь играет; лета идут, и стынет кровь».

Письма от Шах-Багова приходили нерегулярно, Ольга Николаевна волновалась и скучала. В дневнике писала: «Хочу видеть Митю», «Скучно без Мити дорогого», «От Мити все ни слуху ни духу». Но письма от Шах-Багова, в конце концов, приходили, и Ольга Николаевна записывала в дневнике его новости: «Получил вторую роту батальона новобранцев. Доволен».

Несколько раз Шах-Багову удавалось вырваться в Царское Село. В такие приезды он целые дни проводил в лазарете, помогая Ольге Николаевне, они не расставались, много разговаривали наедине. «Эти дни как один час, что Митя у нас», — писала цесаревна. Последний раз они виделись на Рождество 1916-го. Больше встретиться им уже было не суждено. Но великая княжна помнила о своем рыцаре. Она писала в дневнике в день его рождения 9 февраля 1917 года: «Сегодня Мите 24 года. Сохрани его Боже».

Ольга Николаевна выросла, в 1916 году ей исполнилось 20 лет, и это заставляло родителей волноваться о ее будущем. Государыня писала Государю: «Да ниспошлются нашим детям милости Бога, — я с мучительным страхом думаю об их будущем, — оно так неизвестно. Жизнь — загадка, будущее скрыто завесой, и когда я смотрю на нашу большую Ольгу, мое сердце полно волнения, и я спрашиваю, какая судьба ей готовится, что ее ожидает?»

Жизнь великой княжны Ольги Николаевны в годы войны проходила в повседневных заботах, в трудной работе в лазарете, когда форма сестры милосердия на три года стала практически единственным ежедневным ее нарядом. Казалось, мир должен был забыть о русской царевне, но это было не так, зарубежная пресса время от времени печатала статьи об Ольге Николаевне. По-прежнему продолжали строиться догадки, кто из европейских принцев мог бы стать ее супругом, отдавая предпочтение кому-нибудь балканскому принцу. Зарубежная пресса, как и раньше, называла Ольгу Николаевну красавицей, которая прекрасна и в косынке сестры милосердия. Французский журналист, посетивший в 1916 году лазарет, в котором работали Государыня и старшие великие княжны, и фотографировавший их, писал о спокойном, печальном очаровании Ольги Николаевны.

Однако в 1916 году произошло неожиданное сватовство в самой России: великая княгиня Мария Павловна обратилась к императорской чете

с предложением выдать Ольгу Николаевну замуж за ее сына — 38-летнего великого князя Бориса Владимировича. С одной стороны, жених был генерал-майором Свиты Его Величества, человеком образованным, не робкого десятка, походный атаман всех казачьих войск при Верховном главнокомандующем, в войну геройски воевал, получил орден Святого Георгия 4-й степени... Но с другой стороны, вся столица знала великого князя, как любителя светской жизни, знатока тонкой кухни и большого любителя женской красоты. Его скандальные романы были у всех на устах.

Александра Федоровна была категорически против подобного брака и писала Государю в Ставку: «Мысль о Борисе слишком неприятна, и ребенок, я совершенно убеждена, никогда не согласится выйти за него замуж, и я ее прекрасно понимаю». Казалось ужасным «отдать наполовину использованного, изношенного, пресыщенного молодого человека чистой, свежей девушке на 18 лет моложе его, и заставить ее жить в доме, в котором уже не одна из женщин «делила» его судьбу... Неопытная девушка страшно бы страдала, получив своего мужа из четвертых, пятых (или еще больше) рук». Неизвестно, знала ли Ольга Николаевна о поступившем предложении, но можно предположить, что вероятность стать женой столичного повесы в два раза старше ее, пусть и великого князя, внука императора Александра II, мало понравилась бы любой чистой, порядочной девушке.

О помолвке даже не было разговоров, что, конечно, уязвило самолюбие великой княгини Марии Павловны, которая и до этого случая не скрывала прохладного отношения к Царской семье, а после неудачного сватовства еще больше отдалилась от императорской четы, особенно не считая нужным скрывать свою нелюбовь к Государыне.

В феврале 1917 года в Александровском дворце вновь принимали Румынскую королевскую семью. Ольга Николаевна была в те дни особенно печальна. Ее подруга Валентина Чеботарева спросила о причине плохого настроения: «Это из-за ваших гостей?» «О, сейчас этой угрозы нет, пока идет война», — ответила Ольга Николаевна, намекая на возможную помолвку.

Сохранились воспоминания сотрудницы англо-русского госпиталя в Петрограде англичанки Дороти Сеймур, которая стала одной из гостей императрицы Александры Федоровны и великой княжны Ольги Николаевны в середине февраля 1917 года в Александровском дворце. Уже все, даже иностранцы чувствовали, что приближается революция. Дороти Сеймур очень волновалась, что встреча может не состояться, и писала своей матери: «Будет ужасно досадно, если прежде чем я побываю у нее

[императрицы], начнется революция». Но встреча, к ее радости, состоялась. Ольгу Николаевну Дороти описывала так: «Чудесные глаза. Хорошая девушка, очень приятная и простая». После окончания разговора, который продлился почти два часа, Дороти была поражена чувствительностью и духовностью Ольги Николаевны и решила, что великая княжна была «видимо пацифисткой, и война с ее ужасами возмущала ее».

Двадцать первого февраля 1917 года Ольга Николаевна заболела корью, а вместе с ней Татьяна Николаевна и цесаревич. Они лежали в затемненных комнатах. У великой княжны поднялась высокая температура, болели голова, горло и уши, начался сильный кашель. Через несколько дней кожа у цесаревны покрылась сыпью, Государыня писала Государю: «У Ольги сыпь в виде плоских пятен». Александровский дворец превратился в лазарет, заболели все царские дети, последней слегла великая княжна Мария Николаевна. У всех детей температура поднималась до 39 градусов. Государыня в одежде сестры милосердия из последних сил ухаживала за больными детьми.

Ольга Николаевна, как и остальные дети императора, не понимала, что происходит и почему так близко от дворца стреляют. Но великая княжна в это время больше всего беспокоилась о Государыне, она говорила Лили Ден, подруге Александры Федоровны: «Вы видите, как даже мама нервничает, мы так беспокоимся о ее больном сердце. Она себя слишком утруждает. Вы обязательно должны сказать ей, чтобы она отдыхала».

К концу февраля болезнь у Ольги Николаевны прогрессировала, она чувствовала себя все хуже и хуже: мучил сильный кашель, и, в конце концов, совсем пропал голос. В довершение всего у цесаревны как осложнение от кори начался энцефалит.

Дни величайших потрясений — отречение Государя и начало революции — Ольга Николаевна встретила в постели, тяжелобольной.

Арест. Ссылка. Расстрел

В Александровском дворце Царского Села события в первых числах марта 1917 года развивались стремительно. Утром 1 марта император обещал вернуться к семье, но не вернулся и никто не знал, что с Государем происходит и где он находится. Александра Федоровна не находила себе места от волнения, но сейчас для нее важнейшим оставалось здоровье детей, которые продолжали тяжело болеть. 2 марта Государыня попросила отслужить в детской молебен о здравии. Из церкви принесли Чудотворную икону Божьей Матери «Знамение». Протоиерей Афанасий Беляев вспоминал, что царица молилась перед иконой на коленях, с просьбой о заступничестве. Потом попросила поднести икону к кроватям больных детей, чтобы все они могли приложиться к чудотворному образу. 3 марта в Александровский дворец приехал великий князь Павел Александрович и сообщил Александре Федоровне об отречении императора. Но только 7 марта, накануне возвращения Государя в Царское Село, она решила, что нужно сообщить эту новость больным детям. С цесаревнами Государыня поговорила сама, по воспоминаниям фрейлин — все они плакали, цесаревичу об отречении отца, по поручению императрицы, рассказал наставник Пьер Жильяр. Около полудня 9 марта в Александровский дворец под охраной привезли императора. Несмотря на страшные события, Царская семья была счастлива снова оказаться вместе.

Вскоре в Александровский дворец приехал министр юстиции Временного правительства А. Ф. Керенский, на встречи с ним кроме императорской четы присутствовала и великая княжна Ольга Николаевна. Керенский лично подготовил для коменданта дворца инструкцию по содержанию Царской семьи под стражей, которая включала 12 пунктов ограничений — запрет на общение с внешним миром, двойная охрана дворца, отключение телефонов, цензура переписки и т. д. Супругам было строго запрещено встречаться наедине, но этот пункт достаточно быстро отменили, революционным охранникам вскоре надоело везде сопровождать царя и царицу.

Какое-то время Ольга Николаевна чувствовала себя достаточно хорошо, осложнения после кори прошли, она смогла посещать службы в домовом храме дворца. Однако это продолжалось недолго, 27 марта великая княжна снова заболела. Данные о ее болезни разнятся, в одних источниках сказано, что это было воспаление легких, в других — заболело

горло. В любом случае Ольге Николаевне был назначен постельный режим, так как температура у нее поднималась до 40°. К простуде присоединились проблемы с сердцем. В начале апреля Александра Федоровна писала, что у старшей дочери «воспаление в области сердца». Великая княжна Анастасия Николаевна сообщала в эти дни своей подруге о здоровье сестры: «После ангины у Ольги что-то случилось с сердцем, и сейчас у нее ревматизм». Специалисты посчитали, что, скорее всего, как осложнение, после сильной ангины у цесаревны развилась ревматическая лихорадка.

Пасхальные дни 1917 года Ольга Николаевна провела в постели в своей комнате, куда приходил священник ее исповедовать и причащать. На Пасху — 2 апреля — она не смогла присутствовать на службе. Обер-гофмейстерина Елизавета Александровна Нарышкина писала 9 апреля: «Ольга еще очень слаба, бедняжка, ее сердце устало от непрерывных болезней за последних два месяца». Только к началу мая цесаревна постепенно стала чувствовать себя лучше, выходить на прогулки.

Родители сделали все, чтобы занятия у младших детей возобновились. Это было непросто: из-за строгого режима ареста учителя больше не могли приходить во дворец, среди немногочисленных приближенных, разделивших судьбу Царской семьи, учителей, кроме Пьера Жильяра, не было. Поэтому преподавателями стали и сами Августейшие родители, и люди, ранее никогда не бывшие учителями. Когда Ольга Николаевна выздоровела, она начала преподавать английский язык и историю младшим сестрам, занималась с ними музыкой.

Со временем Царская семья привыкла жить под арестом, к тому же охрана перестала вести себя слишком враждебно, может быть, солдаты увидели, что «полковник Романов», как они называли царя, царица и их дети очень доброжелательные, светлые люди. Да, по-прежнему во дворец никто не мог без особого разрешения коменданта приходить, никто из арестованных не имел права уйти, переписка подвергалась строгой цензуре. Но к концу весны Царская семья с приближенными два раза в день по несколько часов достаточно свободно могла гулять в парке, охране надоело сопровождать каждого арестованного. В конце концов и супруги снова без контроля могли находиться в одной комнате. После удаления из дворца подруг Государыни — ареста Анны Вырубовой и отъезда Лили Ден, что Александра Федоровна переживала очень тяжело, на какое-то время других приближенных, остававшихся с Царской семьей в заточении, новые власти оставили в покое.

В середине мая арестованным разрешили разбить в парке огород, мужчины во главе с Государем копали, делали грядки. Цесаревны с

огромным удовольствием занялись посадками. В своем письме родным в Крым 14 мая 1917 года Ольга Николаевна писала: «Мы устраиваем в саду, около самого дома, большой огород и днем все вместе работаем». Огород получился достаточно большим, например, капусты посадили почти 500 штук. Старшие цесаревны часто сами поливали огород. На тачке с двумя длинными оглоблями стояла деревянная бочка, в нее из пруда они наливали воду и тащили ее к грядкам.

Сохранилось письмо Ольги Николаевны (от 10 июня) любимому учителю Петрову Петру Васильевичу, в котором цесаревна описывает жизнь под арестом: «О том, как мы проводим день, Вы, наверное, слыхали от Жилика. Гуляем мы днем с 2-х до 5. Кто что делает в саду. Мама, если не очень душно, тоже выходит и лежит на кушетке под деревом около воды. Папа ходит (со многими другими) в глубь сада, где они рубят и пилят сухие деревья. Алексей играет на «детском островке», бегает босиком и иногда купается. Трина же, не разгибая спины, полет и поливает грядки. Иногда мы тоже поливаем, также розы, которые посадили поблизости, против окон Бабушки. Занятия идут своим чередом. Мария и я вместе занимаемся по-английски. Она читает мне вслух, а если не очень жарко, пишет диктовку. 2 раза в неделю имеем с ней историю. Русскую по книге Нечволодова. Очень хорошо и подробно все описывает. Сейчас мы остановились на богатырях (былинах). С Анастасией 2 раза в неделю читаем Среднюю историю по учебнику Конст. Амн. [Скорее всего, имеет в виду учебник «История Средних веков» Константина Алексеевича Иванова, который преподавал историю царским детям. — И. О.] Хоть это много трудней, т. к. память у меня на все эти события отвратительная, но и у нее не лучше. Сама я распределила свои часы (свободные) на чтение (скучных вещей), история искусства, французская история, всеобщая история и русская словесность по Галахову. Вот! Кажется все. Мама Вам очень кланяется. Рада, что Вам лучше и т. д. Все шлют привет. Всего Вам хорошего. Ваша ученица».

Лето, прогулки в парке, работа на грядках, купание в пруду — постепенно цесаревны и цесаревич стали лучше себя чувствовать, от прошедших болезней не осталось и следа. Они вновь стали жизнерадостными, веселыми. Вот только волосы после кори у всех царских детей стали тонкими, ломкими и выпадали, тогда они побрились налысо, чем шокировали родителей, особенно Государыню, которой казалось, что они выглядят без волос жалкими. Но самих детей это не смущало. Ольга Николаевна говорила, что их все равно теперь никто не видит. Пьер Жильяр вспоминал, что когда цесаревны и цесаревич выходили на прогулку в парк, «то надевают шляпы, сделанные, чтобы скрыть отсутствие

волос. В ту минуту, когда я собирался их фотографировать, они, по знаку Ольги Николаевны, быстро сняли шляпы. Я протестовал, но они настояли, забавляясь мыслью увидеть свои изображения в этом виде и в ожидании возмущенного удивления родителей. Несмотря на все, время от времени их юмор вновь проявляется; это действие бьющей ключом молодости!».

Главным развлечением, главной отдушиной для Царской семьи в это время стала переписка. К сожалению, многие люди, которых Царская семья считала близкими, после отречения Государя прекратили всякие с ней отношения.

Ольга Николаевна, как и другие цесаревны, вела активную переписку с родными, которые находились в это время в Крыму — с бабушкой Марией Федоровной, с тетками Ольгой Александровной и Ксенией Александровной и с др. Также преданными подругами великой княжны остались Маргарита Сергеевна Хитрово и Зинаида Сергеевна Толстая, с ними цесаревна тоже постоянно обменивалась письмами. Не боялись отвечать на послания цесаревны коллеги по лазарету — сестры милосердия Ольга Яковлевна Колзакова и Валентина Ивановна Чеботарева.

Девятнадцатого июня цесаревна писала родственникам в Крым: «Теперь в саду началась рубка сухих деревьев, пилим дрова и т. д. Огород процветает. Ели вчера нашу первую редиску. Она ярко-красная и вкусная». Новости в письмах Ольги Николаевны однообразные: о прогулках, об огороде, о срубленных деревьях. Так, она в июле писала тетке Ксении Александровне: «Мы все здоровы, наша жизнь идет по-прежнему, так что нет ничего интересного, о чем можно было бы написать». И мечтательно цесаревна представляла себе, как хорошо было в это время в Крыму: «Не сомневаюсь, что там, где ты сейчас, прекрасно. Море такое голубовато-зеленое».

Ближе к концу июля письма великой княжны по-прежнему умиротворенные, но в них появляются нотки грусти. Так, 23 июля цесаревна писала родным в Крым: «Сегодня совсем тихо. Слышу звон в Екатерининском соборе; так хочется иногда зайти к Знаменью. Пишу вам, лежа на траве, у пруда. Погода чудная и так хорошо. Алексей ходит около и марширует по дорожке. Все остальные рубят сухие деревья в лесу. У нас поспели на огороде несколько огурцов, не говоря о мелких овощах, которых очень много». Для Ольги Николаевны — глубоко верующего человека — невозможность посетить любимые церкви, конечно, была настоящей печалью.

Царская семья мечтала уехать в Крым в Ливадию, об этом Государь просил походатайствовать довольно часто бывавшего в Царском Селе

Керенского. В этом «бывшему царю» было отказано. В конце июля Временное правительство приняло решение перевезти Царскую семью в Тобольск. Покидая дом, в котором выросли, цесаревны, собираясь в дорогу, постоянно плакали. Они прощались с дворцом, с любимым парком, детским островом, огородом. С печалью расставались с частью приближенных и слуг, Царской семье разрешили взять с собой строго определенный круг лиц. А некоторые люди не смогли сопровождать Царскую семью в ссылку из-за возраста или здоровья.

Отъезд из Царского Села был назначен в ночь на 1 августа. Однако когда Царская семья и сопровождавшие их люди собрались в назначенное время, в 11 часов вечера, в зале на первом этаже, машины за ними не пришли. Отъезд откладывали несколько раз, людей отправляли в их комнаты, а через время снова будили, просили спуститься вниз. Александра Федоровна из-за этой нервозности была на грани срыва, рядом с ней постоянно находились Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, ухаживая за обессиленной матерью. Наконец ранним утром машины подали к подъезду. Царскую семью с сопровождающими и слугами доставили на железнодорожную станцию, где вместе с охраной посадили в поезд. Через несколько дней поезд прибыл в Тюмень, откуда на пароходе Царскую семью перевезли в Тобольск.

В Тобольске Царскую семью поселили в бывшем губернаторском доме, который революционные власти переименовали в «Дом свободы». Ольга Николаевна в письме А. А. Вырубовой описывала, как они разместились в доме: «Мы четыре живем в крайней голубой комнате. Устроились очень уютно. Против нас, в маленькой голубой комнате, уборная Папы и брата, около, в розовой, Алексей и Нагорный. В коричневой спальня Мамы и Папы, около красная гостиная и за залой кабинет его».

Первые месяцы жизнь в Тобольске протекала спокойно, в отличие от предместий шумного революционного Петрограда в провинциальном сонном городе было тихо, уютно. И если в Центральной России начались проблемы с доставкой продуктов, то в Тобольске с питанием сложностей не возникало. Царские повара вновь баловали всех прекрасными обедами и ужинами. Жизнь шла по строгому расписанию, к чему Царская семья привыкла, они всегда жили согласно строгому дворцовому распорядку, для них всего лишь изменились правила. Тем более что с момента их ареста в Царском Селе они уже привыкли и к ограничениям.

Утром в 8.45 подавали чай. Государь пил его в своем кабинете, всегда вместе с Ольгой Николаевной. После чая обычно до начала прогулки

каждый занимался, чем хотел. Ольга Николаевна обычно в это время читала. В 11 часов начиналась прогулка, дом и небольшой сад возле него были огорожены высоким забором. Государь быстрым шагом ходил вдоль забора, часто Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна шли рядом, стараясь не отставать от отца.

Отдушиной, последней ниточкой с миром для Ольги Николаевны оставались письма из Крыма от родных, из Царского Села от подруг. Каждое письмо цесаревна ждала с нетерпением, отчаянно расстраивалась, если ответов на ее послания долго не было. В нетерпении она часто посылает новое письмо, не дождавшись ответа. Так, цесаревна пишет В. И. Чеботаревой: «Получили ли вы мое письмо от 12.10? Мне очень грустно не получать от вас вестей так долго».

В октябре в Тобольске начала резко падать температура, дров выделяли мало, в доме становилось холодно. 3 ноября был сильный снегопад. День рождения Ольги Николаевны прошел скромно и тихо, к счастью, охрана разрешила прийти к арестованным священнику, который отслужил молебен: в Царской семье была такая традиция — молебен в день рождения. В подарок цесаревна получила горшки с домашними цветами. Государь в этот день написал в своем дневнике: «Дорогой Ольге минуло 22 года; жаль, что ей, бедной, пришлось провести день своего рождения при нынешней обстановке. В 12 час. у нас был молебен...»

Государь, который не мог обходиться без физической нагрузки, и вместе с ним и цесаревны придумали себе новое занятие во время прогулок — пилили и рубили дрова. Пьер Жильяр писал: «Заготовить дрова для кухни и дома, это занятие было нашим главным развлечением на воздухе, и даже великие княжны пристрастились к этому новому виду спорта».

Зимой Ольга Николаевна иногда в своих письмах жаловалась на холод в доме: «Когда сильные морозы, довольно холодно, дует в окно». С наступлением настоящих морозов в доме стало уже невыносимо холодно, Государь оставался в комнатах в бурке и папахе, Государыня и цесаревны не снимали толстые вязаные кофты, все ходили в доме в валенках. Пьер Жильяр писал, что «спальня великих княжон — настоящий ледник». Но Ольга Николаевна в своих письмах только вскользь упоминает о холоде: «Здесь много солнца, но морозы, в общем, не сибирские, бывают часто ветры, а тогда холодно в комнатах, особенно в нашей угловой. Живем мы по-прежнему, все здоровы, много гуляем. Столько тут церквей, что постоянно звон слышишь».

Приближалось Рождество, Государыня с дочерьми готовились к празднику, целыми днями они вязали, вышивали, рисовали, стараясь

подготовить подарки каждому человеку, который оказался с ними в Тобольске, даже охранявшим их солдатам, с некоторыми они постепенно познакомились, а со старослужащими, воевавшими, даже подружились. Цесаревич и великие княжны приходили в караулку поговорить с солдатами, те рассказывали им о своих семьях, о родных местах, о войне.

Ольга Николаевна в письме фрейлине М. С. Хитрово подробно описала, как провела Царская семья Рождество в Тобольске: «Здравствуй, Ритка, милая! Вот уже и Праздники. У нас стоит в углу залы елка и издает чудный запах, совсем не такой, как в Царском. Это какой-то особый сорт и называется «бальзамическая елка». Пахнет сильно апельсином и мандарином, и по стволу течет все время смола. Украшений нет, а только серебряный дождь и восковые свечи, конечно, церковные, т. к. других здесь нет.

После обеда, в сочельник, раздавали всем подарки, большею частью разные вышивки. Когда мы все это разбирали и назначали, кому что дать, нам совершенно напоминало базары в Ялте. Помнишь, сколько было всегда приготовлений? Всенощная была около 10 вечера, и елка горела. Красиво и уютно было. Хор был большой и хорошо пели, только слишком концертно, а этого я не люблю».

Ольга Николаевна так описывала город, в котором ей выпала судьба оказаться: «Тобольск — тихий заброшенный уголок, когда река замерзает». К тому же кроме редких посещений близлежащей Благовещенской церкви под усиленной охраной, где службу устраивали строго только для Царской семьи, им не разрешили побывать в других храмах и в Тобольском кремле. А они так мечтали увидеть город, в котором их держали под арестом. Заточение в небольшом доме и прогулки только в крохотном его саду под конец стали мучительны, особенно для царских детей.

Настоящей радостью становилось каждое полученное письмо, а редкие посылки были праздником. Когда А. А. Вырубова, оказавшись на свободе, после заключения в тюрьме, изредка присылала небольшие посылки, с совсем простыми подарками (она сама бедствовала), но обязательно каждому члену семьи, это оставалось долгое время главной новостью. Письмо Ольги Николаевны, в котором она благодарит Анну Вырубову за духи, прямо светится счастьем и благодарностью: «Душка моя дорогая, какая была радость увидеть твой дорогой почерк и твои вещички. Спасибо за все присланное. Духи так сильно и живо напомнили твою комнату и тебя, конечно, что грустно. Очень часто тебя вспоминаю и крепко, крепко целую и люблю... Христос с тобою, родная душка. Еще и еще целую и обнимаю». Духи у великих княжон к этому моменту давно

кончились, изнасились одежда и обувь, закончились пряжа и нитки. Чтобы связать носки цесаревичу, старые все протерлись, Государыня распустила свою кофту. Александра Федоровна писала подруге, что у дочерей все рубашки в дырочках, а у Государя брюки протерлись, нужно бы купить новые, но это невозможно.

Каждый вечер Царская семья и ее теперь небольшая свита собирались в гостиной. Играли в разные игры, Государь читал вслух книги, что делал он прекрасно, очень артистично. Ольга Николаевна играла на пианино, пела.

Изо всех сил Ольга Николаевна пытается сохранить веру в то, что все изменится к лучшему. В ее письмах тете Ксении Александровне в каждой строчке видна эта воля к жизни, надежда: «Говорят всегда, что ничего хорошего или счастливого долго не бывает, вернее, не длится, так, по-моему, так же и скверное когда-нибудь должно же закончиться. Верно? У нас все, слава Богу, насколько возможно спокойно. Все здоровы, бодр и не падаем духом».

Одной из самых верных подруг великой княжны оставалась Зинаида Сергеевна Толстая, урожденная Бехтеева, сестра поэта Сергея Сергеевича Бехтеева. Именно она прислала стихи своего брата, посвященные Царской семье, которые тот просил передать Государю. В ответ Государь попросил Ольгу Николаевну, отвечая подруге, написать для поэта слова, которые позже стали знаменитыми: «Отец просил передать всем тем, кто ему остался предан, и тем, на кого они могут иметь влияние, чтобы они не мстили за него, так как он всех простил и за всех молится, чтобы не мстили за себя и чтобы помнили, что то зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее, но что не зло победит зло, а только любовь».

Два стихотворения С. С. Бехтеева Ольга Николаевна переписала на отдельные листы и хранила в английской книге «End Mary Sings Magnificat», в которой их позже нашли:

Молитва

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней,
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый

С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги!
Владыка мира, Бог вселенной.
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы —
Молиться кротко за врагов.

Перед иконой Богоматери

Царица неба и земли,
Скорбящих утешенье,
Молитве грешников внимли:
В Тебе — надежда и спасенье.
Погрызли мы во зле страстей,
Блуждаем в тьме порока,
Но... наша Родина... О, к ней
Склони всевидящее Око.
Святая Русь — Твой светлый дом
Почти что погибает,
К Тебе, Заступница, зовем
Иной никто у нас не знает.
О, не оставь своих детей,
Скорбящих Упованье,
Не отвори Своих очей
От нашей скорби и страданья!

Всего в книге лежало три листка — на одном из них рукой Ольги Николаевны было записано еще одно стихотворение — «Разбитая ваза» Сюлли-Прюдома. Существует несколько переводов этого французского

стихотворения на русский язык. Приведем здесь один из первых переводов, который сделал в 1883 году Алексей Николаевич Апухтин:

Разбитая ваза

Ту вазу, где цветок ты сберегала нежный,
Ударом веера толкнула ты небрежно,
И трещина, едва заметная, на ней
Осталась... Но с тех пор прошло не много дней,

Небрежность детская твоя давно забыта,
А вазе уж грозит нежданная беда!
Увял ее цветок; ушла ее вода...
Не тронь ее: она разбита.

Так сердца моего коснулась ты рукой —
Рукою нежной и любимой, —
И с той поры на нем, как от обиды злой,
Остался след неизгладимый.

Оно как прежде бьется и живет,
От всех его страданье скрыто,
Но рана глубока и каждый день растет...
Не тронь его: оно разбито.

Перед Новым годом царские дети заразились краснухой от друга цесаревича Коли, сына доктора Владимира Николаевича Деревенко. Коле изредка разрешали приходиться к скучающему Алексею Николаевичу поиграть. Одной из первых заболела Ольга Николаевна, которая много времени проводила с братом. Все царские дети переболели краснухой легко, кроме Анастасии Николаевны, у которой температура поднималась до 39,5°, Государыня все время проводила у постели младшей дочери. Окончательно выздоровели цесаревны и цесаревич только к середине января.

В конце 1917 года Пьер Жильяр предложил возобновить постановки домашних спектаклей. Особый энтузиазм в основном это предложение вызвало у Анастасии Николаевны и Алексея Николаевича, впрочем, и остальные члены семьи тоже с радостью подключились к созданию

домашнего театра. Меньше всех в постановках играли Государь и Ольга Николаевна. Только два раза удалось постановщикам уговорить Ольгу Николаевну выйти на домашнюю сцену. Так, она играла в комедии А. П. Чехова «Медведь» роль Елены Ивановны Поповой (вдовушки с ямочками на щеках, помещицы). Чтобы младшие дети могли, играя в спектаклях, обучаться иностранным языкам, ставили пьесы французские и английские. В французской пьесе «La Bete Noire» Ольга Николаевна сыграла роль Maman Miette. Но справедливости ради нужно сказать, что, по воспоминаниям близких, старшей из великих княжон не нравилось участвовать в спектаклях. Она категорически отказывалась быть актрисой, зато с удовольствием помогала с декорациями и костюмами.

После Октябрьского переворота режим содержания Царской семьи ужесточили, запретив им даже на свои деньги покупать некоторые продукты, которые стали считаться роскошью, такие как, к примеру, кофе или сливки. Собственных денег у царской четы практически не осталось, покупка продуктов или любой мелочи становилась проблемой. Ольга Николаевна под большим секретом сообщила об этом младшим детям и попросила, чтобы они поняли: у родителей ничего нельзя больше просить, у них нет теперь денег что-то покупать. И младшие сестры и брат обещали ей это.

Из Москвы в Tobольск 15 (2) апреля прибыл комиссар В. В. Яковлев, в это время цесаревич болел, у него случился сильный приступ гемофилии. Комиссар до конца не поверил в его болезнь, но доктора Боткин и Деревенко убедили его, что Алексей Николаевич действительно болен, и перевозить его в таком состоянии нельзя. Тогда Яковлев объявил, что он обязательно должен увезти царя. А кто поедет с Государем, пусть решает сама семья.

Государыня, после трагических сомнений и слез, собралась ехать с мужем. Рассудили, что Ольгу Николаевну лучше оставить с больным братом, и потому, что они очень близки, да и все боялись, что слабое здоровье старшей цесаревны может помешать ей перенести тяжелую дорогу в весеннюю распутицу. Поэтому родители решили, что с ними поедет самая физически крепкая и выносливая из дочерей — Мария Николаевна.

Утром 26 (13) апреля Государя с Государыней, великую княжну Марию Николаевну, доктора Е. С. Боткина и троих слуг комиссар Яковлев под охраной увез, никто не знал куда. Пьер Жильяр вспоминал, что в этот момент он сидел у кровати больного цесаревича, тот плакал, отвернувшись к стене, а мимо по коридору прошли в свою комнату три цесаревны,

которые, не скрывая горе, громко рыдали.

После отъезда Государя жизнь арестованных стала совсем невыносимой. Комиссар Яковлев оставил в доме новую преданную большевикам охрану, которую возглавили кочегар П. Д. Хохряков и наглый, жестокий бывший жандарм Родионов (по одной из версий, довольно доказательной, под фамилией Родионов действовал Янис Мартынович Свик-ке, латышский большевик, выслуживавшийся перед новой властью). Родионов сообщил Ольге Николаевне, что запрещает цесаревнам закрывать дверь в их комнате, в том числе и ночью, чтобы «я каждую минуту мог войти и видеть, что вы делаете». На возмущение цесаревны, что они девушки, им нужно переодеваться, он грубо, с оскорблениями наорал на великую княжну. А когда увидел однажды дверь прикрытой, то и вовсе распорядился ее снять и унести.

Фрейлина императрицы Софья Карловна Буксгевден писала: «Ольга Николаевна сильно переменялась. Тревоги и волнение из-за отсутствия родителей, и та ответственность, которая легла на нее, когда она осталась главой дома, чтобы ухаживать за больным братом, произвели перемену в нежной, красивой двадцатидвухлетней девушке, превратив ее в увядшую и печальную женщину средних лет. Она была единственной из Царевен, которая остро осознавала ту опасность, в которой находились ее родители». Об этом же писала и классная дама из царскосельской женской гимназии, преподававшая царским детям в Тобольске русский язык, литературу и математику Клавдия Михайловна Битнер: «Она [Ольга Николаевна] понимала ситуацию значительно лучше, чем остальные члены семьи, и осознавала ее опасность».

Приближалась Пасха. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна решили, что в этот святой для них праздник служба должна быть обязательно. На Пасхальную службу 5 мая (22 апреля) охрана разрешила прийти священнику и трем монахиням из местного монастыря. Цесаревны покрыли небольшой стол красивой белой скатертью, поставили иконы, приготовили свечи. Собравшиеся в гостиную вместе с цесаревнами и цесаревичем, которого принес и посадил в кресло дядька Нагорный, свита и слуги были ошарашены и возмущены тем, что рядом со столом-алтарем Родионов поставил часового — солдата с ружьем.

Несмотря ни на что Пасхальная служба прошла светло и вдохновенно. Однако за праздничным столом Ольга Николаевна не выдержала и горько расплакалась, все бросились ее утешать и расспрашивать, что случилось. Оказалось, что Хохряков с Родионовым обыскали и заставили раздеться не только священника, но и монахинь. И те приняли это унижение ради

царских детей. Ольга Николаевна никак не могла унять слезы и уверяла, что если бы знала, что охрана так поступит со священником и монахинями, то не просила бы их прийти. Об этом писал и бывший начальник охраны Царской семьи в Тобольске, уволенный комиссаром Яковлевым, Евгений Степанович Кобылинский: «Все были так подавлены, это так подействовало на них, что Ольга Николаевна плакала и сказала, что если бы она знала, что такое случится, она никогда бы не попросила о проведении службы».

Пасха принесла радость, вскоре в Тобольск пришло письмо из Екатеринбурга. Ольга Николаевна написала об этом Анне Вырубовой: «Душка, не успела все это время Тебе написать. Последующие наши вести от 23-го из Екатеринбурга]. Живут в трех комнатах, едят из общего котла, здоровые. Дорога очень утомила, так как страшно трясло. Маленькому лучше, но еще лежит. Как будет лучше, поедem к нашим. Ты, душка, поймешь, как тяжело. Крест вернулся к нам на второй день Пасхи, и сейчас получили первое письмо. Много стало с ним спокойнее и все время чувство, почему отдали. Зина довольно часто пишет, от Лили ничего, а ты. Пишут ли Аля и брат. Стало светлей. Зелени еще никакой. Иртыш прошел на страстной. Летняя погода. Господь с тобой, дорогая. От всех крепко целую, ласкаю».

Теперь Ольга Николаевна ждала только одного — отъезда к родителям в Екатеринбург. Цесаревна написала матери несколько длинных полных любви и нежности писем. «Мама, родная наша, как мы по тебе скучаем! Во всем, во всем. Так пусто. Я то и дело захожу в твою комнату, и тогда я чувствую, что ты как будто еще там, и это так утешительно». Цесаревна рассказывала Государыне, как у них в Тобольске прошла Пасха: «Нам так хотелось бы знать, как вы отметили этот светлый праздник и чем вы занимаетесь. Полунощница и Всенощная прошли очень хорошо. Было красиво и уютно. Горели все настенные светильники, но без люстры, было достаточно света».

В эти дни все мысли Ольги Николаевны только о воссоединении с родителями. В последнем письме из Тобольска в Екатеринбург она пишет матери: «Как вы держитесь и что вы делаете? Как бы я хотела быть с тобой! Мы все еще не знаем, когда мы выезжаем... Да защитит вас Господь, моя дорогая любимая мама, и всех вас. Целую Папа, тебя и М[арию]. во много раз. Я крепко обнимаю тебя и люблю тебя. Ваша Ольга».

Наконец все приготовления к отъезду были сделаны. Температура у цесаревича стала нормальной, хотя ходить он не мог, его на руках носил

дядька Клементий Нагорный. Ссылка Царской семьи в Тобольске подходила к концу. 20 (7) мая арестованных посадили на пароход «Русь», который доставил их в Тюмень. Баронесса Софья Карловна Буксгевден вспоминала, что на пароходе Ольга Николаевна ей сказала, что им «повезло, что они все еще живы и смогут вновь увидеть своих родителей, что бы ни ждало их в будущем». В Тюмени арестованных перевезли на железнодорожную станцию. 23 (10 мая) 1918 года поезд с тремя цесаревнами и цесаревичем, сопровождающими и слугами прибыл в Екатеринбург. Наставник цесаревича Пьер Жильяр так вспоминал это событие: «Мы прибыли в Екатеринбург ночью, и поезд остановился в некотором расстоянии от вокзала.

Утром, около девяти часов, несколько извозчиков стали вдоль нашего поезда, и я увидел каких-то четырех человек, направлявшихся к вагону детей. Прошло несколько минут, после чего приставленный к Алексею Николаевичу матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ним шли Великие Княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон». Больше учитель своих учениц и ученика не видел.

В дом Ипатьева увезли только цесаревен и цесаревича, дядьку матроса Нагорного, лакея Седнёва, повара Харитонову и мальчика-поваренка.

Воссоединение семьи было радостным. Царская семья несмотря ни на что в тот момент была счастлива, потому что они снова были вместе.

Охраняли Царскую семью в Екатеринбурге не солдаты, а революционные рабочие, которые располагались на первом этаже дома Ипатьева, по вечерам они напивались и часто до утра шумели. Еду для арестованных привозили из рабочей столовой, часто задерживали на два часа и больше, лучшие куски отбирала себе охрана, как и часть подаренных для арестованных продуктов из монастыря.

Государыня не могла себя заставить есть непонятного вида похлебку из рабочей столовой, с неприятным запахом. Ольга Николаевна с Татьяной Николаевной на спиртовке варили для матери макароны, которые, к счастью, оказались у кого-то в багаже. Через некоторое время охране надоело возиться с доставкой обедов, повару И. М. Харитонову стали выделять продукты, чтобы он готовил сам. Из мизерных пайков царский повар умудрялся готовить вкусную еду. Ему стали помогать цесаревны, которые с радостью делали на кухне все, что нужно, в конце концов даже хлеб научились печь. Иногда и Ольга Николаевна помогала готовить еду, хотя не очень любила это делать.

Большую часть своего времени Ольга Николаевна проводила рядом с

братом. Алексей Николаевич по-прежнему чувствовал себя плохо и очень скучал.

Больше не приходили письма. Не было газет. Охране было строжайше запрещено общаться с заключенными. Царская семья оказалась полностью изолирована от мира.

Только однажды 2 июня (20 мая) разрешили пригласить священника отслужить обедню. Позже просьбы позвать священника оставались без ответа. Тогда все иконы принесли в гостиную и, собираясь вечером вместе, молились. Четыре цесаревны стали маленьким церковным хором, Ольга Николаевна его регентом. Когда великие княжны пели, даже пьяная охрана замолкала. После молитв Государь читал вслух книги духовного содержания, их было немало в багаже Государыни.

Ольга Николаевна таяла на глазах, плохое питание было ли тому виной или страх перед будущим, только ее худоба стала всем бросаться в глаза. Один из охранников Дома особого назначения (А. А. Стрекотин) вспоминал, что «она была худая, бледная и выглядела больной. Она редко ходила на прогулки в сад и проводила большую часть времени рядом с братом». Другой охранник (В. Н. Нетребин), который с 4 по 16 июля стоял на посту у входа в комнаты Царской семьи, говорил, что «бывшие княгини держали себя весело, иногда разговаривали... Старшая из них была худая до отвращения, на ней были только кожа да кости. Держала себя наподобие матери...».

Великие княжны жили все вместе — вчетвером — в одной комнате, в которой было одно окно, с побеленными стеклами, заколоченное. Первое время не было кроватей, спали на полу на соломенных матрасах. Рядом с комнатой цесаревен находилась спальня родителей.

К середине июля в Доме особого назначения уже командовали чекисты, охрану они заменили — рабочих из дома убрали, все посты занял интернациональный отряд, в основном состоящий из иностранных солдат, бывших военнопленных. 14 (1) июля командовавший охраной чекист Я. М. Юровский неожиданно разрешил провести для Царской семьи воскресную службу. Священник, протоиерей Иоанн Владимирович Сторожев, который служил две обедни в Доме особого назначения — в мае и июле, вспоминал о последней службе в доме Ипатьева: «Они [великие княжны] были одеты в черные юбки и белые кофточки; волосы у них на голове подросли и теперь доходили сзади до уровня плеч; все дочери Государя, на этот раз были, я не скажу в угнетении духа, но все же производили впечатление как бы утомленных». 53 дня провела Царская семья в Доме особого назначения в Екатеринбурге.

В ночь на 17 (4) июля в расстрельной комнате в подвале дома Ипатьева Ольга Николаевна, по рассказам убийц, стояла позади сидевшей на стуле матери. Государыня сидела на одном из двух стульев, которые она попросила Юровского принести, на второй Государь опустил дремлющего цесаревича. В пустой комнате больше никакой мебели не было.

Есть две версии смерти великой княжны Ольги Николаевны. По первой — она была убита одним из первых выстрелов, пуля попала в сердце, смерть была мгновенной. По второй — из-за зашитых в корсет цесаревны драгоценностей пули отскакивали от ее одежды, она была только ранена и убийцы добивали Ольгу Николаевну штыками...

ЧАСТЬ 3

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА ТАТЬЯНА

НИКОЛАЕВНА

В сентябре 1896 года, когда великой княжне Ольге Николаевне было десять месяцев, Царская семья посетила в Англии бабушку Александры Федоровны — королеву Викторию. Затем состоялся короткий официальный визит венценосной российской семьи во Францию, после которого императорская чета почти весь октябрь провела в Дармштадте, отдыхали у любимого брата Государыни — великого герцога Эрнста Людвига. Царская семья вернулась из Европы в Россию в начале ноября. Именно в это время стало ясно, что Александра Федоровна ждет второго ребенка.

Беременность у Государыни была непростой, временами была угроза, что императрица может потерять ребенка. Поэтому врачи предписали будущей матери строгий постельный режим. Зимой императрица достаточно долго — семь недель — провела в постели. Государь писал матери, что Александре Федоровне разрешили встать с постели только 22 января. Рядом с императрицей постоянно находился лейб-акушер Д. О. Отт. Но даже когда Государыне отменили постельный режим, ей было предписано до минимума ограничить движение. На прогулках в парке по аллеям Государь сам лично катал жену в кресле с колесами. В Те дни он писал матери: «Мы более чем осторожны при движении и при всякой перемене положения на диване».

Чем больше был срок беременности, тем более сложным становилось состояние Александры Федоровны. В последние месяцы она с трудом могла стоять, ее преследовали боли в пояснице и ногах. В это время Государыня жаловалась в письмах брату Эрнсту Людвигу на здоровье: «У меня сейчас неприглядный вид, и я боюсь после Пасхи предстать в таком ужасном состоянии перед императором Австрии. Я могу ходить не более получаса, дольше не выдерживаю, очень устаю, а стоять я совсем не могу». Однако счастье иметь еще одного ребенка было для Александры Федоровны главным, перед ним отступали все переживания от трудной беременности. Государыня пишет брату: «Может ли быть счастье больше, чем жить для маленького существа, которого ты хочешь подарить своему любимому мужу».

Конечно, ожидание второго ребенка для Царской семьи в первую очередь оставалось радостью. Государь с удовольствием описывал в послании к матери (в январе 1897 года) состояние жены, то, что она чувствует шевеление ребенка: «Вчера Аликс решительно почувствовала движение — прыжки и толчки».

В конце мая Царская семья традиционно на лето переехала в Петергоф, в свою летнюю резиденцию. Это случилось буквально накануне схваток, которые начались 28 мая. А ранним утром 29 мая 1897 года Александра Федоровна родила девочку, которую назвали Татьяной. Девочка появилась на свет быстрее, чем ее старшая сестра, но лейб-акушеру Отту или акушерке Гюнст все же пришлось использовать щипцы. Но акушерка так искусно и с сознанием дела применила инструмент, что ребенок совершенно не пострадал. В благодарность император назначил мадам Гюнст пожизненную пенсию, в дополнение к которой акушерке полагался ежегодный оплачиваемый отпуск в Крыму.

О рождении цесаревны сообщили выстрелы пушек Петропавловской крепости, в честь рождения великой княжны — 101 залп. Был опубликован Высочайший манифест о появлении в Доме Романовых великой княжны Татьяны Николаевны. При рождении она весила 3 килограмма 900 граммов и имела рост 54 сантиметра. Выглядела она очаровательной, с темными волнистыми волосиками, большими глазами и маленьким ротиком. Как все сразу отметили: была полной копией своей матери. Отец-император был счастлив, он записал в дневнике: «Второй такой светлый радостный день в нашей семейной жизни в 10.40 утра Бог благословил нас дочкою — Татьяною. Всю ночь бедная Аликс промучилась, не сомкнувши глаз». Государь с удовлетворением добавил, что «Слава Богу, на этот раз все прошло скоро и совсем благополучно», а «к часу маленькую вымыли, и Янышев прочел молитвы».

Великая княгиня Ксения Александровна с нежностью вспоминала, как она впервые увидела новорожденную цесаревну: «Я вошла и увидела Аликс, которая держала на руках девочку. Она выглядит чудесно. Малышка такая миленькая, и они с матерью похожи как две капли воды! У нее маленький ротик, такой хорошенький».

Однако далеко не все родственники венценосной семьи были рады появлению на свет у императорской четы второй дочери. Близкие к трону люди ждали появления наследника и многие не скрывали разочарования от рождения девочки. Великий князь Константин Константинович в день рождения Татьяны Николаевны в своем дневнике прямо написал, описывая реакцию высшего общества на рождение второй цесаревны, что «все были

разочарованы, т. к. ждали сына».

Зарубежная пресса активно обсуждала новость о рождении в Царской семье второй дочери. Английские газеты писали, что царь разочарован, так как молился Богу о даровании наследника. Одна из лондонских газет так изображала реакцию на рождение второй цесаревны в высших кругах российского общества: «Неудивительно, что в придворных кругах неодобрительно покачивают головами, а надежды великих князей на трон растут». Достаточно прохладно к рождению второй правнучки отнеслась и королева Виктория. Пресса за океаном пошла еще дальше английских газет, в США писали, что император Николай II так расстроен тем, что у него не родился сын, что он впал в депрессию. В Санкт-Петербурге в великосветских салонах обсуждали, кто из великих князей, кроме братьев императора, может претендовать на трон, если в Царской семье так и не появится наследник престола. Супруга дяди Государя великого князя Владимира Александровича великая княгиня Мария Павловна, властолюбивая гранд-дама высшего света столицы и мать трех сыновей, уверяла, что гадалка цыганка предсказала, что один из них точно наследует трон.

В это время Царская семья не обращала внимания на сплетни и страсти, бушевавшие по поводу рождения их второй дочери, просто была счастлива. Александра Федоровна быстро восстанавливалась после тяжелой беременности, полностью отдаваясь заботам о маленьких дочерях. Государь вместе с ней много свободного времени проводил в детской.

Выбор необычного для Дома Романовых имени для цесаревны немного удивил современников: традиционно считалось, что Татьяна — имя, скорее присущее простонародью. Великий князь Константин Константинович по этому поводу записал в дневнике, что спросил у Государя о причине, почему было выбрано именно это имя, император ответил, чтобы «было как у Пушкина».

Татьяну Николаевну крестили в церкви Большого Петергофского дворца 8 июня 1897 года. Восприемниками великой княжны стали: бабушка вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Михаил Николаевич, великая княгиня Ксения Александровна. Таинство крещения провел духовник Царской семьи Иоанн Леонтьевич Янышев. В конце церемонии крестная мать Мария Федоровна торжественно возложила на одеяло, в которое завернули Татьяну Николаевну, знаки ордена Святой Екатерины: бриллиантовую звезду, знак и ленту.

После рождения второй дочери в детской императрица не изменила правила, установленные после рождения первой дочери. Государыня сама

контролировала уход за новорожденной. Многие вещи Ольги Николаевны перешли к Татьяне Николаевне. Бережливая Александра Федоровна не считала нужным покупать новые рубашки, распашонки, чепчики, пеленки, когда в хорошем состоянии и в достаточном количестве оставалась одежда для младенца. Кормилицей великой княжны Татьяны Николаевны стала крестьянка Вера Кузьмина.

С самого начала Татьяна Николаевна росла ребенком спокойным, некапризным, уравновешенным, сдержанным. Подруга Государыни Анна Вырубова вспоминала, что Александра Федоровна с самого раннего детства приучала дочерей к рукоделию. Как только юная Татьяна Николаевна научилась держать в руках иголку и спицы, ее сразу начали учить шить, вышивать, вязать. Анна Вырубова вспоминала о талантах цесаревны: «Она была искусная рукодельница и обладала прекрасным вкусом. Ее работы вызывали всеобщее восхищение. На нее был возложен выбор подарков и обычно выбор этот был удачен». К рукоделию цесаревна оказалась самой способной среди ее сестер. Близкие императрице люди говорили, что унаследовала она эти таланты от матери. Государыня любила заниматься рукоделием и с удовольствием проводила часы за этим занятием. Так же и Татьяна Николаевна с детства прекрасно шила и вышивала, и ей нравилось это делать. У цесаревны были золотые руки.

С достаточно раннего возраста Татьяна Николаевна буквально поражала своей красотой: уже с семи лет она выглядела как настоящая принцесса. Высокая для своего возраста, стройная, гибкая, с чеканным профилем, как говорили «классической камеи», с темно-серыми глазами, так широко поставленными, что взгляд ее казался необычным, загадочным, с каштановыми волосами и белой матовой кожей — великая княжна казалась царевной из сказки. Врожденные благородство и сдержанность, которые цесаревне были даны от рождения, заставляли с уважением и вниманием относиться к ней не только ровесников, но и взрослых. Анна Вырубова в воспоминаниях писала, что Татьяна Николаевна с детства была очень серьезной: «Она редко смеялась, была очень добра и умела сохранять спокойствие».

С раннего детства между старшими сестрами-цесаревнами сложились самые близкие, самые доверительные отношения. Девочки жили в одной спальне, доверяли друг другу все свои мечты и секреты. При Дворе со временем их стали называть «старшей парой».

Когда появилась на свет еще одна великая княжна — Мария Николаевна, то порой случалось так, что старшие цесаревны не хотели с нею играть, хотели оставаться вдвоем. Государь описывал случай, когда во

время отдыха в Ливадии две старшие цесаревны на берегу моря строили замок, а маленькая Мария Николаевна им мешала, и они ее даже толкали, пытаясь от нее избавиться.

Многим казалось, что сестры прекрасно дополняли друг друга: порывистая, романтическая, мечтательная Ольга Николаевна и организованная, от природы мудрая и сдержанная Татьяна Николаевна. В воспоминаниях близких Царской семье людей нет даже намека на разногласия или ссоры между двумя старшими цесаревнами. Без сомнения, как старшая сестра Ольга Николаевна была авторитетом для младшей сестры, впрочем, она легко позволяла Татьяне Николаевне, имеющей организаторские способности и достаточно последовательности, чтобы доводить начатое до конца, становиться лидером в каких-то их общих делах.

Вначале со старшими своими дочерьми Александра Федоровна занималась сама, в чем ей помогала гофлектриса Е. А. Шнейдер. Императрица учила дочерей английскому и французскому языкам, по остальным предметам с цесаревнами занималась гофлектриса.

В 1903 году императрица пригласила преподавателя Пьера Жильяра давать уроки французского языка двум старшим цесаревнам. Государыня сама встретила учителя с обеими дочерьми в подготовленной для занятий классной комнате. Вот как описал свои впечатления от первой встречи с великой княжной Татьяной Николаевной Пьер Жильяр: «Вторая, Татьяна, восьми с половиной лет, с каштановыми волосами, была красивее своей сестры, но производила впечатление менее открытой, искренней и непосредственной натуры». Позже, ближе познакомившись с цесаревнами, Пьер Жильяр так описывал свою ученицу: «Татьяна Николаевна, от природы, скорее, сдержанная, обладала волей, но была менее откровенна и непосредственна, чем старшая сестра. Она была также менее даровита, но искупала этот недостаток большей последовательностью и ровностью характера. Она была очень красива, хотя не имела прелести Ольги Николаевны». Со временем Жильяр, много лет учивший французскому языку всех царских детей, а позже бывший наставником наследника, ставший близким человеком для Царской семьи, в своих воспоминаниях описал свои наблюдения о Татьяне Николаевне и о ее отношениях с родными: «Если только Императрица делала разницу между дочерьми, то ее любимицей была Татьяна Николаевна. Не то чтобы ее сестры любили мать меньше ее, но Татьяна Николаевна умела окружать ее постоянной заботливостью и никогда не позволяла себе показать, что она не в духе. Своей красотой и природным умением держаться она в обществе затемняла

сестру, которая меньше занималась своей особой и как-то стусывалась. Тем не менее эти обе сестры нежно любили друг друга; между ними было только полтора года разницы, что естественно их сближало».

Уроки для старших цесаревен проходили в одной классной комнате, Татьяна Николаевна с Ольгой Николаевной учились вместе, но занимались с ними учителя по разным программам, согласно возрасту. Преподавателю приходилось объяснять своим ученицам в течение одного урока разные материалы. Проверочные задания также отличались. Это вызывало некоторые трудности, занимало больше времени. Но так как Татьяна Николаевна старалась не отставать от старшей сестры и быстрее узнать то, что уже знала Ольга Николаевна, то учителя считали, что для нее полезны совместные занятия.

Жильяр в своих воспоминаниях пишет, что великая княжна Татьяна Николаевна уступала в своих способностях старшей сестре. Но оставшиеся открытки, письма, дневники цесаревны говорят о том, что Татьяна Николаевна была достаточно развитым ребенком, опережающим в развитии сверстников. Цесаревна достаточно рано научилась читать и писать. Сохранились открытки, написанные Татьяной Николаевной Государыне в 1903 году, ей было тогда шесть лет. Написаны открытки детским, но четким почерком, без ошибок. 6 августа цесаревна пишет: «Милая дорогая мама. Утром были у бабушки. Во вторник я получила пять с крестом за музыку. Все здоровы. Целуем тебя и папа. Татьяна». Сохранилось письмо от 20 ноября 1903 года: «Милая и дорогая мама, крепко целую тебя и папа. Мы хотим, чтобы вы скорее к нам приехали. Татьяна».

Дневники Татьяны Николаевны в детстве написаны аккуратным почерком, записи емкие, краткие. Например, 5 января 1907 года (цесаревне 10 лет): «Все вместе гуляли днем, а потом катались на горе с Папа. Был урок географии и музыки». Такова каждая запись, все точно, короткими предложениями, по делу.

Татьяна Николаевна с удовольствием изучала русскую литературу. Поздравляя родных с праздниками, подписывая послания ко дню рождения близких, она часто переписывала на открытки понравившиеся ей стихи. Много стихотворений она учила наизусть. Преподаватель русского языка П. В. Петров в отчете императрице за 1904 год (Татьяне Николаевне было всего 7 лет) указал 12 стихотворений, которые цесаревна выучила наизусть. Среди них «Утро» А. С. Пушкина, «Два великана» М. Ю. Лермонтова, «Стрекоза и муравей» И. А. Крылова, «Весна» А. Н. Майкова и т. д.

Жизнь Царской семьи состояла не только из будней и обязанностей,

великие княжны, как все дети, каждый год очень ждали лето, которое у них всегда было насыщено путешествиями и приключениями. В начале лета Царская семья на яхте «Штандарт» отдыхала у финских берегов, а ближе к осени, когда в Крыму становилось прохладнее, отступала южная жара, которую не могла выносить Государыня с ее больным сердцем, наступал черед жизни в Ливадии. Между этими двумя традиционными поездками случались путешествия в Европу. К лету 1909 года, когда в венценосной семье подросли две младшие дочери, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, и цесаревичу исполнилось 5 лет, Царская семья снова могла позволить себе отправиться отдохнуть за границу.

С особым удовольствием две старшие княжны вспоминали летние поездки: 1909 года в Англию и 1910 года в Германию, Ольга Николаевна с Татьяной Николаевной в поездках хотя и были окружены специальной охраной, но все же могли, с разрешения родителей, вдвоем прогуляться по магазинам. Татьяна Николаевна, умевшая и любившая элегантно одеваться, даже когда все цесаревны по желанию матери были одеты в одинаковые наряды, все равно выглядела по-особенному изысканно. Она выделялась среди сестер каким-то особым природным шиком. К тому же умела и любила ухаживать за своей внешностью. А уж если она сама выбирала платье или украшения, то на ее прекрасной фигуре наряд всегда смотрелся роскошно, даже если он был не особо дорогим. Две старшие цесаревны в обе поездки потратили на разные сувениры, кремы, духи, аксессуары все свои карманные деньги.

Английские журналисты во время визита Царской семьи в 1909 году сразу особо выделили среди царских детей Татьяну Николаевну. Ее строгая красота, сдержанность, врожденный аристократизм и прекрасные манеры произвели на них большое впечатление. Газеты писали, что цесаревна унаследовала от матери чисто английские черты, и восторгались великой княжной.

В России тоже все близкие подруги Александры Федоровны и фрейлины считали, что великая княжна Татьяна Николаевна больше других детей была похожа на мать, как внешне, так и по характеру и талантам. Цесаревна, от природы застенчивая и ранимая, как и императрица, трудно сходилась с людьми и иногда казалась посторонним гордой и даже надменной. Не все ценили и замечали ее подлинную доброту, которая проявлялась в действии, в умении жертвовать своими чувствами и интересами ради других. Анна Вырубова вспоминала: «Все учителя и гувернантки любили ее больше, чем других детей; она никогда никому не причиняла никаких неприятностей. Всегда знала требования и желания

родителей и старалась исполнять их, за это дети прозвали ее гувернанткой».

Чем старше была Татьяна Николаевна, тем серьезнее становилось ее отношение к жизни. Александра Федоровна именно ей поручала что-то организовать, проконтролировать выполнение каких-то ее распоряжений. Лили Ден так описывала цесаревну: «Великая княжна Татьяна Николаевна была такой же обаятельной, как и ее старшая сестра, но по-своему. Ее часто называли гордячкой, но я не знала никого, кому бы чувство гордыни было менее свойственно, чем ей. С ней произошло то же самое, что и с Ее Величеством. Застенчивость и сдержанность ее приписывали высокомерию, но, стоило вам познакомиться с нею поближе и добиться ее привязанности, как сдержанность исчезала, и вам представала подлинная Татьяна Николаевна. Она была наделена поэтической натурой, стремилась к идеалу и жаждала большой дружбы. Его Величество горячо любил вторую свою дочь, и сестры шутили, дескать, если надо обратиться с какой-то просьбой, то «Татьяна должна попросить Папа, чтобы он нам это разрешил».

Особенный мир души великой княжны Татьяны Николаевны открывается в ее переписке с матерью. Государыня часто болела, ее дни заполняли множество важных дел, поэтому для того чтобы дочери всегда могли обратиться к ней со своими переживаниями, рассказать о чем-то важном, попросить совета, они писали ей небольшие записки. Императрица эти послания обязательно читала, находя для этого свободную минуту, и обычно в конце дня отвечала тоже небольшими письмами. В записках к матери Татьяна Николаевна раскрывается как человек искренний, ранимый, сочувствующий, переживающий о Чувствах других людей. Вот 17 января 1909 года одиннадцатилетняя цесаревна от всей души волнуется о здоровье любимой матери, скучает о ней. Просит прощения, если в чем-то разочаровала дорогую маму: «Моя дорогая Мама! Я надеюсь, сегодня ты не очень устанешь и выйдешь к обеду. Мне всегда ужасно жаль, когда ты устаешь и не можешь встать с постели. Дорогая Мама, я буду молиться за тебя в церкви. Я надеюсь, что сегодня мы сможем сходить с тобой в Анин маленький домик. Пожалуйста, выпись хорошо и не уставай. Может быть, у меня много промахов, но пожалуйста, прости меня. Очень хорошо, что вчера ты не ходила в церковь, а то бы ты наверняка еще больше устала. Много-много раз целую мою любимую Маму. Твоя любящая дочь».

Татьяна Николаевна взрослеет, и в ее записках матери через год появляются новые интонации: она пишет о любви к родителям, о

послушании отцу и матери. В словах цесаревны сквозит нежность к ним. Вот послание, написанное (5 марта 1910 года) накануне Причастия, из записки понятно, что Татьяна Николаевна очень тщательно готовится к нему, с трепетом, как настоящая христианка, что она понимает, как важно послушание: «Моя любимая, дорогая милая Мама, мне очень радостно, что завтра я приму Тело Господне и Его Кровь. Это очень хорошо. Пожалуйста, прости меня, что я не всегда слушаю тебя, когда ты мне что-то говоришь. Сейчас я постараюсь слушать всех и особенно моих дорогих Папу и Маму. Пожалуйста, попроси у него тоже прощение за меня. Я постараюсь быть очень послушной. Пожалуйста, дорогие мои, спите оба хорошо, пусть вам приснится наш любимый «Штандарт», который сейчас так далеко. Перед Причастием я буду читать все молитвы. Пусть Бог благословит моих милых Папу и Маму. Нежно вас целую. Ваша любящая, преданная и благодарная за все дочь Татьяна».

Татьяне Николаевне уже 13 лет — она стремительно взрослеет. Внешне цесаревна такая же уравновешенная, и многим кажется, что великая княжна слишком строгая и взрослая. А у нее в душе бушуют чувства, как в душе каждого подростка. Чувство долга и природная доброта сражаются с формирующимся характером. Сколько эмоций и терзаний у полудевушки-полуребенка в записке матери от 12 июня 1911 года, написанной на борту яхты «Штандарт». Небольшая провинность кажется большой трагедией. Нежность к матери заполняет душу милой цесаревны: «Моя дорогая, милая Мама, я не могу не думать о том, какой я была нехорошей, не посидела с тобой сегодня днем. Я плачу и чувствую себя такой несчастной без тебя. Я хочу быть с тобой, милая Мама. Пожалуйста, разреши мне. Завтра я не смогу быть с тобой, потому что будет очередь Ольги, и если я появлюсь, она рассердится. Как же мне сделать то, чего так хочется? Да благословит тебя Бог, милая Мама. Пожалуйста, ответь. Только бы я смогла сейчас прийти и поцеловать тебя — тогда бы я успокоилась. Твоя любящая Татьяна».

Письмо, написанное четырнадцатилетней Татьяной Николаевной в Ливадии 28 ноября 1911 года, вновь показывает, какое любящее, горячее сердце у цесаревны, прекрасной не только телом, но и душой: «Моя дорогая, родная, милая Мама, я прошу прощения за то, что не слушаю тебя, спорю с тобой, — что я непослушная. Сразу я никогда ничего не чувствую, а потом ощущаю себя такой грустной и несчастной оттого, что утомила тебя, потому что тебе все время приходилось мне все повторять. Пожалуйста, прости меня, моя бесценная Мамочка. Сейчас я действительно постараюсь быть как можно лучше и добрее, потому что я

знаю, как тебе не нравится, когда одна из твоих дочерей не слушается и плохо себя ведет. Я знаю, как это ужасно с моей стороны плохо себя вести, моя дорогая Мама, но я на самом деле, милая моя, буду стараться вести себя как можно лучше, и никогда не утомлять тебя, и всегда слушаться с первого слова. Прости меня, дорогая. Пожалуйста, напиши мне только одно слово, что ты меня прощаешь, и тогда я смогу пойти спать с чистой совестью. Да благословит тебя Бог всегда и повсюду! Никому не показывай это письмо. Поцелуй от твоей любящей, преданной, благодарной и верной дочери Татьяны».

Сколько любви в этом письме к матери, какая бесконечная преданность и боязнь обидеть дорогого человека. И только одна просьба — никому не показывать письмо. Татьяна Николаевна только перед самыми близкими людьми открывала свою ранимую душу, прятала ее от посторонних глаз. Самая послушная из детей, терпеливая и не по годам мудрая, самой себе она казалась «непослушной», ей казалось, что нужно быть более доброй и лучше себя вести. В то время, когда она больше других близких оставалась с больной матерью, терпеливо выполняя каждое ее желание, помогала воспитывать младших сестер и брата, ей, как взрослой, давали поручения родители, ей представлялось, что она недостаточно хорошая и послушная и совсем мало делает добра для родных.

Великая княжна Татьяна Николаевна, внешне сдержанная, не улыбкающая, молчаливая, обладала редким даром действенной любви. Не на словах, а на деле цесаревна доказывала преданность родным, равнодушие к людям. Ее щедрость была не в словах, а в умении забыть о себе, в ущерб своему покою и удовольствиям заботиться о других. А если вдруг кто-то ей делал подарок или говорил добрые слова, то ее благодарности не было предела.

Юность

Великая княжна Татьяна Николаевна достаточно рано стала появляться в обществе, вместе со своей старшей сестрой Ольгой Николаевной. Это произошло потому, что сестры, у которых разница в возрасте составляла всего полтора года, были друг для друга лучшими подругами. Венценосные родители посчитали, что никакая компаньонка не будет так близка Ольге Николаевне, как родная любимая сестра. В итоге еще не достигшая совершеннолетия Татьяна Николаевна стала появляться в обществе немного раньше, чем это было принято для великих княжон.

В начале 1911 года император решил, что Ольге Николаевне, которой осенью 1910 года исполнилось 15 лет, пора привыкать появляться в обществе, так как приближалось ее совершеннолетие. Государь часто брал старшую дочь с собой в театр, послушать оперу или посмотреть балет, на концерты. Но вскоре с ними вместе стала ездить в театр и Татьяна Николаевна, которой в это время было всего 13 лет. И только изредка, несколько раз в сезон в основном на концерты или спектакли со сказочными сюжетами император брал с собой всех детей.

В гости к вдовствующей императрице Марии Федоровне две старшие цесаревны также приезжали вместе. Мария Федоровна, чтобы развлечь внушек, устраивала для них вечера с музыкой и танцами. Веселые приемы для молодежи с чаепитием и танцами, на которых тоже бывали обе цесаревны, проходили и в доме сестры Государя — великой княгини Ольги Александровны. На этих приемах присутствовали и офицеры, служившие в царском конвое, в Гвардейском экипаже или в подшефных полках великих княжон, с некоторыми молодыми людьми у цесаревен сложились дружеские отношения или невинные симпатии.

Имя офицера, на которого в это время обратила внимание Татьяна Николаевна, неизвестно, однако такой человек был. Об этой симпатии знала и Государыня, от матери у цесаревны не было секретов. Весной 1911 года Ольга Николаевна участвовала в военном смотре как шеф 3-го гусарского Елисаветградского полка. Татьяне Николаевне было очень обидно, она буквально умоляла Государыню убедить всех, что, как вторая дочь, она тоже имеет право там быть, объясняя матери, что там будет тот, кого ей обязательно хочется увидеть. И Государыня знала имя этого человека. Но правила есть правила, императрица была неумолима. Это был тот редкий случай, когда Татьяне Николаевне показалось, что быть старшей

сестрой — это привилегия. И досадно, что только из-за возраста ее лишили праздника, которого она так хотела.

Еще 12 января 1911 года Татьяна Николаевна была назначена шефом 8-го уланского Вознесенского полка. Цесаревна была горда и счастлива, она написала вдовствующей императрице Марии Федоровне: «Я так обрадовалась, когда Папа меня назначил шефом 8 уланского Вознесенского полка. Была депутация: командир, полковой адъютант, потом командир моего эскадрона и вахмистр. Они мне принесли огромный букет из чудных цветов».

По долгу происхождения Татьяна Николаевна постоянно участвовала в различных официальных мероприятиях. В конце лета 1911 года Царская семья, члены Императорской фамилии и другие высокопоставленные особы прибыли в Киев на открытие памятника императору Александру II. Церемония открытия памятника, молебн, парад, посещение Киево-Печерской лавры, приемы — здоровье Государыни не выдерживало таких нагрузок. И тогда рядом с Августейшим отцом оставались две старшие дочери. Так и вечером 1 сентября на представление в Киевский городской театр Государя сопровождали Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. У них на глазах разыгралась трагедия — было совершено роковое покушение на П. А. Столыпина. Юная Татьяна Николаевна, видевшая своими глазами смертельно раненного Петра Аркадьевича и задержание убийцы, была потрясена до глубины души. Она не могла сдержать слезы, Ольга Николаевна старалась успокоить сестру, но Татьяна Николаевна никак не могла взять себя в руки. Уже по дороге из театра домой она продолжала рыдать, ее била нервная дрожь. Вернувшись во дворец, в слезах цесаревна ушла в свою комнату, но нервное потрясение не прошло бесследно, несколько дней она болела.

Осенью 1911 года Царская семья отдыхала в Ливадии. Четырнадцатилетняя Татьяна Николаевна, крепкая, спортивная, вместе с отцом совершала многокилометровые прогулки в горы, играла в теннис, много плавала. Часто ездила верхом — она была прекрасная наездница. Государыня даже иногда волновалась, если не находилось желающих сопровождать великую княжну и та отправлялась на конную прогулку одна.

В день рождения старшей сестры (3 ноября) Татьяна Николаевна блистала на балу, который Царская семья давала в честь совершеннолетия Ольги Николаевны. Очаровательная красавица, высокая, гибкая, элегантная великая княжна Татьяна Николаевна с удовольствием танцевала с офицерами императорской яхты «Штандарт».

Баронесса С. К. Буксгевден так описывала юную цесаревну: «Татьяна

Николаевна, по-моему, была самая хорошенькая. Она была выше матери, но такая тоненькая и так хорошо сложена, что высокий рост (175 см) не был ей помехой. У нее были красивые, правильные черты лица, она была похожа на своих царственных красавиц родственниц, чьи фамильные портреты украшали дворец. Темноволосая, бледнолицая, с широко расставленными глазами — это придавало ее взгляду поэтическое, несколько отсутствующее выражение, что не соответствовало ее характеру. В ней была смесь искренности, прямолинейности и упорства, склонности к поэзии и абстрактным идеям».

За границей теперь не только великая княжна Ольга Николаевна считалась завидной партией для представителей монархий Домов Европы, но вместе с ней этот список возглавляла и Татьяна Николаевна. По всеобщему мнению вторая дочь русского императора отличалась завидной красотой, прекрасными манерами, безупречным вкусом и элегантностью. Великая княжна пребывала в неведении относительно планов на ее будущее в светских салонах Европы, где гадали о том, женой какого из балканских принцев она может со временем стать — сербского, болгарского или греческого. Или, может быть, она завоюет сердце аристократа из Британского королевского дома? Однако цесаревна в это время симпатизировала милым молодым офицерам императорской яхты «Штандарт». Играла с ними в Ливадии в теннис, отправлялась на прогулки и в кинематограф в Ялту в теплой компании старшей сестры и их общих друзей.

Первым близким другом совсем юной цесаревны (с 1909 года) стал офицер «Штандарта» Николай Васильевич Саблин, с которым у Татьяны Николаевны остались добрые отношения до конца его службы в Гвардейском экипаже.

В летние месяцы 1912 и 1913 годов в Ливадии основным партнером в играх и танцах, сопровождающим в недолгих поездках и прогулках, для Татьяны Николаевны был вахтенный офицер императорской яхты «Штандарт», лейтенант Гвардейского экипажа Николай Николаевич Родионов. В воспоминаниях офицеров, служивших на императорской яхте, встречаются рассказы о том, что Татьяну Николаевну и Николая Николаевича часто видели сидевшими вместе где-то в укромных уголках на палубе и часами о чем-то разговаривавшими. Его инициалы «Н. Н.» в это время часто встречаются в дневнике великой княжны. Дружеские отношения не прерывались и с возвращением из Крыма в Царское Село. Николай Родионов иногда звонил Татьяне Николаевне в Александровский дворец, передавал приветы, а иногда и небольшие подарки через их общего

друга Н. В. Саблина.

Встречи с молодыми офицерами Гвардейского экипажа за пределами императорской яхты были невозможны, за этим строго следили Государыня и гувернантки цесаревен. Сохранились интересные воспоминания британского журналиста Валентайна Чиролы, который в январе 1912 года приезжал в Санкт-Петербург. Он был приглашен Царской семьей на обед в Александровский дворец. Рядом с ним за столом сидела великая княжна Татьяна Николаевна. Он вспоминал: «Мне довелось сидеть рядом с маленькой великой княжной Татьяной, очень привлекательной девушкой 15 лет». Сэр Валентайн был немного удивлен, что цесаревна совершенно свободно разговаривала по-английски; она рассказала гостю, что ей понравилось в Англии и ей хотелось бы снова побывать там. «Когда я спросил ее, что же ей понравилось там больше всего, она быстро прошептала почти на ухо: «О, там себя чувствуешь так свободно», — а когда я заметил, что она, безусловно, имеет не меньшую свободу и у себя дома, Татьяна лишь, поджав губы, кивнула в сторону пожилой леди, сидящей за другим столиком рядом с нашим. Это была ее гувернантка».

Летом 1912 года в Ливадии при Дворе заговорили о возможном увлечении великой княжны Татьяны Николаевны флигель-адъютантом графом Александром Илларионовичем Воронцовым-Дашковым, который часто бывал партнером Государя в теннисных турнирах. Документальных подтверждений этим слухам нет. Графа Воронцова-Дашкова считали очаровательным человеком, красавцем, бравым гусаром, но он был на 16 лет старше великой княжны. Граф оставался чрезвычайно преданным императору, маловероятно, что были возможны романтические отношения 31-летнего офицера с пятнадцатилетней несовершеннолетней цесаревной.

Отдых в Крыму был долгожданным и желанным, тем более что вся первая половина 1912 года была очень насыщена событиями. Она была заполнена приготовлениями, а затем и самими праздничными мероприятиями и поездками по стране, приуроченными к столетию Отечественной войны 1812 года. Празднества оказались слишком тяжелыми для Государыни, которая с трудом справлялась с нагрузками из-за слабого здоровья; младшие дети быстро уставали, особенно цесаревич, поэтому основные обязанности по сопровождению императора на бесконечных приемах, смотрах, обедах упали на плечи двух старших цесаревен. Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна терпеливо и достойно выносили длительные мероприятия, понимая, что отец не может оставаться в такие моменты один, его должна поддерживать семья.

Следующий, 1913 год обещал быть напряженным: страна готовилась к

празднованию 300-летия Дома Романовых. Реставрировались и ремонтировались многочисленные исторические объекты, связанные с воцарением Михаила Романова, по всей стране готовились сотни мероприятий, и центром этих празднеств должна была стать Царская семья.

Жизнь великой княжны Татьяны Николаевны шла своим чередом. Юная цесаревна беззаботно и счастливо жила в кругу близких. Посещала уроки, много гуляла в парке, ездила в гости к родственникам, веселилась в кругу друзей. Радостное бытие пятнадцатилетней девушки наполняли светлые события. Дневник Татьяны Николаевны в начале 1913 года наполнен фразами: «ужас, как хорошо было», «замечательно хорошо, мне очень понравилось», «очень было весело», «очень счастлива». То, как описывает 10 февраля 1913 года свой день цесаревна, похоже на все ее дневниковые записи этого периода: «Утром мы с Папа пошли в полковую церковь. Завтракали с ним. Затем мы в Петербург с О. Е. Бюцевой. Аня, Настенька и Трина с нами по ветке. Были у Бабушки около получаса. Тетя Ольга и тетя Ксения там тоже сидели. Мы вместе с тетей Ольгой поехали к ней в дом. Офицеры кавалерии были там, Саша с мамой и сестрой, Надя, Зоя, Ирина, тетя Ксения и Н. А. Куликовский. Чай пили за двумя столами, я сидела со Шведовым, сестрами и другими. Пели, играли в разные игры: прятки, кошки-мышки, казаки-разбойники и другие. Позже обедали за двумя столами, сидели таким образом: тетя Ольга справа, Ольга, Шведов, Анастасия, Мария, Скворцов и Родионов, остальные за другим столом. Позже мы с тетей, тремя казаками, Папа и Н. А. Куликовским и Ключаревым поехали в цирк. Ужас, как хорошо было. Очень счастлива. Вернулись в 12 часов и сразу пошли спать».

В начале февраля 1913 года Царская семья переехала из Царского Села в столицу, в Зимний дворец, чтобы участвовать в праздничных мероприятиях. 21 февраля выстрелы пушек Петропавловской крепости дали старт началу праздничных торжеств, посвященных 300-летию Дома Романовых.

Великая княжна Татьяна Николаевна еще 21 февраля почувствовала недомогание, но, понимая важность торжественного момента, выдержала длительную процедуру вручения адресов и подарков к Юбилею Дома Романовых от делегаций со всех концов России императору и императрице в Зимнем дворце до конца, и на следующий день тоже. Однако 22 февраля днем, вернувшись в свои покои, она не нашла в себе сил вечером поехать на праздник в оперу в Мариинский театр. У цесаревны резко поднялась температура, началась лихорадка. Испуганные доктора уложили ее в

постель, постаравшись изолировать от остальных царских детей. 23 февраля состоялся грандиозный бал в Петербургском благородном собрании, на котором присутствовали все «сливки общества». Но роскошное платье великой княжны Татьяны Николаевны осталось висеть в шкафу. Можно только представить, как было обидно цесаревне в 15 лет не пойти на свой первый настоящий публичный бал. Вместо сказочного вечера, о котором они с сестрой мечтали, танцев и восторженных ухаживаний кавалеров Татьяна Николаевна оставалась в постели с высокой температурой. Через два дня врачи вынесли свой вердикт — великая княжна заболела брюшным тифом.

В Санкт-Петербурге продолжались праздничные мероприятия к 300-летию Дома Романовых, на подъеме была и светская жизнь — вечера, визиты, приемы. А несчастная Татьяна Николаевна вынуждена была оставаться в постели. Это было так досадно, обидно, несправедливо до слез. К 26 февраля стало известно, что тифом заразились доктор Е. С. Боткин и Е. А. Шнейдер, под угрозой оказалось здоровье всей Царской семьи. Особенно волновались о цесаревиче, который еще не окреп после последнего приступа гемофилии; для него тиф мог оказаться смертельно опасным. Больных необходимо было срочно изолировать, а в Зимнем дворце для этого условий не оказалось. Поэтому, несмотря на продолжавшиеся празднования, Царскую семью срочно перевезли в Царское Село.

Офицеры императорской яхты «Штандарт» на время праздников находились в столице. Татьяна Николаевна очень печалилась, что не могла увидеться с дорогим ее сердцу лейтенантом Николаем Родионовым. Незадолго до отъезда в Царское Село великая княжна попросила няню Александру Теглеву позвонить лейтенанту и передать, что она просит его приехать к Зимнему дворцу и пройтись под ее окном, чтобы хотя бы так — на расстоянии — они могли увидеться.

Н. В. Саблин, который был другом и цесаревны, и лейтенанта, позже написал в мемуарах, что они были рады с Родионовым выполнить просьбу Татьяны Николаевны и вместе приехали к ее окнам. Они увидели в окне закутанную в одеяло фигуру больной великой княжны, которая кланялась им. Оба офицера в этот момент чрезвычайно сочувствовали несчастной девушке и жалели ее.

После возвращения Царской семьи в Александровский дворец Татьяну Николаевну сразу поместили в отдельной комнате на строгий карантин. Она серьезно болела больше месяца, выздоровление шло трудно. К тому же ей пришлось проводить все время почти в полном одиночестве: не только

сестрам, брату, но и всем близким запрещалось общаться с нею. Ко всем несчастьям, связанным с болезнью, у Татьяны Николаевны начали выпадать ее прекрасные каштановые волосы; не оставалась другого выхода, как их коротко подстричь, практически побрить голову. 5 марта цесаревна лишилась своих чудесных волос, что стало большим расстройством для юной девушки. Для Татьяны Николаевны изготовили парики, чтобы она могла их носить, пока не отрастут ее волосы. В итоге цесаревна ими постоянно пользовалась до конца декабря 1913 года. За больной дочерью ухаживала Александра Федоровна, несмотря на опасность Государыня не могла оставить в беде свою дорогую девочку и, рискуя собой, оставалась с ней вместе, отказавшись подчиниться запретам докторов. Только в начале апреля ослабевшая Татьяна Николаевна впервые смогла ненадолго выйти на прогулку — на балкон в гостиной Государыни. Однако по-настоящему цесаревна начала гулять в парке, когда стало тепло и растаял снег. Первое время она никак не могла привыкнуть к своему парик, очень стеснялась его.

Однажды в конце весны цесаревны вместе с молодыми офицерами из Пажеского корпуса играли в парке, прыгали со скакалкой. В это время Джой, пес цесаревича, с лаем побежал к Татьяне Николаевне. Она отвлеклась, зацепилась ногой за скакалку и упала. Парик, ко всеобщему удивлению, упал с головы. Все стоявшие рядом с цесаревной люди в замешательстве застыли. По воспоминаниям присутствовавших: бедная Татьяна Николаевна стояла перед двумя смущенными офицерами «с голой макушкой, на которой торчали короткие, редкие волоски, только начинавшие отрастать», цесаревна «...вскочила на ноги, схватила свой парик и бросилась к ближайшим деревьям. Мы видели только, как она покраснела от досады, в тот день она больше не появлялась».

К лету Татьяна Николаевна выздоровела, окрепла и хотя продолжала носить парик, но смогла снова принимать участие в торжествах, посвященных 300-летию Дома Романовых. Понятно, что нагрузки ослабевшая после болезни цесаревна переносила с трудом, но выбора не было, празднества подходили к апогею, Царская семья была в центре всех событий.

Не только в Санкт-Петербурге и Москве, но во многих крупных городах Европейской части России в праздниках участвовала Царская семья. И снова рядом с Государем дни напролет, после того как остальная семья удалялась в свои покои отдыхать, оставались две старшие великие княжны. Только в личных дневниках они позволяли себе жаловаться — на жару, пыль и переутомление. Поздно вечером, часто и после полуночи

цесаревны оказывались в своих каютах на пароходе или в купе императорского поезда, а на следующий день утром их ждали уже новый город, парад, торжественный обед, сотни адресов и подарков от подданных, посещение достопримечательностей и государственных учреждений. И они, красивые, элегантные, улыбающиеся, вместе с императором приветствовали публику, забывая об усталости. А Татьяне Николаевне в то время только в конце мая должно было исполниться 16 лет, она только что тяжело переболела тифом, но прекрасно понимала, что такое долг и какие обязанности накладывает на нее происхождение. Царская дочь была достойна своего отца-императора. Никто не делал скидки на то, что великая княжна, практически девочка, должна выдерживать многочасовые публичные заседания и встречи, уметь держать себя соответственно, поддержать с любым человеком беседу. Целый день ей нужно было вести себя по строжайшему протоколу, ограничивать себя во всем и при этом отлично, безупречно выглядеть. Однажды цесаревна с печалью сказала, что только в Ливадии она чувствует, что живет, остальное время — это бесконечная работа.

Вечером 26 мая 1913 года в Благородном собрании состоялся роскошный прием с обедом и танцами, на котором присутствовало все высшее общество Москвы. Украшением бала стали две очаровательные старшие цесаревны: именно они открывали бал. Юные красавицы цесаревны исполнили с кавалерами первый торжественный танец под восхищенные взгляды московской публики. Для Татьяны Николаевны это был особенный вечер. Наконец ее мечта танцевать на настоящем балу сбылась. Она надела праздничный наряд и первые свои настоящие драгоценности, которые ей подарили к совершеннолетию Августейшие родители. Тяжелая болезнь в марте лишила ее бала в Петербургском благородном собрании и других праздников почти на два месяца. И вот теперь Татьяна Николаевна вместе со старшей сестрой, счастливая, радостная, блистала на балу в Москве. После возвращения в Царское Село, начиная с 10 июня, Царская семья недолго отдыхала на императорской яхте «Штандарт». После шумных, изматывающих поездок по стране и многолюдных мероприятий спокойный, тихий отдых на любимой яхте казался раем.

У цесаревен и их друзей офицеров Гвардейского экипажа — Павла Воронова и Николая Родионова было на яхте любимое место: между телеграфной рубкой и одной из труб корабля. Там они вчетвером просиживали часами, о чем-то весело разговаривая. Иногда цесаревны приносили друзьям что-нибудь вкусненькое с царского стола — пирожные

или конфеты. Если кто-то из двух офицеров был на вахте, остальные трое проводили время вместе с ним в рубке, помогая заполнять вахтенный журнал или просто развлекая дежурившего.

В конце июля великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна начали подготовку к армейским маневрам, которые должны были состояться 5 августа в Красном Селе. Татьяна Николаевна была счастлива, наконец исполнилось еще одно ее заветное желание. Теперь не только ее старшая сестра будет участвовать в военном смотре, но и она — вторая дочь императора — на скакуне, в военной форме тоже могла принимать парад своих улан. Цесаревна очень гордилась, что ее Августейшие родители, как и она, были уланами. Император и императрица были шефами именно гвардейских уланских полков.

В знаменательный для нее день 5 августа 1913 года Татьяна Николаевна в синей с желтым приборным сукном форме 8-го уланского Вознесенского полка на скакуне Робиньо участвовала в армейских маневрах. Вместе с Ольгой Николаевной и главнокомандующим Гвардией великим князем Николаем Николаевичем они открывали смотр войск. Государь с гордостью любовался выправкой и статью своих дочерей, галопом проскакавших перед полками.

На армейских маневрах присутствовало много иностранных гостей, в том числе и журналистов. В зарубежных газетах они с восхищением писали, что русские царевны великолепные наездницы, красавицы и самые молодые в мире женщины — шефы полков, что юные дочери царя являются не просто номинальными шефами своих полков, а по-настоящему руководят вверенными им подразделениями. И это была правда, Татьяна Николаевна отлично знала свой полк, офицеров, служивших в нем, всегда оставалась с ними на связи, была в курсе всех проблем полка и помогала их решать.

Зима 1913/14 года в Санкт-Петербурге оказалась переполнена балами и светскими мероприятиями. Государь, понимая, что его старшим дочерям очень хочется часто бывать в обществе, стал постоянно посещать с ними театр, концерты, и с трудом выкраивая в своем насыщенном графике свободные часы, иногда привозил старших цесаревен на светские вечера, в основном к родственникам. Надо сказать, что теперь нужда носить парик у Татьяны Николаевны уже отпала, ее волосы к середине декабря отросли, причем короткая прическа ей очень шла, о чем даже записал в своем дневнике Государь 27 декабря 1913 года: «Волосы у Татьяны выросли красивые и густые, значит, ей больше не нужно носить парик».

Наконец вдовствующая императрица Мария Федоровна решила, что

пора дать для внучек настоящий бал — в честь официального выхода в свет совершеннолетних великих княжон Ольги Николаевны и Татьяны Николаевны.

На бал, который состоялся 13 февраля, прибыла императорская чета в сопровождении двух старших дочерей. Царь открыл бал церемониальным полонезом.

Ольга Николаевна с Татьяной Николаевной не пропустили ни одного танца. Очаровательные, гибкие, легкие как пушинки, они порхали по залу, привлекая всеобщее внимание. Веселись от души. Государыня через час после открытия бала удалилась домой, а Государю пришлось до 4.30 утра ждать окончания танцев. Великие княжны оставались на балу до самого конца, категорически отказываясь уйти раньше.

Одна из дам, присутствующая на балу, позже вспоминала, что великие княжны «не пропускали ни одного танца, танцевали с нескрываемым огромным удовольствием», а в паузах между танцами они «перешептывались в уголке, светлая голова к темной голове, голубые глаза и янтарные глаза светились весельем».

Появление великих княжон на светских мероприятиях вызвало всплеск интереса к ним за рубежом. Газеты писали, что в 1914 году не было более красивых и богатых невест королевских кровей, чем дочери русского императора. Зарубежные журналисты восхищались красотой Татьяны Николаевны, называли ее обворожительной феей, особенно восторгались ее чудесными глазами, которые, по их словам, «меняли цвет от темно-серого до фиалкового». И фантазировали на тему, кому может посчастливиться стать ее женихом.

Неожиданно в Европе прошел слух, что Татьяне Николаевне готов предложить руку и сердце Эдуард принц Уэльский, визит которого в Санкт-Петербург ожидался весной 1914 года. Шумиха по этому поводу поднялась немалая, в итоге личный секретарь короля Великобритании Георга V выступил с официальным заявлением, в котором однозначно сказал, что «в этом утверждении нет ни грамма истины... Это чистая выдумка».

Некоторые публицисты утверждают, что неофициальное предложение от имени одного из европейских принцев все же Татьяне Николаевне было сделано. По их версии премьер-министр Сербии Никола Пашич передал императору письмо, в котором от имени Сербского короля Петра I просил руки великой княжны Татьяны Николаевны для наследника престола королевича Александра. Якобы король вместе с сыном был на ужине в Царском Селе, где Александр и великая княжна познакомились, потом переписывались.

Однако это ошибочное предположение, выдумка, которая, скорее всего, основана на путанице с именами. В Санкт-Петербурге в это время жила еще одна юная княжна Императорской крови Татьяна — дочь великого князя Константина Константиновича. Сербский король Петр хотел, чтобы его сын Александр, который учился в России, заключил брак с княжной Татьяной Константиновной, а вовсе не с цесаревной. Отцу потенциальной невесты великому князю Константину Константиновичу действительно было передано письмо с предложением о браке королевича Александра и его дочери, произошло это еще в 1909 году. Об этом великий князь писал в своем дневнике. Позже уже в 1911 году в Санкт-Петербурге король Сербии нанес визит Константину Константиновичу, повторив свое предложение, но великий князь, сославшись на то, что для этого брака нужно согласие его дочери, а она его не дает, тактично отказался от предложения.

Так же после практически отказа великой княжны Ольги Николаевны от брака с принцем Румынским Каролом, несмотря на все старания Августейших родителей с обеих сторон, в придворных кругах ходили слухи, что принцу больше понравилась вторая дочь императора. Но эти разговоры ничем не были подкреплены.

Татьяна Николаевна своей античной классической красотой, аристократическими манерами, элегантностью, где бы она ни появлялась, сразу приковывала к себе внимание. Одна из близких к Царской семье дам в мемуарах писала, что даже когда цесаревны были одеты в одинаковые наряды, Татьяна Николаевна каким-то особым шармом отличалась от сестер. Такое же точно платье, как у всех цесаревен, на ней смотрелось по-особенному изящно. На очаровательную Татьяну Николаевну заглядывались мужчины царских кровей и незнатные молодые офицеры.

Красота великой княжны редко кого оставляла равнодушным. 9 июня 1914 года в Кронштадт с визитом прибыла английская эскадра. Цесаревны удостоили моряков своим визитом. Английские морские офицеры долго с восторгом вспоминали красавиц цесаревен. На борту одного из судов среди молодых офицеров оказался племянник Александры Федоровны принц Георг Баттенберг. Все заметили, что особое внимание он уделял Татьяне Николаевне, которую всюду на корабле сопровождал. В конце концов принц и Татьяна Николаевна договорились, что будут переписываться.

Фрейлина баронесса С. К. Буксгевден писала: «Любое, даже старенькое, платье выглядело на ней великолепно. Она одевалась со вкусом, ею восхищались, а она любила, когда ею восхищались». Да и как было не восхищаться пленительной великой княжной, которая знала цену

женскому очарованию. Татьяна Николаевна очень любила духи и умела их подбирать к своим изысканным нарядам. Были у нее и любимые духи — «Корсиканский жасмин» [французские — *Jasmin de Corse*]. А любимым цветом у великой княжны был лиловый, как и у ее матери. Поэтому платья, шарфики, сумочки Татьяна Николаевна часто предпочитала покупать именно лилового цвета. Высокая, стройная, гибкая, элегантная, в ароматах изысканных духов цесаревна выглядела как настоящая принцесса. Софья Яковлевна Офросимова вспоминала: «Она была великая княгиня с головы до ног, настолько аристократично и царственно она выглядела».

Анна Вырубова писала: «Когда Татьяна выросла, она была самой высокой и стройной из всех великих княжон, красивой и романтической. Много мужчин увлекалось ею. Многие офицеры и в самом деле были влюблены в Татьяну, но подходящих женихов не было и для нее».

Война. Сестра милосердия

Великой княжне Татьяне Николаевне было 17 лет, когда началась Первая мировая война. 19 июля Германия объявила войну России, 20 июля Государь подписал Высочайший манифест о начале войны с Германией, а 26 июля — с Австро-Венгрией. В течение нескольких дней мир, окружавший юную цесаревну, изменился: из счастливого, спокойного, веселого он стал тревожным, полным ожидания несчастий. Один за другим уходили на фронт близкие и родные. Простой сестрой милосердия отправилась на фронт любимая тетка цесаревны — великая княгиня Ольга Александровна. Родные и двоюродные братья императора, его дяди, друзья самой цесаревны один за другим уезжали воевать. Родные перед отъездом появлялись в Александровском дворце, чтобы проститься с Царской семьей. В дневнике Татьяны Николаевны появляются записи об этих прощаниях. 19 июля она записала: «Сидели опять дома, т. к. Папа все время принимал. Дмитрий простился и уехал. Драгуны уже сегодня вышли и Финляндцы тоже. Так грустно и тяжело». Такая же печальная запись от 1 августа: «Мы говорили по телефону с Н.П. [Саблиным] и Н.Н. [Родионовым] — кому я передала свой образок на шею через Н. П. Двое из нас ужинали с папой, мамой и бабушкой. Ксения и Сандро тоже там были. Затем Костя [великий князь Константин Константинович] приехал попрощаться, поскольку завтра он уходит на войну с Измайловским полком».

С фронта начинали приходить печальные новости. 9 августа Татьяна Николаевна получила известие, что убит один из ее друзей: «...Убит мой бедный друг Сергей Боевский. Его 2-й брат Георгий ранен: но не там, а раньше его привезли сюда в Петербург. Так все тяжело и грустно, что ужас».

Татьяна Николаевна понимала, что беспечная жизнь осталась позади, не будет больше веселых вечеринок в доме доброй тети Ольги Александровны. Как и других праздников. Никаких балов, торжеств и театров — императрица сразу сообщила детям и придворным, что теперь вся жизнь Царской семьи должна быть, как и у всей страны, подчинена законам военного времени. Главное — помогать армии победить врага, заботиться о раненых и беженцах.

С начала сентября Татьяна Николаевна начала посещать курсы сестер милосердия, ей приходилось совмещать эти занятия с учебой: в отличие от

старшей сестры, она еще не закончила образование по программе классической гимназии. К тому же с самого начала обучения великие княжны на практике осваивали медицинское дело, помогали в лазарете медсестрам чистить и обрабатывать медицинские инструменты. Государыня писала 22 октября 1914 года мужу в ставку: «Мы прошли полный фельдшерский курс, с расширенной программой, а сейчас пройдем курс по анатомии и внутренним болезням, это будет полезно и для девочек».

А. А. Мосолов вспоминал: «Во время войны, сдав сестринские экзамены, старшие Княжны работали в царскосельском госпитале, выказывая полную самоотверженность в деле... У всех четырех было заметно, что с раннего детства им было внушено чувство долга. Все, что они делали, было проникнуто основательностью в исполнении. Особенно это выражалось у двух старших. Они не только несли в полном смысле слова обязанности заурядных сестер милосердия, но и с большим умением ассистировали при операциях... Серьезнее и сдержаннее всех была Татьяна».

В Российском отделении Общества Красного Креста писали: «15 августа открыты курсы для подготовки сестер военного времени. Августейшая покровительница общины Государыня императрица Александра Федоровна изволила изъявить желание подвергнуться испытанию на получение звания сестры милосердия военного времени и по вы-держании сего испытания милостиво удостоила Общину высокой чести вступить в состав сестер Общины. 1-й выпуск — состоялся 6 ноября. В этот день в церкви общины было отслужено о. Николаем Андреевым благодарственное молебствие — на коем изволила присутствовать Августейшая сестра милосердия общины и все выпускные ее сестры.

По окончанию молебствия попечительница общины имела счастье поднести Ее Императорскому Величеству и Их Императорским Высочествам дипломы на получение звания сестер милосердия военного времени и окончившие курсы сестры удостоились получения дипломов из собственных рук Августейшей покровительницы общины... Число сестер 1-го выпуска — 42».

Императрица послала телеграмму руководству Российского общества Красного Креста: «Дочери и я сердечно благодарим Главное управление Красного Креста за выраженные чувства. Рады числиться с сестрами милосердия и потрудиться в облегчение страданий наших героев».

Теперь каждый день с утра до позднего вечера старшие цесаревны, как обычные сестры милосердия, работали наравне со всем медицинским

персоналом, без поблажек и учета их юного возраста. Сестрами милосердия в Дворцовом госпитале руководила Валентина Ивановна Чеботарева, дочь военного врача, которая была фронтовой медсестрой во время Русско-японской войны. Именно она строго и требовательно помогала цесаревнам постичь тонкости работы сестер милосердия. Позже Валентина Ивановна вспоминала, что сначала персонал лазарета какое-то время с трудом привыкал к тому, что с ними рядом работают Государыня и великие княжны: «Сначала как они были далеки! Мы целовали им руки, обменивались приветствиями, и этим все и заканчивалось». Однако императрица настояла на том, чтобы к ней и цесаревнам относились как к обычным сестрам милосердия. Благодаря тому, что Государыня с дочерьми работали на равных с остальными сестрами, выполняя старательно и аккуратно любую работу, даже самую тяжелую и грязную, постепенно люди практически забыли об особом статусе их коллег.

Со временем Чеботарева стала настоящим другом для обеих цесаревен. Ее личный дневник полон добрых слов и нежной заботы о великих княжнах. Но ее особенную любовь и даже восхищения заслужила Татьяна Николаевна.

Сдержанность, природная организованность, практичность, логическое мышление, золотые, умелые руки великой княжны — все эти качества помогли ей стать прекрасной сестрой милосердия, причем самого сложного направления — хирургической сестрой. Она не терялась в самых сложных случаях во время операций, без страха и отвращения обрабатывала запущенные гнойные раны, ассистировала при трудных ампутациях. Никогда не теряла самообладания, бывали случаи, что быстрее принимала нужное решение, чем опытная Чеботарева, и этим вызывала у последней искреннее восхищение. Дочь доктора Е. С. Боткина позже писала: «Доктор Деревенко, человек весьма требовательный по отношению к сестрам, говорил мне уже после революции, что ему редко приходилось встречать такую спокойную, ловкую и дельную хирургическую сестру, как Татьяна Николаевна». А ведь великая княжна была совсем юной девушкой: она работала в лазарете с 17 до 19 лет.

В. И. Чеботарева 4 декабря 1914 года записала: «Татьяна Николаевна — чудная сестра. 27-го, в день возвращения Веры Игнатьевны, взяли Смирнова в перевязочную. Температура все держалась, пульс скверный, решен был прокол после пробного укола. Игла забилась сгустками гноя, ничего не удавалось высосать, новый укол, и Вера Игнатьевна попадает прямо на гнойник; потек густой, необычайно вонючий гной. Решают немедленно прорез. Забежали мы, я кинулась фильтровать новокаин и

кипятить, Татьяна Николаевна самостоятельно собрала и вскипятила все инструменты, перетаскивала столы, готовила белье. Через 25 минут все было готово. Операция прошла благополучно. После разреза сперва с трудом, а потом рекой полился невероятно вонючий гной. Первый раз в жизни у меня был позыв к тошноте, а Татьяна Николаевна ничего, только при жалобе, столах личико подергивалось, да вся стала пунцовая».

Чистая, светлая великая княжна постепенно завоевала сердца своих коллег по лазарету. С некоторыми сестрами милосердия цесаревна по-настоящему подружилась, стала с ними близка. Подлинную нежность к цесаревне можно увидеть в записи от 30 июля 1915 года в дневнике В. И. Чеботаревой: «Сколько поэтической ласки вносит Татьяна Николаевна! Как она горячо отзывалась, когда вызывала по телефону и прочла телеграмму о его ранении. Какая она хорошая, чистая и глубокая девочка! Молодость тянет к молодости, и как светятся ее глазки! Ужасно хорошая!»

Великая княжна искренне любила тех, с кем работала, с открытым сердцем принимала их. 24 октября 1915 года В. И. Чеботарева записала: «Сегодня Татьяна Николаевна сначала приехала одна: «Ведь я еду сюда, как в свой второй дом», и, действительно, такая милая и уютная была. Побежала со мной в кухню, где мы готовили бинты».

Цесаревна хотела, чтобы в лазарете к ней относились, как к члену большой медицинской семьи. Она искренне радовалась, когда чувствовала, что ее ценят и уважают, доверяют ей. В. И. Чеботарева вспоминала (8 января 1916 года): «Татьяна Николаевна трогательно-ласкова, помогала даже в заготовке, сидела в уголку, чистила инструменты, а 4-го приезжала вечером переваривать шелк, сидела самостоятельно в парах карболки, расспрашивала про мое детство, есть ли у меня братья и сестры, где брат, как его зовут».

Для великой княжны лазарет стал дорогим и родным, действительно, как второй дом. В. И. Чеботарева подтверждает это в своем дневнике (12 марта 1916 года): «Накануне я позвонила вечером сама, и Татьяна — она не знала, какая же, в сущности, предстоит операция — чрезвычайно обстоятельно рассказала все, что было на перевязках без меня: «Пожалуйста, и впредь так делайте, я ужасно рада». И чувствовалось, что это искренно, детка рада вполне войти в жизнь лазарета, рада, что к ней обращаются за справкой, как к милому члену этой семьи».

Три Августейшие сестры милосердия удостоились похвалы даже предельно строгого и требовательного главного врача Дворцового лазарета — княжны Веры Игнатьевны Гедройц. Она редко кого-то хвалила, тем ценнее ее слова, которые она написала: «Ежедневно черное ландо с тремя

сестрами милосердия скользило по заросшим зеленью улицам мирного городка, останавливаясь то перед одним, то перед другим лазаретом. Мне часто приходилось ездить вместе и при всех осмотрах отмечать серьезное вдумчивое отношение всех трех к делу милосердия. Оно было именно глубокое. Они не играли в сестер, как это мне приходилось потом неоднократно видеть у многих светских дам, а именно были ими в лучшем значении этого слова».

В дневниках Татьяны Николаевны записи о лазарете похожи на краткие медицинские отчеты. Цесаревна перечисляет, в каких операциях она ассистировала как хирургическая сестра, называет имена и подразделения раненых, которых перевязывала. Например, 25 августа 1914 года она записала: «Сегодня у меня были: Молчанов 94-го Енисейского полка, ранен в голову, я перевязывала. Семен Марчук 22-го Нижегородского полка, ранен в грудную клетку. Его княжна перевязывала. Лондоп 95-го Красноярского. Перевязывала ему ногу». 8 сентября 1914 года: «Была трепанация черепа и вынимали шрапнельную пулю. Потом перевязывала Корженевского 102-го Вятского полка, Костюка 107-го Троицкого и Московского 215-го Сухаревского полка».

Каждый день перевязки, операции, легкие и сложные. Не всегда операции заканчивались успешно, случалось, на глазах семнадцатилетней цесаревны раненый умирал на операционном столе. 26 ноября 1914 года Татьяна Николаевна записала в дневнике: «Пошли в Большой дом на операцию. Один, очень тяжело ранен в легкое, под конец операции скончался, бедный».

Татьяна Николаевна, к восхищению персонала госпиталя, с каждым днем работала все лучше и лучше, набираясь опыта. 28 ноября 1914 года цесаревна записала в дневнике информацию сразу о двух операциях, в которых она принимала участие: «Были две операции. Моему Латыпову разрезали над переносицей и вынимали осколки. Потом Ольгиному Чинчалидзе 201-го Потийского полка делали пять разрезов на правой руке».

Особенно трудными выдавались дни, когда с фронта приходили санитарные поезда, сестры милосердия в лазарете должны были принять десятки раненых, помыть их, обработать раны, распределить по палатам. Анна Вырубова, которая тоже работала в Дворцовом госпитале, вспоминала: «Обработав руки антисептическим раствором, мы приступали к работе, промывали, дезинфицировали и перевязывали искалеченные тела, искореженные лица, ослепленные глаза и прочие неопишуемые увечья». Тяжелая, напряженная ежедневная работа в госпитале отнимала у Татьяны

Николаевны много сил, но это было не единственное, чем помогала цесаревна своей воюющей Родине.

С первых дней войны императрица занималась обеспечением фронта всем необходимым. Александра Федоровна организовала огромную систему складов, откуда отправляли на фронт медикаменты, перевязочные материалы, продукты, одежду и т. д. На этих складах не только хранили готовые вещи, но и работали швейные мастерские, занимались упаковкой марли и свертыванием бинтов. Под руководством Государыни также по всей стране создавались лазареты, в которые на санитарных поездах, с фронта доставляли раненых. Санитарные поезда также курировала императрица. Этим невероятно большим хозяйством нужно было управлять. Главными помощницами в сложной работе тыловых организаций для Александры Федоровны стали две ее старшие дочери. В своих письмах Государю на фронт императрица с благодарностью отзывалась об ответственности и работоспособности Татьяны Николаевны, которую называет своим другом и помощницей. В это время и император начинает с какими-то личными просьбами обращаться именно к Татьяне Николаевне. Для отца она собирает посылки в Ставку, выполняет его поручения в столице.

С императрицей обе старшие цесаревны время от времени ездили с проверками по западным и южным губерниям страны, посещая склады, лазареты, инспектируя работу санитарных поездов. Москва, Тула, Орел, Витебск, Новгород, Одесса, Винница и т. д. Эти тяжелые переезды, в том числе и в прифронтовых областях, изматывают Государыню. Татьяна Николаевна, спокойная, уравновешенная, организованная, в этих поездках для матери главная опора и помощница. 29 октября 1914 года в дневнике великая княжна Татьяна Николаевна описала поездку в Псков, в котором с Государыней и старшей сестрой они посетили пять лазаретов и проинспектировали санитарный поезд. 2 ноября она пишет в дневнике о поездке с инспекцией в Москву, где посетили несколько лазаретов и Марфо-Мариинскую общину милосердия. Осмотрели производство в генерал-губернаторском доме, где работали жены солдат. В доме Московского генерал-губернатора в то время находились мастерские Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны, которые были созданы под покровительством императрицы Александры Федоровны. Тысяча женщин шили белье для раненых. За время войны они сшили больше миллиона единиц вещей. Государыню с дочерьми встречала в Москве великая княгиня Елизавета Федоровна, сестра императрицы.

Поездки императрицы со старшими дочерьми по стране в военные

годы были как короткими, два-три дня, так и длительными. Государыня и цесаревны очень серьезно готовились к этим инспекциям. 21 ноября 1914 года в письме мужу Государыня так описывала подготовку к очередной поездке: «Мы выезжаем сегодня вечером в 9, прибываем в Вильно в субботу утром в 10.15 — 1. Затем далее в Ковно 2.50 — 6 — и обратно в Царское Село в воскресенье утром в 9... Если нам удастся увидеть дорогих наших моряков, то это будет для нас наилучшей наградой... Я никак не могла уснуть эту ночь, а потому в 2 часа написала Ане, чтобы она известила морских жен о том, что представляется okazия для верной передачи писем и посылок. Затем я рассортировала книжечки, Евангелия (1 апост.), молитвы специально для моряков, сласти и засахаренные фрукты для офицеров — быть может, еще найду теплых вещей вдобавок», «Так тягостно думать о наших страшных потерях — многие раненые офицеры, всего с месяц уехавшие от нас, вернулись вновь ранеными. Дал бы Бог скорее конец этой гнусной войне, но что-то ей как будто не предвидится конца!».

В начале декабря 1914 года Александра Федоровна со старшими дочерьми совершили двухнедельную поездку по нескольким городам Центральной России, чтобы собственными глазами увидеть, как организована медицинская помощь раненым. 4 декабря 1914 года Татьяна Николаевна записала в дневнике: «В 9 часов приехали в Тулу. Поехали в экипажах в собор. Молебн. Потом в три лазарета. Много раненых. В 11.30 уехали. В 3 часа приехали в Орел. Тоже поехали в собор, оттуда в склад, потом 4 лазарета». На следующий день 5 декабря новая запись в дневнике: «В 9 часов приехали в Курск. На моторе в собор и 3 лазарета. Много раненых». И в этот же день приехали в Харьков, снова проверка трех лазаретов и склада. Поздно вечером царский поезд уже в Белгороде. Утром 6 декабря в 9 часов остановка в Курске, посещение трех лазаретов. И сразу отъезд в Харьков, осмотр санитарного поезда. И никаких жалоб в дневнике Татьяны Николаевны на плотный график, недосыпание или усталость нет. Только иногда цесаревна пишет: «Невероятная толпа», «Ужас сколько народу». В каждом городе Государыня с дочерьми обязательно посещали соборы. С радостью цесаревна писала о церковных службах, которые она посещала: «...Приехали в 9 в Белгород и в трех извозчиках поехали в Собор. Чудно было хорошо. Приложились к мощам святителя Иоасафа». 6 декабря 1914 года утром приезд в Воронеж, посещение двух лазаретов сразу и четырех после завтрака. И снова как во всех записях этих дней: «Много раненых». На следующий день (7 декабря) уже Тамбов, и снова «днем поехали в 3 лазарета. [...] Вернулись к 5.15 в поезд». Понедельник, 8

декабря: «В 10 часов приехали в Рязань. Поехали в моторах в собор на молебен, потом в четыре лазарета и склад. Мама устала».

«Мама устала». В дневнике цесаревны за всю инспекционную поездку только жалость к близким, к матери. И ни слова о себе. Только один раз, уже снова вернувшись в Москву (11 декабря), великая княжна написала: «В 2 часа с ними поехали в какой-то лазарет, где в пяти этажах 800 раненых. Все очень устали. Были там три часа» — и становится понятным, что и она сама, и Государыня с Ольгой Николаевной чрезвычайно измотаны. Татьяне Николаевне 17 лет, она юная девушка, а тут долгая трудная поездка, с инспекцией госпиталей, складов, трудовых общин, распределительных пунктов, но в дневнике цесаревны никаких намеков на недовольство. Она — дочь императора страны, которая ведет войну, и цесаревна понимает — это ее долг и святая обязанность помогать родителям, делать все возможное для своей Родины.

Великим княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне, несмотря на юный возраст, пришлось много заниматься общественной деятельностью. Когда императрица возглавила Верховный совет по призрению лиц, призванных на войну, и семей погибших и раненых солдат, то вскоре стало понятно, что есть необходимость в создании специального комитета для помощи беженцам, число которых стремительно увеличивалось. Количество людей, потерявших в войну дома и все имущество, приезжавших в Центральную Россию из западных областей, было огромным. В итоге был создан Комитет Ее Императорского Высочества великой княжны Татьяны Николаевны по оказанию временной помощи пострадавшим от военных бедствий. Сокращенно в народе комитет называли Татьянинским.

Великой княжне, которая фактически оставалась гимназисткой и по утрам перед работой в госпитале посещала занятия, пришлось возглавить серьезный, быстро набравший популярность в стране комитет, который устраивал судьбы тысяч несчастных людей. Татьяна Николаевна в один момент из беспечной девочки превратилась в общественного деятеля. Практически каждый день в ее дневнике появляются записи о поездках в Петроград, в которых она упоминает заседания комитета, сбор пожертвований, благотворительные мероприятия...

Татьянинский комитет оказывал помощь лицам, впадшим в нужду вследствие военных действий, в местах их постоянного места жительства или же в местах их временного пребывания, содействовал отправлению беженцев на Родину, устраивал на работу трудоспособных, помещал нетрудоспособных в богадельни и приюты, оказывал беженцам денежную

поддержку. Великая княжна Татьяна Николаевна занимала пост почетной председательницы, однако, по словам начальника канцелярии Министерства Императорского Двора А. А. Мосолова, несмотря на свой юный возраст, активно, разумно и толково участвовала в его работе.

Первое время возглавлять комитет Татьяне Николаевне было очень трудно. Она не имела опыта работы в общественных организациях, не умела выступать перед собраниями и публикой. Каждое мероприятие в комитете становилось для цесаревны испытанием. О своих переживаниях она писала отцу в Ставку (22 сентября 1914 года): «В среду в 2 часа дня в Зимнем дворце в Петрограде у меня будет заседание. И поганец Нейдгарт — хотел, чтобы я что-то прочла в начале комитета, но Мама душка сказала, что не надо. Подумай, идиотство, я читаю глупые вещи в присутствии 14 людей! А!» С председателем комитета членом Государственного совета гофмейстером А. Б. Нейдгардом у великой княжны были сложные отношения. Легко понять почему, если познакомиться с воспоминаниями работавшего в Татьянинском комитете В. Ф. Джунковского: «Меня всегда возмущал лакейский тон, с которым Нейдгарт вел заседания, и я находил совершенно бестактным, когда он, стоя перед великой княжной, произносил хвалебные гимны по ее адресу, как благословляют ее имя во всех уголках России и т. д. Бедная великая княжна то краснела, то бледнела в эти минуты и не знала куда деться. Затем Нейдгарт имел недостаток предлагать удивительные бестактные вещи».

В письме от 23 октября 1914 года цесаревна вновь жаловалась отцу, рассказывая, как ей трудно работать в комитете: «Завтра мы едем с Мама в Петроград. Она и Ольга в склад, я в комитет, я уже при одной мысли об этом потею холодным потом». Однако постепенно цесаревна научилась работать с большим количеством людей, освоила новые для себя обязанности. Ее комитет стал одним из самых уважаемых благотворительных организаций в России в годы Первой мировой войны. Татьянинский комитет создавал приюты для беженцев и бесплатные столовые, открывал приюты для детей-сирот. Со временем бюджет комитета стал просто гигантским, достиг нескольких миллионов рублей.

Хотя пожертвований собирали много, но денег все равно катастрофически не хватало, чтобы достойно поддержать всех беженцев. За время своей работы Татьянинский комитет помог более чем трем с половиной миллионам человек. Чтобы активизировать сбор средств, 15 ноября 1915 года великая княжна Татьяна Николаевна обратилась к народу России с письмом, которое было опубликовано во всех газетах. В обращении «От Ее Императорского Высочества великой княжны Татианы

Николаевны» цесаревна писала: «Война разорила и рассеяла миллионы наших мирных жителей: несчастные беженцы — бездомные и голодные — ищут пропитание. Правительство, общественные и национальные установления, частные благотворители и мой Комитет помогают беженцам, но нужда их так громадна, что покрыть ее под силу лишь всему народу. Прошу вас, добрые люди, согрейте беженца духовно и телесно и утешьте его сознанием, что понято вами безысходное горе его. Вспомните завет Господень: «Алкал Я и вы дали Мне есть; жаждал и вы напоили Меня; был странником и вы приняли Меня» (Матф. XXV, 35). Царское Село. Татиана».

Татьяне Николаевне приходилось много заниматься делами своего комитета, после утомительной работы в госпитале, по вечерам она вынуждена была проверять, заполнять, готовить бумаги. Первое время ей в этом помогала Государыня, считавшая, что подобная деятельность очень полезна для дочерей и хорошо их готовит к будущей взрослой жизни. Александра Федоровна писала об этом Государю в Ставку 21 октября 1914 года: «О[льга] и Т[атьяна] сейчас в Ольгином комитете. Татьяна одна принимала Нейдгарда с его докладом, продлившимся целых полчаса. Это очень полезно для девочек. Они приучаются быть самостоятельными, и это их гораздо большему научит, так как приходится думать и говорить за себя без моей постоянной помощи».

Кроме работы в комитете Татьяна Николаевна покровительствовала двум госпиталям в Петрограде. Первый был устроен в доме председателя Совета министров, второй — организован служащими по постройке Олонецкой железной дороги. Также имя великой княжны Татьяны Николаевны носил лазарет, созданный кружком «Забота о раненых».

Татьяна Николаевна, как и все цесаревны, очень скучала по отцу, который, чем дольше длилась война, чаще уезжал в Ставку и задерживался там надолго. Письма дети писали ему по очереди, отчасти чтобы не отнимать много времени у императора, катастрофически перегруженного делами в это тяжелое военное время. Письма Татьяны Николаевны к отцу нередко начинались с радостных слов о том, что она очень счастлива наступившей очереди писать «дорогому Папа». Обычно ее послания были небольшими по объему, сдержанная цесаревна предпочитала рассказывать отцу о своих делах и о новостях близких и родных людей. В ее письмах мало отстраненных рассуждений, почти нет ярких эмоциональных отступлений, которыми иногда пестрили письма ее сестер. Даже обращения к отцу в начале писем («Папа, душка мой хороший» или «Папа мой дорогой»), которые чаще всего повторялись, конечно, нежные, но в них нет никаких преувеличенных эпитетов. И в конце письма ласковые, но

простые слова: «Крепко и нежно Тебя дорогого обнимаю» и неизменная подпись «Твой Вознесенец».

Письмо от 16 декабря 1915 года похоже на многие другие письма Татьяны Николаевны отцу: «Папа, душка мой дорогой. Наконец и до меня дошла очередь писать Тебе. Сажу у Мама после обеда. Через полчаса у Ольги будет комитет. Я еще не знаю, соблаговолю ли пойти или останусь сидеть с Мама. Завтра утром Ольга и я поедем на отпевание бедного Бутакова в Петроград. Мы поедем с тетей Ксенией, чтобы не быть одним, и будем завтракать, вероятно, с Бабушкой. Потом поедем в Зимний дворец, где Ольга будет принимать пожертвования. Сегодня мы опять начали наши перевязки в лазарете. Наврузову, твоему нижегородцу, слава Богу, лучше, хотя перевязки мучительны. Я надеюсь, что ты хорошо мог погулять и отдохнуть в Барановичах. Как Николай Павлович? Сегодня у нас очень ясная солнечная погода, но сильный по временам ветер и мороз, и когда мы катались, то я чуть не замерзла. Бог знает, как было холодно. Ужас. Швичу, в Большом дворце, очень плохо. Ногу ему пришлось все-таки отнять, но бояться, что поздно. Сам он страшно не хотел, чтоб ему отняли ногу, но все-таки нужно было, а когда он после операции проснулся, то был очень доволен. Температура у него — 40 с лишним. Так ждем тебя к нам, Папа душка. Ну, до свидания. Да хранит тебя Бог. Кланяйся Николаю Павловичу. Крепко, крепко тебя, мой родной, обнимаю и целую. Твой любящий тебя Вознесенец».

Во всех письмах Татьяна Николаевна верна себе — ее добрая душа проявляется в каждом слове, ей жаль людей, она старается помочь всем. Часто цесаревна переживает, что ее человеческих сил не хватает, чтобы спасти несчастных, помогать родным. Именно этой любовью к ближнему полно послание цесаревны от 15 августа 1915 года матери: «Мама, мой дорогой ангел! Я все время молилась за вас обоих, дорогие, чтобы Бог помог вам в это ужасное время. Я просто не могу выразить, как я жалею вас, мои любимые. Мне так жаль, что я ничем не могу помочь... В такие минуты я жалею, что не родилась мужчиной. Благословляю вас, мои любимые. Спите хорошо. Много раз целую тебя и дорогого Папу... Ваша любящая и верная дочь, Татьяна».

Напряженная работа в госпитале, общественное служение в комитете по помощи беженцам, помощь Государыне в организации обеспечения фронтов медицинской помощью и лекарствами, ежедневная учеба — эти все дела занимали практически все время Татьяны Николаевны. Однако ей было всего 17 лет, юная прекрасная девушка, как и все, мечтала о любви, и не могла не обращать внимания на симпатичных офицеров, которые

лечились в их лазарете и смотрели на нее восхищенными глазами.

Сначала в дневнике цесаревны, которая начала работать в госпитале, стали появляться записи о том, что вечером, закончив перевязки и подготовив на завтра хирургические инструменты и материалы, она какое-то время разговаривала с ранеными офицерами, смотрела их фотоальбомы или показывала им свои фотографии. С кем-то из этих офицеров у Татьяны Николаевны складывались добрые отношения, о здоровье кого-то из них она особенно беспокоилась. В. И. Чеботарева писала об одном из вечеров в лазарете: «Одна из княжон играла в пинг-понг, другая в шашки, кто читал, кто болтал, все просто и уютно».

Вокруг великой княжны было много симпатичных офицеров, о некоторых она в своем дневнике писала с милой приставкой «душка». Однако со временем в ее записях чаще других начинает повторяться одна и та же фамилия — «Малама». Штабс-ротмистр лейб-гвардии Уланского Ее Величества полка Дмитрий Яковлевич Малама был на 6 лет старше Татьяны Николаевны. Дворянин из Екатеринославской губернии, он получил образование в Пажеском корпусе, в 1913 году Малама победил в знаменитом стоверстном конном пробеге, чем обратил на себя внимание командования. В начале войны он проявил героизм в атаке, был тяжело ранен в ногу, но остался в бою и храбро сражался. За это он был 13 октября 1914 года награжден Георгиевским оружием с надписью «За храбрость», в приказе о награждении указывалось: «В бою 5-го августа [1914 года] во главе взвода атаковал неприятельскую пехоту и, будучи тяжело ранен, остался в строю и продолжал обстреливать противника, чем значительно способствовал успеху». Наградную саблю он получил из рук императрицы Александры Федоровны. Его портрет, в числе фотографий других отличившихся в начале войны фронтовиков, был опубликован на обложке журнала «Огонек».

После ранения Малама оказался на лечении в Дворцовом госпитале. Его сосед по палате Иван Степанов так писал о нем: «Малама был молод, румян, светловолос. Выдвинулся перед войной тем, что, будучи самым молодым офицером, взял первый приз на стоверстном пробеге (на кобыле Коньяк). В первом же бою он отличился и, вскорости, был тяжело ранен. В нем поражало замечательно совестливое отношение к службе и к полку, в частности. Он только видел сторону «обязанностей» и «ответственности». Получив из рук императрицы заслуженное в бою Георгиевское оружие, он мучился сознанием, что «там» воюют, а они здесь «наслаждаются жизнью». Никогда ни в чем никакого чванства. Только сознание долга». Дальше Степанов вспоминал, что «обыкновенно княжны уходили из

перевязочной раньше матери и, пройдя по всем палатам, садились в нашей, последней, и там ждали ее. Татьяна Николаевна садилась всегда около Маламы».

Постепенно в дневнике сдержанной великой княжны появляются ласковые слова о симпатичном блондине-улане. Вот 27 сентября она замечает в дневнике: «Заходили ко всем, сидели у наших. Малама снимал. Страшно был мил. Уже ходит сам, но, конечно, хромает еще». 29 сентября: «Снимались, смотрели альбомы Маламы». 12 октября Татьяна Николаевна записывает в дневнике, что утром ей звонил Малама, а вечером «Аня мне привезла от Маламы маленького французского бульдога, невероятно мил. Так рада». Подаренного щенка цесаревна назвала Ортипо.

До конца ноября, пока Дмитрия Маламу не выписали из госпиталя и он не уехал на фронт, в дневнике великой княжны практически каждый день упоминается его имя. Они постоянно видятся, и цесаревна называет его «Малама душка», им вместе «так было хорошо, что ужас». Они видятся иногда несколько раз в день, даже после выписки Маламы из лазарета он приходит в госпиталь, чтобы увидеть цесаревну, бывает вместе с ней в церкви. В это время он не только часто звонит Татьяне Николаевне в Александровский дворец, но иногда приходит по вечерам на чай. О его существовании узнали близкие родственники Царской семьи. Великая княгиня Ольга Александровна, посмеиваясь над племянницей, однажды спросила у цесаревны: «Татьяна, какой улан тебе подарил собачку? Ты сидишь на его койке, Ольга говорит. Очень занято». Симпатизировала красивому, благородному, смелому офицеру и Александра Федоровна, когда через полтора года (весной 1916 года) Малама снова приехал с фронта в Царское Село, Государыня написала Государю в письме: «Мой маленький Малама провел у меня часок вчера вечером, после обеда у Ани. Мы уже 1 1/2 года его не видали. У него цветущий вид, возмужал, хотя все еще прелестный мальчик. Должна признаться, что он был бы превосходным зятем — почему иностранные принцы не похожи на него?» Есть сведения, что Дмитрий, узнав о гибели Татьяны Николаевны, не мог смириться с этой трагической новостью. В бою «искал пулю». Командир 1-й сотни 3-го Кабардинского конного полка Дмитрий Яковлевич Малама был тяжело ранен 28 (15) июля 1919 года во время атаки на большевистские пулеметы у станицы Александровской и в тот же день в лазарете был зарублен бойцами конницы С. М. Будённого...

После отъезда из Царского Села Маламы на фронт (в конце осени 1914 года), почти через год (осенью 1915 года) в дневнике Татьяны Николаевны появляется симпатия к новому раненому офицеру Владимиру Ивановичу

Кикнадзе. Конечно, таких нежных слов в дневнике и такой теплой дружбы, как с Маламой, Владимир от Татьяны Николаевны не удостоился, но между ними все же сложились близкие отношения. Отношения между ними совершенно не нравились окружающим, особенно не принимали их старшая сестра лазарета В. И. Чеботарева и главный врач княжна В. И. Гедройц. Попав с ранением в Дворцовый госпиталь, Кикнадзе не только не рвался снова на фронт, но и, с помощью уговоров и заручившись поддержкой Александры Федоровны, остался в лазарете санитаром. Его напористые, по-солдатски грубоватые ухаживания за Татьяной Николаевной раздражали медицинский персонал, который уже успел полюбить великую княжну. Чеботарева писала в своем дневнике: «Вообще атмосфера сейчас царит тоже не внушающая спокойствия. Как только конец перевязок, Татьяна Николаевна идет делать впрыскивание, а затем усаживается вдвоем с К. Последний неотступно пришит, то садится за рояль и, наигрывая одним пальцем что-то, много и горячо болтает с милой деткой. Варвара Афанасьевна в ужасе, что если бы на эту сценку вошла Нарышкина, мадам Зизи, то умерла бы. У Шах-Багова жар, лежит. Ольга Николаевна просиживает все время у его постели. Другая парочка туда же перебралась, вчера сидели рядом на кровати и рассматривали альбом. К. так и жметя. Милое детское личико Татьяны Николаевны ничего ведь не скроет, розовое, возбужденное. А не вред ли вся эта близость, прикосновения. Мне жутко становится. Ведь остальные-то завидуют, злятся и, воображая, что плетут и разносят по городу, а после и дальше. К. Вера Игнатьевна посылает в Евпаторию — и слава Богу. От греха подальше».

Справедливости ради нужно сказать, что подпоручик Кикнадзе был человек неробкого десятка и осенью 1915 года он попал в Дворцовый госпиталь с тяжелым ранением. 18 июля 1916 года он был награжден Георгиевским оружием «за то, что 30 августа 1915 г. во время боя у мст. Мейшагола, временно командуя ротой, будучи окружен превосходными силами противника и неся тяжкие потери от артиллерийского и ружейного огня, штыками пробился, отбросил противника и занял в тылу позицию, обеспечив отход наших батарей. Тяжело раненый оставался в строю до потери сознания». Вскоре его из Дворцового лазарета перевели в Евпаторию. Есть сведения, что Кикнадзе в 1916 году снова оказался на фронте, был ранен в спину, лечился в Царском Селе с 16 сентября по 22 октября 1916 года. После революции он оказался в эмиграции в Швейцарии.

Великая княжна Татьяна Николаевна — умница, красавица, своим

благородством и добротой покоряла сердца всех близко узнававших ее людей. Сохранилась легенда, что и знаменитый поэт Николай Гумилев во время лечения в лазарете в Царском Селе был тайно влюблен в Татьяну Николаевну. В революционные годы арестованный Гумилев на допросе не отрекся от своих монархических убеждений, был обвинен в участии в монархическом заговоре и расстрелян. Некоторые публицисты утверждают, что на допросе поэт заявил, что был влюблен в дочь Государя, и в обвинение были внесены слова о его близости к семье царя.

Осталось описание внешности великой княжны Татьяны Николаевны во время ее работы в Дворцовом лазарете — оно принадлежит жительнице Царского Села С. Я. Офросимовой: «Она великая княжна с головы до ног, так Она аристократична и царственна. Лицо ее матово-бледно, только чуть-чуть розовеют щеки, точно из-под ее тонкой кожи пробивается розовый атлас. Профиль ее безупречно красив, он словно выточен из мрамора резцом большого художника. Своеобразие и оригинальность придают ее лицу далеко расставленные друг от друга глаза. Ей больше, чем сестрам, идут косынка сестры милосердия и красный крест на груди. Она реже смеется, чем сестры. Лицо ее иногда имеет сосредоточенное и строгое выражение. В эти минуты она похожа на мать. На бледных чертах ее лица — следы напряженной мысли и подчас даже грусти. Я без слов чувствую, что она какая-то особенная, иная, чем сестры, несмотря на общую с ними доброту и приветливость. Я чувствую, что в ней — свой целый замкнутый и своеобразный мир».

Арест. Ссылка. Расстрел

В конце февраля 1917 года великая княжна Татьяна Николаевна заболела корью, вслед за старшей сестрой и братом, которые оказались в постелях еще 21 февраля. Болезнь у великой княжны протекала очень тяжело с высокой температурой. Обеим старшим цесаревнам назначили строгий постельный режим. Они лежали в своей комнате в полутьме, для чего круглые сутки были плотно закрыты шторы на окнах. За больными детьми ухаживала Государыня, которая в эти дни не снимала одежду сестры милосердия. У Татьяны Николаевны болезнь дала осложнения, у нее начался острый отит, такой сильный, что какое-то время она совсем ничего не слышала.

Полностью изолированные от внешнего мира старшие цесаревны ничего не знали ни о беспорядках в Петрограде, ни о волнениях среди охраны дворца, ни об отречении отца. В это время большая часть царскосельского гарнизона перешла на сторону Временного правительства, особенно активные революционные солдаты окружили Александровский дворец, готовясь захватить Государыню с детьми. На защиту Царской семьи встали преданные императору офицеры Собственного Его Величества конвоя, часть офицеров гарнизона и Гвардейского экипажа — основная часть так любимого Августейшей семьей экипажа в первые же дни революции присягнула на верность новому правительству и отправилась в Петроград. Среди тех, кто готов был отдать жизнь за Царскую семью, был друг Татьяны Николаевны лейтенант яхты «Штандарт» Н. Н. Родионов, который по личной инициативе присоединился к немногочисленным защитникам Александровского дворца. Решимость солдат и офицеров, готовых оборонять дворец, позволила избежать штурма. И, возможно, эти люди спасли жизнь Государыне, цесаревнам и цесаревичу, поскольку нападавшие были настроены очень решительно, явно собираясь «избавиться от немки и ее детей».

Накануне возвращения Государя, 7 марта, Александра Федоровна решила рассказать дочерям о его отречении. К этому известию княжны отнеслись сдержанно, успокоив мать: главное, что папа возвращается, и теперь они будут все вместе, остальное неважно. То, что говорила императрица, Татьяна Николаевна не расслышала, слух возвращался к ней медленно, голова все еще была замотана бинтами. Она ничего из сказанного не поняла. Фрейлина баронесса С. К. Буксгевден писала, что

Татьяне Николаевне «...трудно было следить за быстрыми словами матери, голос которой охрип от волнения. Сестрам пришлось записать для нее подробности, чтобы ей было понятно».

Выздоровливала Татьяна Николаевна медленно, долгое время она немного слышала только одним левым ухом, правое оставалось сильно воспаленным. От слабости цесаревна много времени проводила в постели.

Большой радостью для Татьяны Николаевны, как и для всех царских детей, стало возвращение отца (9 марта), который теперь много времени посвящал семье, стараясь скрасить больным детям печальные дни, которые они в основном проводили в своих спальнях. Государь часто детям читал вслух книги. 17 марта Татьяна Николаевна писала подруге фрейлине М. С. Хитрово о состоянии здоровья своем и сестер: «Сегодня утром у Анастасии — 40,1, у Марии — 38,7. Анастасия ничего не может есть, т. к. все идет обратно. Но обе страшно терпеливые и лежат спокойно. Анастасия еще глуха пока, так что приходится орать, чтобы она поняла, что говорим. Я уже почти совсем хорошо слышу, только на правое ухо не совсем».

Как только Татьяна Николаевна стала поправляться, первые ее мысли были о госпитале, где она больше не могла работать из-за ареста. Полная изоляция лишила ее надежды после выздоровления вновь продолжить свое служение сестры милосердия. Как и вся Царская семья, цесаревна ни с кем не могла видаться за пределами дворца. Оставалась только переписка, но и она подвергалась строгой цензуре. И если коменданту дворца что-то в письмах членов Царской семьи или адресованных им посланиях не нравилось, он возвращал их авторам или просто выбрасывал. Как настоящая сестра милосердия Татьяна Николаевна волновалась, как живет госпиталь в трудное революционное время, хватает ли медицинского персонала, чтобы помогать раненым, кто делает перевязки. Большинство ее писем этого времени написаны сотрудникам лазарета, которые за время войны стали для нее родными. Великая княжна переписывалась со старшей медицинской сестрой Дворцового госпиталя В. И. Чеботаревой, подругами — сестрами милосердия В. А. Вильчковской и М. С. Хитрово. В конце марта Татьяна Николаевна писала Варваре Афанасьевне: «Слышала, что лазарет переведен в новое помещение. Постараемся, чтобы заказанная посуда была вам доставлена (исполнено вчера). Пришлите наши вещи. Письмо будет, вероятно, вскрыто здешней цензурой». Несмотря на арест и трагическое положение, цесаревна заботится в первую очередь о лазарете, о том, чтобы необходимые вещи (посуду) там получили. Понимая, что арест — это всерьез и надолго, Татьяна Николаевна попросила близких ей в госпитале людей прислать личные вещи, которые остались в лазарете, свои,

Государыни и Ольги Николаевны. Чеботарева 2 апреля с печалью записала в дневнике: «Отправили их халатики, альбомы, аппарат и образ из столовой, купленный всеми нами — последний привет из лазарета. В свое время выбрал Шах-Багов». В ответ на полученную из лазарета посылку со своими вещами цесаревны с Государыней собрали и передали нужные раненым вещи. Отправляя их в госпиталь, Татьяна Николаевна писала Вильчковской: «Дорогая Варвара Афанасьевна, посылаем вещи, рубашки, подушки, кое-какие книги. Скажите Биби душе, что любим ее и крепко целуем. Что поделывают Митя и Володя? Что Валентина Ивановна и Гриша?»

Душой великая княжна все еще оставалась сестрой милосердия, которая готова была в любой момент снова заступить на вахту в операционной, делать перевязки страдающим больным. Она с тревогой, волнуясь, что в госпитале теперь может не хватать персонала, писала В. И. Чеботаревой: «Жаль, что сейчас, когда мы поправились, мы не можем опять работать в госпитале. Так странно бывать утром дома, а не на перевязках. Кто теперь перевязывает? Вы ли на материале и старшей сестрой? А врачи все на месте и сестры солдатского отделения?» Проведенные в лазарете годы сроднили цесаревен и Государыню с людьми, с которыми они работали. Для Татьяны Николаевны госпиталь стал, по ее словам, как второй дом, и она волновалась о его судьбе: «Что теперь будет с нашим старым госпиталем? Простите, что задаю вам столько вопросов, дорогая Валентина Ивановна, но так интересно знать, что у вас происходит. Мы постоянно вспоминаем, как хорошо было работать в госпитале и как мы все дружно жили».

А. Ф. Керенский лично приехал в Александровский дворец 21 марта, чтобы арестовать подругу Государыни А. А. Вырубову, которая вместе с царскими детьми только что тяжело переболела корью. После железнодорожной катастрофы 1915 года Анна Александровна стала практически инвалидом и могла передвигаться только на костылях. Поэтому Государыня попросила другую свою близкую подругу Лили Ден сопровождать арестованную, так как Анна Александровна не могла без посторонней помощи нести поклажу или сесть в автомобиль, на котором ее увозил Керенский.

К концу марта Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна уже достаточно хорошо себя чувствовали и смогли спуститься на первый этаж, чтобы вместе с родителями проститься с арестованными. Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, которые заболели корью позже, еще находились в тяжелом состоянии и не могли покидать постели.

Прощание с Анной Вырубовой и Лили Ден для Татьяны Николаевны стало большим потрясением. Подруги матери для цесаревны были любимыми, дорогими людьми, ближе, чем многие родственники. Они проводили с царскими детьми много времени, помогая заботиться о них очень загруженному делами Государю и часто болевшей Государыне. Александра Федоровна с трудом сдерживала слезы, прощаясь сразу с обеими подругами, которые много лет дарили ей поддержку, становились опорой в сложных ситуациях и болезнях. Ольга Николаевна тоже старалась держаться и не показывать слабость перед представителями революционных властей. И только Татьяна Николаевна не скрывала слез и своей печали. Лили Ден вспоминала трогательное прощание с цесаревной и что великая княжна «не прятала своего горя». Она подарила Лили фотографию родителей со словами: «Раз Керенский намерен забрать вас от нас, у вас должны быть по крайней мере образы Папа и Мама в утешение». Когда с трудом передвигавшуюся на костылях Вырубову выводили из дворца, Татьяна Николаевна горько рыдала.

В Пасхальные дни для арестованной Царской семьи разрешили отслужить праздничные службы в домовоей церкви. Священник отец Афанасий Беляев, в Страстную пятницу исповедовавший царских детей, позже написал, что был поражен, какими они оказались «неведающими грязи мирской», все пятеро поразили его своей «мягкостью, сдержанностью». Татьяна Николаевна к Пасхе уже достаточно окрепла и смогла отстоять все службы в храме вместе с родителями.

В Пасху (2 апреля) в лазарете получили поздравления с праздником от уже бывших Августейших сестер милосердия. В. И. Чеботарева записала в этот день в дневнике: «Вечером принесли открытку на мое имя: «Христос Воскресе! Трижды целуем милую Валентину Ивановну. Сестры Александра, Ольга, Татьяна». Валентина Ивановна писала в своем дневнике, что о «заключенных», несмотря на то что от них постоянно приходят письма, мало что известно. Иногда некоторые сестры милосердия лазарета Ее Величества приходили к Александровскому дворцу, чтобы хотя бы издали посмотреть на дорогую Царскую семью. И возмущались, с болью наблюдая, как у решетки дворца собиралась агрессивная толпа, которая выкрикивала оскорбления в адрес выведенных охраной на прогулку арестованных. Больше всего Чеботарева в такие моменты переживала о своей «любимой Татьяночке», так она ласково называла в своем дневнике великую княжну.

Татьяна Николаевна после кори выздоровела первая из цесаревен, легче болезнь перенес только цесаревич. Вскоре врачи разрешили ей

присоединиться к другим арестованным на прогулках в парке. Апрель в 1917 году выдался холодным. На прогулках цесаревна помогала отцу колоть лед на пруду, чистить дорожки от снега. Татьяна Николаевна писала 9 апреля В. И. Чеботаревой: «Ольга и Мария все еще лежат. А мы гуляем с Папой и работаем на льду перед домом, раньше были недалеко от Знамения, а теперь дальше, так что церковь не видно. Ну, всего хорошего, всем сердечный привет». Солдаты не разрешали арестованным свободно гулять по парку во время прогулок, строго определяли места, где те могли находиться.

Настоящая весна пришла только в мае, с появлением травы, листьев на деревьях, первых цветов. Теплые дни делали прогулки для Царской семьи приятными и радостными. Приближался день рождения Татьяны Николаевны, только в этом году никаких празднеств быть не могло. Сестры и брат подготовили подарки, которые сделали своими руками. Накануне дня рождения дочери (28 мая) Государыня писала командиру 30-го броневое дивизиона, трижды раненному, который лечился в лазарете Ее Величества в Царском Селе, капитану А. В. Сыробоярскому: «Завтра в 12 часов молебн. Татьяне будет 20 лет уже. Они здоровы все, слава Богу. Надо Бога вечно благодарить за все, что дал, а если и отнял, то, может быть, если без ропота переносить, будет еще светлее. Всегда надо надеяться».

В мае Царской семье разрешили рядом с дворцом разбить огород, и работы на грядках стали весной и летом главным занятием для всех арестованных. Посадить овощи и зелень своими руками, ухаживать за ними — это оказалось занимательным занятием. Летом вкусные огурцы, редис, морковь, капуста разнообразили ставший достаточно скудным стол Царской семьи. Дети гордились, что такими успешными были огородные работы. Они вместе со взрослыми готовили к посадкам землю, потом пололи сорняки, окучивали всходы, поливали растения. Татьяна Николаевна вместе с Ольгой Николаевной трудились на грядках каждый день.

Татьяна Николаевна с гордостью писала крестной — великой княгине Ксении Александровне — в Крым, что они «сами копали грядки и вышел очень хороший огород, с которого едим. Грядок вышло около 60». Наладить постоянную переписку с родными, многие из которых к этому времени перебрались в Крым, удалось только к середине лета. Татьяна Николаевна с особенной радостью ждала писем от крестной, с которой у нее были близкие, доверительные отношения. Однообразный распорядок, узкий круг общения — с семьей и небольшим числом самых преданных Государю

людей — делали жизнь деятельной юной княжны скучной и печальной. Она с горечью пишет крестной: «Грустно, что мы не будем с вами в августе. Мы тут все ничего, только Мама не очень хорошо себя чувствует последние дни, так как было жарко и сердце из-за этого болит». Самой большой мечтой для Царской семьи в это время было желание переехать в Ливадию, после того как родственники в Англии отказались их принять и новое правительство заявило, что в Царском Селе оно не в состоянии обеспечить безопасность бывшей Августейшей семьи. Государь много раз просил Керенского, чтобы новым местом их содержания под арестом стала их дача в Крыму.

Татьяна Николаевна пишет крестной о своих нехитрых новостях: «Мы вчетвером ходим теперь бриться, т. к. волосы страшно лезли после кори, и у Марии больше полголовы вылезло — ужас, что такое, а теперь так удобно». Такое радикальное изменение причесок юных цесаревен, и цесаревич тоже в этом к ним присоединился, на какое-то время внесло оживление в размеренную жизнь арестованных. Однообразную повседневность Татьяна Николаевна обычно кратко описывала в достаточно коротких посланиях крестной, потому что никаких ярких событий вокруг не было. В описании будней в письмах цесаревны нет никаких новостей, одно и то же повторяется изо дня в день: «Мы гуляем каждое утро и днем еще», «Мы ходим в лес, где Папа с нашими людьми спиливают сухие деревья и колют на дрова. Мы помогаем и их носим, и складываем в сажени. Эта работа уже около 2-х месяцев», «А другие помогают нам пилить старые сухие деревья», «По вечерам Папа нам каждый день читает вслух, а мы работаем или что-нибудь другое делаем». И с болью Татьяна Николаевна резюмирует, что постоянно рядом с ними «конечно, несколько стрелков с винтовками и дежурный обер-офицер. Все как полагается арестантам».

Одно в жизни Татьяны Николаевны неизменно, как и до ареста, она по-прежнему больше других детей много времени проводила с матерью, читала ей вслух, оставалась с ней во дворце, когда другие уходили на прогулку, если Александра Федоровна плохо себя чувствовала. Цесаревна так же организована, деятельна, всегда готова помочь отцу, сестрам и брату. Государыня считала, что необходимость помогать другим людям было особенностью великой княжны Татьяны Николаевны. И ярче всего проявилось это качество цесаревны именно в самые тяжелые для Царской семьи времена — под арестом.

Хотя Царская семья не могла общаться ни с кем за пределами дворца и в письмах о политике писать запрещалось, но все же новости о

бушевавших в России страстях проникали и в Александровский дворец: газеты и журналы по-прежнему туда приходили. Революционная пресса не стеснялась в выражениях и словно соревновалась в ненависти к царю и его семье. Особенно грязная ложь и клевета распространялись о Государыне, в каких грехах ее только не обвиняли. Однажды одна из подобных газет попала на глаза Татьяне Николаевне. И она прочитала гнусные оскорбления ее матери. Государыня, которая, по словам близких, была для детей «как святая», в статье обвинялась в предательстве России, в личной безнравственности. У Татьяны Николаевны от такой несправедливости случилась истерика. Ее долго не могли успокоить. Цесаревна, рыдая, говорила о том, что Государыня в лазарете работала как простая сиделка, мыла солдатам ноги, выносила за ними судна, перевязывала самые страшные раны! Как посмели эти люди сомневаться в любви ее матери к России? К ее народу? Как могут обвинять ее в предательстве?! Татьяну Николаевну с трудом успокоили. Какие-то особые слова нашла для любимой сестры Ольга Николаевна. В объятьях старшей сестры Татьяна Николаевна постепенно перестала плакать. После этого случая Государь распорядился, чтобы новые номера газет и журналов сначала приносили ему. Пролистав прессу, он сам отбирал те издания, которые разрешал читать близким.

В эти печальные дни, когда Царская семья была оторвана от привычного мира, казалось, что почти все близкие отказались от нее. Всегда окруженная множеством людей, сейчас в одно мгновение Августейшая семья стала никому не нужна. Только самые верные, самые честные люди продолжали хотя бы письмами поддерживать арестованных. Такой была для Татьяны Николаевны и Ольги Николаевны их общая подруга — Зинаида Сергеевна Толстая.

Зинаида Сергеевна, в девичестве Бехтеева (1877 года рождения), осталась настоящей подругой для двух старших цесаревен. До конца, в самые трудные периоды после ареста Царской семьи она продолжала писать им письма, поддерживать их и сопереживать. Далеко не все люди, которым адресовали свои письма цесаревны, повели себя таким образом. Некоторые адресаты со временем перестали отвечать на них. Зинаида Сергеевна оказалась одной из самых достойных подруг великих княжон.

Татьяна Николаевна платила за дружбу Зинаиде Сергеевне доверием и искренностью. Письма цесаревны подруге отличаются особой лиричностью и откровенностью. Вел икая княжна рассказывает в них о том, что ее радует в это непростое время: «В саду так хорошо! Но еще лучше, когда идешь в глубь леса, туда, где он совсем дикий, и можно

бродить по тропинкам...»

Именно Зинаиде Сергеевне цесаревна открывает свои чувства и делится воспоминаниями о счастливом прошлом. Татьяна Николаевна, которую окружающие часто считали сдержанной, гордой, в письмах близкой подруге предстает ранимой и романтической, открытой и душевной: «О, как я завидовала, когда прочитала, что ты видела дредноуты «Александр III» и «Прут». Вот по чему мы так скучаем: ни моря, ни кораблей! Мы настолько привыкли проводить почти все лето на воде, в шхерах, по-моему, нет ничего лучше. Это было самое лучшее и самое счастливое время: все-таки мы бывали в плавании девять лет подряд и даже раньше, когда мы были еще совсем маленькими; и теперь так странно — вот уже три года не бывали у воды. Совсем по-другому себя чувствуешь летом, ведь мы жили в Царском Селе только зимой и иногда весной, пока не уезжали в Крым. Сейчас липы в полном цвету, и запах такой дивный».

Подруга не только регулярно пишет цесаревнам, но и присылает им небольшие подарки. Так, в день рождения (29 мая 1917 года) Татьяна Николаевна получает от Зинаиды Сергеевны поздравительное письмо и несколько подарков, не только для нее, но и для матери и сестер. Цесаревна в ответ с благодарностью пишет: «Милая З. С., мне ужасно стыдно, что я до сих пор Вас не благодарила за письмо к 29-го мая и за чудные вышитые мешки. Я взяла себе синеватый с разноцветными цветами; Ольга — голубой с желтыми розами; Анастасия — розовый, а Мария — весь желтый. Они нам очень пригодились и всегда напоминают Вас. Мама всегда берет свой мешок в сад с книжкой, или чем-нибудь».

Весна в цвету, лето с заботами об огороде, радость от первых овощей, выращенных своими руками, надежды на переезд в Ливадию или хотя бы к родственникам в Англию — все осталось позади для Царской семьи, когда в канун дня рождения цесаревича (30 июля) им сообщили, что они должны собирать теплые вещи. Вскоре стало известно, что местом ссылки для арестованных станет Тобольск. Дни, когда семья собиралась в дорогу, стали для царских детей горькими и печальными. Как и все близкие, Татьяна Николаевна с болью прощалась с дворцом, где она выросла, с любимыми уголками парка, с дорогими для нее вещами, многие из которых невозможно было взять с собой. Цесаревна так много плакала, что ее лицо в эти дни оставалось покрасневшим от слез. Но окружающим она казалась сосредоточенной и строгой, потому что, как всегда, считала своим долгом помогать родным и поддерживать их. Самой же главной заботой, как и всегда, для нее было здоровье матери.

Государыня переживала как трагедию расставание с местом, которое

стало для нее родным, где выросли ее дети, где она так была счастлива. Отъезд в Сибирь, в незнакомый город в глубине России — это казалось настоящей бедой. Александре Федоровне часто становилось плохо от переживаний, повторялись сердечные приступы, доктора волновались о том, как она перенесет дальнюю дорогу. В это время Татьяна Николаевна не отходила от Государыни. Как опытная сестра милосердия цесаревна непрестанно, с любовью ухаживала за самым дорогим для нее человеком — матерью.

В ночь отъезда из Царского Села обе старшие цесаревны постоянно находились рядом с Государыней, которая от переживаний, слез, боли в сердце иногда теряла сознание. В особо трудные моменты цесаревны посылали за верным доктором Царской семьи — Е. С. Боткиным. И тогда они втроем оказывали помощь Государыне. Наконец измотанные долгим отъездом, который откладывался несколько раз, Царская семья и их приближенные покинули Царское Село на рассвете 1 августа. Керенский уверял, что их отправляют в ссылку на несколько месяцев, пока в Петрограде не улягутся беспорядки. Арестованным хотелось в это верить.

В Тобольске в бывшем губернаторском доме всех четырех цесаревен поселили в одной комнате. В провинциальный тихий город первое время не долетали революционные лихие ветры. И хотя, как и в Царском Селе, арестованной Царской семье запрещалось покидать «Дом Свободы», как высокопарно называли губернаторский дом местные власти, но их приближенным и слугам раз в неделю разрешалась личная прогулка по городу. Сначала в сопровождении охранника. Однако солдатам так быстро надоело ходить вслед за каждым гуляющим слугой, придворным, учителем, доктором, что те стали отправляться в город свободно, без охраны. Цесаревны и цесаревич обычно просили некоторых из них, чаще всего Пьера Жильяра, купить какие-то вещи для рукоделия, что-то для рисования, сладости. Эта возможность хотя бы изредка купить какие-то новые вещи привносила радость в обыденную уединенную жизнь царских детей.

Губернаторский дом со всех сторон был огорожен высоким дощатым забором, отгорожен был и небольшой садик. Только в нем разрешалось гулять Царской семье. Для детей в саду арестованные сами соорудили качели, а для Государя, который не мог обходиться без физических упражнений, — турник. Снова, как и в Царском Селе, арестованные заготавливали дрова, считая это как бы особым видом спорта. Татьяна Николаевна, так же как и Ольга Николаевна, быстро научилась лихо рубить дрова. Здесь же в саду играли в городки. Государь, который любил прогулки и под арестом в Тобольске страдал от недостатка движения,

быстро ходил вдоль забора. Его в этом занятии часто сопровождала Татьяна Николаевна, которая старалась идти быстро, чтобы не отставать от отца.

Здесь в ограниченном пространстве, где не было парка, прудов, огорода, как в Царском Селе, особым занятием и удовольствием для всех стало чтение. Книги читали запоем, и несмотря на то, что их много привезли с собой, потребность в них была такой большой, что вскоре в Царское Село и Петроград полетели письма близким людям с просьбами прислать книг. Целые собрания сочинений, по просьбе Царской семьи, присылал в Тобольск учитель Петр Васильевич Петров. Именно ему написала письмо Татьяна Николаевна с просьбой прислать ей собрание сочинений Льва Николаевича Толстого.

В Тобольске особое значение, необычайную ценность стало иметь каждое полученное письмо. Им дорожили, его много раз перечитывали, и даже личные письма теперь давали читать близким. Потому что в далекий город газеты приходили с большим опозданием или просто не приходили по несколько дней, да и столичных газет арестованные получали совсем немного. А в местной крошечной газете новости печатали в основном региональные. Дефицит новостей делал каждое послание от любого человека с «большой земли» праздником.

Но число тех, кто отваживался писать Царской семье, уменьшалось. Переписку с опальной Царской семьей многие стали считать для себя опасной. Только самые мужественные и достойные продолжали писать в Тобольск. Для Татьяны Николаевны настоящими подругами оставались сестры милосердия из лазарета, а особенно преданной подругой для цесаревен — Зинаида Сергеевна Толстая. Татьяна Николаевна в одном из посланий родным упоминает о ее письмах: «Зина хорошая, красивые письма».

Также постоянным адресатом Татьяны Николаевны оставалась подруга Государыни А. А. Вырубова. Письма к ней цесаревны полны благодарности за любовь и преданность, которую Анна Александровна сохранила к Царской семье. Татьяна Николаевна писала ей: «Дорогая моя душка родная, всегда радуемся вестям от тебя». Цесаревна с нежностью и надеждой на лучшее пишет Вырубовой: «Голубушка моя родная, постоянно думаю о тебе, молюсь и много говорим и вспоминаем. Тяжело, что так давно не видались, но Бог поможет нам, и, наверно, еще встретимся, но, надеюсь, в лучшие времена, чем те, которые мы переживаем». И эти письма Анне Александровне всегда заканчивались словами: «Крепко целую, как люблю. Христос с Тобою». Цесаревна часто описывала Анне Александровне, как Царская семья жила в Тобольске: «Живем тихо и мирно. Дни проходят

очень скоро. Утром у нас уроки. Гуляем от 11–12 перед домом в загражденном для нас месте, завтракаем все вместе внизу. Иногда Мама с Алексеем с нами, по обыкновению они одни наверху у Папы в голубом кабинете. Днем тоже гуляем часа полтора, если не очень холодно. Чай пьем наверху. Потом читаем или пишем, обедаем опять все вместе, а потом все остаются вечером у нас. Кто работает или играет в карты или во что-нибудь другое. Иногда Папа читает вслух».

Татьяна Николаевна в Tobольске продолжала активно переписываться со своей теткой — любимой крестной — Ксенией Александровной. 18 сентября цесаревна писала ей: «Ужасно приятно, что у нас есть балкон, на котором солнце греет с утра до вечера, весело там сидеть и смотреть на улицу, как все ездят и проходят. Единственное наше развлечение. Из наших окон очень красивый вид на горы и на верхний город, где большой Собор». Цесаревна рассказывала тете, что они «устроили играть в городки перед домом, а мы играем вроде тенниса, но он, конечно, без сетки, а просто ради практики. Потом ходим взад и вперед, чтобы не забыть, как ходить. В длину 120 шагов, гораздо короче, чем наша палуба [на яхте «Штандарт»]».

Для Татьяны Николаевны, как человека глубоко верующего, очень важны были церковные службы, и ее радовало, что комендант и солдаты им разрешили посещать близлежащий Благовещенский храм. Она с удовольствием сообщала об этом крестной: «По воскресеньям бывает обедница в зале, были два раза в церкви. Ты можешь себе представить, какая это была для нас радость после 6 месяцев, так как ты помнишь, какая неуютная наша походная церковь в Царском Селе. Здесь церковь хорошая. Одна большая летняя в середине, где и служат для прихода, и две зимние по бокам. В правом приделе служили для нас одних. Она здесь недалеко, надо пройти город и прямо напротив, через улицу».

Прежняя жизнь, оставшаяся далеко, стала казаться почти нереальной, как сон. Сестре милосердия В. И. Чеботаревой цесаревна писала: «Такое чувство здесь, как будто живем на каком-нибудь далеком острове и что получаем вести из другого мира».

Татьяна Николаевна и в Tobольске не изменила стиль своей жизни. Она так же много времени проводила с матерью, читала ей вслух, в основном душеполезные книги. Всегда готова была отказаться от прогулки, если Государыня плохо себя чувствовала, и кто-то обязательно должен был оставаться с ней в доме. Много времени цесаревна проводила с младшими сестрами и братом. Часто и с удовольствием не только сама играла на пианино, но и занималась музыкой с Анастасией Николаевной. Много занималась рукоделием. Сдержанная, организованная цесаревна в

Тобольске стала главной помощницей Государыни в хозяйственных делах. В одном из писем из Тобольска Александра Федоровна с благодарностью и нежностью писала, что «Татьяна, как всегда, помогает всем и повсюду».

Учительница царских детей, которая была вместе с арестованными в Тобольске, Клавдия Михайловна Битнер вспоминала об этом времени: «Если бы семья лишилась Александры Федоровны, то крышей бы для нее была Татьяна Николаевна. Она была самым близким лицом к императрице. Они были два друга».

Несмотря на то, что Татьяне Николаевне было уже 20 лет, она с удовольствием вместе с младшими сестрами и братом посещала уроки. И не считала это для себя зазорным. Совершенствовала немецкий язык, которым с детьми занималась сама Государыня. Также Александра Федоровна преподавала детям Закон Божий, и цесаревне было полезно для души и интересно более глубоко узнать этот предмет. В письме А. А. Вырубовой от 20 декабря 1917 года Государыня писала: «Занята целый день, уроки начинаются в 9 час (еще в постели), встаю в 12 часов. Закон Божий с Татьяной, Марией, Анастасией и Алексеем. Немецкий 3 раза с Татьяной и 1 раз с Мари, и чтение с Татьяной».

С наступлением зимы в доме стало невероятно холодно. Дров не хватало, чтобы нормально протопить даже жилые помещения. Татьяна Николаевна в письмах не жаловалась на это родным и подругам, только вскользь упоминала, что в комнатах очень холодно, поэтому Государь вынужден дома ходить в бурке. Да рассказывала Зинаиде Сергеевне Толстой, что от холода комнатные собачки все время «просят на колени».

А. А. Вырубова понимала, что Царской семье живется нелегко. Хотя она и сама оказалась в довольно сложной ситуации — после освобождения из Петропавловской крепости она была вынуждена жить у друзей, — все же находила возможность отправлять в Тобольск посылки. В них часто были ее собственные теплые вещи, пряжа, небольшие украшения, духи. Духи из старых запасов, новых уже было не достать, но и такие очень радовали цесаревен, потому что у них никаких духов уже давно не осталось. Татьяна Николаевна с благодарностью писала Вырубовой: «Твои маленькие вещицы всегда с нами и так тебя напоминают». И Александра Федоровна очень рада была посылкам, писала подруге: «Благодарю тебя за лиловый флакон и духи, чудную синюю кофточку и вкусную пастилу. Дети и Он так тронуты, что ты послала им свои собственные вещи, которые мы помнили и видели в Царском».

Солдатский комитет без объяснения причин теперь то разрешал посещать храм Царской семье, то запрещал. Татьяна Николаевна писала А.

А. Вырубовой: «По воскресеньям, когда пускают ходить в ближайшую церковь Благовещения, в 8 час. утра, идем пешком через городской сад, кругом, конечно, стоят солдаты-стрелки, приехавшие с нами. Обедню служат для нас отдельно в прав, приделе, а для всех — потом. По праздникам, к сожалению, приходится иметь дома молебен или обедницу; например, 6-го декабря пришлось быть дома. Грустно было в такой большой праздник не быть в церкви, но что же, не всегда можно делать, что хочешь, правда. Надеюсь, что ты можешь много ходить в церковь, если здоровье не мешает».

В Рождество в гостиную для царских детей установили елку, большую, красивую. Татьяна Николаевна написала своему учителю П. В. Петрову, что елка «пахла божественно. Я не помню такого сильного аромата больше нигде». С каждым днем жизнь Царской семьи под арестом становилась все сложнее. Солдатский комитет постоянно вводил множество новых ограничений, убирая из охраны любого, кого можно было заподозрить в лояльности к арестованным.

Когда Государя, цесаревича и всех офицеров свиты заставили снять погоны и награды, Татьяна Николаевна, остро переживая эту ситуацию, писала 11 января 1918 года М. С. Хитрово об этом событии так: «Как грустно и неприятно видеть теперь солдат без погон, и нашим стрелкам тоже пришлось снять. Так было приятно раньше видеть разницу между нашим и здешним гарнизонами. Наши — чистые, с малиновыми погонами, крестами, а теперь и это сняли. Нашивки тоже. Но кресты, к счастью, еще носят. Вот подумать, проливал человек свою кровь за Родину, за это получал награду, за хорошую службу получал чин, а теперь что же? Те, кто служил много лет, их сравнивали с молодыми, которые даже не были на войне. Так больно и грустно все, что делают с нашей бедной Родиной, но одна надежда, что Бог так не оставит и вразумит безумцев».

Татьяна Николаевна из-за того, что все письма проверял комендант, не могла подробно рассказывать о горестях, которые приходилось переносить. Лишь изредка прорывалась печаль в отдельных фразах. Так, 22 января 1918 года в письме она жалуется А. А. Вырубовой: «Бывает много грустного». За этими скудными словами крылись ежедневные притеснения и унижения, которые приходилось терпеть Царской семье.

И все же великая княжна с ее врожденным оптимизмом и в трудной жизни в Тобольске находила положительные стороны: «В нашем городке все спокойно. Хорошо находиться так далеко от железной дороги и крупных городов, жить там, где нет никаких автомобилей и только лошади». К зиме волосы у Татьяны Николаевны отросли. Волнения и

печали, а также скромное питание привели к тому, что цесаревна, и так стройная, похудела еще больше. Александра Федоровна писала подруге: «Ольга и Татьяна обе худые, но у них волосы растут красиво, так что они могут ходить без косынок».

Все осталось в прошлом — роскошные наряды, украшения, красивые вещи. Татьяна Николаевна, как и все ее сестры, в стылом доме ходила не только в теплых кофтах, но порой в верхней одежде. А в самые холодные дни цесаревнам приходилось надевать валенки. Повседневная одежда, так как ее взяли с собой немного, быстро изнашивалась. В одном из писем государыня сокрушалась, что «у девочек нижнее белье все в лохмотьях».

В январе 1918 года, по словам императрицы, все газеты начали «писать глупости о Татьяне». Большевистская пресса вдруг стала бурно обсуждать «новость» о том, что великая княжна Татьяна Николаевна «бежала из-под ареста». Кто придумал эту утку, так и осталось неизвестным, но журналисты долго раздували выдумку, обсуждая несуществующие детали побега. Уверяли, что цесаревна переделалась в мужской костюм и бежала в Англию.

В повседневную, скучную жизнь Царской семьи немного радости внесла идея создания домашнего театра. Репетиции начались в конце ноября 1917 года. Тогда же приступили к созданию декораций и костюмов, что заняло достаточно много времени. Первый спектакль состоялся 6 декабря 1917 года в честь именин Государя, в этот день в дневнике он записал, что «было очень весело». Комедия в одном акте Мориса Эннекена «Флюиды Джона» стала подарком отцу от детей к его именинам. Александра Федоровна тоже похвалила постановку, отметила в своем дневнике, что «играли очень хорошо и забавно». Веселая пьеса создала у всех по-настоящему праздничное настроение.

В конце 1917-го и в начале 1918 года в гостиной бывшего губернаторского дома прошли премьеры нескольких пьес, которые имели у зрителей (незанятых в спектакле членов Царской семьи, приближенных, прислуги, их родственников) неизменный успех. В основном это были пьесы на французском и английском языках, на этом настаивали учителя Пьер Жильяр и Чарлз Гиббс. Они считали, что их ученикам полезно тренироваться в иностранных языках. На русском языке играли только водевили Чехова, которые пользовались большим успехом.

Несколько раз Татьяна Николаевна участвовала в постановках как актриса. Дочь придворного врача Татьяна Боткина, которая видела спектакли, особенно выделяла игру именно великой княжны Татьяны Николаевны, считая, что у цесаревны были актерские данные: «много

живости и таланта». Особенно хороша была Татьяна Николаевна в одной из пьес — в роли французского кавалера. Зрители единогласно решили, что она смотрелась очаровательно в мужском костюме, который ей очень шел. Стройная, тоненькая, красивая — цесаревна была очаровательна. И так мило, точно играла, что очень понравилась зрителям. Ей устроили овации.

Однако трудная, но все-таки относительно спокойная жизнь арестованных в Тобольске с наступлением 1918 года продолжалась недолго. Начало весны для Царской семьи выдалось напряженным. Солдатский комитет больше не обращал внимания на охрану, которую назначило Временное правительство. Большинство заслуженных, воевавших на фронтах мировой войны стрелков, которые тайно были преданы царю и прибыли с арестованными из Царского Села, уволили и отправили по домам. Вскоре поспешили избавиться и от начальника охраны полковника Е. С. Кобылинского, который помогал Царской семье, чем мог.

Арестованных приходилось защищать от отрядов, которые присылали большевики из других городов. Для обороны «Дома Свободы» от отрядов красноармейцев, первый из которых прибыл из Екатеринбурга, второй через время из Омска, с задачей захватить царя с семьей, по периметру бывшего губернаторского дома установили пулеметы. Царскую семью и остальных предупредили, что в случае если начнется бой, они должны покинуть комнаты ползком и сидеть на полу в коридорах. Обстановка в Тобольске обострилась до предела. Противостояние было нешуточное. Только соперничество между собой отрядов из Екатеринбурга и Омска привело к тому, что оба отряда ушли из Тобольска. Местные большевики потребовали перевести Царскую семью в каторжную тюрьму, солдаты этому воспротивились, потому что за свою службу они получали неплохое жалованье. Активность Солдатского комитета вскоре поутихла, поскольку стало известно, что для решения дальнейшей судьбы Царской семьи из Москвы приезжает назначенный большевизским правительством комиссар.

Когда 12 апреля (30 марта) у цесаревича начался приступ гемофилии, у его кровати круглосуточно дежурил кто-то из родных. Ольга Николаевна с Татьяной Николаевной вновь стали сестрами милосердия, помогали, чем могли, страдающему брату.

Хотя уполномоченного из Москвы ждали, все же его приезд стал неожиданным. 15 (2) апреля комиссар В. В. Яковлев проинспектировал «Дом Свободы». Убедившись, что цесаревич в тяжелом состоянии и не может отправиться в дорогу, он объявил, что все равно должен увезти царя. Одного или с кем-то из членов семьи — это он позволил решить самим

арестованным. Царская семья была в смятении, особенно страдала Александра Федоровна — разрываясь между любимым мужем и бесконечно дорогим больным сыном. На семейном совете долго решали, кто поедет с Государем, а кто останется в Тобольске. События этих дней описал в своих мемуарах Пьер Жильяр, которого, как близкого человека, Государь решил пригласить на семейный совет. По его поручению в комнату к учителю пришла Татьяна Николаевна и по дороге в гостиную рассказала подробности о готовящемся отъезде. «Немного ранее трех часов, — вспоминал Жильяр, — проходя по коридору, я встретил двух лакеев, которые рыдали. Они сообщили мне, что Яковлев пришел объявить Государю, что его увозят. Что же происходит наконец? Я не посмел подняться наверх, не будучи позван, и возвратился к себе. Минуту спустя Татьяна Николаевна постучала ко мне в дверь. Она была в слезах и сказала, что Ее Величество просит меня к себе. Я следую за ней. Она подтверждает, что Яковлев был послан из Москвы, чтобы увезти Государя, и что отъезд состоится этою ночью».

Достаточно долго Царская семья не могла принять решение о том, кто поедет с Государем. Александра Федоровна плакала: «Комиссар уверяет, что с Государем не случится ничего дурного и что, если кто-нибудь пожелает его сопровождать, этому не будут противиться. Я не могу отпустить Государя одного. Его хотят, как тогда, разлучить с семьей... Хотят постараться склонить его на что-нибудь дурное, внушая ему беспокойство за жизнь его близких... Царь им необходим; они хорошо чувствуют, что один он воплощает в себе Россию... Вдвоем мы будем сильнее сопротивляться, и я должна быть рядом с ним в этом испытании... Но мальчик еще так болен... Вдруг произойдет осложнение... Боже мой, какая ужасная пытка!.. В первый раз в жизни я не знаю, что мне делать...» Как вспоминает Жильяр, Татьяна Николаевна решительно перебила Государыню: «Но, мама, если папа все-таки придется уехать, нужно, однако, что-нибудь решить!» Наконец остановились на том, что с комиссаром поедут Николай Александрович, Александра Федоровна и великая княжна Мария Николаевна, как самая выносливая из детей.

Расставание было тяжелым, заплаканные великие княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна не отходили от матери до последней минуты. Сидели рядом с Александрой Федоровной на диване в гостиной, прижавшись к ней с двух сторон. 26 (13) апреля, после прощания с детьми и свитой, царская чета и княжна Мария Николаевна были увезены из Тобольска. Жильяр вспоминал, что слышал, как безутешно рыдали все три оставшиеся цесаревны, не скрывая свое горе, после расставания с

родителями и сестрой. Только после Пасхи 5 мая (22 апреля) оставшиеся в Тобольске дети что-то узнали о судьбе родителей и сестры. В пасхальные дни они наконец получили первое письмо из Екатеринбурга и были счастливы, что родные живы и здоровы.

Татьяна Николаевна после отъезда родителей как-то неожиданно для себя стала восприниматься родными, приближенными и слугами как старшая, потому что в отличие от эмоциональной Ольги Николаевны она была по-прежнему организована, собрана, помнила обо всех делах и быстро принимала необходимые решения. Полковник Е. С. Кобылинский вспоминал: «Когда Государь с Государыней уехали из Тобольска, никто как-то не замечал старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли к Татьяне: «Как Татьяна Николаевна». Эта была девушка вполне сложившегося характера, прямой, честной и чистой натуры, в ней отмечались исключительная склонность к установлению порядка в жизни и сильно развитое сознание долга... Она была умная, развитая, любила хозяйничать...»

Уезжая, Государыня именно Татьяне Николаевне поручила особое задание. Александра Федоровна распорядилась, чтобы оставшиеся драгоценности, на случай неожиданного побега, были зашиты в одежду. Цесаревна неукоснительно следовала этому распоряжению матери, хотя некоторые приближенные ее начали уговаривать спрятать драгоценности в монастыре, а не мастерить из них пуговицы и не прятать их в корсетах и лифах. Татьяна Николаевна отказалась отдать драгоценности в обитель и вместе с сестрами и фрейлинами продолжила зашивать драгоценные камни и жемчужины в одежду.

Как и все оставшиеся в Тобольске дети, цесаревна очень скучала по родителям и сестре. Когда после Пасхи появилась возможность писать им, Татьяна Николаевна сразу стала отправлять письма в Екатеринбург. Она с болью рассказывала родным, как было трудно ничего не знать о их судьбе: «Не получать новостей все это время поистине ужасно. Из окна нам видно, что Иртыш здесь спокойный. Завтра ожидается первый пароход от Тюмени... В саду скука смертная. Как только мы выходим, сразу начинаем смотреть на часы, когда можно будет вернуться в дом... Душа у нас болит за вас, мои дорогие, на Бога наше единственное упование, а утешение в молитвах». Несмотря на стойкость и крепость духа, сердце Татьяны Николаевны разрывалось от волнений и переживаний, цесаревна с печалью писала отцу в Екатеринбург: «Я так боюсь потерять мужество. Я много молюсь за вас... Да хранит вас Господь, спасет вас и защитит вас от всякого зла. Ваша дочь Татьяна, которая страстно любит вас во веки веков».

Пьер Жильяр вспоминал, что как только цесаревич стал чувствовать себя лучше, дети сразу начали собираться в дорогу, чтобы ехать к родителям. Приближенные уговаривали цесаревича и цесаревен повременить с отъездом, понимая опасность, которая грозит Царской семье в Екатеринбурге, но те были неумолимы. Единственным их желанием было воссоединиться с родителями и сестрой.

Наконец 20 (7) мая все остававшиеся арестованные — цесаревич с тремя сестрами, приближенные, учителя, слуги — в сопровождении охраны покинули Тобольск. И уже рано утром 23 (10) мая их поезд прибыл в Екатеринбург. Встречавшие арестованных комиссары и красноармейцы сразу отделили царских детей и нескольких слуг от остальных прибывших, запретив последним покидать поезд. Татьяна Николаевна, выходя из вагона, пыталась успокоить фрейлин, старалась улыбаться и весело сказала: «Что проку от всех этих прощаний? Мы непременно увидимся и будем наслаждаться обществом друг друга уже через полчаса!» Баронесса С. К. Буксгевден в ответ ласково поцеловала цесаревну. В этот момент к ним подошел один из охранников и, понизав голос, строго сказал: «Лучше попрощайся, гражданочка». И такое страшное было у этого человека лицо, что ему невозможно было не поверить. Баронесса вспоминала, что у нее все сжалось внутри от осознания, «что это было настоящим прощанием».

Первыми из вагонов вывели царских детей. Цесаревич идти не мог, его отнес дядька Клементий Нагорный. Матрос попытался вернуться и помочь цесаревнам, которые сами с трудом несли тяжелые чемоданы, коробки, сумки, своих собачек, но дядьку грубо толкнули, запретив помогать. Не смог проститься со своими учениками и Пьер Жильяр. Он так вспоминал утро на платформе в Екатеринбурге, когда последний раз видел цесаревича и цесаревен: «Утром, около 9 часов, несколько извозчиков стали вдоль нашего поезда, и я увидел каких-то четырех человек, направлявшихся к вагону детей. Прошло несколько минут, после чего приставленный к Алексею Николаевичу матрос Нагорный прошел мимо моего окна, неся маленького больного на руках; за ним шли Великие Княжны, нагруженные чемоданами и мелкими вещами. Я захотел выйти, но часовой грубо оттолкнул меня в вагон. Я вернулся к окну. Татьяна Николаевна шла последней, неся свою собачку, и с большим трудом тащила тяжелый коричневый чемодан. Шел дождь, и я видел, как она при каждом шаге вязла в грязи. Нагорный хотел прийти ей на помощь — его с силой оттолкнул один из комиссаров... Несколько мгновений спустя извозчики отъехали, увозя детей по направлению к городу».

Долгожданная встреча с родителями была радостной. Государь так

описал этот день в своем дневнике: «Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с двух часов ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности. Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло от них и до них. Много они, бедные, претерпели нравственного страдания в Тобольске и в течение трехдневного пути».

Жизнь в Екатеринбурге для Царской семьи стараниями большевиков была максимально приближена к тюремному режиму. Утренняя поверка, постоянные строгие обыски, короткие прогулки. Все ценные вещи и деньги охранники у арестованных отобрали.

Питание было скудным, и Александро-Невский Ново-Тихвинский монастырь договорился с охраной, что будет помогать Царской семье продуктами, Цесаревны помогали повару готовить еду из пайков, которые выделяли арестованным. Государь отметил в своем дневнике, что дочери научились печь хлеб и он получается у них очень даже неплохой.

Двадцать первый день рождения Татьяны Николаевны — 11 июня (29 мая) 1918 года — прошел тихо, буднично. Подарков цесаревна не получила, охрана никаких ценных вещей арестованным не оставила, ничего лишнего — по минимуму все только самое необходимое. Единственным праздничным блюдом в этот день на столе оказался компот из фруктов, сваренный преданным царским поваром И. М. Харитоновым. Потом большую часть дня Татьяна Николаевна провела рядом с любимой матерью, читая Государыне одну из ее самых любимых книг: «Полный круг кратких поучений, составленных на каждый день года», которую написал протоиерей Григорий Дьяченко. Вечером цесаревна играла с братом в бейзик, затем читала ему перед сном. А когда цесаревич уснул, вместе с сестрами помогала горничной Государыни Анне Демидовой стирать вещи. Потом цесаревны штопали для всей семьи износившееся носки, чулки и нижнее белье.

В Екатеринбурге очень часто в дневниковых записях Александры Федоровны встречаются одни и те же слова: «Татьяна читала мне духовное чтение». Есть постоянное упоминание о том, что цесаревна одна оставалась с Государыней, когда все остальные члены семьи уходили на прогулку. Этот последний дневник Александры Федоровны, в котором она делала записи вплоть до 16 (3) июля 1918 года, то есть до самого последнего дня своей жизни, подарила ей в Новый год Татьяна Николаевна. На титульном листе этого последнего дневника осталась сделанная цесаревной по-английски

надпись: «Моей любимой, дорогой Мама, с лучшими пожеланиями счастливого Нового года. Пусть будет Божие благословение с тобой и защищает оно тебя всегда. Любящая дочь Татьяна». Святые слова верной дочери, преданной до конца.

Среди книг, которые в последние дни жизни читала Татьяна Николаевна матери, были Библия, житие Серафима Саровского, «Патерик Киево-Печерской лавры» и т. д. По воспоминаниям близких, Александра Федоровна взяла с собой в ссылку целый чемодан душеполезных книг. Именно их днем читали матери вслух дочери, чаще всего Татьяна Николаевна. Их же в последние месяцы жизни по вечерам для всей семьи вслух читал Государь.

Татьяна Николаевна и в Екатеринбурге оставалась настоящей сестрой милосердия, она ухаживала за матерью и братом, когда они себя плохо чувствовали. Помогала отцу, когда тот заболел и какое-то время вынужден был провести в постели. У доктора Е. С. Боткина в это время случились чрезвычайно болезненные почечные колики, за врачом тоже ухаживала Татьяна Николаевна, она же делала ему уколы.

Последнее воспоминание о Татьяне Николаевне, какой она была в Екатеринбурге, осталось в документах следователя Н. А. Соколова, расследовавшего обстоятельства убийства Царской семьи. Это показания одного из охранников дома Ипатьева, который рассказал, что «такая же, видать, как царица, была Татьяна. У нее вид был такой же строгий и важный, как у матери. А остальные дочери: Ольга, Мария и Анастасия — важности никакой не имели».

Записи в дневнике Татьяны Николаевны, сделанные ею в Екатеринбурге, немногословны. Но мужество до конца не покидало храбрую, стойкую цесаревну. Последней записью в ее дневнике стали слова святого праведного Иоанна Кронштадтского: «Скорбь твоя неопишима, скорбь Спасителя в Гефсиманском саду о грехах мира безмерна, соедини свою скорбь с Его, в этом ты найдешь утешение».

В расстрельной комнате, в подвале дома Ипатьева, по воспоминаниям палачей, Татьяна Николаевна погибла не сразу. Часть предназначенных ей убийцами пуль отскакивали от ее лифа, в который зашили драгоценности. Раненая, умирающая цесаревна до последних минут жизни старалась прикрыть своим телом младших сестер — Марию Николаевну и Анастасию Николаевну. Так она и погибла, пытаясь закрыть собой израненные тела близких.

ЧАСТЬ 4

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА МАРИЯ НИКОЛАЕВНА

Лето 1898 года Царская семья провела в тишине, в узком семейном кругу. Даже близкие родственники в это время редко видели императора и императрицу, которые сами не появлялись в обществе и практически не принимали гостей. Александра Федоровна, которая еще в конце февраля 1898 года заразилась корью во время посещения одной из школ, которую курировала, долго болела. И после выздоровления предпочитала восстанавливать здоровье вдалеке от шумного высшего света. Это вызывало обиду в высшем свете Санкт-Петербурга. Внучка королевы Виктории принцесса Елена Виктория (Тора) Шлезвиг-Гольштейнская, гостившая у Александры Федоровны в это время, так описывала бабушке в одном из писем жизнь Царской семьи тем летом: «Мы здесь ведем очень спокойную жизнь, и вряд ли можно представить себе по такому образу жизни, что это император и императрица, так как здесь, в деревне, совсем нет ничего государственного. Никто из придворных не живет здесь же в доме, а единственная дежурная дама обычно ест у себя в комнате, так что никого из свиты здесь не видно, если только люди не приходят по какому-либо делу».

Николай II вместе со своей матерью вдовствующей императрицей Марией Федоровной 21 сентября 1898 года уехал в Копенгаген на похороны своей бабки — королевы Дании Луизы. Александра Федоровна осталась дома с двумя маленькими дочерьми: великой княжне Ольге Николаевне в то время было 2 года 10 месяцев, Татьяне Николаевне — 1 год 4 месяца. Государыня не могла их надолго оставить, а ехать вместе с ними на похороны в Европу тоже было слишком сложно.

Государыня очень скучала по мужу, хотя и расстались они ненадолго, постоянно писала ему полные любви и тоски письма: «Я не могу даже представить, что будет со мной без тебя. Ты мой единственный, в тебе вся моя жизнь». Именно в это время, в сентябре в отсутствие Государя, Александра Федоровна начала подозревать, что она беременна, и очень этому обрадовалась. Она писала государю: «Дай Бог, чтобы это было так, я очень этого жду».

Чтобы скрасить время ожидания до возвращения супруга из

Копенгагена, Александра Федоровна вместе с дочерьми уехала в любимую Ливадию. В Крыму к ним позже присоединился император, который вернулся домой 9 октября. Семья с удовольствием наслаждалась бархатным сезоном у моря. Однако вскоре императрица почувствовала себя плохо, по утрам она больше не завтракала вместе с семьей и придворными, а оставалась в своей комнате. Затем перестала обедать со всеми в гостиной. Больше не выезжала на прогулки, проводя почти все время в своей комнате или на балконе дворца. А когда Государыня два раза потеряла сознание в церкви во время службы, всем окружающим стало понятно — императрица вновь ждет ребенка. В конце октября Государь написал об этом своей матери: «Теперь я могу сказать Вам, дорогая мама, что, с Божьей помощью, мы ожидаем новое счастливое событие в мае следующего года».

Третья беременность у Александры Федоровны оказалась очень трудной, постоянная тошнота и головокружения изматывали ее. Император оставался примерным мужем, он проводил с женой целые дни. Вывозил ее на кресле с колесами на прогулки в парк, ухаживал и помогал, чем мог. Развлекал разговорами и читал вслух, так он прочитал ей полностью роман Льва Толстого «Война и мир». Царская семья вернулась из Ливадии в Царское Село только 16 декабря, когда императрица стала чувствовать себя немного лучше.

Однако весной 1899 года самочувствие Александры Федоровны вновь ухудшилось. Ребенок рос и стал достаточно большим, к тому же плод занял неудачное положение и Государыня постоянно испытывала сильные поясничные боли. Стоять и ходить она практически не могла, поэтому оставшееся время беременности вынуждена была провести в постели или в кресле-каталке.

В мае Царская семья, как обычно на лето, переехала из Царского Села на Нижнюю дачу в Петергоф. Здесь 14 июня 1899 года в 12 часов 10 минут на свет появилась великая княжна Мария Николаевна. Новорожденная оказалась крупным ребенком — 4,5 килограмма. Няня новорожденной цесаревны мисс Маргаретта Игер вспоминала, что весь этот день светило яркое солнце, была «жаркая июньская погода». По воспоминаниям некоторых приближенных, роды прошли достаточно легко и быстро. Этому противоречит в своих мемуарах фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден, которая написала, что роды были тяжелыми — опасались за жизнь Государыни и ребенка, но спасли обоих.

Новорожденную назвали Марией в честь бабушки — вдовствующей императрицы Марии Федоровны. После рождения дочери Государь поспешил послать жене записку: «Я не имею ни малейших оснований

жаловаться, мне послано такое счастье на земле, у меня есть такое сокровище, как ты, моя возлюбленная Аликс, и уже три маленьких ангела. От всего сердца я благодарю Бога за то, что он благословил меня, послав мне тебя. Он подарил мне рай и сделал мою жизнь легкой и счастливой». В своем дневнике в этот день император написал: «Счастливый день: Господь даровал нам третью дочь — Марию, которая родилась в 12:10 благополучно! Ночью Аликс почти не спала, к утру боли стали сильнее. Слава Богу, что все окончилось довольно скоро! Весь день моя душка чувствовала себя хорошо и сама кормила детку». Хотя остались воспоминания членов Свиты, что император в этот день долго гулял один, о чем-то думая, но вернулся во дворец в обычном расположении духа.

Высочайший манифест по случаю рождения великой княжны Марии Николаевны был опубликован 15 июня 1899 года, в нем новорожденной был официально присвоен титул — Ее Императорское Высочество. В газетах было опубликовано заявление лейб-акушера Императорского Двора об удовлетворительном состоянии здоровья императрицы и «высоконоворожденной» великой княжны.

Рождение третьей дочери в семье императора Всероссийского вызвало бурю эмоций не только в стране (и особенно в придворных кругах), но и за границей. Конечно, вся страна ожидала рождение мальчика — наследника престола. Некоторые родственники царя не считали нужным скрывать разочарование. Так, великий князь Константин Константинович, двоюродный дядя Государя, узнав о рождении Марии Николаевны, сказал: «Наследника так и нет. Вся Россия будет разочарована этой новостью». Более сдержанно и доброжелательно комментировала рождение третьей племянницы сестра Государя великая княгиня Ксения Александровна: «Какое счастье, что все кончилось благополучно, все волнения и ожидания, наконец, позади, притом жаль, что родился не сын. Бедная Аликс! Но мы рады все равно — какая к тому важность — мальчик или девочка».

За границей новость о том, что в России снова родилась цесаревна, а не наследник престола, вызвала бурное обсуждение. В Европе газеты судачили о том, что рождение третьей дочери в Царской семье обрадовало политических противников царицы, которые только этого и ждали, чтобы возобновить интриги против нее. Журналисты утверждали — отсутствие наследника обостряет отношения между супругой и матерью императора, у которой и так сложные отношения с невесткой. Еще дальше в своих измышлениях пошли английские газеты, утверждавшие, что русский царь так расстроен рождением третьей дочери, что чувствует себя «уставшим от трона» и собирается отречься. Конечно же, все публикации были

чистойшей выдумкой и не имели ничего общего с правдой. Однако даже бабушка Александры Федоровны, королева Виктория, приславшая письмо в ответ на сообщение о рождении еще одной правнучки, с легкой горечью писала: «Я сожалею, третья девочка — это не то, чего ожидает страна. Я знаю, что наследника приняли бы более радушно, чем дочь». И только императорская чета, будто не замечая всеобщего ропота и разочарования, радовалась появлению на свет еще одной дочери. Александра Федоровна достаточно быстро пришла в себя после третьих родов и сразу окунулась в хлопоты о новорожденной. Как и старших дочерей, Марию Николаевну императрица сама кормила грудью, хотя, как и раньше у старших цесаревен, у великой княжны была кормилица, ею стала крестьянка Вера Кузьмина.

Няня царских детей мисс Маргаретта Игер вспоминала, что цесаревна родилась «хорошенькой, слишком хорошенькой». Когда ребенка впервые увидел великий князь Владимир Александрович, то назвал ее «чудесной малышкой». Крошечная цесаревна была таким красивым и милым младенцем, что люди приходили от ее вида в восторг. Один из гостей Царской семьи, залюбовавшись ее славным личиком, сказал, что великая княжна похожа на ангела Боттичелли. После этого малышку близкие стали называть «наш ангелочек».

Главной няней в детской перед появлением на свет в Царской семье третьей дочери стала ирландка мисс Маргаретта Игер, протестантка, 36 лет. Еще в декабре 1898 года Александра Федоровна, вынужденная из-за сложной беременности большую часть времени проводить в постели, поняла, что ей стало трудно самой руководить детской с большим штатом русских нянь и кормилиц, а появление третьего ребенка должно было еще больше осложнить ситуацию. Нужен был опытный человек, который смог бы помогать Государыне с воспитанием двух малолетних дочерей и младенца, который должен был родиться. Александра Федоровна обратилась к своим родственникам в Англии с просьбой найти кого-то, кто смог бы справиться с такими трудными обязанностями.

Английская кузина императрицы порекомендовала для работы главной няней в Царской семье мисс Маргаретту Игер, которая, по ее мнению, была прекрасно подготовлена — могла работать поваром, экономкой, владела разными видами рукоделия, имела большой опыт работы с детьми. К тому же мисс Игер окончила курсы медсестер. Последним местом ее работы на тот момент стал приют для девочек-сирот в Ирландии, в котором она работала попечителем. Но самое главное, что Маргаретту характеризовали как человека оптимистичного, простого, бесхитростного,

доброжелательного, не склонного к интригам. Была она родом из многодетной семьи, имела десять братьев и сестер, которых помогала родителям воспитывать.

Вначале мисс Игер отказалась от, казалось бы, выгодного и престижного приглашения стать няней царских детей в России. Сказав, что боится не справиться с уходом за тремя маленькими детьми, одним из которых будет новорожденный младенец, потому как не имеет подобного опыта. Однако, поразмыслив и дополнительно окончив в Англии курсы по уходу за новорожденными детьми, Маргаретта все же согласилась приехать в Россию. Она действительно оказалась милой, добродушной и очень любящей детей няней и сразу понравилась и Николаю II, и Александре Федоровне. И с начала февраля 1899 года Маргаретта приступила к работе, стала руководить целым штатом русских нянь, которые помогали ей воспитывать и ухаживать за Ольгой Николаевной и Татьяной Николаевной.

Именно в руки Маргаретты передала акушерка новорожденную Марию Николаевну, которую ирландская няня сразу полюбила. И с нежностью заботилась о ней, как и о двух старших великих княжнах. И даже, когда няня вернулась через несколько лет в Англию, она никогда не забывала о своих воспитанницах. А подросшие цесаревны не забывали свою добрую ирландскую няню, писали ей письма, посылали открытки и подарки к праздникам. Мисс Игер со временем так привязалась к Марии Николаевне, так восхищалась ею, что просто идеализировала свою воспитанницу в написанных уже в Англии воспоминаниях: «Мария родилась такой праведной и хорошей, я часто думаю, в ней почти нет и следа первородного греха».

Когда великой княжне Марии Николаевне исполнилось две недели, 27 июня 1899 года ее крестили в домовый церкви Большого Петергофского дворца — роскошном храме Петра и Павла, построенном знаменитым архитектором Бартоломео Растрелли в 1750 году. К храму великую княжну привезли в золоченой карете, запряженной шестью лошадьми. Экипаж сопровождали всадники Собственного Его Величества конвоя в парадной форме.

Под стать блистающему позолотой храму на крестины цесаревны собралась и публика. На церемонии присутствовал весь Императорский Двор, высокопоставленные сановники, фрейлины в парадных нарядах, дипломатический корпус, представители Королевских домов Европы. На крестины великой княжны Марии Николаевны приехали принц Георг Греческий и принц Генрих Прусский, которые стали восприемниками (крестными) юной цесаревны. Кроме них восприемниками стали также

вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Михаил Александрович, великие княгини Елизавета Федоровна и Александра Иосифовна.

Мисс Маргаретта Игер была поражена блеском и великолепием церемонии крестин. Она ярко описала иностранных гостей, которых присутствовало множество: «...Послы и их жены, все одетые по моде своих дворов. Маленькая китаянка выглядела особенно миловидно и броско, на ней было роскошное голубое кимоно, украшенное вышивкой, и маленькая голубая шляпка, над одним ухом был прикреплен красный цветок, над другим — белый. Римско-католическую церковь представлял здесь кардинал в красной шляпе и сутане, а глава Российской лютеранской общины был одет в черную рясу с гофрированным воротником...» Говорили, что в церемонии участвовали пятьсот фрейлин, мисс Игер восторгалась их нарядами: «...Юные девушки в торжественных случаях, подобных этому, всегда одеваются одинаково — в алые, расшитые золотом, бархатные платья со шлейфом, с нижними юбками из белого сатина; в то время как дамы более старшего возраста, «*les dames de la cour*» одели темно-зеленые с золотом платья».

По традиции родители не присутствовали на церемонии крещения. Перед ее началом случилось небольшое недоразумение, ирландская няня не говорила по-русски, а священники, готовившие купель для цесаревны, не знали ни английского, ни французского языков. И сколько растерянная няня не объясняла им, какой именно температуры должна быть вода в купели, они совершенно ее не понимали, пока мисс Игер не показала цифру на пальцах.

Церемонию крещения провел духовник Царской семьи протопресвитер Иоанн Янышев. Марию Николаевну крестили в крестильной рубашке ее отца (императора Николая Александровича), так же как раньше ее старших сестер. Однако после церемонии эта рубашка потерялась и так и не была найдена. Во время церемонии у цесаревны срезали локон, соединили его с шариком из воска и бросили в купель с водой. Шарик опустился на дно. Это считалось хорошей приметой, означающей, что цесаревна будет жить долго и счастливо.

После совершения таинства крещения литургию служил митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний. К первому причастию великую княжну Марию Николаевну поднесла вдовствующая императрица Мария Федоровна — бабушка и крестная мать цесаревны. Церемония и служба длились долго, более двух часов, и присутствующие заметили, что к концу цесаревна устала, и чтобы не беспокоить ее, церковный хор стал петь

тише. В конце службы министр Императорского Двора и уделов барон В. Б. Фредерикс поднес на золотом блюде знаки ордена Святой Екатерины императрице Марии Федоровне, а она положила их на одеяльце, в которое была завернута Мария Николаевна.

Детские покои в Александровском дворце располагались на втором этаже над покоем императора и императрицы. Все работники детской в Царском Селе носили специальную белую униформу, а на голове у них были специальные шапочки из белого тюля. Только крестьянки-кормилицы надевали не униформу, а красивые национальные русские наряды. Светлые, просторные комнаты детской были обставлены мебелью из полированного лимонного дерева, на окнах висели светлые занавески. По воспоминаниям современников, детские комнаты были очень уютными.

Большую часть дня все трое детей находились на втором детском этаже, и только ближе к вечеру, после того как Ольгу Николаевну и Татьяну Николаевну кормили легким ужином, няни с детьми спускались на первый этаж в одну из гостиных, где дочерей ждали родители. Государь читал газеты или корреспонденцию, старшие цесаревны возились на ковре, а Марию Николаевну брала на руки Государыня, которая обычно лежала на софе или диване. Если родителям хотелось попить чаю, то его накрывали здесь же в гостиной. Чай обычно разливала по чашкам сама Александра Федоровна.

Подрастая, Мария Николаевна оставалась улыбчивой, милой и совсем не капризной. С раннего детства все заметили ее особенную, преданную любовь к отцу. Еще не умея ходить, если цесаревна слышала где-то вдалеке голос отца, то протягивала ручки в этом направлении и повторяла: «Папа, папа, папа...» Позже, научившись ходить, она, стоило ей услышать голос отца, сразу бежала к нему навстречу, открывая все двери, что встречались на пути. Она не успокаивалась, пока он не брал ее на руки и не целовал, и она была совершенно счастлива. Няня, мисс Маргаретта, вспоминала, что ей приходилось внимательно следить за маленькой Марией Николаевной, чтобы она не вбежала в кабинет императора, когда там проходили важные совещания. Случалось, цесаревна плакала, расстроенная тем, что ее не пускают к отцу, не понимая, как он занят. Рассказывали, что однажды Маргаретта увлеклась разговором со своей помощницей в то время, когда они купали Марию Николаевну. Цесаревна, полностью голенькая, тихонько вышла из ванной комнаты и помчалась на половину родителей, где ее увидела тетка — великая княгиня Ольга Александровна. Она поймала беглянку и на руках принесла ее назад в детскую.

Осенью 1900 года в Крыму, когда Марии Николаевне было всего 1 год

и 4 месяца, Государь заболел брюшным тифом и детей изолировали от больного отца. Мария Николаевна тяжело переживала вынужденную разлуку с любимым папой. Несмотря на возраст, а дети часто в раннем возрасте отвыкают от родных, которых долго не видят, цесаревна очень скучала по отцу. И все время пыталась убежать на «взрослую половину», чтобы увидеть папу. Няня вынуждена была даже запира́ть дверь в детской, чтобы уберечь юную цесаревну. Маргаретта Игер так описывала события тех дней: «Когда императрица пришла навестить детей в первый вечер после того, когда у царя нашли брюшной тиф, на ней была надета брошка с миниатюрным портретом императора. Всхлипывая и плача, маленькая Мария заметила брошку; она забралась на колени к матери и покрыла нарисованное лицо поцелуями. И не один вечер во время его болезни она не желала идти спать, если не поцелует эту миниатюру».

С раннего детства Мария Николаевна оставалась добрым и добродушным ребенком. Только одна особая слабость сразу была ей свойственна. Цесаревна любила покушать. Крепкая, румяная, пухленькая, по общему мнению, она больше всех остальных царских детей напоминала деда — императора Александра III. И с младенчества цесаревна всегда выглядела старше своего возраста и весила больше, чем ее ровесницы. К еде Мария Николаевна, в отличие от практически всей семьи, была равнодушна. Государыня, которая целыми днями могла обходиться чашкой кофе или чаем с закусками, достаточно рано стала обращать внимание на слишком хороший аппетит третьей дочери и то, что та начинает полнеть. Императрица обязала нянь следить за тем, что и сколько ест Мария Николаевна.

Однажды вечером в гостиной для взрослых накрыли чай. Маленьких детей кормили только в детской. Мария Николаевна стащила со стола для взрослых и съела несколько ванильных булочек. Когда об этом узнала Александра Федоровна, она решила наказать дочь за непослушание: приказала няням увести цесаревну на детский этаж и пораньше уложить спать. Но Государь только рассмеялся, услышав об украденных булочках, и возразил супруге: «Я боялся, что у нее скоро вырастут крылья, как у ангела! Я очень сильно рад увидеть, что она человеческий ребенок».

Непросто складывались отношения у Марии Николаевны со старшими сестрами. Они были очень привязаны друг к другу, жили в одной комнате, делились всеми секретами, вместе учились и вместе играли. Когда на свет появилась Мария Николаевна, старшие цесаревны не спешили уделять ей время и были не в восторге, что их просили принимать малышку в их привычные игры. В письме матери Государь так описывал отношение

своих старших дочерей к младшей: «...Маленькая baby отлично ходит, но часто падает, потому что старшие сестры толкают ее и вообще, если не смотреть за ними, грубо обращаются с ней».

Подрастая, Мария Николаевна нешуточно стала обижаться на старших сестер, которые часто не хотели с ней играть, всячески стараясь оставаться вдвоем. Есть воспоминания няни царских детей о том, что однажды старшие цесаревны в углу в комнате для игр сделали из стульев домик. Мария Николаевна очень хотела участвовать в игре, просила, чтобы ей разрешили тоже посидеть внутри домика. Но сестры ей не разрешили и даже прогнали ее. Мария Николаевна очень расстроилась, тогда Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна смиловались и разрешили младшей сестре быть «стражником», но стоять она должна была снаружи домика. Обиженная такой несправедливостью цесаревна быть охранником не захотела. Увидев горе обиженного ребенка, няня в другом углу комнаты сделала для Марии Николаевны отдельный домик. Но цесаревне скучно было играть одной, она все время смотрела, как веселятся вдвоем ее старшие сестры. Наконец она не выдержала, быстро подбежала к домику старших сестер, вошла к ним внутрь и дала по пощечине каждой сестре. И сразу убежала в соседнюю комнату. Через некоторое время она вернулась с целой охапкой любимых игрушек. Дальше есть два варианта, что именно сказала маленькая цесаревна опешившим от ее неожиданного поступка сестрам. По одним воспоминаниям: Мария Николаевна заявила, что не хочет быть стражником, а будет добрым королем, который раздает подарки. По другим: цесаревна сказала, что она не будет лакеем, а будет доброй тетушкой, которая всем привезла подарки. В любом случае она отдала свои игрушки сестрам, которые пристыженно молчали. Наконец старшие переглянулись, и Татьяна Николаевна (или Ольга Николаевна — снова данные расходятся) сказала: «Так нам и надо. Мы были несправедливы с бедной маленькой Мэри». Больше старшие сестры так явно Марию Николаевну не обижали, поняв, что она может за себя постоять.

По воспоминаниям няни мисс Игер, маленькая Мария Николаевна была настолько ласковой, что иногда смущала этим окружающих. Ей очень нравилось обнимать и целовать людей. Няня вспоминала, как малышка цесаревна смотрела в окно Зимнего дворца на солдат, которые маршировали на площади, и вскрикнула: «Ох! Я люблю этих дорогих солдат! Мне хотелось бы перецеловать их всех!» В ответ мисс Игер объяснила цесаревне, что хорошие девочки не целуют солдат. Через несколько дней во дворце состоялся детский праздник, среди гостей Царской семьи были дети великих князей. Один из них, в форме кадета,

хотел поцеловать милую маленькую кузину. В ответ Мария Николаевна отстранилась от кузена, прикрыла свой ротик рукой и строго сказала: «Уйдите, солдат! Я не целую солдат». Мальчик был удивлен ее словам. А стоявшие вокруг взрослые долго смеялись.

Впрочем, история с тем, что «солдат нехорошо целовать» и кузенком, ненадолго изменила поведение милой цесаревны. На яхте «Штандарт» маленькая Мария Николаевна с удовольствием обнимала и целовала славных моряков. Как вспоминал юнга царской яхты Григорий Пиньковский (Георгий Светлани): «Больше других княжон мне нравилась Мария, третья по счету. Если говорить о красоте, то она, по-моему, была самая симпатичная, хоть и толстушка. Может, я это говорю потому, что она без всякого стеснения при ком бы то ни было очень любила «чмокаться». По-детски, конечно. Ни с того ни с сего подбежит, обнимет и поцелует. Не знаешь, куда при таком конфузе деваться. А все кругом смеются! Ей тогда лет семь было...»

Обучение великой княжны Марии Николаевны началось в 1905 году, когда ей было 6 лет. В это время она еще плохо читала и почти не умела писать. Однако параллельно с обучением чтению и письму цесаревну начали учить и арифметике, вначале занятия проходили устно. Преподавателем арифметики у цесаревны был коллежский советник М. В. Соболев, который, по воспоминаниям, использовал на уроках в качестве пособий кубики, монеты и косточки.

К 8 годам Мария Николаевна начала учиться по программе классической гимназии. К этому времени штат учителей для царских детей, которым руководил преподаватель русского языка П. В. Петров, был полностью сформирован. По воспоминаниям учителей, цесаревна посещала уроки без особой охоты. Согласно отчетам об успеваемости, предметы гуманитарные давались ей легче, чем точные науки. Но ни к тем, ни к другим она особенного рвения не проявляла. Имея хорошие способности к языкам, Мария Николаевна с успехом изучала русский и английский языки, так же, по словам Пьера Жильяра, вполне сносно говорила по-французски. Однако немецкий язык она не смогла освоить, несмотря на все старания учившей цесаревну немки Екатерины Адольфовны Шнейдер.

Сохранился отчет учителя М. В. Соболева о занятиях арифметикой с великой княжной Марией Николаевной за 1909 год (цесаревне было десять лет). Учитель писал, подводя итоги учебного года: «В этом году предполагалось закончить изучение действий с целыми числами любой величины, но за краткостью курса и медленным усвоением Ученицей

некоторых частей проходимого не удалось выполнить намеченную программу по отношению к умножению и делению».

Сохранились тетради для грамматических упражнений великой княжны Марии Николаевны, в них рукой цесаревны переписаны тексты, которые кроме изучения грамматики еще полезны были и знакомством с различными интересными сведениями по географии, истории, литературе. Например, в тетради по грамматике за 1910 год (цесаревне было 11 лет) великая княжна переписывала поговорки, рассказ о реке Волге, но здесь же рядом есть упражнения, в которых ученица делит слова на слоги или выделяет суффиксы. Увы, почерк неразборчив, в записях нередко буквы «сливаются», тексты написаны не слишком аккуратно. Возможно, что вообще сложности с обучением во многом возникали из-за того, что цесаревна, скорее всего, была левшой. Ей очень трудно было писать правой рукой, если бы ей разрешили писать левой, то многие проблемы не возникали бы. А упреки учителей в медлительности Марии Николаевны, которые встречаются в их отчетах и воспоминаниях, отчасти можно объяснить тем, что ей как левше было ужасно неудобно писать правой рукой.

Самым любимым предметом Марии Николаевны была живопись. Тут учителя отмечали у цесаревны явные способности. Великая княжна рисовала с удовольствием и много. И не только на уроках, но могла делать зарисовки и эскизы в течение дня для собственного удовольствия. Интересно, что, по воспоминаниям близких, рисовала она только левой рукой. Скорее всего, цесаревна все же была так называемым «переученным левшой». Фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден писала в своих мемуарах: «Мария Николаевна, единственная из всех сестер, имела несомненный талант к рисованию и делала весьма недурные наброски — и всегда левой рукой».

С удовольствием Мария Николаевна посещала и уроки музыки. Со временем она достаточно хорошо научилась играть на фортепьяно. Многие говорили, что не хуже, чем ее старшие сестры.

Когда с 1908 года учитель английского языка мистер Гиббс, который учил старших цесаревен, стал заниматься и с Марией Николаевной, то и он отмечал, что, в отличие от старших сестер с непростыми характерами, младшая была покладистой и приятной девочкой. Цесаревна показывала учителю свои рисунки, и он восхищался ее явными способностями к живописи.

А. А. Вырубова так описывала цесаревну в детском возрасте: «Великая княжна Мария была толстенькой девочкой с большими сияющими, как

светильники, глазами и полными губами. Она была доброй и послушной, но, как и ее младшая сестра Анастасия, была бойкой и резвой девочкой. Ее несчастье было в том, что она была слишком молода, чтобы быть в обществе старших сестер, и недостаточно мала, чтобы играть с двумя младшими членами семьи».

Когда в Царской семье на свет появилась еще одна дочь — Анастасия Николаевна, то со временем их стали называть «младшей парой». Мария Николаевна и Анастасия Николаевна жили в одной комнате, потом стали вместе учиться в одном классе. Но они были настолько разными по характеру и темпераменту, что такой близости и взаимопонимания, как у старших сестер, у них не получалось. Немного медлительная, от природы чрезвычайно добрая Мария Николаевна оказывалась в зависимости от непоседливой, яркой, шустрой, стремительной Анастасии Николаевны, которой всегда было мало общения только с одной сестрой. А с рождением цесаревича, чем старше он становился, тем чаще именно Алексей Николаевич оказывался другом и союзником для Анастасии Николаевны в ее проказах.

Мария Николаевна иногда в семье чувствовала себя одиноко, но это никак не отражалось на ее удивительно милом и спокойном характере, ее доброта оставалась лучшим лекарством от детских обид. Она могла вспыхнуть, обидеться, но стоило человеку повиниться, сказать ласковое слово, и цесаревна снова любила его бесконечно, сразу все простив. Сестры и брат, по общему мнению, пользовались широтой ее души и не всегда ценили ее открытое сердце. Пухленькая, иногда неуклюжая, временами неловкая — родные, случалось, беззлобно, но подсмеивались над ней. И Мария Николаевна смеялась над собой вместе с ними. Покорно выносила, что сестры и брат могли ее называть «толстой Мари», «наш добрый толстый Туту», или по-русски «тютя», или просто «Машкой». От природы крепкая, сильная физически, выносливая, казалось, цесаревна обладала и мудрой простотой богатырей. Она как будто не замечала обидных прозвищ или делала вид, что не замечает. Хотя даже любящий ее отец, оставляя ей милые записки, в шутку подписывал их: «Толстой Мари». Однако, несмотря на это, няня мисс Игер в своих воспоминаниях писала, что ей казалось, что император любит именно Марию Николаевну больше других дочерей, из-за искренней, бесконечной привязанности к нему цесаревны.

Добротой Марии Николаевны, ее готовностью помочь другим даже себе во вред часто пользовались сестры. А. А. Вырубова вспоминала, что когда цесаревне было 11 лет произошла следующая история: «...По

просьбе Ольги, в 1910 году Мария написала матери письмо, в котором просила выделить для сестры отдельную комнату и удлинить платье. На тот момент Ольге было 14 лет, длинное платье было атрибутом совершеннолетия и полагалось не ранее, чем с 16 лет. Об отдельной комнате речи не шло изначально. Когда Аликс спрашивала девочек о письме, Мария взяла всю ответственность на себя, признав идею написать письмо своей инициативой». Понятно, что это была неправда, но Мария Николаевна защищала старшую сестру, которой грозило наказание, и готова была пострадать вместо нее.

Так как Мария Николаевна практически постоянно находилась вместе с Анастасией Николаевной, делила с ней одну спальню и одну классную комнату, то в проказах младшей сестры она тоже часто участвовала. Фрейлины вспоминали, что в Александровском дворце над любимой гостиней Государыни находилась комната младших княжон, которые постоянно устраивали страшный шум. То они на полную громкость включали патефон и с грохотом и визгом бегали по своей комнате, то принимались играть в теннис — ракетками колотили мяч, отскакивавший от стен, разнося то, что вокруг висело и стояло. Александра Федоровна, принимавшая у себя в гостиной важных персон, наносивших ей визиты, часто была вынуждена посылать кого-нибудь из фрейлин, чтобы успокоить младших дочерей, потому что из-за шума не могла спокойно беседовать с гостями.

Однако проказничала Мария Николаевна только в компании с младшей сестрой, попадая под ее влияние. Фрейлина баронесса С. К. Буксгевден вспоминала об этом: «Машка», как называли ее сестры, была в полном подчинении у младшей сестры, Анастасии Николаевны, которую все называли не иначе как «швибз».

Сама же от природы Мария Николаевна была милой и простодушной. И вела себя с окружающими совсем не как царская дочь, никакой гордости и надменности в ее поведении никто никогда не замечал. Со слугами и служащими во дворце она часто здоровалась за руку, а с горничными и нянями при встрече могла расцеловаться. Если кто-то из слуг что-то ронял, цесаревна спешила помочь, помогала поднять то, что упало. Окружающие Царскую семью люди ценили доброту Марии Николаевны.

Цесаревна очень любила животных, особенно своего сиамского котенка. Позже ей подарили белую мышку, которая жила в их общей с Анастасией Николаевной комнате.

Остались воспоминания о том, что цесаревне нравилось знакомиться с солдатами, которые охраняли дворец, разговаривать с ними. Она помнила

их имена, знала, кто откуда родом и какая у кого семья. Солдаты, видя ее неподдельный интерес к своим судьбам, рассказывали цесаревне о своих родителях, о женах и детях, о своем хозяйстве. Мария Николаевна помнила этих людей, здоровалась с ними по именам, а когда ее знакомые были в карауле, приходила с ними поговорить.

Если говорить о внешности подрастающей цесаревны, то, к примеру, цвет глаз Марии Николаевны, по воспоминаниям близких Царской семье людей, понять невозможно. Потому что кто-то из них писал, что глаза у нее были «темно-синими», другие говорили о «серо-синих» глазах, а вот по версии Пьера Жильяра они вообще были «серыми». А одна из европейских родственниц императрицы описывала Марию Николаевну как настоящую красавицу «с очень большими, огромными голубыми глазами». В остальном описания внешности цесаревны в разных воспоминаниях совпадают: великая княжна была настоящей славянкой, как говорят «кровь с молоком», у нее были правильные черты лица, целая копна волнистых каштановых волос, но особенно все обращали внимание на ее соболиные брови и большие глаза с длинными ресницами, которые родные называли «Мариины блюдца». И чем старше цесаревна становилась, тем больше расцветала, превращаясь в настоящую красавицу.

Учитель французского языка и воспитатель цесаревича Пьер Жильяр так описывал великую княжну на пороге юности: «Мария Николаевна была красавицей, крупной для своего возраста. Она блистала яркими красками и здоровьем; у нее были большие чудные серые глаза. Вкусы ее были очень скромны; она была воплощенной сердечностью и добротой; сестры, может быть, немного этим пользовались и называли ее «добрый толстый Туту»; это прозвище ей дали за ее добродушие и немного мешковатую услужливость».

У великой княжны Марии Николаевны с детства все отмечали очень сильное женское начало. Эта удивительная женственность проявлялась и в нежном внимании к людям, и в любви к маленьким детям, и в особой чуткости и доброте. Цесаревна обожала малышей, готова была бесконечно нянчиться с ними. Еще маленькой девочкой она сказала няне мисс Игер, что очень бы хотела, когда вырастет, выйти замуж за простого солдата и иметь двадцать детей. Вот такая заветная мечта оказалась у дочери царя — не стать правительницей, не купаться в роскоши, не получать от жизни удовольствия, а выйти замуж за простого человека и воспитывать много детей.

Два года подряд (1909 и 1910) Царская семья навещала своих родственников в Англии и Германии, путешествуя на поездах или на яхте.

В одну из поездок у Марии Николаевны случилась серьезная травма — слуга в поезде слишком поспешно захлопнул дверцу вагона, повредив юной великой княжне правую руку. Но несмотря на неприятное происшествие цесаревна путешествию была очень рада.

Красота и женственность в сочетании с искренней душевностью и отзывчивостью достаточно рано стали привлекать к цесаревне представителей противоположного пола. В 1910 году Царская семья провела целый месяц в Гессене на родине императрицы. В это время туда съехалась вся семья Александры Федоровны, сестры и брат с детьми. Приехала и сестра императрицы Виктория, вышедшая замуж за натурализованного в Англии принца Луиса (Людвига) Баттенберга. С собой в Германию она привезла сыновей. Ее младшего сына Луиса, который был на год младше Марии Николаевны (ей на тот момент исполнилось 11 лет), совершенно очаровала его русская кузина. Позже он вспоминал: «Я был просто помешан на Марии, был твердо намерен жениться на ней. Она была просто восхитительна». Больше никогда Луис не видел Марию Николаевну, но до конца жизни помнил о ней, куда бы ни забрасывала его судьба, у него на столе или на каминной полке всегда стояла фотография русской кузины.

Уже будучи немолодым человеком, боевой адмирал флота (герой Второй мировой войны, получивший за успехи в сражениях титул графа Бирманского) и известный политик (последний вице-король Индии, много сделавший для обретения ею независимости), любимый дядя супруга нынешней английской королевы — принца Филиппа Эдинбургского, отец двух дочерей лорд Луис Маунтбетген говорил, что никогда не забывал свою детскую любовь — великую княжну Марию Николаевну: «Я храню ее фотографию в своей спальне — и всегда хранил». И так было до самой смерти лорда Маунтбетгена: в 1979 году во время отдыха в Ирландии он стал жертвой ирландских террористов. Известно, что лорд принимал активное участие в разоблачении самозванцев, появлявшихся в Европе, которые выдавали себя за «чудесным образом спасшихся Романовых».

В начале ноября 1910 года Августейшая семья вернулась в Царское Село. Цесаревны подрастали. Изредка Государь брал с собой в театр или на концерты младших цесаревен, что становилось для них настоящим праздником. Так, в начале 1911 года император привез всех своих пятерых детей в Мариинский театр на балет «Спящая красавица». Появление в зале всех царских детей вызвало живейший интерес публики, в Санкт-Петербурге потом долго обсуждали их наряды и восхищались их красотой. Одна из присутствовавших на спектакле дам вспоминала, что у Марии Николаевны в руках была коробочка конфет в серебристой обложке, как и у

Анастасии Николаевны, в отличие от старших сестер, которые в руках держали небольшие букеты цветов.

Зимний сезон 1910/11 года получился для всех царских детей необычно наполненным событиями. Долгие прогулки в парке, катание на огромной горке, которую специально для них построили недалеко от Александровского дворца, поездки к родственникам в Санкт-Петербург, где для них устраивали застолья и развлечения, посещение театра, концертов, цирка. Такой интересной жизнь великих княжон до этого еще никогда не была.

Юность

Обыденная жизнь великой княжны Марии Николаевны, как и любого человека, складывалась из множества составляющих. Какую одежду носила цесаревна, какая у нее была обувь, кто был ее парикмахером, делали юной девушке маникюр или нет — все это можно узнать, будто вернуть время более чем на сто лет назад, благодаря сохранившимся счетам с расходами на гардероб и другие нужды. В этих бумагах подробно указано на что, когда и сколько денег было потрачено.

У великой княжны была маникюрша, которая следила за состоянием ногтей цесаревны. Ее звали мадам Кюне, и, судя по фамилии, скорее всего, она была француженкой. Парикмахер у Марии Николаевны был тот же, что и у императрицы: Анри Жозеф Делакура. Любопытно, что для ремонта и чистки кружев нанимали специальную мастерицу: кружева для Марии Николаевны приводила в порядок Элис Гиссер, возможно, англичанка. Отдельно оплачивались счета за визиты к цесаревне стоматолога — американского доктора Генри Уоллисона, у которого была собственная клиника на набережной реки Мойки.

Разные мелочи — булавки, ленты, расчески, носовые платки, кружева, косметику, мыло, духи — для Марии Николаевны покупали в Санкт-Петербурге в магазине парфюмерной фирмы «Брокер и К⁰». Цесаревна очень любила духи, но в отличие от сестер, у каждой из которых была своя любимая марка, предпочитала экспериментировать, часто покупая новые. Лили Ден писала по этому поводу так: «Мария Николаевна то и дело меняла духи, но очень часто останавливалась в конечном счете на «Сирени».

Практически половину обуви для цесаревны заказывали в мастерской Генри Вайса, которая находилась на Невском проспекте. Обувь делали на заказ, по мерке, и на подошве каждой пары обязательно стояла надпись «Поставщик Двора Ее Императорского Величества Императрицы России». Всего же, к примеру, за 1909–1910 годы для великой княжны было куплено 32 пары обуви. Это были кожаные туфельки-лодочки различных цветов, в том числе лакированные, сандалии, ботинки, полусапожки, галоши, валенки.

Шелковые и шерстяные чулки для цесаревны поставляла модная в то время фирма «Мэзон Энглэз», магазин которой располагался на Невском проспекте. Купальные костюмы и шапочки для купания закупались в

магазине Дальберга. Шляпы для Марии Николаевны, как, скорее всего, и для всех цесаревен и самой императрицы, присылал из Лондона из модного магазина на Гайд-Парк-корнер «Шляпник Ее Величества Королевы и всех королевских домов Европы» Роберт Хит. Дорогие платья для особых случаев с детства великой княжне Марии Николаевне, как и всем дамам и девушкам Императорской фамилии, а также фрейлинам шил знаменитый в Петербурге Модный дом Альбера Бризака, который держал модный салон на Невском проспекте. Шестьдесят его сотрудников создавали наряды по последней французской моде, дам высшего света обшивала в основном супруга главы Модного дома.

Повседневную одежду для всех цесаревен шил дамский портной Павел Китаев. Он же обновлял и перешивал старые вещи старших княжон для младших, поскольку Александра Федоровна считала, что детей нужно воспитывать в строгости, не баловать излишней роскошью. Поэтому все царские дети, и Мария Николаевна тоже, безропотно донашивали вещи старших сестер и свою старую одежду, которую постоянно обновляли, меняя истертые подкладки на новые, удлиняя юбки и рукава, расширяя проймы. Конечно, на праздничных нарядах не экономили, а вот на ежедневную одежду лишних денег Государыня не тратила.

Одиннадцатилетней Марии Николаевне за год портной Китаев сшил четыре разных костюма, три из них были обыкновенные недорогие (два синих и один серый), и только четвертый с воротником из норки оказался достаточно роскошным. Еще один старый костюм цесаревны он обновил, сделав новую подкладку и увеличив проймы. Плюс для Марии Николаевны перешили и обновили поношенный костюм Ольги Николаевны. Портному пришлось удлинить несколько старых юбок цесаревны и увеличить на них пояса, а также удлинить рукава на жакетах, из которых Мария Николаевна выросла. Костюм для верховой езды Марии Николаевне достался от старшей сестры, его для нее тоже перешивали. И даже старую куртку цесаревне починили, а не купили новую. За весь год из демисезонной одежды Марии Николаевне сшили всего одно недорогое пальто из льняной ткани ручной работы.

Чтобы представить себе, сколько именно денег тратилось для обеспечения всем необходимым великой княжны Марии Николаевны, нужно сказать, что за 1909–1910 годы все расходы составили 6307 рублей. Достаточно внушительная сумма по тем временам. Если пересчитать эти деньги на наш современный рубль, получится чуть больше 9,5 миллиона рублей.

Великой княжне Марии Николаевне, как и всем царским детям,

выдавали немного карманных денег, как правило, она тратила их на разные приятные мелочи или покупала небольшие подарки близким.

Чем старше становилась великая княжна Мария Николаевна, тем чаще она задумывалась о своем отношении с сестрами. Старшие Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна всегда были вместе, как лучшие подруги, они любили друг друга и отлично ладили. Младшие сестры подругами для них не стали, они их любили, но настоящей душевной близости между ними не сложилось. Взрослеющей Марии Николаевне нередко приходилось оставаться одной. Она с болью переживала свое вынужденное одиночество, ей начинало казаться, что ее совсем никто не любит. В такие моменты для цесаревны становилась спасительной материнская любовь. Как и со всеми дочерьми, часто болевшая и загруженная множеством дел Александра Федоровна общалась с Марией Николаевной с помощью писем или записок.

Остается только догадываться, какое печальное и обиженное на весь мир письмо написала цесаревна матери, когда в ответ Александра Федоровна бросилась ее утешать и говорить о своей к ней любви: «Моя дорогая Машенька! Твое письмо меня очень опечалило. Милое дитя, ты должна пообещать мне никогда впредь не думать, что тебя никто не любит. Как в твою голову пришла такая необычная мысль? Быстро прогони ее оттуда. Мы все очень нежно любим тебя, и только когда ты чересчур расшалишься, раскапризничаешься и не слушаешься, тебя бранят; но бранить — не значит не любить. Наоборот, это делают для того, чтобы ты могла исправить свои недостатки и стать лучше!

Ты обычно держишься в стороне от других, думаешь, что ты им мешаешь, и остаешься одна с Триной вместо того, чтобы быть с ними. Они воображают, что ты не хочешь с ними быть. Сейчас ты становишься большой девочкой — и тебе лучше следовало бы быть больше с ними.

Ну, не думай больше об этом и помни, что ты точно так же нам дорога, как и остальные четверо, и что мы любим тебя всем сердцем.

Да благословит тебя Бог, дорогое дитя. Нежно тебя целую.

Очень тебя любящая старая Мама».

Переписка с матерью оставалась для Марии Николаевны источником утешения и радости. Но цесаревне, как и всякой девушке, нужна была подруга ее возраста. На какое-то время она сблизилась с кузиной — княжной императорской крови Ириной Александровной, которая была ее двоюродной сестрой: дочерью тетки — великой княгини Ксении Александровны. Однако кузина была на 4 года старше Марии Николаевны и настоящей равной дружбы у них не получилось. К тому же Александра

Федоровна не слишком приветствовала эти отношения, так как считала, что сближение с Ириной Александровной могло только отдалить Марию Николаевну от своих родных сестер. Впрочем, эта дружба и так не продлилась долго. У княжны Ирины Александровны, достигнувшей совершеннолетия, вскоре резко изменился образ жизни. Она стала часто посещать светские мероприятия, и уже в 1913 году состоялась ее помолвка с князем Феликсом Феликсовичем Юсуповым.

Повзрослевшая Мария Николаевна мало изменилась, оставалась такой же доброй, милой, но иногда подростковый характер проявлялся даже у нее. В одном из писем Александра Федоровна жаловалась Государю на Марию Николаевну, что в иные дни спокойная обычно цесаревна нервничала и кричала на окружающих. Но это было скорее исключение. Чем старше становилась великая княжна, тем легче она переносила одиночество, возможно даже находя в нем свою прелесть. Так на яхте «Штандарт», где остальные сестры веселились от души, Мария Николаевна, по воспоминаниям одного из офицеров экипажа, любила уединиться с книгой и пачкой сладкого печенья и могла часами оставаться одна.

И всегда особым утешением и ценностью для цесаревны были письма от матери: «Мария, дитя мое, ну не будь такой дикой, обязательно слушайся старших сестер, и не простужайся. Я надеюсь, что ты отлично проведешь время на яхте. Спи спокойно. Благословение от твоей старушки — мамы». В ответ на материнскую любовь письма цесаревны к Государыне полны искренней нежности. Так, 14 декабря 1912 года болевшая ангиной Мария Николаевна писала: «Моя дорогая мамочка, я так благодарна тебе за твое милое письмо! Мне очень жаль, что твое сердце по-прежнему болит. Я надеюсь, что твоя простуда уже проходит. Моя температура сейчас 37,1, и мое горло болит меньше, чем вчера. Так жаль, что не увижу тебя сегодня, но, конечно, тебе лучше отдохнуть. 1000 поцелуев от твоей любящей Марии». В это время Мария Николаевна часто писала матери; необходимость выговориться, поделиться сокровенным, зная, что ее откровения будут приняты с пониманием, приводила к тому, что великая княжна, не получив ответа от государыни, вновь отправляла ей письма. Но, в конце концов, всегда получала утешительный, ласковый ответ, Государыня писала: «Дорогая Мария, с любовью благодарю тебя за несколько твоих писем». Однако ранимой Марии Николаевне все же время от времени снова начинало казаться, что близкие обделяют ее любовью. И даже обожаемая мама ближе к другим своим детям, чем к ней, и уж точно особенно внимательно заботится о младшей дочери — Анастасии. Но

Государыня вновь и вновь утешала и воспитывала обиженную на родных дочь: «Старайся всегда быть хорошей и послушной маленькой девочкой, тогда все будут любить тебя. У меня с Анастасией нет никаких секретов, я не люблю секреты. Да благословит тебя Бог. Много поцелуев от твоей мамы».

Для доброй, открытой, готовой помочь каждому Марии Николаевны естественной и органичной была вера в Бога. Она часто писала матери о молитвах, о том, как важно для нее Причастие, о желании посетить храм. Ее религиозные чувства всегда оставались чистыми и искренними. Когда императорская чета уезжала по делам из Царского Села и если в эти дни отсутствовали во дворце старшие цесаревны, то перед сном вместе с цесаревичем молилась Мария Николаевна или обе младшие цесаревны. Эти молитвы с младшим братом становились для Марии Николаевны особенными, столько души она в них вкладывала. Однажды она написала Государыне после такого вечера: «Знаешь, это очень странно, но, когда я вышла из комнаты Алексея после молитвы, у меня было такое чувство, как будто я пришла с исповеди... такое приятное, небесное ощущение».

Год 1912-й стал для великой княжны Марии Николаевны определенным рубежом, ей исполнилось 13 лет, по традиции, как до этого и старших дочерей, Государь назначил цесаревну шефом одного из полков русской армии, который с этого времени стал именоваться 9-м драгунским Ее Императорского Высочества великой княжны Марии Николаевны полком. Цесаревна была счастлива, наконец-то у нее, как и у старших сестер, появился свой собственный полк. Для великой княжны сшили новую с иголочки форму, которая юной красавице необыкновенно шла. Императрица на военные формы для дочерей денег не жалела, эти костюмы были достаточно дорогие. Мария Николаевна гордилась своим полком и с этого момента свои письма отцу стала подписывать: «Твоя Казанша». В одном из писем Государю цесаревна цитировала телеграмму, которую ей прислали из полка, и понятно сколько гордости и радости принесли великой княжне добрые слова солдат и офицеров: «Мой душка Папа милый! Только что получила из полка телеграмму. «В день полкового праздника Казанские Императорского Высочества драгуны, вознося молитвы о драгоценном здравии своего обожаемого Шефа, всепреданнейше повергают свои поздравления и возглашают здравицу верховному вождю Государю Императору и своему Августейшему Шефу». Сейчас пойду пить чай, а потом к обедне. Буду молиться за Тебя и за свой полк в особенности...»

Остались описания одного случая, произошедшего во время поездки

Царской семьи по России в 1913 году, приуроченной к празднованию 300-летия Дома Романовых. Священник игумен Серафим рассказал, как во время посещения императором монастырей Владимирской епархии великая княжна Мария Николаевна заметила, что вдалеке от приветствовавших и чествовавших Государя людей сидит в кресле старая, больная схимонахиня. Печальную инокиню оставили одну, в стороне от всеобщего праздника. Во время официальных церемоний в храме Мария Николаевна попросила Государя подойти к старой схимонахине, чтобы утешить ее. Игумен Серафим так описал то, что последовало дальше: «Кончился молебен. Государь пошел из храма, но неожиданно для всех сворачивает с дороги в сторону и подходит к больной схимонахине, которая от нечаянной радости заплакала. Государь поговорил с больной, ободрил и просил от нее благословения и молитв... По примеру отца поступили и дети. Старица от духовного восторга умильно плакала слезами радости; виновница сего Мария Николаевна торжествовала, что имела возможность порадовать больную страдальцу скорбей беспросветных. Так эта юная Царевна с жизнерадостным лицом и любвеобильным сердцем всюду вносила радость, мир и утешение, являясь для всех ангелом утешения». История с монахиней подтверждает мнение близко знавших цесаревну людей, которые говорили о ее необыкновенно добром сердце. Среди пышного торжества только человек с истинно отзывчивой душой мог заметить забытую всеми старушку, пожалеть ее и попробовать утешить.

Великой княжне Марии Николаевне в 1913 году исполнилось 14 лет. Ее день рождения прошел обычно, как все подобные праздники у царских детей, он начался православной службой в честь именинницы. В этот день — 14 июня — Царская семья находилась на яхте, молебен прошел прямо на палубе. Больше никаких особых празднеств не было. Государь в этот день записал в дневнике: «Мари минуло 14 лет. Простоял дивный день. Покатался в байдарке, сделав наоборот вчерашнюю прогулку. Все командиры приехали с букетами для Мари. В 12 ч. на юте был отслужен молебен. Скоро после завтрака съехали на берег и начали с увлечением играть в теннис». Букеты цветов цесаревне подарили командиры кораблей и катеров, охранявших яхту Царской семьи.

Подарком ко дню рождения для Марии Николаевны стало то, что ее, как и Анастасию Николаевну, переселили в новую каюту на яхте «Штандарт». Государь так писал об этом в своем дневнике: «Теперь Мария и Анастасия помещены по правому борту рядом со мною, а дамы внизу». Переезд в новые каюты рядом с родителями и старшими сестрами, подальше от гувернанток и нянь, означал для младших цесаревен

признание их взросления. И конечно, очень обрадовал Марию Николаевну, которая действительно из пухленькой неловкой девочки на глазах превращалась в очаровательную немного томную девушку. А. А. Вырубова так писала об этих изменениях в облике великой княжны: «В раннем возрасте она была очень шумной и неуклюжей, но к 14 годам заметно похорошела».

После недолгого отдыха — традиционного путешествия весной и в начале лета на яхте к финским берегам, начались трудные и напряженные почти два летних месяца с юбилейными торжествами 300-летия Дома Романовых, после которых Царская семья с 7 августа отправилась отдыхать в Ливадию. Обычно из года в год отдых в Крыму для Августейшей семьи планировали на начало осени, так как Государыня плохо переносила южную жару и предпочитала проводить лето на Нижней даче в Петергофе. Нов 1913 году эту традицию изменили, и уже в начале августа Царская семья отправилась отдыхать на юг. Беззаботная жизнь проходила в путешествиях по окрестным горам, купаниях, недолгих прогулках на яхте, веселых вечерах с танцами, которые давали для светской молодежи отдыхавшие в Крыму родовитые семьи, казалась юным цесаревнам сказкой.

Расцветающая настоящей русской красотой Мария Николаевна, статная, румяная, в то лето стала привлекать особенное внимание молодых офицеров и отпрысков знатных семей России. Одна из фрейлин вспоминала, что не раз видела цесаревну окруженной толпой влюбленных в нее молодых людей.

Именно летом 1913 года великая княжна Мария Николаевна обратила внимание на молодого морского офицера Николая Дмитриевича Деменкова, который накануне получил назначение в 3-й дивизион Черноморской минной дивизии, где в июле 1913 года занял должность флаг-офицера. Дивизион, которым командовал капитан 1-го ранга князь В. В. Трубецкой, получил приказ охранять прибывшую в Крым Царскую семью.

Мичман Деменков командовал катерами, непосредственно охранявшими покой Царской семьи в Ливадии. Если кто-то из членов Августейшей семьи отправлялся поплавать в море или катался на байдарке, с катеров за ними внимательно наблюдали. Но морякам было предписано вести себя аккуратно, ненавязчиво, не подавая вида, что они занимаются охраной. И все же иногда командирам судов, сопровождавшим императорскую яхту «Штандарт», приходилось получать распоряжения лично от Государя. Однажды и Николаю Деменкову пришлось посетить для получения распоряжений «Штандарт», когда на нем отдыхала вся Царская

семья.

Николай Дмитриевич в своих воспоминаниях описал, как он впервые увидел цесаревен: «Когда я сошел с трапа, я увидел следующую картину, которую никогда не смогу забыть... Великие княжны, заливаясь веселым смехом, играли в одну из обычных своих игр с офицерами яхты... Не успел я оправиться от смущения и приложить руку к головному убору для поклона, как вдруг игра была на несколько мгновений прервана, — заметившие меня великие княжны сердечно и ласково меня приветствовали. Трогательной, задушевной простотой веяло от этих приветствий... Впоследствии судьбе угодно было предоставить мне счастье не раз быть свидетелем этой чарующей непосредственной простоты — одной из характернейших черт Государевых детей».

Крупный, полноватый, иногда застенчивый, но старательный и добрый мичман с самого начала понравился Марии Николаевне, которая, может быть, увидела в нем родственную душу, однако постепенно он стал симпатичен и остальным цесаревнам, цесаревичу, Государыне и даже Государю.

Н. Д. Деменков происходил из старинного дворянского рода, многие из его предков выбирали именно морскую службу. Хотя первое упоминание рода Деменковых относится к XVII веку в совсем не морской Курской губернии. Николай Дмитриевич родился 1 сентября 1885 года и был на 14 лет старше юной цесаревны. Когда они познакомились, ему было 28 лет, а Марии Николаевне — всего 14. В 1910 году он окончил Морской корпус и поступил на службу в Черноморский флотский экипаж. В 1912 году ходил в заграничное плавание на мореходной канонерской лодке «Кубанец», прекрасно проявив себя в этом походе.

С одной стороны, Николай Дмитриевич был человеком воспитанным, хорошо образованным, скромным, с другой — веселым, находчивым, обладавшим актерскими способностями — он прекрасно рассказывал разные истории и анекдоты.

Постепенно между Царской семьей и командиром катеров, которые ее охраняли, стали складываться добрые отношения. Сначала цесаревичу очень захотелось посмотреть катер, который он постоянно видел у берега напротив дворца. В итоге посетить катер захотели вместе с братом и отцом все цесаревны. Великие княжны взяли с собой побольше конфет и с удовольствием угощали ими весь экипаж. Цесаревичу очень захотелось покомандовать катером, а добрый Деменков не смог отказать мальчику. Алексей Николаевич получил море удовольствия, представляя себя заправским капитаном. И хотя мичман в рубке находился все время рядом с

цесаревичем, поэтому ничего не угрожало судну, экипажу и его пассажирам, но кто-то доложил командиру дивизиона о нарушении. И Деменков чуть было не получил строгое взыскание. Однако Царская семья вступилась за него, особенно защищал мичмана цесаревич.

Деменков был человеком веселым, находчивым, любил хорошую еду, прекрасно разбирался в кухне и напитках, умел организовывать праздники. И когда император выразил желание посетить Алушту, то выбрал не привычную яхту, а миноносец. В штабе дивизиона случилась легкая паника. Государь должен был пообедать на корабле, но офицеры не представляли, что ест на обед император, какую и как нужно подавать ему еду. В результате поручили организацию праздничного банкета Н. Д. Деменкову. Он отлично справился, выбрал изысканные блюда и подобрал к ним отличные вина. Но... Государь, когда приблизилось время застолья, вдруг (возможно, из лучших соображений, чтобы никого не утруждать) попросил простой офицерский обед и пива. Старшие офицеры были в ужасе, им показалось невозможным отказать царю, но пива на борту не было. Судно находилось в открытом море, послать за пивом на берег было уже невозможно, не оставалось времени. Тем более что все продукты сначала проверяла специальная служба охраны. По легенде, всех выручил Николай Дмитриевич, он вспомнил, что на одном из сопровождающих судов есть пиво, которое и доставили по его приказу в пакете для секретных документов.

Неизвестно почему, может быть, мичман понравился императору или попросила об этом Мария Николаевна, которая не скрывала своей симпатии к офицеру, но Николая Дмитриевича списали на берег — перевели в полк, который занимался исключительно охраной Царской семьи. Однако уже лейтенант Деменков не только служил в охране царя, но и стал одним из офицеров, принимавших участие в проведении досуга великих княжон. Он сопровождал цесаревен на прогулках, играл с ними в теннис. В результате их невинная дружба с Марией Николаевной постепенно только крепла.

Николай Дмитриевич вспоминал один очень трогательный случай на теннисном корте, когда у него оторвалась пуговица на воротнике, цесаревна от всей души ему помогла: «Ее Высочество великая княжна Мария Николаевна, заметив мое невольное смущение, со свойственной всей Царской семье чарующей простотой соизволила подойти ко мне и предложить воспользоваться ее платком, который, как сейчас помню, был белого цвета с синей каймой и соответствовал бело-синим платьям их высочеств в тот день. Обвязав этот платок бантом вокруг моей шеи, Ее Высочество соизволила тотчас же обратить на это внимание Государя

императора».

После возвращения в Царское Село Августейшей семьи туда же перевели служить и Н. Д. Деменкова. Чему от всей души радовалась Мария Николаевна, в одном из писем она написала об этом Государю, который в ответ написал дочери: «Рад за тебя, что Н.Д. остался в Царском Селе, но этим он потерял свою службу на «Работнике». Остальные цесаревны подтрунивали над влюбленностью сестры в Деменкова. Но добродушная Мария Николаевна не обращала внимания на их колкости и на то, что ее избранника они между собой называли «толстый Деменков». В одном из писем Анастасия Николаевна писала: «Мария была в восторге, потому что когда мы уезжали из церкви, то там стоял толстый Деменьков». Ольга Николаевна упоминала в своем дневнике: «Назавтра Аня приглашает к себе пить чай [...] Виктора Эрастовича, Деменкова и всех нас. Мария, само собой, на седьмом небе от счастья! Николай Д. стоит на часах. Мария громко шумит и отчаянно вопит с балкона».

На чай к А. А. Вырубовой, когда у нее были в гостях цесаревны, всегда звали несколько их самых близких друзей-офицеров. И как бы ни менялся состав приглашенных на чай друзей великих княжон, для Марии Николаевны всегда звали только одного Николая Дмитриевича. Постепенно к этому привыкла вся Царская семья. И даже Александра Федоровна упоминала об этом в письмах Государю: «...Все пойдут к Ане, у которой будут два казака и друг Марии», «...там было двое раненых приятелей детей и Мариин толстяк». Постепенно цесаревны привыкли к доброму и искреннему Деменкову, и со временем тон упоминаний о нем в их записках менялся, Ольга Николаевна с симпатией вспоминала: «Николай Дмитриевич был очень смешной, он распоряжался всеми играми, а под конец рассказал два анекдота».

Мария Николаевна с ее искренностью и не думала скрывать свои чувства к милому Николаю Дмитриевичу. Когда он был в карауле у Александровского дворца, счастливая цесаревна обязательно его находила и все свободное время старалась оставаться рядом с ним. В такие дни она с радостью записывала в дневнике: «Гуляли очень удачно. Н.Д. был дежурный и мы с ним мило беседовали через окно». И не скрывала разочарования, если не удавалось его увидеть: «Деменькова, конечно, моего душки, не было». Иногда ее наивное желание почаще видеть своего друга доходило до смешного, так в одном из писем отцу Мария Николаевна писала: «Вчера Воейков был в церкви и издали был немного похож на Николая Дмитриевича, такая свинья, как он смеет». Перед глазами возникает картина: как радовалась цесаревна, увидев в церкви Деменкова,

и как была расстроена, поняв, что это другой человек.

В это же время цесаревна начинает подписывать свои письма отцу: «госпожа Деменкова». Государь не относился серьезно к увлечению дочери, считая, что она еще ребенок. Однако ребенком Марию Николаевну, наверное, в это время считали уже только Августейшие родители. Когда в середине марта 1914 года в Россию с официальным визитом прибыла Румынская королевская семья с тайным намерением устроить брак принца Румынии Кароля и великой княжны Ольги Николаевны, то, по воспоминаниям фрейлин и подруг Александры Федоровны, молодые люди не понравились друг другу. Принцу приглянулась другая дочь императора России — великая княжна Мария Николаевна. А. А. Вырубова вспоминала, что «юношеские мечты» принца Кароля «занимала Мари». Когда Царская семья с ответным визитом летом 1914 года посетила Румынию, принц вновь больше внимания уделял Марии Николаевне.

Да и как же можно было не влюбиться в настоящую русскую красавицу великую княжну Марию Николаевну, которая, по мнению многих современников, чем старше становилась, тем очаровательнее. Лили Ден писала о ней: «Великая княжна была поразительно красива, будучи наделена типично романовской внешностью: темно-синие глаза, опущенные длинными ресницами, копна темно-каштановых волос...»

Фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден восхищалась красотой цесаревны: «Цветом волос и чертами лица Мария Николаевна была похожа на Ольгу Николаевну, но младшая сестра казалась более яркой и живой. У нее была та же чарующая улыбка, та же форма лица, но ее прекрасные глаза — «Мариины блюдца», как их называли ее кузины, — были глубокого синего цвета».

Война

В день, когда Германия объявила войну России (19 июля 1914 года) и началась Первая мировая война, Царская семья молилась в храме, прося у Господа помощи и защиты, надеясь, что немцы, выдвинувшие ультиматум, все же согласятся решить все вопросы мирным путем. Когда императорская чета и их дети просили Бога о сохранении мира, немецкий посол в Санкт-Петербурге граф Фридрих Пурталес уже готовился вручить ноту об объявлении войны.

Страшная новость о начале войны с Германией потрясла цесаревен. Мария Николаевна, как и ее сестры, горько плакала. Несмотря на то что великой княжне было в тот момент только 15 лет, цесаревна прекрасно понимала, что ее жизнь теперь изменится. Но не о себе волновалась юная цесаревна — главные ее переживания были связаны с родителями, которых ждали трудные времена.

С начала войны вся Царская семья оказалась загружена таким множеством дел, что и младшим великим княжнам пришлось быстро повзрослеть. Особенно это касалось Марии Николаевны.

Близко знавшие цесаревну люди отмечали, что великая княжна, несмотря на свой юный возраст, отличалась достаточно серьезным характером. Лили Ден писала о Марии Николаевне: «Она была не такой живой, как ее сестры, но зато имела твердые убеждения. Она всегда знала, чего хочет и зачем». И Государыня понимала, уезжая по делам из Царского Села вместе со старшими дочерьми, что она может положиться на свою третью дочь. Именно Марии Николаевне она доверяла следить за младшими — Анастасией Николаевной и Алексеем Николаевичем. Ей Государыня из поездок присылала письма с различными поручениями, касающимися лазаретов Царского Села и бывших в них на излечении раненых. В госпитали были превращены все возможные здания и даже Большой Екатерининский дворец.

Находясь по делам в Москве, Государыня писала дочери 3 декабря 1914 года, как обычно давая различные поручения: «Дорогая Мария, пожалуйста, раздай всем офицерам в Большом дворце эти образа от меня. Разверни их. Если будет слишком много, то остаток отдай мне обратно. Потом, я посылаю хлеб — освященную просфору и неосвященную; они должны это разогреть и съесть. Я также посылаю образа для наших раненых офицеров, но я не знаю, сколько их у нас лежит, и некоторые не

православные. Лишние передай офицерам в вашем госпитале...» В другом письме перед отъездом в госпитали в тыловых городах с инспекцией императрица пишет дочери, напоминая ей о важных делах: «Моя дорогая Мария, ты прочитаешь это, когда мы уедем. Очень печально оставлять вас, троих малышей, и я буду постоянно о вас думать. Ты в этой группе старшая и поэтому должна хорошо присматривать за младшими — я никогда не оставляла Беби на двое суток. Ходи в госпиталь... и в Большой дворец навещать раненых. [...] Когда вы утром встанете, напиши, как у вас троих дела, и вечером — о том, как вы провели день. В воскресенье, с утра пораньше — в церковь».

С начала войны две младшие цесаревны по утрам продолжали посещать уроки, занимаясь по своей обычной учебной программе. Во второй половине дня они отправлялись в госпиталь, в котором работали сестрами милосердия Государыня и две старшие цесаревны. Младшие помогали раненым, чем могли: писали письма, развлекали разговорами, по мелочам выполняли поручения сестер милосердия. Государыня брала с собой младших дочерей, когда со старшими цесаревнами отправлялась помогать медицинскому персоналу в госпиталь в Екатерининском дворце, который они называли «большим», это действительно был достаточно крупный лазарет, в отличие от небольшого Дворцового госпиталя, позже в 1916 году переименованного в Собственный Ее Величества лазарет № 3.

Санитарные поезда, которые привозили раненых с фронта в лазареты Царского Села, носили имена членов Императорской фамилии. Были именные поезда и у всех царских детей, в том числе и великой княжны Марии Николаевны. Когда санитарный поезд ее имени прибывал в Царское Село, цесаревна старалась отправиться на вокзал встречать его вместе с матерью или с кем-то из старших сестер.

Со временем в Петрограде и Царском Селе появилось несколько госпиталей, которым покровительствовала великая княжна Мария Николаевна. Она поддерживала лазарет, созданный служащими Министерства Императорского Двора и уделов. В Петрограде несколько госпиталей носили имя цесаревны: лазарет чинов Нерчинского округа Кабинета Его Величества, лазарет Невского судостроительного и механического заводов и лазарет товарищества «Доктор Пель и сыновья». Имена обеих младших великих княжон присвоили сразу двум госпиталям: Петроградскому лазарету ведомства путей сообщения и лазарету № 17 при Федоровском соборе в Царском Селе. Последний открылся 28 августа 1914 года в двух шагах от Александровского дворца в так называемом Федоровском городке и стал для младших цесаревен родным. Федоровский

городок начали строить в 1913 году как дополнение к Федоровскому собору. Здания возводили в новгородском стиле древнерусской архитектуры. Состоял городок из пяти строений, которые были окружены невысокой крепостной стеной с башнями. Два здания были отведены для солдатского лазарета и одно для офицерского. После уроков Мария Николаевна и Анастасия Николаевна приходили к раненым в «свой лазарет». В Царской семье этот лазарет все считали как бы принадлежащим младшим цесаревнам, не только потому, что он носил их имена, но и из-за их постоянной заботы об этом госпитале. По воспоминаниям фрейлин императрицы, в годы войны самым страшным наказанием для Марии Николаевны и ее младшей сестры был запрет Государыни посещать их госпиталь. Младшие цесаревны готовы были вести себя примерно, чтобы иметь возможность помогать раненым в своем госпитале.

Мария Николаевна очень гордилась работой в Федоровском лазарете. Сначала младшие цесаревны в основном развлекали выздоравливающих солдат и офицеров, играли с ними в настольные игры, в карты, просто беседовали. Постепенно они взяли на себя обязанности читать неграмотным солдатам письма, писать под диктовку ответы. По воспоминаниям близких Царской семье людей, для младших цесаревен Государыня устроила домашние курсы санитарок. И со временем они смогли в своем госпитале работать санитарками. Это было непростое дело. Особенно тяжело юные цесаревны переживали, когда умирал кто-то из раненых, за которым они ухаживали. С печалью писала Мария Николаевна отцу в Ставку: «У нас сейчас постоянно идут заупокойные службы». В другом письме цесаревна подробно описывала, как зимой она с сестрами в сопровождении фрейлин посещала кладбище, чтобы положить цветы на могилы двух умерших в их госпитале солдат: «...Сбоку дороги снег был навален большой кучей, так что я с трудом на коленях влезла на нее и прыгнула вниз. Там снег оказался выше колен, и хотя на мне были большие сапоги, я была уже мокрая, так что я решила все равно идти дальше. Я тут же неподалеку нашла одну могилу с именем Мищенко, как звали нашего раненого; я положила туда цветы и пошла дальше, вдруг вижу опять ту же фамилию, я посмотрела на доску, какого он полка, и оказалось, что это был наш раненый, а совсем не тот. Ну, я ему положила цветы и только успела отойти, как упала на спину и так провалялась, почти минуту не зная, как встать, так как столько было снега, что я никак не могла достать рукой до земли, чтобы упереться...»

Сохранились воспоминания двух раненых офицеров о лечении в лазарете Федоровского городка. В 1916 году осенью в этот госпиталь с

тяжелым ранением ноги попал Феликс Дассель, ротмистр 9-го драгунского Казанского полка, шефом которого была великая княжна Мария Николаевна. Лазарет показался ему симпатичным, совсем не похожим на медицинское учреждение, понравилась ему маленькая уютная палата, в которую его положили. После сурового быта войны офицера как-то особо умилило белоснежное белье, которым была застелена кровать. В день, когда Дассель попал в госпиталь, как обычно вечером, туда пришли обе младшие цесаревны и навестили его. Он достаточно подробно описывал разговор с великой княжной Марией Николаевной, которая спросила его, не очень ли он страдает от боли. Дассель оставил такое описание внешности цесаревны: «Мария, покровительница нашего полка, коренастая, с круглым открытым лицом, хорошими ясными глазами, несколько робкая». Вскоре офицер почувствовал себя хуже, начал бредить, его срочно прооперировали. Какое-то время он находился без сознания, и как ему рассказали сестры милосердия, все это время Мария Николаевна и Анастасия Николаевна звонили в лазарет, чтобы узнать, как он себя чувствует. Когда офицер наконец-то пришел в себя, то увидел на тумбочке у кровати букет роз, которые принесли для него цесаревны. А когда он начал выздоравливать, то великие княжны навещали его раз или два в неделю. Офицер вспоминал, что Мария Николаевна во время этих посещений оставалась «немного застенчивой». А когда озорная Анастасия Николаевна начинала вести себя несдержанно, слишком игриво, Мария Николаевна останавливала ее укоризненным, строгим взглядом. Запомнил офицер, насколько серьезной была Мария Николаевна, с какой озабоченностью она говорила о войне, о голоде в городах и о людях, которые не знают, живы ли их отцы или братья на фронте. Обе цесаревны сфотографировались с выздоровевшим Феликсом Дасселем перед выпиской. Он навсегда запомнил, как гордились юные великие княжны своим госпиталем. В иммиграции Дассель вспоминал, что после выздоровления он не сразу уехал из Царского Села и Александра Федоровна несколько раз просила его сопровождать младших цесаревен во время их поездок в Петроград.

Описал свои впечатления от лечения в Федоровском лазарете и подпоручик Михаил Геращенко из лейб-гвардии Кексгольмского полка. Подпоручик был тяжело ранен и провел в госпитале больше года. Он вспоминал, что «девочки приходили каждый день, если только вели себя хорошо». Его слова подтверждают: Государыня, чтобы наказать дочерей за плохое поведение, запрещала им посещать лазарет. Геращенко описывал, с каким сочувствием цесаревны ухаживали за одним раненым солдатом, у которого осталась пуля в голове, и он потерял

память. Помогая несчастному преодолеть амнезию, они терпеливо часами сидели с ним, беседуя, пытаясь помочь ему вернуть память. Подпоручик вспоминал, как любили раненые царских детей за их доброту и душевность. А цесаревны искренне интересовались жизнью людей, с которыми сталкивала их судьба. Михаил Геращеневский писал об этом так: «Они просили нас рассказать им о жизни людей из внешнего мира. Они называли это «жизнь снаружи» — все, что не в замке, и слушали внимательно, боясь пропустить хоть слово». И делал вывод: «Они ничем не отличались от обычных детей».

Будни в госпитале были трудными, для раненых полными боли и страданий. Чтобы скрасить жизнь больных, цесаревны иногда устраивали в лазарете концерты, в которых иногда даже сами принимали участие, но в основном выступали приглашенные артисты. С организацией таких приятных мероприятий Марии Николаевне с удовольствием помогал Н. Д. Деменков, с которым цесаревна продолжала поддерживать самые теплые отношения. Великая княжна писала отцу в Ставку: «Концерт в нашем госпитале прошел с большим успехом. Де ла Зари [Имеется в виду Иван Константинович де Лазари — актер, режиссер, гитарист. — И. О.] был очень мил и рассказал множество забавных историй. Дама, одетая в сарафан, танцевала русскую (она очень волновалась при этом). Мой Деменков был просто душкой и представил нам всех актеров».

Государь большую часть времени был в отъездах. Как и все царские дети, Мария Николаевна постоянно писала отцу письма на фронт. Она очень скучала по любимому «Папа», все три года войны ее письма отцу были пронизаны волнением о нем и необыкновенной искренностью, с которой она рассказывала обо всех событиях в своей жизни. «Милый мой душка Папа! [...] Мы были у всенощной и я много за тебя молилась», — пишет с нежностью цесаревна. Письмо свое она подписывает очень ласково: «Крепко целую тебя, мой собственный душка. Любящая тебя ужас как твоя собственная Мария». И приписка, в которой видна глубокая тоска по любимому отцу: «Будущий раз непременно возьми меня; а то я сама впрыгну в поезд, потому что мне без тебя скучно. Спи хорошо».

В письмах Мария Николаевна подробно рассказывает о своей жизни, наполненной посещениями госпиталей и заботами о раненых: «Завтракали одни, потом поехали в поезд с ранеными. Были у Ани и с ней пили чай. Оттуда поехали в Дворцовый Большой лазарет, Мама, Ольга и Татьяна пошли на перевязки. Аня и я пошли по всем палатам, где лежали солдаты, и почти с каждым говорили. Потом Мама, Аня и я поехали домой, так как у Мама был прием сестер милосердия, которые уезжают на войну. После того

мы поехали в маленький лазарет, где лежит твой стрелок. Там Мама с сестрами опять перевязывали, и мы с Анастасией пошли к офицерам...» (письмо от 21 сентября 1914 года).

Письмо от 25 октября 1914 года: «Днем были в 4-х лазаретах в Павловске с Мама и тетей Маврой [При Дворе Маврой называли великую княгиню Елизавету Маврикиевну, супругу великого князя Константина Константиновича. — И. О.] и видели казака, который был ранен саксонской свиньей (то есть их шталмейстером) [Имеется в виду Роберт Юльевич Минкельде (1858–1934), заведующий шталмейстерской частью Двора великого князя. — И. О.]... Мы еще сегодня были на освящении лазарета в Сводном полку. Он находится в том доме, где была раньше церковь. В той комнате теперь устроена столовая, и там же был молебен...»

Письмо от 26 ноября 1914 года: «Я каждый день ходила к себе в лазарет. С последним поездом приехали довольно тяжело раненные. И один к нам приехал с разорванною губой...»

Жизнь у юной цесаревны, исходя из того, как она описывала ее в посланиях отцу, была достаточно суровой, и только изредка у великой княжны появлялось немного времени на отдых или развлечения. И так все годы войны — когда Марии Николаевне было сначала в 1914 году 15 лет, а в 1916 году исполнилось 17. Эти обычно самые радостные для девушек годы цесаревна проводила в лазаретах среди искалеченных фронтовиков, страдавших, а то и умиравших у нее на глазах. «Были сегодня у нас в лазарете, там много тяжело раненных в голову и один в живот» (письмо от 23 октября 1914 года). «Сейчас пойду с Анастасией к нам в лазарет, а потом в склад. Мама поехала с сестрами в Петроград. У Татьяны там будет комитет, а Мама пойдет в свой склад» (24 октября 1914 года). Нигде в письмах нет и намек на то, что цесаревна чем-то недовольна или устала. Долг дочери царя — помогать стране во время войны, помощь раненым — это для Марии Николаевны главное дело.

Год 1916-й: великой княжне Марии Николаевне 17 лет, она всеми уважаемая дочь императора Всероссийского. Цесаревна еще не знает, что это последний год в ее жизни, когда она свободна и может мечтать о будущем. Кажется, впереди у нее долгая и радостная жизнь, а главная проблема (как и у всех граждан России) — это война с Германией, но стоит ей закончиться и снова наступит счастье.

В дневнике 1916 года цесаревна немногословна, как и обычно. В каждой записи десяток предложений: перечисления событий и имена людей, с которыми она встречалась в течение дня, названия населенных пунктов, время, место действия — в основном сухие факты. Только иногда

великая княжна эмоционально упоминает какие-то яркие события или людей, которые чем-то произвели на нее впечатление, но и эти более экспрессивные слова укладываются в два-три предложения. Искренности и эмоциональности, которыми искрятся письма цесаревны, в дневнике нет. Однако именно дневник последнего перед революцией года дает возможность всмотреться в повседневную жизнь Марии Николаевны. Как бы шаг за шагом понять, конечно, из-за войны непростое для царской дочери время, но спокойное и размеренное.

Зимние месяцы 1916 года — январь и февраль — цесаревна по утрам ежедневно училась, кроме воскресенья, когда обязательно посещала церковь. Практически все записи в будние дни начинались словами: «Утром были уроки». А во второй половине дня — в основном с младшей сестрой цесаревна отправлялась в госпиталь в Федоровском городке: «Были в нашем лазарете» — эти слова повторяются каждый день.

Когда Государь находился в Царском Селе, его присутствие вносило разнообразие в жизнь цесаревны, как и всех царских детей. Вот 27 января цесаревна радостно записывает, что все дети «поехали с Папой в Петроград в Зимний Дворец в лазарет на 450 нижних чинов. Пили чай у бабушки с д[ядей] Мими [Так в Царской семье называли младшего брата Государя — великого князя Михаила Александровича. — И. О.]». Государь, несмотря на занятость, бывая дома, находил время для детей: так Мария Николаевна писала 9 февраля, что «клеила с Папой альбом», часто в записях есть упоминание о том, что вечером «Папа читал». Государь постоянно читал вслух детям книги.

В феврале рядом с Александровским дворцом к удовольствию царских детей начинают строить снежную башню. В дневнике цесаревны об этом много записей: «Днем с Папой и матросами строили башню» (20 февраля), «Гуляли и башню строили с Папой и [флигель-адъютантом полковником Анатолием Александровичем] Мордвиновым» (21 февраля), «Гуляла с Папой строили и прыгали с башни» (22 февраля). Упоминания о башне повторяются до середины марта, потом их сменяют слова: «Кололи с Папой лед».

Для выздоравливающих солдат и офицеров в лазаретах Царского Села устраивали концерты, это была большая радость и для царских детей. Мария Николаевна обязательно упоминала в дневнике об этих праздниках: «Была с А. в нашем лазарете на концерте. Были Морфеси [Юрий Спиридонович Морфесси — русский эстрадный и оперный певец. — И. О.] и еще играли на гитаре Саша Макаров и Де Лазари. Один играл на гармошке» (5 февраля), «Были... в лазарете на концерте «Иванов Павел» и

фокусники» (20 марта). Из зимних развлечений цесаревна часто писала о катании на тройках: «Катались с Настенькой [Фрейлиной графиней Анастасией Васильевной Гендриковой. — И. О.] в тройке» (3 января, 1 февраля), «Катались с Изой [Фрейлиной баронессой Софьей Карловной Буксгевден. — И. О.] в тройке» (9 февраля, 27 февраля). Еще одним развлечением был домашний кинотеатр: «Был английский кинематограф» (21 февраля).

Оба зимних месяца Государыня себя плохо чувствовала, много времени по настоянию врачей проводила в постели, каждый день Мария Николаевна повторяла в дневнике одни и те же слова: «Мама лежала весь день в постели», «Завтракали с Папой и Мамой на кушетке».

Великая княжна вместе со всеми следила за событиями на фронте, 3 февраля она радостно писала: «Наши взяли Эрзерум». Пять дней русские войска вели бой с турками за крепость Эрзерум, и в этом героическом сражении победили. Вся Царская семья радовалась и гордилась этим торжеством русской армии.

С наступлением весны Государь стал еще чаще уезжать на фронт. Мария Николаевна обязательно записывала в дневнике, когда уезжает отец и когда возвращается: «Проводили Папу» (2 марта). Весна принесла в жизнь Царской семьи разнообразие, поднимала настроение. В начале апреля празднично встретили Пасху: «Были с Мамой на выносе Плащаницы» (8 апреля), «Были с Мамой в церкви» (9 апреля), «Были с Мамой на Христосовании» (10 апреля). К середине апреля установилась хорошая погода. 16 апреля цесаревна писала: «Первый раз ходили на шлюпках, я на байдарке». «Катались с Папой и А. на велосипеде, а О[льгой] и Т[атьяной] на маленьком моторе» (18 апреля), и на следующий день (19 апреля) снова дети долго оставались в парке: «Гуляли с Папой, а потом катались на шлюпках». С 22 апреля в Царском Селе установилась уже практически летняя погода, теперь Царская семья пила чай под открытым небом, Мария Николаевна каждый день отмечала, что «пили чай на балконе». Все свободное время дети проводили в парке на свежем воздухе.

Государь ненадолго возвращался к семье в Царское Село и вновь уезжал на фронт, Мария Николаевна снова и снова отмечала его отъезды в дневнике: «Проводили Папу. Поехал в Ставку в Могилев» (24 апреля). К 6 мая Государыня с детьми приехала в Могилев, чтобы поздравить Государя с днем рождения. Этот день Мария Николаевна описывала так: «Были с Папой и Мамой в Церкви. Были поздравления. За завтраком сидела с д. Кириллом и Игорем. Днем гуляли с Папой по рельсам. Пили чай в поезде.

Ездили все в кинематограф. За обедом сидела с д. Сергеем и д. Борисом. Вернулись в поезд». Описание этого события оставил также генерал А. И. Спиридович: «После торжественной службы, где была вся семья и великие князья Кирилл и Борис Владимировичи и Сергей Михайлович, состоялось принесение поздравления Его Величеству. В зале дворца, спиною к окнам, стояли Их Величества, цесаревич, великие княжны. Все в ряд. Государыня и княжны в белых платьях и белых шляпах с перьями. Свита официально. Мы подходили один за другим. «Счастье имею поздравить Ваше Императорское Величество», произнес я. «Благодарю Вас», ответил Государь и подал руку. Затем поцелуй руки Ее Величества, поклон наследнику, который подал руку, и поцелуй ручек у великих княжон. Государь, как всегда в подобных случаях, смотрел ласково и улыбался».

Царская семья уехала из Могилева на поезде 7 мая. Поездка предполагала посещения Киева, Винницы, Бендер, Одессы и Севастополя. Это путешествие для Марии Николаевны было очень интересным. К 15 мая Царская семья прибыла в Севастополь, цесаревна писала: «Сидели на палубе и пристани. Были у обедни во Владимирском соборе, потом ездили на панораму. За завтраком сидела с Григоровичем и Ниловым. Ездили в Георгиевский монастырь и по дороге осматривали форты, были еще в церкви Иоанна Воина...» Однако отдых был недолгим, всего неделю. Государыне с детьми нужно было возвращаться в Царское Село, а государю в Ставку.

И снова жизнь Марии Николаевны пошла строго по расписанию: утром — занятия, отдых, прогулка, вечером — посещение лазарета. Интересно, что с июня месяца цесаревна в дневнике перестала называть свою младшую сестру Анастасией или А., а упоминала ее под прозвищем «Швыбз», иногда называя ее более ласково «Швыбзиком»: «Пила чай с Швыбзом и те же катались на гамаке» (29 июня). В июне — июле младшие цесаревны стали чаще бывать в лазарете у своих старших сестер. В дневнике Мария Николаевна часто писала: «Были у сестер в лазарете. Играли в крокет и ДБ» (ДБ — это игра на внимание «Добчинский и Бобчинский»). В крокет цесаревны играли вечером во дворе лазарета с выздоравливающими офицерами, чтобы отдохнуть после тяжелого рабочего дня.

В начале июля Государыня с детьми снова уехала в Ставку. 7 июля Мария Николаевна писала: «Приехали в Могилев. Папа и Алексей пришли. Завтракали все вместе. Ездили на моторе на ту сторону Днепра. Пили чай в поезде. Обедали в ставке на балконе. Сидела с д. Сергеем и о. Шавельским. Вернулись в поезд и Папа тоже, потом он вернулся домой и мы легли

спать». Летняя неделя в Могилеве для царских детей была полна радости — они гуляли в полях, собирали цветы, катались на моторной лодке по Днепру, купались. Казаки, охранявшие Царскую семью, всячески старались развлечь детей, цесаревна писала: «Пили чай в лагере сотни конвоя. Все офицеры были. Казаки плясали, пели, представляли и играли в разные игры». Неделя пролетела быстро, и 12 июля пришло время возвращаться домой: «Приехали в поезд, попрощались с Папой, душкой Алексеем и другими и поехали». В описании дороги в поезде есть интересная деталь, обычно Мария Николаевна не писала в дневнике, какую именно книгу читали для них вслух взрослые, писала просто, что читали. И только 12 июля она отметила: «Аня читала Чехова» и 13 июля: «Ольга читала Чехова». Наверное, произведения великого писателя произвели на цесаревну особое впечатление.

Две недели в Царском Селе прошли обычно, буднично. И уже 26 июля Александра Федоровна с дочерьми вновь отправилась в Могилев, где практически с начала лета оставался Государь с наследником. С 28 июля Мария Николаевна начала описывать в дневнике, как они с сестрами проводят время в Могилеве: «Лежали в поле», «Играли с деревенскими детьми в разные игры», «Сидели с детьми и грелись на солнце. Заходили в церковь, прикладывались к Могилевской Божией Матери», «Ходили на моторном катере в верх по Днепру. Гуляли, лежали на солнце и бегали по кустам». Эта беззаботная жизнь в этот раз продолжалась недолго — всего три дня. Главной причиной приезда в Ставку в этот раз был день рождения цесаревича (30 июля). Уже 31 июля Государыня с дочерьми уехала назад в Царское Село. И дальше снова жизнь Марии Николаевны потекла по строгому сценарию, который обязательно включал в себя учебу и посещение лазаретов.

Двадцать первого августа Мария Николаевна вновь радостно записывает в дневнике, что с сестрами и матерью они едут в Смоленск вновь на встречу с папой и братом. И снова записи становятся полны веселых событий: прогулок на катерах по Днепру, обедов, посещения кинематографа. Только в начале сентября Государыня с дочерьми вернулась домой. В сентябре Мария Николаевна в дневнике перечисляет большее количество уроков, чем летом, заниматься ей приходится иногда и после обеда. Появляется запись (15 сентября) об официальном событии, в отсутствие императора политическая жизнь в Царском Селе не останавливалась. «Завтракал у нас японский принц Кан Ин», — отмечала цесаревна. Императрица устроила прием для японского принца, двоюродного брата японского императора.

Любые отступления (даже самые небольшие) от обычной жизни вызывают живой интерес цесаревны. Так, 17 сентября она отмечала: «У нас в лазарете днем же пили шоколад, т. к. именины сестер [милосердия лазарета для раненых воинов № 17] Мальцевой и Адамовой». А 18 сентября: «Катались на моторе кругом Баблова и Павловска. Шел снег». В это время цесаревна с сестрами и Государыней часто отправлялась пить чай к подруге императрицы Анне Александровне Вырубовой. Иногда среди присутствовавших на этих вечерах гостей Мария Николаевна упоминала Григория Распутина, без подробностей, просто имя — «был Григорий». Только 21 сентября цесаревна написала, с кем именно приезжал Распутин: «Обедали с Мамой, те же поехали к Ане, где был Григорий, его жена и монах. Оттуда поехали к сестрам в лазарет». Какое-то время младшие цесаревны не посещали свой лазарет в Федоровском городке, потому что там кто-то заболел — «что-то вроде свинки».

В октябре, к радости Марии Николаевны, Государыня снова решила посетить Ставку, взяв с собой дочерей. И снова жизнь рядом с отцом была полна событий, цесаревна с восторгом записывала: «Были на параде Конвоя первой и второй сотни, в пешем строю», «Ездили с Папой и свитой в лес, где гуляли», «Пошла к Алексею и играла с ним», «Ели пробу 1-ой сотни», «...пели казаки и потом плясали, очень хорошо», «Мы пошли гулять, видели два поезда, а другие варили или жарили картошку». Государь по вечерам находил время и читал для детей вслух: «Папа нам читал рассказы Теффи [Известная писательница, настоящая фамилия — Надежда Александровна Лохвицкая, по мужу Бучинская. — И. О.]».

Ближе к середине октября Царская семья вернулась домой. И Мария Николаевна вновь постоянно стала писать в дневнике об уроках: «Были уроки, немец., франц. и арифметика» (15 октября), «Были уроки. История и батюшка» (2 ноября) и т. д. 20 октября Мария Николаевна отмечает: «Ездили с Папой, Мамой, Ольгой и Татьяной в Петроград в крепость на заупокойную обедню по дедушке». Вскоре после этого Государь с цесаревичем снова уехали в Ставку. Иногда Мария Николаевна, которая по ним скучала, общалась с братом по телефону: «Говорила с Алексеем по телефону в Могилев» (2 ноября).

К середине ноября Государыня с дочерьми снова приехала в Ставку. Опять жизнь цесаревны полна новых впечатлений, уже холодно, больше для царских детей не устраивают прогулок по реке и в полях, но зато можно пройтись по Городскому саду, попробовать непривычную солдатскую еду, играть с местными детьми. Для цесаревны, обожавшей детей, любая возможность проводить время с малышами — радость: «Гуляли с Ник.,

Вас., Ленкой, Олей, Бомосом и др. детьми, потом сидели... Пошли с Тото и Ерушевичем в гости к детям, половина уже спала — пили чай» (19 ноября), «Были в гостях у детей, у Ленки родился брат» (20 ноября). 25 ноября вся Царская семья вернулась домой. Снова в дневнике Марии Николаевны обязательно есть записи о времени, которое она проводит с любимым отцом: «Обедали с Папой, Мамой и Костей. Папа клеил со мной альбом» (25 ноября), «Обедали с Папой, Мамой и Бр. [Петром Николаевичем] Врангелем. Клеила с Папа альбом» (27 ноября), «Клеила с Папой его альбом» (29 ноября).

И вновь печальная запись 2 декабря: «Проводили Папу и Алексея (поехали в Могилев)». Будни Марии Николаевны по-прежнему полны уроков, теперь они постоянно проходят по утрам и во второй половине дня, а вечерами она с младшей сестрой отправляется в лазарет. В декабрьских описаниях того, что происходило в госпитале, появились упоминания, что цесаревна играла с ранеными в шашки, в кости, слушала музыку, включая граммофон.

Семнадцатого декабря цесаревна с тревогой писала в дневнике: «Плохие известия Григорий пропал со вчерашней ночи. Не знают где». 18 декабря: «Нового про Григория ничего не известно, подозревают Дмитрия и Феликса» — то есть великого князя Дмитрия Павловича и князя Ф. Ф. Юсупова-младшего. Наконец запись в дневнике Марии Николаевны от 21 декабря в день похорон Распутина: «Были с Папой и Мамой и др. на похоронах Григория. Похоронили на постройках у Ани. Были уроки история и батюшка. Завтракали с Папой и Мамой. Были с Анастасией в старом лазарете. Гуляли с Папой. Была с Анастасией в новом лазарете и Викт[ор] Эр[астович Зборовский] был. Пили чай с Папой и Мамой около Алексея. Была музыка. Ходили к Ани видели Матрену, Варю [дочерей Григория Распутина] и Акулину. Обедали с Папа, Мамой и Сандро [Великий князь Александр Михайлович]. Аня была. Папа читал».

Наступило Рождество, приближался Новый год. 28 декабря Мария Николаевна писала: «Были с Анастасией в старом лазарете. Митрополит [Петроградский и Ладожский Питирим] приезжал славить Христа. Завтракали с Папой, Мамой, Аней и [помощник дворцового коменданта Павел Павлович] Гротен. Были в Большом Дворце. Гуляли с Папой. Была с Анастасией и Татьяной в новом лазарете на концерте «Вова в отпуску». Была Плевицкая и танцевала Ваганова. Пили чай с Папой и Мамой, обедали те же. Была Аня, клеила альбом с ней и Швыбзом. — Алексей лежал весь день, болит рука, плохо спал». Концерт для раненых, о котором писала Мария Николаевна, состоялся в Трапезной палате Федоровского

городка, и назывался он «Вечер народного искусства». Первой выступала балерина Мариинского театра А. Я. Ваганова, которая исполнила фрагменты из балета «Конек-Горбунок». Затем выступила Надежда Плевицкая, знаменитая исполнительница русских песен и романсов. Выступали также Юрий Морфесси, блестящий исполнитель цыганских романсов, балалаечник Василий Андреев, последним — поэт Сергей Есенин, прочитавший поэму «Микола» и несколько стихотворений из цикла «Маковые побасенки». Публика от концерта была в восторге.

Заканчивался 1916 год, третий год шла война, великая княжна Мария Николаевна, которой исполнилось уже 17 лет, еще в 1915 году достигла совершеннолетия, но подаренные ей родителями драгоценности лежали, ожидая лучших времен. Так и не состоялся бал, как было принято, в честь совершеннолетней цесаревны. Во время войны все праздники Царской семьей были отменены до наступления мирного времени.

В последний день 1916 года Мария Николаевна писала: «Была с Анастасией в старом и новом лазаретах, играла в бильярд с Котовым и с Толстым. Завтракали и обедали с Папой, Мамой и Ники. Гуляла с Папой, Ольгой и Татьяной. Была с Татьяной, Анастасией и Настенькой в школе нянь на елке. Пили чай с Папой и Мамой. Были с Папой у Всенощной. Гадали с Аней, точили воск и чистили скорлупу. Пили чай. Пошли с Папой и Мамой на молебен в домовую церковь». Утром следующего дня цесаревна проснулась в 1917 году.

В дневнике великой княжны Марии Николаевны события описаны кратко и строго, в них не отражены переживания и душевные терзания юной цесаревны, в отличие от ее писем Государю. Искренняя любовь Марии Николаевны к отцу, которую отмечали окружающие с ее самого раннего детства, переросла в настоящую дружбу между ними. В то редкое родство душ между детьми и родителями, когда они полностью доверяют друг другу и дети не скрывают свои сердечные тайны. В письмах отцу великая княжна пишет о том, о чем только догадывались сестры и окружающие Царскую семью люди — о своих чувствах к Николаю Дмитриевичу Деменкову.

На самом деле только благодаря письмам и дневникам Царской семьи, воспоминаниям современников, близких к трону, стало известно о чувствах Марии Николаевны к Николаю Дмитриевичу, об их дружбе и редких невинных встречах, прогулках и разговорах. Великая княжна вынуждена была очень аккуратно общаться с Деменковым, чтобы не дать повода к сплетням: вокруг было много недоброжелателей, которые при малейшей ее оплошности могли дурно говорить обо всей Царской семье. В одном из

писем отцу Мария Николаевна с грустью пишет, что только издалека видела Николая Дмитриевича, когда с младшей сестрой шла в «свой госпиталь». Рядом с ним были сослуживцы, и цесаревны вынужденно спрятались, чтобы не попасть в трудную ситуацию, чтобы лишний раз посторонние люди не увидели Марию Николаевну рядом с Деменковым. Однако цесаревна и ее друг по-прежнему изредка встречались на посиделках за чаем у А. А. Вырубовой или в церкви на службах. 2 февраля 1916 года великая княжна с грустью писала отцу: «Я уверена, что Николай Дмитриевич пойдет в верхнюю церковь, потому что меня не будет, и я заранее сержусь. Я его уже не видела более трех недель».

Несмотря на все трудности, молодые люди иногда виделись в госпитале, потому что Собственный Его Величества Сводный пехотный полк, в котором служил Николай Дмитриевич, был расквартирован рядом с лазаретом младших великих княжон в Федоровском городке. И Деменков приходил в госпиталь, если цесаревнам нужна была какая-то помощь. Однако и этим редким встречам пришел конец, когда в феврале стало известно, что офицер возвращается на флот и уходит на войну. В начале марта Николай Дмитриевич простился со всеми близкими ему людьми в Царском Селе. 9 марта 1916 года Мария Николаевна писала отцу: «Николай Дмитриевич прощался с Мамой. До этого они вечером в 7 часов устроили ему проводы в полку, кончили только в 5 утра, так что Ресин выглядел довольно грустно и, уходя из комнаты, чуть не перевернул вазу с цветами, и голос его тоже не был красив. Но сам Н. Д. был совсем мил. С тех пор я его больше не видела да и не надеюсь больше». И сколько горькой печали в этих словах — «...и не надеюсь больше». Цесаревна будто чувствовала, что прощается с дорогим ей человеком навсегда. И вот уже 14 марта новое письмо отцу начиналось с главной для цесаревны новости: «Золотой мой Папа! Ну вот, Николай Дмитриевич ехал в субботу. Я с ним говорила по телефону. Он страшно радовался ехать. Помнишь, я ему рубашку шила, ну, я его спросила, и он сказал, что она ему совсем хороша». Эту рубашку Деменков будет хранить всю жизнь и перед смертью (в эмиграции) передаст ее в музей. После отъезда Николай Дмитриевич регулярно писал письма Марии Николаевне, сообщал свои новости, присылал фотографии. И даже после ареста Царской семьи он находил возможность изредка связываться с ней через общих друзей.

В 1916 году семнадцатилетняя Мария Николаевна превратилась в редкую красавицу. Вот как в это время описывала великую княжну С. Я. Офросимова: «Ее смело можно назвать русской красавицей. Высокая, полная, с соболиными бровями, с ярким румянцем на открытом русском

лице, она особенно мила русскому сердцу. Смотришь на нее и невольно представляешь ее одетой в русский боярский сарафан; вокруг ее рук чудятся белоснежные кисейные рукава, на высоко вздымающейся груди — самоцветные камни, а над высоким белым челом — кокошник с самокатным жемчугом. Ее глаза освещают все лицо особенным, лучистым блеском; они... по временам кажутся черными, длинные ресницы бросают тень на яркий румянец ее нежных щек. Она весела и жива, но еще не проснулась для жизни; в ней, верно, таятся необъятные силы настоящей русской женщины».

Арест. Ссылка. Расстрел

В начале 1917 года в Россию с официальным визитом прибыл наследный принц Румынии Кароль. Его визит был связан со вступлением в войну Румынии на стороне России. Император писал в своем дневнике 8 января 1917 года: «После обедни поехал встречать Кароля — наследного принца Румынского — и привез его домой. Он завтракал с нами. Приняли его свиту; затем долго разговаривал с ним и с председателем Сов[ета] министров Братиано».

В честь приезда румынского принца Кароля в Александровском дворце был дан торжественный обед. Одна из фрейлин императрицы вспоминала, что радостные цесаревны, не избалованные праздниками, накануне целый день готовились к этому событию, примеряя все свои самые лучшие наряды. Однако великая княжна Мария Николаевна так располнела, что многие платья стали для нее слишком малы. И все-таки в результате вечернее платье для нее смогли подобрать. Юная Мария Николаевна была просто очаровательна в нежно-голубом платье. Несмотря на полноту, цесаревна казалась грациозной в туфлях на высоких каблуках. Украшали ее наряд драгоценности, которые цесаревне подарили родители на совершеннолетие еще в 1915 году, но на официальное мероприятие она надевала их впервые. Это был первый и единственный «выход в свет» совершеннолетней великой княжны Марии Николаевны.

Цесаревна, не имевшая привычки ходить на каблуках, при входе в зал поскользнулась и упала на одного из гостей, но не смутилась собственной неловкости, а хохотала до слез. Однако, несмотря на это нарушавшее этикет происшествие, принц Кароль, который не обратил внимания на неловкость великой княжны, в тот вечер (по мнению окружающих) все равно уделял больше всего внимания именно Марии Николаевне. Фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден писала в своих мемуарах: «Мария выглядела очень мило в своем бледно-голубом платье, в бриллиантах, которые родители дарили каждой из своих дочерей на шестнадцатилетие».

По непроверенным сведениям, принц Кароль перед отъездом хотел сделать официальное предложение руки и сердца именно великой княжне Марии Николаевне. И даже говорил об этом с императором, прося у него руки его третьей дочери. Однако Государь только «добродушно посмеялся над этим предложением принца», сказав, что его дочь «пока просто школьница, и не более». По словам А. А. Вырубовой, так же отреагировала

на предложение принца и Александра Федоровна. Анна Александровна написала в своих воспоминаниях: «Когда теперешний король (тогда еще принц) Румынии приехал просить руки великой княжны Ольги, он влюбился в Марию. Однако императрица не хотела и слышать о браке, она говорила, что Мария еще не переросла своей детской». О влюбленности принца писала и другая подруга Государыни — Лили Ден, рассказывая, почему расстроилась возможная свадьба наследника Румынского престола и великой княжны Ольги Николаевны: «Однако Ее Высочество не любила наследного принца, да и тому больше нравилась великая княжна Мария Николаевна, поэтому помолвка не состоялась». Как относилась сама Мария Николаевна к Румынскому принцу, не известно. Возможно, она даже не знала о его чувствах. Ее жизнь в это время была по-прежнему заполнена уроками, редкими прогулками (потому что зима в 1917 году выдалась холодной — температура в январе опускалась до -38 градусов) и посещениями госпиталей.

К концу февраля заболел корью цесаревич, затем старшие цесаревны, вслед за которыми слегла и Анастасия Николаевна. Здоровой оставалась только Мария Николаевна, которая, по словам Государыни, стала в эти дни ее основной поддержкой и опорой.

Лили Ден, которая специально приехала в Александровский дворец, чтобы помочь Александре Федоровне в трудное для нее время, когда в столице бушевали беспорядки, перестали приходить телеграммы от императора, тяжело болели дети, позже вспоминала: «Когда я впервые познакомилась с великой княжной Марией Николаевной, она была еще совсем ребенком, но во время революции мы привязались друг к другу и почти все время проводили вместе. Девочка была просто золото, обладала недюжинной внутренней силой, но до наступления тех кошмарных дней я даже не подозревала, насколько она самоотверженна». Александра Федоровна в это время пишет Государю: «Наши четверо больных мучаются по-прежнему — только Мария на ногах, спокойна, но помощница моя худеет, не показывая всего, что чувствует».

Двадцать седьмого февраля к Александровскому дворцу направились взбунтовавшиеся солдаты Царскосельского гарнизона. А. Вырубова писала о той страшной ночи: «Никогда не забуду ночь, когда немногие верные полки (Сводный, конвой Его Величества, Гвардейский экипаж и артиллерия) окружили дворец, так как бунтующие солдаты с пулеметами, грозя все разнести, толпами шли по улицам ко дворцу». Однако, по воспоминаниям Пьера Жильяра и других очевидцев тех событий, — ни о каких полках, готовых отдать жизнь за Царскую семью, речь не шла.

Защищать императрицу с детьми люди пришли по собственной инициативе, скорее вопреки приказам командиров, в большинстве перешедших на сторону Временного правительства.

Угроза расправы над Царской семьей была реальной, выстрелы раздавались у ворот дворца, в пятистах метрах убили часового. Жильяр вспоминал те страшные вечер и ночь: «Вечером, около 9 часов, ко мне входит баронесса Буксгевден. Она только что узнала, что царскосельский гарнизон взбунтовался и на улицах стреляют. Надо предупредить императрицу, которая находится у великих княжон. Как раз в эту минуту она выходит в коридор, и баронесса ставит ее в известность о том, что происходит. Мы подходим к окнам и видим, как [командир Сводного пехотного полка] генерал Ресин с двумя ротами Сводного полка занимает позицию перед дворцом. Я замечаю также матросов Гвардейского экипажа и конвойцев. Ограда парка занята усиленными караулами, которые находятся в полной боевой готовности».

Парк вокруг Александровского дворца был завален снегом, мороз стоял -37 градусов. Верные императору солдаты и офицеры начали ставить палатки, чтобы хоть как-то согреться. В 10 часов вечера императрица вместе с великой княжной Марией Николаевной пошли к ним, чтобы их поддержать. Баронесса Буксгевден вспоминала: «Было темно, только снег блестел, и свет отражался от начищенных винтовок. Войска были выстроены в боевом порядке в дворцовом парке, первая шеренга, изготовившая к стрельбе с колена, другие сзади, стоя, винтовки у всех были подняты и изготовлены к бою. Фигуры императрицы и ее дочери как тени переходили от одной линии к другой, а позади призрачной громадой возвышался белоснежный дворец, и беспорядочная стрельба слышалась все ближе». Все приближенные, добровольно согласившиеся разделить судьбу Царской семьи, не покинувшие Государыню с детьми в опасности, смотрели из окон, как Александра Федоровна с дочерью обходят строй не изменивших присяге военных. Лили Ден вспоминала, что глядя в окно, видела, что императрица с дочерью «прошли, как темные тени, от одной шеренги к другой». Государыня настояла, чтобы солдаты и офицеры грелись во дворце. И очень просила защитников сделать всё, чтобы кровопролития не было, просила остановить безумие, не допустить, «чтобы из-за нас пролилась чья-то кровь». А. А. Вырубова писала в мемуарах: «Они переходили от одного солдата к другому, величественная, статная женщина и храбрая юная девушка, глядя прямо в лицо смертельной опасности, находя для каждого слова ободрения, и что было особенно дорого — слова простого доверия и надежды». По воспоминаниям

очевидцев, императрица с цесаревной оставались на улице с защитниками дворца до 12 часов ночи.

Мария Николаевна в тот день уже чувствовала недомогание, корь настигала и ее, но она не стала говорить об этом любимой матери, не могла позволить ей уйти к солдатам и офицерам одной, без поддержки. Жильяр вспоминал: «Она к тому же была жертвой своего самоотвержения. Эта 17-летняя девушка без счета расходовала свои силы в дни революции. Она была самой твердой опорой матери... она неосторожно вышла на воздух вместе с Государыней, чтобы говорить с солдатами, подвергаясь холоду в то время, как уже чувствовала первые приступы заболевания». Пьер Жильяр позже написал: «Императрица была вне себя от ужаса при мысли, что кровь прольется на ее глазах, и вышла с Марией Николаевной к солдатам, чтобы побудить их сохранять спокойствие. Она умоляла, чтобы вступили в переговоры с мятежниками. Наступает решающая минута. Тревога сжимает все сердца. Неосторожность может вызвать рукопашную схватку и резню. С обеих сторон выступают офицеры, и начинаются переговоры. Слова их бывших начальников и решимость тех, которые остались верны долгу, действуют на мятежников. Возбуждение понемногу падает, и наконец решают установить нейтральную зону между обеими сторонами».

Александра Федоровна в это время попросила своих верных фрейлин, остававшихся с Царской семьей, спать ночью одетыми, так как не исключала, что при возможном штурме дворца всем его обитателям придется спасаться бегством. Баронесса С. К. Буксгевден вспоминала, что Государыня ей сказала: «Не снимайте корсет. Никто не знает, что может случиться». Лили Ден долго не могла заснуть, и когда она ночью посмотрела в окно, то увидела, что во дворе солдаты поставили пушку. Верные защитники Царской семьи отстояли дворец, буйная толпа после переговоров с ними — организованными и решительными, готовыми отдать жизнь, но не пропустить бунтовщиков, отступила. На следующий день по приказу Временного правительства осаждавшие Александровский дворец мятежники ушли.

Утром после страшной ночи Александра Федоровна приняла одного из организаторов обороны — близкого Царской семье офицера Собственного Его Величества конвоя Виктора Эрастовича Зборовского, кубанского казака, героя Первой мировой войны (а во Вторую мировую командовавшего 1-м полком Русского корпуса на Балканах). Офицер рассказал ей подробности переговоров с бунтовщиками. Государыня поблагодарила его за верность. Виктор Эрастович позже вспоминал, что

выйдя от императрицы, он встретил великую княжну Марию Николаевну, с которой хорошо был знаком. Они говорили около часа о том, что случилось. Офицер отмечал, что цесаревна сильно изменилась буквально за несколько дней: «в ней ничего не осталось от прежней молодой девушки», это была «серьезная разумная женщина, которая глубоко и вдумчиво реагировала на все, что происходило».

Несколько дней прошли в неизвестности, императрица с детьми ничего не знала о судьбе императора. Из Петрограда приходили тревожные вести, что город захвачен бунтовщиками. 3 марта Мария Николаевна написала письмо отцу, в этот момент она еще не знала об его отречении: «Дорогой и любимый Папа! Я — всегда с тобой в моих мыслях и молитвах. Сестры все еще лежат в темной комнате, и Алексею уже это надоело, и он перешел в игральную — комнату с открытыми окнами. Сегодня мы очищали пули от олова с Жиликом [Прозвище, которое придумал Пьеру Жильяру цесаревич. — И. О.] и были очень довольны. Я провожу почти все дни с Мама, потому что теперь только я одна здорова и могу ходить. Я также сплю с нею в одной комнате, чтобы быть близко на случай, если ей что-то понадобится. Лили Дэн спит в красной гостиной на диване, где спала раньше Ольга. Дорогой, любимый Папа, все мы сердечно тебя обнимаем и целуем. Храни тебя Бог. Твои дети».

Лили Ден писала, что 3 марта они с Марией Николаевной через закрытую дверь слышали разговор Государыни с великим князем Павлом Александровичем об отречении Государя. Слышали, как Павел Александрович практически кричал на императрицу, а она ему отвечала кратко и резко. Лили Ден вспоминала: позже, когда уехал великий князь и ушла к больным детям Государыня, она услышала, что кто-то плачет в одной из комнат первого этажа, и пошла искать этого человека. В одной из комнат в углу она увидела рыдающую Марию Николаевну. Лили Ден с горечью писала: «В одном углу комнаты присела великая княгиня Мария. Она была бледна, как ее мать. Она знала все!.. Она была так молода, так беспомощна, так расстроена». Успокаивая великую княжну, Лили напомнила ей, что она должна держаться ради матери. Мария Николаевна согласилась, что ради мамы она постарается взять себя в руки. И цесаревна сдержала слово, она даже пыталась улыбаться за столом во время ужина и делала вид, что ничего не произошло.

Накануне возвращения Государя (7 марта) Александра Федоровна приняла решение сообщить детям и тем, кто еще не знал об отречении императора, об этом печальном событии. А. А. Вырубовой, которая, как и царские дети, тяжело болела корью, рассказала об отречении отца Мария

Николаевна. Анна Александровна вспоминала, что цесаревна, навестив ее, говорила: «Мама плакала ужасно. Я плакала тоже, но не больше, смогла ради бедной мамы». И добавила, что больше всего боится, чтобы их (детей) не разлучили с матерью, не увезли ее куда-нибудь.

Вечером 7 марта Марии Николаевне стало плохо, ее уложили в постель. У цесаревны началась лихорадка, температура поднялась до 39 градусов. Она повторяла: «О, я так хочу быть на ногах, когда папа придет». Но вскоре ее состояние так ухудшилось, что она потеряла сознание.

Наконец 9 марта Николай II, которого с нетерпением ждали жена и дети, вернулся домой в Царское Село. В это время Мария Николаевна уже была в очень тяжелом состоянии. Почти все время цесаревна была без сознания, только изредка приходила в себя. Температура у нее поднималась выше 40 градусов. Кроме тяжело протекавшей кори у нее началась двухсторонняя пневмония. Александра Федоровна вместе с Лили Ден перенесла цесаревну с обычной ее походной кровати, на которых спали все великие княжны, на большую двуспальную кровать, чтобы легче было за ней ухаживать. Они обе постоянно находились у ее постели. Марию Николаевну обтирали губкой, часто меняли постельное белье, которое становилось мокрым от пота больной. Но при всех стараниях врачей улучшения не наступало. Государь тоже хотел все время находиться рядом с больной дочерью, но назначенный Временным правительством комендантом Александровского дворца штабс-ротмистр П. П. Коцебу запретил. Государыне приходилось покидать дочь, когда ее хотел навестить отец.

При всем старании докторов Марии Николаевне становилось только хуже. Через неделю практически не осталось надежды, что цесаревна сможет выздороветь. Позвали священника, который совершил последнее причастие великой княжны, подготовил ее к переходу в мир иной. Александра Федоровна, осунувшаяся, постаревшая почти все время не отходила от постели дочери. Температура у великой княжны была 40,9 градуса, она с трудом дышала, ее дыхание поддерживали с помощью кислородной подушки. Цесаревна бредила, ей казалось, что солдаты ворвались во дворец, чтобы «убить маму». 18 марта Мария Николаевна попросила привести к ней всех дорогих для нее людей, чтобы она могла с ними проститься. Среди прочих милых ее сердцу близких цесаревна позвала А. А. Вырубову. Но комендант Коцебу заартачился, запретил Анне Александровне покидать ее комнату, угрожая, если она ослушается, сразу ее арестовать. Вся Царская семья уговаривала коменданта разрешить

женщине, на руках у которой выросла цесаревна, проститься с ней. Долго не соглашался несговорчивый охранник дать возможность Анне Александровне обнять умирающую девочку. Наконец он сдался, но сам сопровождал ослабевшую от кори фрейлину, лично отвез Анну Александровну в инвалидном кресле на детскую половину к больной. С болью Вырубова вспоминала тот день: «Коцебу предупредил меня, что если я встану с постели, меня тотчас же уведут. Одну минуту во мне боролись чувства жалости к умирающей Марии Николаевне и страх за себя, но первое взяло верх, я встала, оделась, и Коцебу в кресле повез меня верхним коридором на половину детей, которых я месяц не видала. Радостный крик Алексея Николаевича и старших девочек заставил меня все забыть. Мы кинулись друг к другу, обнимались и плакали. Потом на цыпочках пошли к Марии Николаевне. Она лежала, белая, как полотно; глаза ее, огромные от природы, казались еще больше... Когда она увидела меня, то стала делать попытки приподнять голову и заплакала, повторяя: «Аня, Аня...» Я осталась с ней, пока она не заснула».

Ночью в состоянии Марии Николаевны, к счастью, произошел перелом. Наконец-то температура у нее немного понизилась. Утром 19 марта появилась надежда, что великую княжну докторам удастся спасти. Начиная с 20 марта температура у цесаревны за несколько дней стабилизировалась. Приближалась Пасха, Царской семье разрешили всем вместе, к их радости, с приближенными и слугами присутствовать на праздничных службах в домашнем храме. Мария Николаевна была еще слишком слаба, чтобы идти в церковь, но в Страстную пятницу она исповедовалась у себя в комнате, сидя в кресле. Пасху (2 апреля) цесаревна провела в постели.

Остались воспоминания фрейлины Елизаветы Алексеевны Нарышкиной, которая в пасхальные дни навещала больную Марию Николаевну в ее комнате. Фрейлина вспоминала, что цесаревна сильно похудела, практически была истощена, но казалась «намного красивее, выражение ее лица было грустным и нежным. Можно было видеть, что она сильно настрадалась, и то, что ей пришлось пережить, оставило в ней глубокий след». После страшной болезни у цесаревны начали выпадать волосы, причем неравномерно, облысела половина головы. От прекрасных густых волос великой княжны, которые она любила собирать в толстую красивую косу, ничего не осталось. Позже, в начале лета, все царские дети, после кори имевшие проблемы с волосами, обрили головы наголо. Новые волосы отросли у Марии Николаевны лучше прежних, более густые, к тому же они еще сильнее стали виться.

Практически весь апрель цесаревна оставалась у себя в комнате, медленно набираясь сил. Отец и мать постоянно ее навещали, Государь подолгу сидел у постели больной дочери, рассказывая ей о том, что происходит во дворце и на прогулках в парке, читал ей вслух. Сестры приносили ей букетики первых цветов. Только к 19 апреля температура у Марии Николаевны перестала постоянно подниматься, и доктора перестали беспокоиться за ее жизнь. В тот день Николай II записал в дневнике: «Лучезарный день. В 11 ч. пошли к обедне с Ольгой, Татьяной и Алексеем. Температура у Марии и Анастасии опустилась до нормы, только к вечеру у Марии она несколько поднялась...» Наконец в начале мая Мария Николаевна по-настоящему выздоровела, смогла выходить на прогулки и есть вместе со всей семьей за общим столом. Государь писал в дневнике 5 мая: «От 12 час. до завтрака сидел с Алексеем на уроке из русской истории. Днем погулял с ним и Татьяной. В первый раз все семейство обедало за одним столом — Ольга и Мария последними выздоровели».

После выздоровления Мария Николаевна вновь стала посещать уроки вместе с младшими братом и сестрой. Теперь под арестом их преподавателями стали старшая сестра, доктор, фрейлины и даже родители, из профессиональных преподавателей остался только учитель французского языка Пьер Жильяр. Занятия, прогулки по расписанию, огород в парке, который разрешили устроить рядом с дворцом, вечером рукоделие и чтение вслух — жизнь Царской семьи в заключении в Александровском дворце была однообразной, но достаточно размеренной. Домашний арест во дворце, где каждый уголок знаком и есть возможность много времени проводить в парке, совершать длительные прогулки, а с наступлением теплых дней купаться в пруду и загорать, — делал повседневную жизнь царских детей достаточно сносной, даже удобной.

Постепенно солдаты, охранявшие Царскую семью, растеряли первоначальный задор и перестали строго относиться к арестованным. Многие запреты позабылись, императорская чета вновь смогла находиться в одной комнате без охраны и ночью оставалась в одной спальне. Солдаты, в основном крестьяне, недолго со стороны наблюдали за тем, как Царская семья приступила к обустройству огорода. Тоскующие по работе на земле мужики, не выдержав, начинали копать грядки вместе с Государем и его адъютантами. Мария Николаевна вместе с сестрами и братом с удовольствием помогала взрослым ухаживать за огородом.

С солдатами цесаревна постепенно наладила добрые отношения. Они признавали ее «за свою». Была ли причиной этого ее типично русская внешность, врожденная доброта или настоящий искренний интерес к

судьбе каждого человека, с которым сталкивала ее жизнь, только охрана относилась к цесаревне по-особенному. Мария Николаевна, разговаривавшись с охранником, потом не забывала его имя, помнила, что он рассказывал ей о себе, о своей семье, о своей судьбе. И следующий раз приветствовала его как доброго знакомого. Если кто-то из охранников позволял себе грубость или непристойность, то цесаревна, в отличие от старших сестер, не убегала с негодованием, вспыхнув, а отчитывала солдат за хамство. Объясняла, что это же стыдно так выражаться при молодых девушках. Убеждала, что не должны они себя так вести. И солдаты в ответ даже смущались и готовы были признать, что не правы. Мария Николаевна умела сердцем рассмотреть в любом человеке душу, в ответ люди не могли ее не любить.

Относительно устоявшаяся жизнь арестованных рухнула в один день, когда приехавший во дворец А. Ф. Керенский объявил, что Временное правительство решило в скором времени перевезти Царскую семью в новое место. Приказал собирать вещи и дал совет — взять с собой побольше теплой одежды, не оставив сомнения, что местом ссылки станет не Ливадия, а более холодные края. Вскоре стало известно, что местом ссылки выбран город Тобольск.

В Тобольск Царскую семью привезли 6 августа, но бывший губернаторский дом, в котором их должны были содержать, был не готов. Поэтому неделю арестованные продолжали оставаться на теплоходе «Русь», на котором они приплыли по Тоболу, только 13 августа их перевели жить на берег. Учитель царских детей Пьер Жильяр так вспоминал первые недели жизни в Тобольске: «В начале условия нашего заключения походили на царскосельские, и нам предоставлялось все необходимое. Чувствовалась только теснота. В самом деле, для прогулок император и дети располагали только очень небольшим огородом и двором, под который отвели часть прилегающей к дому с юго-востока, очень широкой и безлюдной улицы, обнеся ее дощатым забором. Конечно, это было немного, да к тому же здесь приходилось быть все время на глазах солдат, казарма которых высилась над всей отведенной для нас площадью. Приближенные лица и прислуга пользовались, напротив, гораздо большей свободой, чем в Царском Селе, по крайней мере, вначале, и могли бывать не только в городе, но и в окрестностях».

«Дом Свободы» (так называли губернаторский дом революционеры) оказался тесным для Царской семьи и свиты, поэтому фрейлин Государыни и приближенных Государя поселили недалеко в купеческом доме, а часть слуг жила на съемных квартирах в городе.

В Тобольске взрослые сделали все, чтобы младшие цесаревны и цесаревич продолжали заниматься. Уроки, прогулки во дворе и небольшом садике, огороженном забором, рукоделие по вечерам и чтение вслух — первое время жизнь в сибирском городе не сильно отличалась от заключения в Царском Селе. Мария Николаевна в это время много рисовала, даже больше обыкновенного, учитель английского языка Сидней Гиббс вспоминал, что она «рисовала карандашом и красками». В письмах родным в Крым цесаревна жаловалась, что ей трудно доставать краски, они в дефиците, и была благодарна учителю Пьеру Жильяру, который во время прогулок по городу смог купить необходимые для живописи материалы.

В Сибири письма из столицы, от родных и близких из Крыма для Царской семьи стали особенно ценными. Как и все, Мария Николаевна радовалась каждому полученному письму и много писала сама. Но, как и другие члены Царской семьи, она не всегда получала ответы на свои послания. Цесаревна постоянно переписывалась с родными, находившимися в Крыму, особенно активно с тетками Ольгой Александровной и Ксенией Александровной. Она описывала свой повседневный быт и небольшие события, которые вносили разнообразие в тихую, лишенную новых впечатлений жизнь цесаревны. Вот отрывок из обычного письма (из Тобольска в Крым) цесаревны тете великой княгине Ксении Александровне: «Сестры мешают писать, т. к. толкаются и громко говорят. Вообще когда мы все четыре сидим у себя в комнате, то шуму бывает очень много. Поем хорошие песни, изображаем зурну и выходит совсем удачно. Папа и сестры идут гулять и меня зовут».

Сохранились большие, со множеством подробностей жизни в Крыму, письма великой княгини Ольги Александровны в Тобольск племяннице — Марии Николаевне. Зная, как цесаревна любит детей, Ольга Александровна подробно описывает, как растет ее маленький сын Тихон и какой он забавный: «Он так уютно лежал у меня на коленях, сперва кушал чрезвычайно долго и со вкусом, а затем улыбался и играл со мною, что было невозможно его оставить!» В письмах много рассказов о природе, о погоде, об общих знакомых и семейных праздниках: «Фиалки цветут в саду — не в лесу, а так, в клумбах. Знаешь, куст такой — *Oleo Fragrance* называется — чудно пахнут мелкие беленькие цветочки? А листья немного похоже на «Holly». Теперь это тоже в цвету. Хризантемы опять начали цвести, и погода теплее, сегодня идеально было...», «Николай Александрович, будучи тоже именинником сегодня, был вместе со мною приглашен завтракать к бабушке. Ели крабы, и курицу, и печенье, яблоки...» Эти послания из теплого любимого Крыма скрашивали Марии

Николаевне скучное и однообразное существование в чужом городе.

Одним из самых преданных адресатов для Марии Николаевны, как и всех цесаревен и Государыни, все время жизни под арестом оставалась по-настоящему любившая Царскую семью Зинаида Сергеевна Толстая. Именно в письмах к ней Мария Николаевна подробно описывает свою жизнь в Тобольске: «Мы живем тихо, гуляем по-прежнему два раза в день. Погода стоит хорошая, эти дни был довольно сильный мороз. А у Вас наверное еще теплая погода? Завидую, что Вы видите чудное море! Сегодня в 8 часов утра мы ходили к обедни. Так всегда радуемся, когда нас пускают в церковь, конечно, эту церковь сравнивать нельзя с нашим собором, но все-таки лучше, чем в комнате. Сейчас все сидим у себя в комнате. Сестры тоже едят, собаки бегают и просятся на колени. Часто вспоминаю Царское Село и веселые концерты в лазарете; помните, как было забавно, когда раненные плясали; также вспоминаем прогулки в Павловск и Ваш маленький экипаж, утренние проезды мимо Вашего дома. Как все это кажется давно было. Правда? Ну мне пора кончать. Всего хорошего желаю Вам и крепко Вас и Далю [Так близкие называли Наталью Толстую, подругу цесаревен — дочь Зинаиды Сергеевны Толстой. — И. О.] целую. Всем Вашим сердечный привет».

Зинаида Сергеевна в 1917 году лето, осень и зиму жила в Крыму и постоянно поддерживала, чем могла, Романовых, рядом с которыми там оказалась, а также письмами и посылками подбадривала Царскую семью в Тобольске. В одном из писем Марии Николаевне в Тобольск Ольга Александровна пишет о Зинаиде Сергеевне: «Зина ужасно милая, и чем больше и больше ее знаешь, тем больше можно ее любить и даже любоваться ее характером и душой: простой, хороший человек. Бабушка ее нежно любит...»

Так же настоящей подругой для Марии Николаевны оказалась Вера Георгиевна Капралова, сестра милосердия из лазарета в Федоровском городке, с которой цесаревна сблизилась за время войны. Цесаревна в письмах постоянно рассказывала подруге о жизни в Тобольске: «Сейчас сижу у себя в комнате. Мы все 4 живем в одной комнате, т. ч. не скучно. Окна наши выходят на улицу и мы часто смотрим на проходящих людей. Только что ходили гулять, были на огороде и выкапывали брюкву. Здесь на огороде только брюква и капуста».

Однако самые искренние, полные нежности слова писала Мария Николаевна из Тобольска Анне Александровне Вырубовой, которая любила царских детей, наверное, как бы любила своих собственных, если бы они у нее были. Цесаревна выросла у нее на руках, всецело доверяла Анне

Александровне и очень скучала по ней: «Горячо любимая моя! Как поживаешь? Очень приятно было о тебе услышать. Все мы здоровы и много гуляем по двору, катаемся с горы. Эти дни сильный мороз, так что Мама сидит дома. Наверное, получишь эту открытку уже в феврале, поэтому поздравляю тебя с днем Ангела, помоги тебе Бог в будущем и благословит тебя. Много о тебе вспоминаем и говорим. На днях написала [фельдшеру Царскосельского лазарета] Акиму Ивановичу Жуку], не знаю, получил ли. Рада очень за Сережу [Сергей Александрович Танеев — брат А. А. Вырубовой. — И. О.]. Храни Тебя Господь на всех путях, не скучай, милая. Бог даст, все будет хорошо, и опять будем вместе. Целую тебя крепко, как люблю. Твоя М.». Мария Николаевна благодарила А. А. Вырубову за подарки, присланные в посылке: «М. Гиббс дал нам твои карточки, так приятно было их иметь. Гостинцы, брошки носим. Нюхали все твои духи, так напомнило тебя. Всего тебе желаю хорошего от Бога и крепко и горячо целую».

Ни арест, ни ссылка в Тобольск не могли изменить замечательно добрый, открытый и веселый характер Марии Николаевны. К. М. Битнер, которая у царских детей в Тобольске стала основным преподавателем, с нежностью вспоминала свою ученицу — добрую и отзывчивую Марию Николаевну. Клавдия Михайловна считала, что цесаревна «была душой семьи», что великую княжну обожали окружающие, так как «она любила и умела поговорить с каждым, в особенности — с простым народом, солдатами. У нее было много общих тем с ними: дети, природа, отношение к родным...».

Полная сил молодая цесаревна умела радоваться каждому дню. Наделенная прекрасным здоровьем, она достаточно быстро восстановила силы после тяжелой болезни весной и в Тобольске уже чувствовала себя прекрасно. Мистер Гиббс вспоминал, что восемнадцатилетняя цесаревна «была плотной и очень сильной, легко могла меня поднять». Просто ради шутки Мария Николаевна могла поднять мужчину, чем восхищала окружающих. Если было нужно, то именно она помогала переносить тяжелые вещи. Когда болел цесаревич и не мог ходить сам, он звал сестру и просил его куда-нибудь отнести. Однако часто Мария Николаевна, поддаваясь своему темпераменту, могла быть неосторожной в физических играх. Так, в письме из Тобольска тете Ксении Александровне великая княжна Ольга Николаевна писала об играх на снежной горке, которую царские дети вместе со взрослыми построили во дворе: «Снегу прибавило за последнее время и гора наша процветает. То совсем не большая, в уровень забора, но и это хорошо, т. к. сверху видим проходящих и

проезжающих. Иногда некоторые останавливаются и глазеют, и если часовой сердитый, то он гоняет их вовсю. Мы сейчас же и сами скатываемся, во-первых, чтобы не набиралась толпа, а потом, чтобы нас оттуда самих не попросили, что довольно скучно; но пока все благополучно. Возимся обыкновенно отчаянно и на днях Мария здорово подбила себе глаз. У нее до сих пор он распух и весь лиловый сверху и снизу. Она всегда ухитряется как-нибудь расшибиться, но ничуть не унывает». Яркий синяк только забавлял озорную Марию Николаевну.

Когда арестованным разрешили пользоваться своими фотоаппаратами, это стало важным развлечением для царских детей. Они фотографировали много и с увлечением. И к собственной радости, научились сами печатать фотокарточки. Ольга Николаевна писала тете: «Мы теперь сами научились проявлять и печатать карточки. Лучше всего это выходит у Марии».

Очаровательная Мария Николаевна, постройневшая и похорошевшая после выздоровления, даже под арестом привлекала внимание мужчин. Царская семья с любопытством наблюдала, что назначенный Временным правительством комиссаром в Особый отряд, их охранявший, — революционер Василий Семенович Панкратов — испытывал слабость к цесаревне Марии Николаевне. Если вначале он был строг с арестованными и держал дистанцию, то постепенно стал присоединяться к Царской семье во время вечернего чаепития. Царские дети, особенно Алексей Николаевич, любили его рассказы о Сибири, где Панкратов провел в ссылке немало лет, о ее бескрайних краях, о северном сиянии, о необычных животных. Человек достаточно жесткий, профессиональный революционер, эсер, приговоренный к 20 годам каторги за убийство жандарма, отсидевший 12 лет в одиночной камере в тюрьме, затем отправленный в ссылку в Якутию, он с какой-то затаенной нежностью относился к Марии Николаевне. Все окружающие это замечали. Сестры подтрунивали над цесаревной, говоря, что комиссар ни в чем не может ей отказать. И если Царской семье нужно было о чем-то попросить Панкрата, то посылали именно Марию Николаевну, и он действительно не мог ей отказать.

Однажды Панкратов увидел, что Мария Николаевна пытается чистить снег сломанной лопатой. И удивился, почему она не попросила другую. Потом спросил: неужели ей нравится такая работа? Цесаревна ответила, что очень даже нравится. Что она любит физический труд. Панкратов сказал, что удивлен, что не мог себе представить, что ей может нравиться чистить снег. А Мария Николаевна действительно умела радоваться простой жизни. Цесаревна даже сказала своему учителю Сиднею Гиббсу, что была бы не против, если бы они (Царская семья) «смогли поселиться в

Тобольске навсегда, если только им позволят выходить ненадолго».

Иногда в письмах друзья из Одессы передавали приветы Марии Николаевне от Николая Дмитриевича Деменкова, который серьезно болел, несколько месяцев лежал в этом городе в госпитале. Известно, что в Одессе в это время жила подруга великих княжон Маргарита Сергеевна Хитрово, которая постоянно писала им о Николае Дмитриевиче, цесаревны волновались о его здоровье. У Николая Дмитриевича были проблемы с желудком, подозревали хронический аппендицит, операцию все время откладывали, в результате так и не сделали. Он вынужден был поддерживать строгую диету и сильно похудел. Мария Николаевна не забывала своего преданного друга, последнюю открытку она передала ему из Тобольска. Эта небольшая записка была написана цесаревной 22 ноября 1917 года: «Сердечно поздравляю с днем ангела и желаю Вам всего хорошего в жизни. Очень грустно, что столько времени о Вас не слыхали. Как поживаете? Это наш дом. Комнаты аппетитные и светлые. Наши окна выходят на эту улицу (Свобода). От будки до маленького забора сделана решетка, где мы гуляем. Особенно часто сидим на балконе. Вспоминаем веселое время, игры и Ивана. Что поделываете? Кланяйтесь всем, кто помнит. Шлем горячий привет. Храни Вас Бог. М.». Судя по всему, текст был написан на обратной стороне фотографии. Однако, возможно, что фотография «Дома Свободы», в котором держали в заточении Царскую семью, прилагалась к записке.

После большевицкого переворота условия содержания Царской семьи все время ужесточались. Обстановка в Тобольске становилась тревожной. Какое-то время газеты и письма в город совсем перестали приходить. Ответ от Деменкова на свое письмо цесаревна так и не получила. Николай Дмитриевич после революции воевал в белых войсках Юга России, после поражения которых эвакуировался на пароходе из Одессы в Константинополь. Затем перебрался в Париж, где жил с матерью и двоюродной сестрой. Работал метрдотелем в нескольких известных русских заведениях Парижа: «Московские колокола», кабаре «Нови», «Большой московский Эрмитаж». Некоторое время даже выступал как артист. Но старший лейтенант русского флота, кавалер нескольких орденов, никогда не забывал о России и Царской семье. Николай Дмитриевич был в числе руководителей нескольких эмигрантских организаций русских офицеров, в том числе и Союза ревнителей памяти императора Николая II. Он организовывал благотворительные акции для поддержки больных и бедствующих моряков, помогал распространять Морской журнал и военно-исторические книги. Напечатал несколько статей воспоминаний о царских

детях. Николай Дмитриевич никогда не был женат. Умер он 5 ноября 1950 года, перед смертью передал в музей рубашку, которую сшила сама и подарила ему великая княжна Мария Николаевна...

Домашний театр стал настоящей отдушиной для Царской семьи и их приближенных. Все арестованные были задействованы в создании спектаклей — кто-то, как Николай II и Александра Федоровна, переписывали для актеров роли, другие мастерили декорации, шили костюмы и т. д. Мария Николаевна с огромным удовольствием участвовала в спектаклях. У цесаревны обнаружился настоящий талант актрисы.

В первом спектакле (комедии М. Эннекена «Флюиды Джона») роли исполнили Мария Николаевна, Алексей Николаевич и Пьер Жильяр. Играли они отлично, как заправские актеры. Мария Николаевна поразила всех умением перевоплощаться и замечательной пластичностью.

Цесаревне удавались любые роли, даже мужские. В феврале в постановке чеховского «Юбилея» Мария Николаевна играла роль старика Луки, и делала она это с необыкновенным блеском. В одном из писем знакомому офицеру она писала: «Я несколько раз играла мужские роли. Теперь это очень легко. Так как у меня короткие волосы». 18 февраля 1918 года государь записал в дневнике: «Вечером состоялся спектакль. Сперва шла англ. пьеса — «The Crystal Gazer» — Мария и m. Gibbs, а затем наша — «Медведь», в кот. играли: Ольга, опять Мария и я. Волнений вначале представления было много, но, кажется, хорошо сошло». В этот день Мария Николаевна играла в двух спектаклях, и это не было исключением. Она принимала участие в большинстве поставленных пьес.

Цесаревна оказалась наделена незаурядными актерскими способностями и получала настоящее удовольствие от участия в спектаклях. Когда перед задником с нарисованной французской улицей загорался красивый фонарь, который искусно сделал мистер Гиббс, то он высвечивал два столика, на которых стояли симпатичные чашечки для кофе. В этот миг казалось, что зрители попадали в Париж, в уличное кафе. На сцену выходила Мария Николаевна, и как же она была хороша, просто очаровательна, с нарисованными усиками, во фраке с тростью.

Однако, несмотря на то что большинство пьес ставили французских и английских, лучшей постановкой домашнего театра, по мнению зрителей и участников, был русский чеховский водевиль «Медведь», в котором Мария Николаевна была неподражаема. Театр все полюбили, но с началом Рождественского поста пьесы ставить перестали. После Рождества театральные постановки стали показывать вновь. Так, 10 марта Государь записал в своем дневнике: «Вечером Мария и Анастасия вторично сыграли

вместе с Алексеем пьесу «Packing up».

Жизнь Царской семьи становилась день ото дня сложнее: питание было скудным, ощущалась нехватка вещей и одежды, ужесточался режим содержания, лояльных к арестованным солдат увольняли, даже так радовавшую детей ледяную горку солдаты разрушили. После Рождественской службы солдатский комитет запретил посещение церкви. Несмотря на все трудности, арестованные и после большевицкой революции жили в обстановке достаточно спокойной и уютной. Младшие дети посещали уроки. Пусть и из скромных продуктов, но царский повар готовил вкусную еду. Домашний театр, прогулки во дворе и садике, чтение вслух книг по вечерам, радость от полученных писем и газет — ежедневное существование, пусть и немного скучное, казалось вполне сносным. Так продолжалось до 12 апреля (30 марта) 1918 года, когда грянула настоящая беда — заболел цесаревич, у него начался сильный приступ гемофилии. К довершению всех несчастий 15 (2) апреля из Москвы прибыл комиссар В. В. Яковлев с приказом увезти Царскую семью из Тобольска. Государь в этот день пишет в дневнике: «Узнали о приезде чрезвычайного уполномоченного Яковлева из Москвы; он поселился в Корниловском доме. Дети вообразили, что он сегодня придет делать обыск, и сожгли все письма, а Мария и Анастасия даже свои дневники».

Мария Николаевна в тот момент, когда большевицкие власти начали ужесточать режим содержания Царской семьи, решила, что в случае крайней опасности она уничтожит, сожжет, свои личные бумаги. Приезд комиссара Яковлева она сочла именно такой серьезной угрозой, и чтобы ее дневники и письма не попали в чужие, враждебные руки, она сожгла свои дневники и письма от дорогих для нее людей.

Когда комиссар Яковлев, который хотел увезти из Тобольска всю Царскую семью, убедился: цесаревич болен и не выдержит тяжести дороги, то объявил, что царя он увезет в любом случае. Однако разрешил Государю взять с собой сопровождающих. Выбор для опасной поездки вместе с родителями пал на великую княжну Марию Николаевну. Это всем казалось оправданным и верным. Цесаревна, самая физически сильная и выносливая среди царских детей, должна была лучше других справиться со сложностями предстоящей дороги. А путь предстоял тяжелейший — весенняя распутица, нестойкий лед на реках, холод, отсутствие возможности согреться и отдохнуть. Да и спокойный, твердый характер великой княжны, ее доброта давали надежду на то, что она достойно, без срывов сможет выдержать возможные проблемы.

Последние сутки перед неизбежным отъездом императорской четы и

Марии Николаевны вся Царская семья старалась проводить у постели больного цесаревича. Утром 26 (13) апреля 1918 года к «Дому Свободы» подъехали телеги, в которых были только подстилки из соломы. Для Государыни на дно телеги положили найденный на чердаке старый набитый соломой матрас, чтобы хоть как-то уберечь ее от тряски. В окружении конных красноармейцев, под плач остающихся в Тобольске трех цесаревен и верных фрейлин, Яковлев увез из Тобольска царскую чету с дочерью и несколькими приближенными. Никто из оставшихся и уезжавших арестованных не знал — куда именно комиссар с ними направится. Предполагали, что в Москву.

Самой тяжелой оказалась первая часть дороги от Тобольска до железнодорожной станции в Тюмени, больше 200 километров. Предстояло переправиться через две реки — Тобол и Иртыш, на которых в это время ожидали начала ледохода. Это было смертельно опасно: если бы лед двинулся, он смел бы телеги, лошадей, люди могли бы погибнуть. В дороге несколько раз колеса у телег ломались, путники останавливались, ждали, когда их починят. Лошади, утопая в грязи, с трудом тащили телеги; если животные совсем теряли силы, то людям приходилось какое-то время идти пешком. Опасными и трудными получились переправы через реки, их переходили пешком вброд в ледяной воде. В некоторых местах бродов вода лошадям поднималась до груди. От страшной тряски и переохлаждения у доктора Е. С. Боткина начались почечные колики, он с трудом передвигался и страшно страдал от боли. Из последних сил сохраняла мужество Государыня. Мария Николаевна стойко выдержала все испытания. Позже она так описывала их: «Дорога просто ужасная, замерзшая земля, грязь, снег, вода лошадям по живот».

Первую записку оставшимся в Тобольске царским детям привез кучер, который вез арестованных до первой почтовой станции и вернулся домой 27 (14) апреля. Мария Николаевна писала: «Дороги испорчены, условия путешествия ужасны». Во время одной из остановок Александра Федоровна написала письмо детям, в котором жаловалась, что очень устала и у нее сильно болит сердце.

В Тюмени арестованных вместе с охраной поместили в поезд. Однако первоначальный план переправить Государя в Москву не сработал. По пути состав остановили екатеринбургские красноармейцы, комендант Яковлев вынужден был передать им арестованных. В итоге 1 мая (17 апреля) 1918 года Николай II, Александра Федоровна, великая княжна Мария Николаевна и сопровождавшие царскую чету приближенные и слуги оказались в Екатеринбурге. Их поселили в небольшом особняке инженера

Ипатьева под охраной местных революционных рабочих, которые подчинялись напрямую Уральскому областному совету.

В первый же день все арестованные подверглись жесточайшему обыску, проверили не только все вещи, включая дамские сумочки Государыни и цесаревны, но даже пробовали лекарства Александры Федоровны. И дальше время от времени обыски повторялись. У Марии Николаевны нашли наличные деньги, их сразу изъяли. Режим содержания для арестованных установили тюремный: проверки утром и вечером, питание привозили из рабочей столовой, часть его забирали себе охранники, прогулки по 15 минут, запрет общаться с охраной. Вся корреспонденция для Царской семьи теперь должна была приходиться в областной совет. Власти коллегиально решали передавать эти письма адресатам или нет.

Августейшие арестанты в доме инженера Ипатьева устроились втроем в одной комнате, так им было спокойнее. Уже на следующий день Мария Николаевна написала первое письмо в Тобольск. Она спешила, потому что хотела, чтобы родные получили ее поздравления к Пасхе, которая в 1918 году выпала на 5 мая (22 апреля). Его цесаревна адресовала старшей сестре Ольге Николаевне: «Христос воскрес! Мысленно три раза тебя целую, Ольга моя дорогая, и поздравляю с светлым праздником. Надеюсь, праздник проведете тихо. Поздравь всех наших. Пишу тебе, сидя у папы на койке. Мама еще лежит, т. к. очень устала и сердце № 3 [по градации придуманной цесаревнами: 3 — высшая степень нездоровья]. Спали мы втроем в уютной комнате с четырьмя большими окнами. Солнце светит как у нас в зале. Открыта форточка и слышно чириканье птичек, электрическая конка. В общем тихо. Утром прошла манифестация 1 мая. Слышали музыку. Живем в нижнем этаже, вокруг деревянный забор, только видим кресты на куполах церквей, стоящих на площади. Нюта [Комнатная девушка Государыни — Анна Демидова. — И,О.] спит в столовой, а в большой гостиной Евг[ений] Сергеевич Боткин], Седнев и Чемодуров. Князя пока не пустили. Не понимаю почему, очень за него обидно. [Из Тобольска Августейшую чету сопровождал гофмаршал князь Василий Александрович Долгоруков, которого по прибытии в Екатеринбург арестовали. — И. О.] Спят они на койках, кот. вчера принесли им и караулу. Хозяева дома — Ипатьевы. Горячо целую и благословляю тебя, душку мою любимую. Твоя сестра Маша».

Практически каждый день Мария Николаевна писала в Тобольск сестрам и брату. Далеко не все письма те получили. Новости у цесаревны были невеселые: «Скучаем по тихой и спокойной жизни в Тобольске. Здесь

почти ежедневно неприятные сюрпризы». Жизнь под арестом в Екатеринбурге оказалась сложной, намного труднее, чем в Царском Селе и Тобольске: «Только что были члены областного комитета и спросили каждого из нас, сколько кто имеет с собой денег. Мы должны были расписаться. Т. к. вы знаете, что у Папы и Мамы с собой нет ни копейки, то они подписали, ничего, а я — 16 р. 17 к., которые Анастасия мне дала на дорогу. У остальных все деньги взяли в комитет на хранение, оставили каждому понемногу, выдали им расписки. Предупреждают, что мы не гарантированы от новых обысков. Кто бы мог думать, что после 14 месяцев заключения так с нами обращаются. Надеемся, что у вас лучше, как было и при нас».

В письмах сестрам Мария Николаевна откровенно рассказывает о тяжелом положении, в котором они с родителями оказались в Екатеринбурге, а вот для больного брата она старалась находить более светлые краски в описании своей жизни. Хотя и признавалась Алексею Николаевичу, что ей «писать о чем-нибудь приятном трудно, подобного здесь мало», но тут же находила для него хорошие моменты: «...с другой стороны, Бог не оставляет нас, светит солнце и поют птицы. Сегодня утром мы услышали хор на рассвете».

Мария Николаевна очень волновалась о здоровье брата и скучала о сестрах. Главной причиной волнения было то, что письма из Тобольска в ответ на ее послания не приходили. Хотя старшие цесаревны после того, как узнали, что их родные находятся в Екатеринбурге, постоянно им писали. Время шло, а письма в Екатеринбург по-прежнему не приходили, 11 мая (29 апреля) расстроенная Мария Николаевна с тревогой писала в Тобольск: «Мы о вас ничего не знаем, очень ждем письма». И с надеждой добавляла: «Кто знает, может быть, это письмо дойдет к вам накануне вашего отъезда. Благослови Господь ваш путь, и да сохранит Он вас от всякого зла. Ужасно хочется знать, кто будет вас сопровождать. Нежные мысли и молитвы вас окружают». Только 12 мая (30 апреля) наконец-то заключенные в Ипатьевском доме получили телеграмму из Тобольска. Государь написал в дневнике: «Получили телеграмму из Тобольска, там все хорошо, письма наши доходят. Когда они приедут сюда, не знаем». Только через три дня охранники отдали арестованным письма цесаревен из Тобольска.

Наконец царской чете сообщили, что четверо их детей уже выехали из Тобольска. 23 (10) мая неожиданно стало известно — дети уже в Екатеринбурге. Государь писал в дневнике: «Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города,

затем, что они приехали на станцию, и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 час. ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельн. разлуки и неопределенности. Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути». До самой ночи приехавшие ждали, что их вещи и кровати привезут с вокзала, но этого не случилось, в итоге цесаревны легли спать на полу. Мария Николаевна уступила свою кровать больному брату.

Даже новые суровые правила содержания Царской семьи в Екатеринбурге, близкие к тюремным, не могли изменить добродушный, веселый характер Марии Николаевны. Ее умение видеть в каждом человеке прежде всего личность, независимо от его происхождения, и в доме Ипатьева ничуть не изменилось. И вот уже на кухне вместе с цесаревной появляются охранники из числа рабочих, учившие великих княжон жарить бездрожжевые пышки.

Постепенно строгие запреты на общение охраны с Царской семьей, вначале объявленные Уралсоветом, смягчились. С Марией Николаевной, сияющей добротой, открытой, милой улыбкой, просто не смогли не разговаривать молодые рабочие. Они нарушали запреты и с удовольствием беседовали со славной, розовощекой, истинно русской красавицей. После кори, когда цесаревна очень похудела, она так и осталась достаточно стройной и подтянутой. Новые волосы, после того как прежние пришлось сбрить наголо, выросли густыми и вились крупными кудрями. Великая княжна, с огромными от природы глазами в густых ресницах и правильными чертами лица, к 19 годам стала необычайно хороша.

Марии Николаевне действительно казалось интересным, как люди живут в Екатеринбурге. Она слушала рассказы рабочих об их семьях, о заводе, о городе. Так случилось, что по вечерам цесаревна играла для них на пианино. Охранники инструмент утащили из гостиной поближе к своей караулке. Поэтому не только Мария Николаевна, но и все цесаревны были вынуждены музицировать и для рабочих тоже. Потом, познакомившись с караульными поближе, они даже иногда показывали им свои фотоальбомы. Один из бывших охранников позже вспоминал, что великие княжны говорили: «Нам было гораздо лучше в Тобольске».

Вскоре выяснилось, что один из рабочих, служивший в охране, Иван Скороходов давно мечтал научиться играть на пианино. Мария Николаевна начала с ним заниматься, учить его музыке. Увы, уроки продлились недолго. В день рождения цесаревны — 27 (14) июня 1918 года — Иван,

чтобы поздравить цесаревну, порадовать ее, попытался пронести в дом Ипатьева именинный пирог. Увы, к этому времени в охране почти не осталось простых рабочих местной фабрики, теперь караульными командовали верные чекистам люди. Пирог нашли, изъяли, Ивана Скороходова сразу уволили.

В июне заболел Государь, обострилась хроническая болезнь (геморрой), из-за открывшегося кровотечения он оставался в постели. На беду у доктора Боткина в то же время снова случился острый приступ почечных колик. Цесаревич по-прежнему не мог ходить — у Алексея Николаевича болело колено. Обычно на улицу цесаревича на руках выносил отец. А тут, чтобы брат мог подышать свежим воздухом, Мария Николаевна на руках выносила его на прогулки, а потом заносила назад в дом. Так пригодилась семье в тяжелые дни ее неординарная физическая сила. В это время остальные три сестры с трудом вытаскивали во двор кресло с колесами. Да и в доме цесаревича переносила в инвалидное кресло или в другую комнату сестра. Цесаревич кричал: «Маша! Маша! Неси меня!» Мария Николаевна сразу бежала на помощь брату.

В самое напряженное время, когда в доме Ипатьева уже полностью сменили охрану, убрали местных рабочих, поменяв их на чекистов и бывших военнопленных, перешедших на сторону новой власти, а командовать новым караулом стал чекист Я. М. Юровский, сила духа и жизнелюбие не покидали отважную Марию Николаевну.

Во вторник 15 (2) июля 1918 года Юровский привел в дом Ипатьева четырех уборщиц из Союза профессиональных домработниц, которые старательно убрали все комнаты, помыли полы. Цесаревны им помогали — двигали мебель. И хотя Юровский категорически запретил Царской семье разговаривать с уборщицами, цесаревны все же шепотом с ними переговаривались. Великие княжны говорили женщинам: «Мы бы с огромным удовольствием выполняли самую тяжелую работу, мыть посуду — слишком мало для нас». По воспоминаниям уборщиц, самой энергичной и веселой среди великих княжон была Мария Николаевна. Она им запомнилась и понравилась больше всех.

Где именно находилась великая княжна Мария Николаевна Романова ночью 17 (4) июля 1918 года в расстрельной комнате, до конца неизвестно. Кто-то из убийц говорил, что за стулом, на котором сидела Александра Федоровна, другие утверждали, что там стояла Ольга Николаевна, а Мария Николаевна с двумя другими сестрами находилась ближе к стене.

Дальнейшие показания двух убийц совпали — Я. М. Юровский и П. З.

Ермаков заявили, что, когда раздались первые выстрелы, Мария Николаевна не только не была убита, но ее даже не ранили. Она единственная из всех приговоренных бросилась к закрытой двери и попыталась ее открыть, дергая за ручку. Ермаков уверял, что заметил это и разрядил в великую княжну весь свой револьвер.

С Юровским и Ермаковым не соглашался П. С. Медведев, утверждавший, что Марию Николаевну убили при первых выстрелах. Однако остались показания, что когда тела убитых начали выносить из подвала, то великая княжна вдруг села и закричала. Ее добили выстрелами в голову. Другие чекисты утверждали, что очнулась не Мария Николаевна, а Анастасия Николаевна, и ее добивали штыками.

Последнюю запись в синей кожаной тетрадке с золотой монограммой великая княжна Мария Николаевна в доме Ипатьева закончить не успела. Переписала только первую строчку стихотворения «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова: «Спи, младенец мой прекрасный, ба-юшки-баю...»

Позволим себе привести здесь это стихотворение полностью:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты ж дремли, закрывши глазки,
Баюшки-баю.
По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю. Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...

Спи, дитя мое родное, Баюшки-баю.
Богатырь ты будешь с виду
И казак душой.
Провожать тебя я выйду —
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю. Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю. Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

ЧАСТЬ 5

ВЕЛИКАЯ КНЯЖНА АНАСТАСИЯ НИКОЛАЕВНА

После рождения в Царской семье третьей дочери (великой княжны Марии Николаевны в 1899 году) в зарубежных газетах, если дело касалось России, одной из главных тем стало обсуждение отсутствия у русского императора наследника. Зарубежные аналитики считали, что отсутствие у царя сына делает трон неустойчивым, дает повод великим князьям для притязаний на власть, наносит вред авторитету императрицы. Да и в России достаточно болезненно относились к отсутствию у императора наследника мужского пола. Рождение наследника стране было необходимо — для устойчивости династии, для предотвращения подспудных волнений и интриг среди родственников императора. Это понимала знать, это осознавал простой народ.

Об остром желании обычных людей иметь в империи наследника престола, в частности, говорит тот факт, что после появления на свет третьей цесаревны Канцелярия по принятию прошений была буквально завалена письмами со всех концов страны с советами, как можно сделать так, чтобы в семье родился мальчик. Приходили десятки подобных писем от людей самых разных сословий. Содержали эти послания как приметы и суеверия, так и попытки рассмотреть проблему в рамках тогдашней науки. Не отставали от русских советчиков и зарубежные. Из-за границы поступали предложения помочь за деньги. Иностранцы предлагали различные чудесные способы, которые якобы могли обеспечить нужный пол следующего ребенка в Царской семье. Министерство Императорского Двора оставляло все письма без ответа, со временем подобных посланий скопилось почти три сотни.

В Европе в это время самым известным исследователем в области определения пола у будущего ребенка считался австрийский эмбриолог доктор Леопольд Шенк. В 1896 году он опубликовал книгу «Определение пола», которая произвела буквально фурор. У доктора появилась масса последователей и почитателей. Считалось, что его теорию, без сомнения, подтверждает тот факт, что у самого Шенка было восемь сыновей. Теория основывалась на подборе специального питания для будущей матери. Известно, что императрица Александра Федоровна интересовалась теорией

Шенка. И даже просила своего придворного врача изучить данный метод. Однако у серьезных ученых исследования австрийского врача вызывали улыбку, так как он считал: если женщина ест больше мяса, то в крови у нее много «мужских элементов», поэтому у нее родится мальчик. Позже зарубежные газеты утверждали, что доктора Шенка пригласили в Россию и русская царица выполняла его рекомендации. Но это были только слухи, подогреваемые обсуждением того, что вся Россия ждет появления наследника трона.

В конце лета и осенью 1900 года Царская семья отдыхала в Ливадии. В тот год погода в сентябре в Крыму выдалась на диво хорошей. Царственные супруги наслаждались покоем и счастьем общения с тремя маленькими дочками. Александра Федоровна почти все время проводила на открытом воздухе, чувствовала императрица себя поздоровевшей и посвежевшей. Царская чета предпочитала общество друг друга, редко принимая гостей. В середине сентября Государь в письме к матери сообщил радостную новость: его жена вновь ждет ребенка, готовится стать матерью в четвертый раз.

Однако идиллия прекрасного отдыха вскоре закончилась. В конце сентября у Государя неожиданно поднялась температура, через несколько дней доктора поставили страшный диагноз — брюшной тиф. Александра Федоровна, несмотря на беременность, стала самоотверженно ухаживать за больным мужем. Сначала прогнозы казались неутешительными, врачи предполагали даже смертельный исход. Императрица мужественно наотрез отказалась покинуть дворец и не хуже сестры милосердия делала все необходимые процедуры, не отходя от постели мужа круглые сутки. Когда стало понятно, что положение критическое и болезнь чрезвычайно заразна, трех цесаревен увезли из дворца. Иногда их привозили в экипаже к окнам дворца, чтобы Государыня могла увидеть дочерей хотя бы издалека. Пять недель болел император.

Из Крыма Царская семья уехала 9 января 1901 года. В отличие от предыдущих трех четвертая беременность императрицы оказалась достаточно легкой. Несмотря на все несчастья и потрясения, Государыня чувствовала себя хорошо. Не тяжелая болезнь мужа, не смерть 22 января 1901 года в Англии королевы Виктории, любимой бабушки Александры Федоровны, не ухудшили ее состояния здоровья. Доктора не разрешили беременной Государыне поехать на похороны, посчитав это опасным для ребенка. И она смирилась. Поминальную службу в память о королеве Виктории провели в англиканской церкви Санкт-Петербурга. По воспоминаниям придворных, они впервые видели, чтобы императрица так

прилюдно показывала свое горе — она откровенно рыдала, переживая смерть бабушки, которая после потери матери вырастила ее.

Высший свет, придворные, родные — все отмечали, что императрица во время четвертой беременности расцвела и чувствовала себя прекрасно. Это вселяло надежду, что подобное происходит не просто так — и, наверное, Государыня носит под сердцем мальчика. В феврале великий князь Константин Константинович, отметив, что Александра Федоровна очень похорошела, записал в дневнике: «Все с трепетом надеются, что на этот раз будет сын».

Физически во время беременности Государыня чувствовала себя отлично, но жизненные невзгоды в этот период не оставляли ее. В мае, как обычно на лето, Царская семья переехала на дачу в Петергоф. Практически сразу по приезде брюшным тифом заболела Ольга Николаевна. Акушерка Евгения Конрадовна Гюнст, принимавшая предыдущие роды у императрицы, находилась в Петергофе для подготовки к приближающимся родам. Она была встревожена утомлением Государыни, которая буквально падала от усталости, ухаживая за старшей дочерью. Опасаясь преждевременных родов, акушерка вызвала доктора. Немедленно приехал из курского имения профессор Лев Васильевич Попов. Во время четвертой беременности именно профессор Попов наблюдал за состоянием здоровья Государыни, его трижды вызывали в Петергоф. Однако опасения о преждевременных родах не подтвердились. Роды состоялись в срок.

В 3 часа ночи 5 июня 1901 года на Нижней даче в Петергофе у Александры Федоровны начались схватки. Роды прошли быстро и без осложнений. Через три часа родилась девочка. Великая княжна появилась на свет очень крупной, вес — 5,2 килограмма, рост — 55 сантиметров. Есть сведения, что цесаревна родилась с искривленными большими пальцами ног. Вероятно, были еще какие-то изменения в опорно-двигательном аппарате, так как с возрастом у нее стали появляться боли в спине и ногах. Также со временем выяснилось, что при порезах у великой княжны кровь долго не останавливалась.

Государь 5 июня писал в своем дневнике: «Около 3 часов у Аликс начались сильные боли. В 4 часа я встал и пошел к себе и оделся. Ровно в 6 утра родилась дочка Анастасия. Все свершилось при отличных условиях скоро и, слава Богу, без осложнений. Благодаря тому, что все началось и кончилось, пока все еще спали, у нас обоих было чувство спокойствия и уединения! После этого засел за писание телеграмм и оповещение родственников во все концы света. К счастью, Аликс чувствует себя хорошо. Малышка весит 1 1/2 фунта и рост имеет в 55 см».

Почему Августейшие родители назвали новорожденную дочь Анастасией, доподлинно неизвестно. Выбор именно этого имени вызвал пересуды, но так и остался загадкой. Оно не входило в перечень царских имен, традиционных для Дома Романовых. Приближенные императрицы высказывали мнение, что, возможно, Александра Федоровна так захотела назвать дочь в честь родственницы — Анастасии Николаевны, принцессы Черногорской, с которой она дружила, но эта версия не подтверждается фактами, да и не так уж были близки высокородные подруги.

Няня царских детей Маргаретта Игер в своих мемуарах предположила, что причиной выбора данного имени могло послужить то, что император в честь рождения дочери помиловал студентов, участвовавших в народных волнениях. А святую Анастасию (великомученицу IV века), которая помогала христианам, заключенным в тюрьмы, называли Узорешительницей. Однако такие рассуждения тоже ничем не подтверждены и достаточно абстрактны. Возможно, родителям новорожденной просто понравилось имя Анастасия, в его греческом значении — «возвращение к жизни, воскресение, возрождение».

Рождение четвертой дочери в Царской семье вызвало достаточно бурную реакцию в России и мире. Отсутствие наследника в стране стало повсеместным разочарованием. Великая княгиня Ксения Александровна реагировала на новость эмоционально: «Боже мой! Какое разочарование!.. Четвертая девочка!» Великий князь Константин Константинович писал в своем дневнике: «Прости, Господи! Все вместо радости почувствовали разочарование, так как ждали наследника, и вот — четвертая дочь». Праздничные мероприятия, пушечные залпы, церковные службы, Высочайший манифест — радость по поводу рождения великой княжны Анастасии Николаевны оказалась с привкусом горечи. Страна ждала наследника престола, а не очередную цесаревну.

Зарубежные газеты в те дни выходили с громкими заголовками, кричавшими о постигшем Россию разочаровании. Английская пресса выражала соболезнование в связи с тем, что в Царской семье не родился сын. Французы ехидно напоминали, что императрица «немка», а они, дескать, предупреждали, что не стоило императору на ней жениться^[1], потому что это приведет Россию к катастрофе.

Царская семья не обращала никакого внимания на бушующий мир и наслаждалась семейным счастьем в Петергофе. Государыня быстро оправилась после родов и с нежностью, как всегда, сама руководила штатом нянь, занимаясь новорожденной. Главной няней у Анастасии Николаевны, как и у Марии Николаевны, стала ирландка мисс Маргаретта

Игер. Заранее были отобраны сразу две кормилицы — крестьянки Мария Ершова и Матрена Муранова.

Через 12 дней великую княжну Анастасию Николаевну крестили. Обряд провели с такой же пышностью, как и крещения всех трех старших дочерей императора. Праздник получился роскошный — с позолоченной каретой, парадным конвоем, сотнями приглашенных именитых гостей. Главной первой среди восприемников, по уже сложившейся традиции, стала бабушка новорожденной вдовствующая императрица Мария Федоровна. Другими восприемниками (крестными) стали принцесса Ирена Прусская, великий князь Сергей Александрович и великая княгиня Ольга Александровна. После крестин Царская семья дала торжественный обед, на котором счастливый отец принимал поздравления с рождением дочери.

С самого раннего возраста Анастасия Николаевна проявляла свободолюбивый, независимый характер. Близкие и няни с трудом могли справиться с ней. Неугомонная, шаловливая цесаревна для нянь и гувернанток стала сущим наказанием. Маргаретта Игер вспоминала: заставить Анастасию Николаевну подчиняться каким-то правилам оказалось непросто. Не помогали увещевания или наказания. Мисс Маргаретта описывала забавный случай: когда цесаревне было три года, няня увидела, как Анастасия Николаевна ест зеленый горошек руками. Набирает его ладошками и засовывает в рот. Британская строгая няня была возмущена неподобающим поведением царской дочери и стала строго ей выговаривать, что это неприемлемо и даже младенцы так не делают, не едят руками. На что цесаревна, продолжая уплетать горошек, ответила ей: «Нет, делают! Они даже ногами его едят!»

Однажды во время официального обеда в Кронштадте четырехлетняя Анастасия Николаевна незаметно залезла под стол и стала щипать за ноги сановных гостей ее Августейших родителей, изображая собачку. Не без труда Государь достал из-под стола расшалившуюся младшую дочь, которая была сразу наказана.

В воспоминаниях мисс Маргаретты сохранилось описание еще одной истории непослушания младшей цесаревны. Однажды в саду собрали яблоки, чтобы запечь их на ужин. Цесаревен предупредили, что свежими их есть нельзя. Анастасия Николаевна тут же их наелась. И сколько няня не объясняла, что нужно слушаться старших, цесаревна продолжала с ней спорить. Продолжала упорно повторять: «Вы даже не представляете, какое это было вкусное яблоко, то, из сада» и отказывалась пообещать, что больше не станет трогать яблоки во время прогулок. И только после того, как ей неделю запрещали посещать сад, Анастасия Николаевна согласилась

не есть немывтые яблоки.

Подрастая, цесаревна, маленькая, ловкая, «как обезьянка», постоянно шлодничала, поддразнивая измученных ею нянь. Придумывая разные проказы, шустрая, несговорчивая, упорная, она устраивала страшный беспорядок везде, где появлялась. Если ей запрещали забираться на деревья, она тут же, к ужасу воспитательниц, вскарабкивалась на высокое дерево и категорически отказывалась спускаться вниз. Со смехом уверяя стоявших внизу взрослых, что не может слезть. Случалось, она пряталась от нянь и горничных в шкафу или под кроватью и очень радовалась, когда поднимался переполох и ее долго не могли найти.

От природы бесстрашная и смелая, Анастасия Николаевна никогда не боялась отвечать за свои поступки. Принимала наказания с достоинством и без споров, понимая, что заслужила их. Мисс Маргаретта писала: «Она могла заранее учесть все, чем можно поплатиться за любые свои действия, которые она хотела бы предпринять, и принимала наказание за них как солдат». Обычно таких девчонок в России называют «пацанками» за практически мальчишеский характер. Анастасия Николаевна была достаточно прямолинейна со всеми, даже со взрослыми, обычно без лицемерия и дипломатии откровенно говорила правду в лицо. И если остальные сестры бывали застенчивыми, а иногда даже робкими, особенно с посторонними, то Анастасия Николаевна никого не стеснялась, спокойно общалась с любым человеком. Веселая, смешливая, с хорошим чувством юмора, она в любом обществе непременно привлекала к себе внимание. А. А. Вырубова писала о ней в воспоминаниях: «Анастасия была словно сделана из ртути, а не из плоти и крови».

Одна из фрейлин императрицы описывала, как зимой они с Государыней часто отправлялась на прогулки с цесаревнами в больших санях. Маленькая Анастасия Николаевна сползала с сиденья на пол саней, забиралась под толстую медвежью полость и оттуда лаяла или кукарекала. А если старшие сестры с Государыней начинали петь — они любили на прогулках петь вместе, — то она объявляла из-под шубы, что будет «фортепиано» и начинала громко бубнить: «Бум! Бум! Бум!»

Отношение окружающих к Анастасии Николаевне было разное. Кузины и кузены, с которыми играли царские дети, младшую цесаревну побаивались. Если ей что-то не нравилось в играх, она легко могла устроить потасовку и даже побить ребенка, на которого разозлилась. Хотя сама легко обманывала партнеров по играм, шельмовала. Дети из высокородных семей, которые посещали с родителями Царское Село, часто жаловались им, что Анастасия Николаевна бывает злая и вредная. Самая

младшая из цесаревен никогда и ни в чем не давала себя в обиду. С другой стороны, веселый нрав маленькой цесаревны, ее неистощимые выдумки в поисках развлечений, яркий темперамент, актерские данные привлекали к ней сердца людей. Особенно ее любила тетка и крестная мать — великая княгиня Ольга Александровна. Она писала: «Я любила ее за бесстрашие. Она никогда не хныкала и не плакала, даже если ей было больно. Это была настоящая сорвиголова». Когда цесаревна появилась на свет, у Ольги Александровны еще не было своих детей. Она по-особенному полюбила крестницу: «Ребенок этот был дорог мне, как родная дочь». Великая княгиня считала, что младшая цесаревна самая одаренная из всех царских детей, потому что та пламенно любила жизнь, обладала сильным характером и отвагой. Однако именно крестная мать дала Анастасии Николаевне прозвище «Швыбзик», у немцев это слово означает «маленький негодник».

Младшую дочь очень любили родители, прощая ей шалости, и порой меньше наказывали ее за серьезные провинности, чем старших цесаревен. Сама Анастасия Николаевна обожала старшую сестру, она часто ходила следом за Ольгой Николаевной, садилась с ней рядом, глядя на нее влюбленными глазами. Близкие вспоминали, что в порыве чувств Анастасия Николаевна даже целовала старшей сестре руки.

Дочь придворного врача Татьяна Боткина так описывала свои впечатления от встреч с младшей цесаревной: «Больше всего мы видели Анастасию Николаевну. Она приходила и садилась в ногах дивана, на котором лежал Отец, а вечером, когда при закате солнца должна была стрелять пушка, она всегда делала вид, что страшно боится, и забивалась в самый дальний уголок, затыкая уши и смотря большими делано испуганными глазками. Иногда, чинно разговаривая, она, если мы вставали за чем-либо, незаметно подставляла нам ножку».

Когда пришло время Анастасии Николаевне сесть за парту, учеба стала для нее настоящим наказанием. Живая, гиперактивная цесаревна с трудом могла сосредоточиться и усидеть на одном месте. Уроки она считала скучными и противными. Особенно не любила математику, называя ее «свинством». Долгое время Анастасия Николаевна писала с ужасными ошибками. Учитель русского языка Петр Васильевич Петров постоянно напоминал цесаревне, что нужно стараться, не спешить, проверять каждое слово. Он объяснял ученице: «Ошибки Ваши все от поспешности! Попробуйте посидеть подольше, да иногда спросите у Ек[атерины] Ад[ольфовны], как пишется слово, тогда, я уверен, и ошибок будет вдвое меньше. Вы даже имя свое подписали так: Аастасия!!» Учитель с

необыкновенным терпением вновь и вновь пытался научить непоседливую цесаревну правилам правописания, но его старания пропадали даром. И снова в очередном письме Петр Васильевич с печалью пишет: «В рассказе ошибок оказалось столько же, сколько звезд на небе, но, как одна звездочка похожа на другую, так и ошибки сделаны все одинаковые все «яти»! С этим мы справимся. Будем заставлять руку писать как раз обратно тому, что она захочет».

Математика давалась Анастасии Николаевне еще труднее, чем занятия по русскому языку. Тем более что это был самый ее нелюбимый предмет. В отчете за 1908 год учитель арифметики М. В. Соболев писал, что занятия с цесаревной начались 31 октября, проходили два раза в неделю по полчаса, всего было 12 уроков. За это время «успели ознакомиться с простым и обратным устным счетом до 10-ти, а также с числами 2, 3, 4, 5, 6 со стороны состава их из слагаемых». В это время великой княжне было 7 лет, и становится понятно, что учитель математики не многому успел ее научить за полгода. С возрастом у Анастасии Николаевны проблемы с математикой не уменьшались.

Не без удовольствия цесаревна занималась иностранными языками, особенно ей нравились устные уроки. Учитель французского языка Пьер Жильяр вспоминал, что Анастасия Николаевна на уроках с удовольствием говорила по-французски, легко копируя произношение, и даже разыгрывала отрывки французских пьес. В воспоминаниях учитель так описал свою ученицу: «Анастасия Николаевна была, наоборот, большая шалунья и не без лукавства. Она во всем быстро схватывала смешные стороны; против ее выпадов трудно было бороться. Она была баловница — недостаток, от которого она избавилась с годами. Очень ленивая, как это бывает иногда с очень способными детьми, она обладала прекрасным произношением французского языка и разыгрывала маленькие театральные сцены с настоящим талантом. Она была так весела и так умела разогнать морщины у всякого, кто был не в духе, что некоторые из окружающих стали, вспоминая прозвище, данное ее матери при английском дворе, звать ее «Sunshine» — «Солнечный луч».

С 1909 года Анастасия Николаевна начала посещать уроки английского языка, которые вел Сидней Гиббс. Сначала англичанин был немного шокирован ее, как он мягко говорил, эксцентричностью. И честно признавался, что учить ее нелегко. Однако постепенно учитель и ученица нашли общий язык. Мистер Гиббс увидел в цесаревне положительные качества, считал ее очень изобретательной и в воспоминаниях написал, что это была «хрупкая и нежная... маленькая леди с большим самообладанием,

всегда радостная, всегда счастливая». Учителя поражало умение великой княжны придумывать «какую-нибудь новую странность речи или манеры». Он вспоминал, что «ее умение владеть своей мимикой было просто поразительно».

На уроках Анастасия Николаевна и Мария Николаевна занимались вместе в одном классе. Некоторые учителя считали, что баловница Анастасия Николаевна мешает старшей сестре. Особенно же шумно вели себя цесаревны на небольших в 10 минут переменах между уроками — скакали по стульям и диванам, громко кричали.

Музыка Анастасию Николаевну сначала не увлекала, хотя к юношескому возрасту цесаревна неплохо научилась играть на фортепьяно. И даже играла вместе с Государыней в четыре руки произведения таких композиторов, как Эдвард Григ и Фридерик Шопен. Так же, повзрослев, она нередко с удовольствием рисовала или читала. Среди прочитанных ею книг встречаются пьесы Мольера, романы Шарлотты Бронте и Чарлза Диккенса.

Однако всегда любые занятия воспринимались Анастасией Николаевной как ограничение ее свободы, самым счастливым в ее жизни временем становились праздничные дни и лето, когда Царская семья много путешествовала. Цесаревна буквально расцветала, оказываясь на императорской яхте «Штандарт», которую обожала. На яхте, когда старшие сестры читали или занимались вместе с Государыней рукоделием, Анастасия Николаевна умудрялась исследовать все закоулки судна, устраивала на палубе веселые игры с прятками. Весь день она без усталости и отдыха бегала по яхте, а вечером ее буквально насильно уносил спать дядька-матрос, назначенный, чтобы смотреть за беспокойной цесаревной. Она сопротивлялась, не желая возвращаться в каюту, и пыталась вырваться. А. А. Вырубова вспоминала: «Анастасия Николаевна всегда шалила, лазила, пряталась, смешила всех своими выходками, и усмотреть за ней было нелегко».

В белом или темно-синем матросском костюме маленькая озорная Анастасия Николаевна вместе с сестрами даже не боялась кататься по палубе на роликовых коньках. Первый раз цесаревна путешествовала на «Штандарте» в 1906 году. Хотя ей было всего 5 лет, совсем не стеснясь, она быстро подружилась с матросами и своим дядькой Бабушкиным, который был к ней приставлен и ни на минуту не упускал шкодницу из виду. Но она все равно умудрялась от него сбежать и забраться на мостик к вахтенным офицерам. Любопытно, что бойкую и активную цесаревну привлекали люди совсем другого темперамента — спокойные и

уравновешенные. Так, на яхте ей приглянулся молчаливый штурман Алексей Васильевич Салтанов, которому в 1906 году было 28 лет. Он с удовольствием играл с маленькой цесаревной.

И все-таки, каким бы мальчишеским характером ни обладала Анастасия Николаевна, она оставалась девочкой, маленькой, женственной. Сохранилась письменная запись того, что цесаревна хотела бы получить в подарок на свой день рождения (в 1910 году), написанная ее рукой: «На мой день рождения я хотела бы получить игрушечные расчески, машину для письма, икону Николая Чудотворца, какой-нибудь наряд, альбом для наклеивания с картинками, потом еще большую кровать, какая была у Марии в Крыму. Я хочу настоящую собаку, корзину для использованной бумаги, когда я пишу какую-нибудь книгу или что-то другое... Еще книгу, в которой можно писать небольшие пьесы для детей, которые можно представлять».

Слабостью Анастасии Николаевны были сладости, карманы ее одежды постоянно были полны шоколада и шоколадных конфет, особенно она любила конфеты крем-брюле. Часто ее можно было увидеть с руками и ртом, вымазанными шоколадом.

Цесаревна любила животных, ее заветное желание иметь собственную собаку исполнилось. Ей подарили маленького шпица, которого назвали Швыбзик. Она так его любила, что старалась с ним не расставаться, даже отказывалась без него ложиться спать. Однако вскоре песик, к большому огорчению великой княжны, заболел и умер. Цесаревна очень расстроилась и, вместе с сестрами, устроила любимцу настоящие похороны. Однако вскоре Анастасия Николаевна утешилась — Вырубова подарила ей щенка кинг-чарльз-спаниеля. Она назвала его Джимми. Это был очень живой, умный, маленький пес, ставший хозяйке настоящим другом.

Анастасия Николаевна подрастала, но ее любовь к подвижным играм и беспокойный характер не менялись. Офицеры «Штандарта» из-за этого над ней немного подтрунивали. Когда ее старшие сестры стали шефами собственных полков, Анастасии Николаевне по возрасту это еще было не положено и она искренне опечалилась. Расстраивалась, что она из сестер самая младшая. Ей очень хотелось иметь «собственный полк». Моряки шутили, что она должна стать «шефом пожарной бригады», намекая на ее «огненный нрав» и постоянные проблемы, которые она умудрялась создавать благодаря своему бойкому характеру. Анастасия Николаевна смеялась над этой шуткой вместе со всеми. Ей больше других царских детей была присуща самоирония. С этого времени она даже стала подписывать свои письма отцу «Атаман пожарный».

В 1911 году поездка в Крым для Анастасии Николаевны стала по-настоящему замечательной. Ей исполнилось 10 лет, цесаревна стала достаточно взрослой и самостоятельной. В Ливадии великая княжна могла целыми днями бегать в парке, бесконечно играть в прятки. Забираться на самые высокие деревья. Любила подвижные или веселые игры: лапту, фанты, серсо. Игра, когда один человек бросает обручи, а другой ловит их с помощью палки, — называется серсо. Обычно играют парами, а потом победители встречаются между собой. Серсо очень нравилась цесаревне. Это была очень популярная игра в начале XX века.

Шустрая, бесстрашная великая княжна иногда попадала в настоящие передраги. Однажды цесаревна слишком далеко отплыла от берега, не боясь сильного волнения, в это время особенно высокая волна накрыла ее с головой. Анастасия Николаевна едва не утонула. Ее не без труда смог вытащить на берег отец, отличный пловец. Из-за этого происшествия Государь распорядился отгородить на пляже у дворца часть морского берега наподобие бассейна.

Смелой и любопытной цесаревне для игр мало было дворцовых построек, парков, пляжа — ее привлекала крыша дворца. Именно крыша вызывала живейший интерес у Анастасии Николаевны. Оттуда открывался необыкновенный вид на окрестности — море, горы, зеленую поросшие холмы. Жесть, которой была покрыта крыша, весело звенела под ногами, какое удовольствие было по ней прыгать. Но самое интересное происходило ночью — над головой загорались россыпи звезд. В чистом крымском воздухе черный бездонный небосвод сиял миллионами ярких светил. На это завораживающее зрелище, казалось бы, непоседа Анастасия Николаевна могла смотреть долго, с восторгом, изучая созвездия. Пока ее с боем не отправляли спать. Возвращение осенью в Царское Село из Крыма всегда вызывало только печаль у всех великих княжон, а для Анастасии Николаевны становилось просто наказанием. Учеба всегда означала для цесаревны только скуку и неприятности.

Весной 1912 года настроение великой княжне немного омрачило увольнение ее любимой воспитательницы Софьи Ивановны Тютчевой, внучки поэта Ф. И. Тютчева, фрейлины императрицы. У Софьи Ивановны, которую царские дети называли между собой «Саванной», сложились непростые отношения с Александрой Федоровной, что и привело, в конце концов, к ее увольнению. Однако дети хорошо относились к своей воспитательнице, которая с 1908 года служила в детской и присматривала за ними. Особенно расстроилась Анастасия Николаевна. Цесаревна с получившей отставку Софьей Ивановной постоянно, активно

переписывалась до 1916 года. Впрочем, императрица через несколько месяцев после увольнения Тютчевой смягчилась и разрешила ей изредка встречаться с цесаревнами. Великие княжны скучали по воспитательнице, к которой привыкли, а Софья Ивановна их искренне любила.

Лето в 1912 году Царская семья вновь провела в Ливадии. Анастасия Николаевна в Крыму чувствовала себя счастливой. Она писала своему учителю русского языка: «У нас здесь очень большие, чистые и белые комнаты, здесь у нас растут настоящие фрукты и виноград... Я так счастлива, что нет этих ужасных уроков. Вечером мы сидим все вместе, вчетвером, играет граммофон, мы слушаем его и играем вместе... Я совсем не скучаю по Царскому Селу, потому что я даже не могу передать вам, как мне там скучно».

Несмотря на то что цесаревна подрастала, характер у нее не менялся. Она оставалась достаточно резкой и прямолинейной. Часто ее шутки получались не очень-то и безобидными. Она высмеивала ухажеров старших сестер, придумывая им неприятные и даже оскорбительные прозвища, обижала и самих сестер. Особенно доставалось Татьяне Николаевне. Остались воспоминания о том, как Анастасия Николаевна однажды зимой бросила в лицо сестре снежок, удар был такой сильный, что та упала. Цесаревна делала подножки сестрам и гостям, смеялась, когда те падали. С Марией Николаевной, с которой они жили в одной комнате и были неразлучны, они иногда дрались. Татьяна Николаевна в одном из писем подруге рассказывала о том, что Анастасия Николаевна вырвала у сестры целый клочок волос. Сын придворного врача Глеб Боткин вспоминал: «Она постоянно доходила в своих шутках до опасной грани. Она постоянно рисковала быть наказанной».

Когда старшие цесаревны подросли, их тетки (Ольга Александровна и Ксения Александровна) и бабушка (вдовствующая императрица Мария Федоровна) старались, чтобы великие княжны чаще бывали в свете, научились общаться со своими ровесниками, да и просто больше развлекались. Нередко званые вечера и чаепития устраивала для своих племянниц Ольга Александровна, к ней в дом на эти праздники, как правило, приезжали все четыре цесаревны. Все великие княжны обожали свою тетку, она тоже любила их всех, но по-особенному все же относилась к своей крестнице — Анастасии Николаевне, которая в дом своей крестной матери всегда приносила радость. Уже через много лет жизни в эмиграции Ольга Александровна говорила, что ей кажется: у нее в ушах все еще звенит голос крестницы, которым наполнялся весь дом, когда Анастасия Николаевна приезжала в гости. Великая княгиня вспоминала: «Девочки

наслаждались каждой минутой. Особенно радовалась моя милая крестница Анастасия, поверьте, я до сих пор слышу, как звенит в комнатах ее смех. Танцы, музыка, шарады — она погружалась в них с головой». Иногда на ланч внучек приглашала к себе в Аничков дворец бабушка-императрица. Строгую Марию Федоровну побаивалась даже Анастасия Николаевна, у бабушки она старалась вести себя примерно.

Званные чаепития, обеды и вечера в Санкт-Петербурге, в которых принимала участие Царская семья, в основном проходили в зимние сезоны 1911/12 и 1912/13 годов, когда Анастасии Николаевне было 11–12 лет. В это время Государь начал посещать вместе со своими детьми театры и концерты. Сохранились воспоминания жены американского дипломата, которая на концерте балалаечников сидела в ложе рядом с великой княжной Анастасией Николаевной. Цесаревна вошла в ложу, держа в руках коробку шоколадных конфет. Жена дипломата так писала о своих первых впечатлениях от общения с великой княжной: «Одарив меня скромной улыбкой, она поставила свою коробку конфет на перила между нами». Во время антракта дама смогла хорошо рассмотреть цесаревну: «Ее нельзя было назвать красивым ребенком, но в ней было что-то искреннее и располагающее». Анастасия Николаевна, непосредственная и общительная, начала угощать соседку по ложе конфетами. Дама вспоминала: «На плоских перилах лежала теперь уже полупустая коробка конфет, а ее белые перчатки были измазаны шоколадом. Она застенчиво протянула мне коробку, и я взяла одну конфету». Когда началось второе отделение концерта, музыканты заиграли народную мелодию. К удивлению дамы, цесаревна начала им подпевать. И когда соседка спросила у Анастасии Николаевны, что за песня звучит, великая княжна ей ответила: «О, это старая песня о маленькой девочке, потерявшей свою куклу». И продолжила петь. Мисс немного удивилась тому, что великая княжна так хорошо знала народную музыку.

К 1911–1913 годам лучшим другом для Анастасии Николаевны стал родившийся в 1904 году брат — Алексей Николаевич. Цесаревич от природы подвижный, эмоциональный по характеру оказался больше всего из царских детей похож на Анастасию Николаевну. Они вдвоем шалили, прекрасно другу друга понимая. В моменты, когда цесаревич был здоров, они с сестрой придумывали множество проказ, вместе носились по дворцу. По общему мнению, вдвоем они создавали гораздо больше шума, чем когда играли отдельно. Когда цесаревич болел, оставаясь в постели, и старшие сестры дежурили у его постели как сестры милосердия, Анастасия Николаевна приходила в комнату к брату, чтобы его развлечь. Рассказывала

ему смешные истории, новости, которые ей удалось узнать, а она была мастерица собирать все слухи о происшествиях и разнообразные сплетни. Цесаревна даже взрослые анекдоты умудрялась запоминать, к ужасу гувернанток и нянь, не понимавших, где она могла их услышать.

Внешность Анастасии Николаевны с годами достаточно сильно изменилась. Из хрупкой девочки с нежными чертами лица она превращалась в плотно сбитую, невысокую девушку. К подростковому возрасту стало понятно, что цесаревна будет маленького роста. Она была не только самой маленькой из великих княжон по годам, но и самой низкой по росту — 156 сантиметров. Отчасти из-за этого близкие ее иногда называли «маленькой» или «кубышкой». Волосы у великой княжны были темно-русые с легким рыжеватым оттенком и, как правило, всегда растрепанные. Серо-голубые глаза и форму лица она унаследовала от отца. Цветом волос и глаз напоминала свою старшую сестру Ольгу Николаевну. И все же, по мнению близких, великая княжна внешность унаследовала от родственников не отца, а матери. Самая младшая цесаревна больше других царских детей была похожа на своих гессенских предков. И мало — на русских родных.

Фигуру цесаревна унаследовала от матери: тонкую талию, широкие бедра, красивый бюст. Несмотря на то что Анастасия Николаевна в юные годы была достаточно плотного телосложения, грузной она не казалась, в ее движениях оставалась легкость. Крепко сбитая, плотная, с достаточно крупными чертами лица цесаревна, может быть, была немного простовата на фоне старших сестер — элегантной Ольги Николаевны, высокой, статной Татьяны Николаевны и даже пухленькой, томной Марии Николаевны. Но ее достаточно скромную внешность искупали ее природная веселость, смелость, граничащая с бесшабашностью, умение радоваться жизни. Говорила Анастасия Николаевна быстро, громко, но достаточно разборчиво, любила смеяться и даже хохотать.

Фрейлина императрицы баронесса С. К. Буксгевден вспоминала: «У нее было менее правильное, чем у сестер, лицо, зато весьма оживленное. Она была смелее других сестер и очень остроумна. Анастасия, с пока еще не установившимся характером, обещала быть весьма способной». Юлия Александровна Ден писала в воспоминаниях об Анастасии Николаевне: «Она была чрезвычайно забавна и обладала несомненным даром мима. Во всем она умела находить забавную сторону и была сама не своя до всяческих розыгрышей. Думаю, из нее получилась бы великолепная комедийная актриса».

Юность. Война

Для Царской семьи 1914 год начался в Царском Селе традиционной праздничной обедней. Все веселые новогодние дни наполняли поездки к родственникам в Санкт-Петербург, катание на тройках, вместе с отцом цесаревны с цесаревичем строили из снега крепость. Царские дети с радостью катались на огромной снежной горке, которую специально для них соорудили в парке недалеко от дворца. К ужасу гувернанток, Анастасия Николаевна с хохотом буквально слетала на санках вниз, специально резко тормозила, со всего размаху падая в снег. Ее одежда быстро становилась белой от снега, промокала, но цесаревну это не заботило, только подзадоривало.

В начале января морозы стояли небольшие — до -10 градусов, и Анастасия Николаевна все свободное время с братом и сестрами проводила на свежем воздухе. Когда к ним присоединялся отец, они долго катались на лыжах по парку. Однако к середине января цесаревна немного простудилась, из-за насморка, к большому ее сожалению, ей больше недели не разрешали гулять. Расстроенная Анастасия Николаевна с завистью наблюдала, как другие отправляются на прогулки. И не было в ее жизни большего расстройства, чем противная простуда. Наконец, 21 января наступила оттепель, снег начал таять. К этому времени Анастасия Николаевна уже чувствовала себя хорошо. Так как на улице не было морозов, ей вновь разрешили выходить в парк и выезжать с сестрами в гости к родственникам. Уже 22 января счастливая цесаревна вместе с родителями и сестрами отправилась на завтрак к тетке — великой княгине Ксении Александровне.

Два первых зимних месяца 1914 года у Анастасии Николаевны прошли по обычному для нее расписанию. Будние дни заполняли «нелюбимые» уроки, между которыми помещались недлинные прогулки на свежем воздухе, а вечерами изредка во дворце принимали гостей или сама Царская семья отправлялась в гости. В субботу цесаревна обязательно посещала вместе с родителями церковь. И каждый раз самым радостным днем для Анастасии Николаевны становилось воскресенье! Она с сестрами на целый день уезжала к тетке — великой княгине Ольге Александровне. Для любимых племянниц она устраивала массу развлечений, разрешая цесаревнам приглашать своих друзей. Молодежь здесь могла отвести душу — устраивали домашние концерты, танцевали, играли в прятки, догонялки,

фанты — переворачивали весь дом. Однажды так много людей забралось на шкаф, что даже сломали его. Для Анастасии Николаевны воскресенье в гостях у любимой крестной всегда становилось лучшим днем недели, каждый раз праздником.

Иногда, когда Государь в своем плотном графике находил свободное время, он не только гулял с дочерьми в парке, но и посещал с ними разные мероприятия. Однако на официальные встречи император брал, к печали Анастасии Николаевны, в основном только двух старших дочерей. Иногда, к радости цесаревны, что-то интересное происходило и в самом Александровском дворце. Так, 30 января в круглой зале дворца для Царской семьи пел Донской войсковой хор. Концерт всем царским детям очень понравился.

Несколько раз в неделю по вечерам Царская семья отправлялась в гости к подруге государыни — Анне Александровне Вырубовой, которая жила в отдельном доме недалеко от их дворца. Как правило, там оставались допоздна, играли в домино, лото, карты, пили чай с закусками, беседовали. Анастасия Николаевна очень любила эти посиделки, которые разнообразили повседневную, скучную жизнь. К Вырубовой на эти вечера приходили ее друзья и близкие к Царской семье офицеры конвоя, а иногда и родственники Государя или друзья цесаревен.

Изредка у Анастасии Николаевны, как у всех царских детей, выпадали по-настоящему праздничные дни. Так, 9 февраля 1914 года состоялась свадьба кузины цесаревен — великой княжны Ирины Александровны (дочери их тетки Ксении Александровны), которая выходила замуж за князя Феликса Феликсовича Юсупова. В Аличковом дворце прошел роскошный прием с поздравлением новобрачных, на который собралась вся столичная знать. Царская семья прибыла на свадьбу в полном составе. Однако прием закончился достаточно рано. Государыня с цесаревичем сразу вернулись в Царское Село. А император решил побаловать дочерей — повез их в театр. В тот вечер давали балет «Эсмеральда». Это был бенефис известного танцовщика, в будущем хореографа Н. К. Легата. Постановка произвела на цесаревен большое впечатление, они были счастливы. Домой в Царское Село отец с дочерьми вернулся уже около часа ночи. Великим княжнам так понравился спектакль, что Государь через три дня вновь повез дочерей в театр, смотрели пьесу «Свадьба Кречинского», которая шла в Санкт-Петербурге с большим успехом.

Несколько раз Анастасии Николаевне удавалось побывать на небольших, но почти настоящих балах. Так, 16 февраля 1914 года вместе с отцом и сестрами она посетила «дневной бал» у великой княгини Марии

Павловны, жены великого князя Владимира Александровича, которую в императорской семье называли тетя Михень. Бал состоялся в обеденное время, цесаревны с удовольствием танцевали, но, к сожалению, в семь часов вечера им пришлось покинуть праздник.

Весна принесла мало изменений в обычный распорядок жизни Анастасии Николаевны, львиная доля дня у нее по-прежнему уходила на «нелюбимые» уроки. Но в теплые солнечные дни Государь стал чаще брать детей на мероприятия, проходившие на свежем воздухе. Так, вся Царская семья присутствовала на последнем смотре молодых матросов Гвардейского и 2-го Балтийского экипажей, Морской учебно-стрелковой команды и школы юнг. Всего в смотре участвовало 2400 юных матросов. Как записал Государь в дневнике: «Все представились молодцами. Солнышко грело наилучшим образом». После зимних серых дней такие прогулки очень нравились царским детям.

По вечерам дети вместе со взрослыми любили смотреть интересные диапозитивы. Так, 10 марта 1914 года вся Царская семья с любопытством рассматривала на диапозитивах «цветные фотографии видов Алтайского округа». Нередко по выходным в Александровском дворце устраивали домашний кинематограф, смотрели не только интересные зарубежные фильмы, Анастасия Николаевна предпочитала комедии, но и небольшие сюжеты, которые снимал придворный кинооператор о Царской семье.

После длинной, холодной зимы Анастасия Николаевна была совершенно счастлива, когда 27 марта она с родителями, братом и сестрами села в поезд. Царская семья отправилась в Крым. Севастополь встретил их солнцем, теплом, все деревья были в цвету. После холодной весны в Царском Селе, похожей скорее на зиму, теплый Крым казался раем. В Севастополе Царскую семью ожидала любимая яхта. Государь писал в дневнике: «Прибыли на гребном катере с темнотою на яхту «Штандарт». Такая радость снова быть у себя дома на воде! Вечер был очень теплый с полной луной...»

В Вербное воскресенье 30 марта Царская семья прибыла в Ливадию. Деревья в парке вокруг дворца были в цвету и листьях, зеленела свежая трава. Сразу после приезда Государь с детьми отправился на прогулку. И потом каждый день цесаревны гуляли по берегу моря и ближайшим холмам, собирали цветы. Анастасия Николаевна старалась не пропустить ни одной прогулки. На Страстной неделе каждый день Царская семья посещала службы в церкви. В Страстную субботу за обедом все подарили друг другу подарки к Пасхе. В Светлое Христово воскресенье государь с детьми и офицерами гвардейского экипажа отправился из Ливадии на

длинную пешую прогулку, до Крестовой горы в Орианде. Там отдохнули, любясь прекрасным видом на море и горы. И устроили небольшой пикник, пили чай с пасхой, молоком и маслом.

С 7 апреля начали играть в теннис каждый день, если позволяла погода. Анастасия Николаевна, несмотря на юный возраст, была заядлой теннисисткой, старалась использовать каждую возможность поиграть. Однако этому иногда мешала погода, в некоторые дни налетал холодный ветер или начинался непродолжительный дождь. Но ненастье случалось редко, весна 1914 года выдалась теплой, и большую часть дней температура стояла летняя, до 30 градусов на солнце. Анастасия Николаевна была совершенно счастлива: на свободе, без уроков. Теперь она совсем взрослая наравне со старшими сестрами отправлялась на пешие прогулки с отцом. Так, утром 12 апреля с Государем, Татьяной Николаевной и Марией Николаевной цесаревна по берегу моря дошла до больших скал в Орианде.

В Крыму у многих родственников и приближенных к Царской семье людей были дачи. Поездки друг к другу в гости на отдыхе не требовали таких сложностей и не подчинялись строгому этикету, как в столице. В гости приезжали запросто, достаточно было письма или простого телефонного звонка. Цесаревнам такая жизнь казалась сказочной, для них это была настоящая свобода! 15 апреля вся Царская семья отправилась в Кичкенэ к княгине Наталье Константиновне Багратион на крестины княжны Натальи Константиновны Багратион-Мухранской. Восприемниками стали император и цесаревна Ольга Николаевна. Всем понравился княжич Теймураз, двухлетний малыш. Цесаревны с удовольствием с ним нянчились. Государь записал в дневнике, что княжич был «очень мил и забавен». На следующий день 16 апреля в Ливадию приехали 80 юнкеров выпускного класса Новочеркасского казачьего училища, которым Государь показал внутренний двор дворца и церковь. С юнкерами, по их просьбе, с удовольствием фотографировались цесаревны. Иногда Царская семья ездила погулять в Массандру или отправлялась на «Штандарт», где в столовой, к радости Анастасии Николаевны, смотрели веселые комедии. 23 апреля торжественно отметили именины Государыни, состоялись даже небольшой парад и многолюдный праздничный прием.

В тот приезд в Ливадию каждый день становился для царских детей праздником. Это была та самая веселая жизнь, о которой так мечтала задорная Анастасия Николаевна. 24 апреля дети с Государем поехали на поляну Ай-Ни-колы, где происходили конские состязания и джигитовка всадников Крымского конного императрицы Александры Федоровны

полка. На следующий день 25 апреля все цесаревны с Государыней присутствовали на свадьбе офицера Собственного Его Величества Сводного пехотного полка Мариам-бея в Ориандской церкви. А в воскресенье 27 апреля в Ливадию приехал выпускной класс Одесского военного училища — 206 юнкеров. С ними снова фотографировались Государь и цесаревны с цесаревичем. Такая насыщенная жизнь необыкновенно нравилась Анастасии Николаевне: поездки, визиты, приемы, ежедневные дальние прогулки. Даже сдержанный император в своем дневнике называл эти дни «дивными». Главным праздником стал день рождения императора — 6 мая, Государю исполнилось 46 лет. Состоялись парад, большой обед, иллюминация.

Следующую неделю цесаревны с Государыней готовились к благотворительному базару, который прошел 11 мая на молу в Ялте. Анастасия Николаевна, как и ее сестры, вместе со придворными дамами и фрейлинами торговала собственноручно сделанными сувенирами, вышивками, картинками. Все вырученные деньги пошли на благотворительность.

К концу мая в Крыму наступила летняя, жаркая погода и только в горах еще продолжалась весна — цвели сирень и глицинии. 23 мая Царская семья посетила знаменитый Космо-Дамиановский монастырь, где присутствовала на службе. Государь вместе с детьми искупался в студенном животворном источнике. На обратной дороге на Чучельском перевале остановились, чтобы посмотреть зверинец с горными турами и баранами. Поездку единогласно называли «преудачной», все ею были очень довольны.

Вскоре семью ждал еще один важный праздник. День рождения Государыни (25 мая) отмечали церковной службой и крестным ходом, большим торжественным обедом и фейерверком в Ялте. А через четыре дня (29 мая) весело отметили уже день рождения великой княжны Татьяны Николаевны.

В конце мая в Крыму стало по-настоящему жарко, теперь Царская семья завтракала и обедала в саду. Два чудесных месяца отпуска в Ливадии подходили к концу. Никому совсем не хотелось уезжать. Больше всех горевала Анастасия Николаевна, которую до слез расстраивала перспектива снова вернуться в Царское Село. 31 мая Царская семья отправилась в Констанцу на встречу с Румынской королевской семьей. В Румынии Анастасия Николаевна постоянно подтрунивала над возможными женихом и невестой. Учитель французского языка Пьер Жильяр вспоминал, как весело цесаревна закатывала глазки, строила рожицы и заливалась с хохотом, кивая на старшую сестру, сидевшую рядом с принцем во время

торжественного приема в Констанце. После двух дней краткосрочного визита в Румынию Царская семья отправилась на яхте «Штандарт» в Одессу, где села в поезд и поехала в Кишинев на празднование столетия присоединения Бессарабии к России, затем остановилась ненадолго в Тирасполе.

В день рождения Анастасии Николаевны (5 июня) Царская семья вернулась домой в Царское Село. Великой княжне в этот день исполнилось 13 лет. Сразу по приезде она получила от родных многочисленные подарки. В тот день стояла прекрасная летняя погода, поэтому после обеда вся семья отправилась на прогулку в парк. К радости Анастасии Николаевны, на прудах они с сестрами и отцом долго катались на байдарках.

Как обычно летом Царская семья с радостью переехала на дачу в Петергоф (13 июня). Анастасия Николаевна с удовольствием каждый день играла в теннис, плавала на байдарке, купалась, радуясь каждому летнему дню.

В середине июня в Кронштадт с официальным визитом прибыла английская эскадра линейных крейсеров под командованием адмирала Дэвида Битти. Царская семья дала торжественный ланч у себя на даче в Петергофе в честь британских офицеров. В ответ английские моряки устроили прием для императора и его семьи на своих военных кораблях в Кронштадте. Русских гостей англичане принимали с большими почестями. Государь с удовольствием отметил в своем дневнике: «Английская эскадра на малом рейде встретила нас громом салюта. Прошли на паровом катере вдоль линии судов и перешли на флагманский крейсер «Lion». На нем подняли англ. адмиральский флаг при салюте. Осмотрел эту громадину в 28 000 тонн и затем завтракали у адм[ирала] Beatty. Англичане были радушны и любезны и показали мне все, что меня интересовало». Также радушно встречали англичане у себя на кораблях и царских детей. Самой любопытной и непоседливой оказалась, конечно, Анастасия Николаевна. Она с нескрываемым интересом осмотрела всё, что показывали иностранцы. Но ей показалось этого мало, и она стала уговаривать английских офицеров разрешить ей подняться на капитанский мостик. Как вспоминала одна из дам: громкий голос Анастасии Николаевны постоянно возвышался над шумом общего разговора. Она упрашивала кого-то: «Возьмите меня в свою боевую рубку!» Потом озорно смеялась: «А можно, вы выстрелите из одной из пушек, а потом просто сделаете вид, что это была ошибка?»

Радостная, веселая, беззаботная жизнь юной великой княжны Анастасии Николаевны закончилась в один миг. Тот летний субботний день

начинался у цесаревны обычно, как все дни июля. Утром Царская семья долго и с удовольствием завтракала на свежем воздухе. Потом Государь с детьми погулял по берегу, погода стояла прекрасная. В 18.30 Августейшие родители с дочерьми отправились ко всенощной. А когда вернулись после службы, императора в его кабинете ожидало сообщение о начале войны с Германией.

Анастасия Николаевна была поражена страшным известием. Она рассказала наставнику цесаревича Пьеру Жильяру, что в тот момент происходило в Царской семье, с ее слов учитель записал в своем дневнике: «Служба кончилась, и Их Величества с великими княжнами вернулись в Александрию. Было около 8 часов вечера. Государь, прежде чем пройти в столовую, зашел в свой рабочий кабинет, чтобы ознакомиться с доставленными в его отсутствие депешами. Из телеграммы Сазонова он узнал, что Германия объявила войну. Он имел с министром короткую беседу по телефону и просил его приехать в Александрию, как только он будет иметь к тому возможность.

Государыня и великие княжны ожидали Государя в столовой. Ее Величество, обеспокоенная его продолжительным опозданием, только что поручила Татьяне Николаевне сходить за отцом, когда Государь, очень бледный, наконец появился и голосом, выдававшим против желания его волнение, сообщил, что война объявлена. Услыхав это известие, Государыня разрыдалась. Видя отчаяние матери, великие княжны в свою очередь залились слезами».

В течение нескольких дней после начала войны жизнь Анастасии Николаевны стала быстро меняться. Каждый день в Александровский дворец кто-то приезжал прощаться перед отправкой на войну. Самым печальным и горьким для Анастасии Николаевны был отъезд на фронт ее дорогой крестной — великой княгини Ольги Александровны, которая стала сестрой милосердия.

Анастасия Николаевна по возрасту не могла стать сестрой милосердия, как старшие сестры и мать, что очень ее расстраивало, но она тоже каждый день помогала раненым в госпиталях, чем могла. Цесаревна под диктовку писала домой солдатам письма, развлекала выздоравливающих, играя с ними в карты, шашки, и даже учила их грамоте: «Я сидела сегодня с нашим солдатом и я ему помогала читать, это было мне очень приятно. Он у нас начал учиться читать и писать» (из письма великой княжны Анастасии Николаевны отцу от 21–22 октября 1914 года). К зиме для солдат в специальных мастерских начали готовить теплые вещи для посылок на фронт. Анастасия Николаевна, несмотря на юный возраст, очень быстро

освоила работу на вязальной машине. Она мастерски с этим справилась. На складе для нее тоже нашлась работа: штамповать и складывать в ящики заготовки для писем военно-полевой почты, которые использовали солдаты для писем домой.

В начале войны младшие цесаревны помогали раненым в госпитале, в котором работали их мать и старшие сестры. Но после открытия «Лазарета для раненых воинов № 17» их с Марией Николаевной имени Анастасия Николаевна стала вместе с сестрой работать там.

Цесаревны не только помогали раненым, но свои личные деньги отдавали на покупку лекарств и всего необходимого. Случалось, что младшим цесаревнам приходилось ухаживать за ранеными, выполняя функции сиделок. И все же в основном они пытались скрасить фронтовикам нелегкое время болезни. Особенно тяжело переживала Анастасия Николаевна, когда кто-то из раненых умирал. В 13 лет ей непросто было находиться постоянно рядом с таким количеством человеческих страданий и боли.

Учитель царских детей Сидней Гиббс вспоминал, что в это время для младших цесаревен работа в госпиталях стала основной заботой — «средоточием их жизни». Из-за постоянных нагрузок в лазаретах пострадала их учеба. Однако учитель понимал: во время войны для его учениц помощь раненым стала самым главным, и считал, что в какой-то степени знаниями можно поступиться, потому что «сам опыт такой работы придавал им столько сил, что, конечно же, этим стоило пожертвовать». Анастасия Николаевна в это время писала своему учителю Петру Васильевичу Петрову: «Сегодня днем мы все поехали кататься, ходили в церковь и в госпиталь, вот так! А сейчас нам нужно пойти поужинать, а затем снова в госпиталь, вот так мы теперь живем, да!»

К 1915 году, несмотря на свой юный возраст, Анастасия Николаевна по мере сил стала принимать участие вместе с матерью и старшими сестрами в благотворительной деятельности и делах милосердия. В конце января 1915 года на улицах Петрограда был организован сбор пожертвований в пользу раненых воинов. Деньги «с кружками» собирали артисты императорских театров. А 5 марта 1915 года в Мариинском театре прошел концерт «Реквием», сборы от которого тоже шли на помощь раненым. Августейшей покровительницей этих мероприятий с участием театральных деятелей была великая княжна Анастасия Николаевна. Покровительство юной княжны делам милосердия привлекало жертвователей. Специально для сбора денег изготовили жетоны с вензелями Анастасии Николаевны, которые активно раскупались. Поступления от спектакля и сбора денег

актерами на улицах составили более 13 тысяч рублей, на них закупили свыше 9 тысяч комплектов белья для солдат. Кроме того, люди приносили теплые вещи, которые были отправлены на фронт.

Имя великой княжны Анастасии Николаевны носили два лазарета: Чинов Канцелярии Его Императорского Величества по принятию прошений и Министерства народного просвещения. Имя цесаревны присвоили двум военно-санитарным поездом: № 61 — Особого отдела Канцелярии Ее Величества Государыни Императрицы и № 154 — Общедворянской организации. Для членов Царской семьи лазареты их имени и санитарные поезда становились предметом заботы, госпиталям помогали деньгами и медикаментами, поезда своего имени члены Царской семьи старались встречать, когда те прибывали с фронта, заполненные ранеными.

Анастасия Николаевна в годы войны быстро выросла. Практически она проводила свою юность в лазаретах рядом со страдающими людьми, и это откладывало отпечаток на ее жизнь. Конечно, ее яркий темперамент, оптимизм, веселый нрав оставались неизменными. Однако постепенно под влиянием обстоятельств цесаревна научилась более ответственно относиться к своим обязанностям и поручениям Государыни.

К 15 годам (к 1916 году) цесаревна повзрослела и превратилась в достаточно милую девушку. От легкой неряшливости в одежде не осталось и следа. Из царских дочерей у нее были самые длинные волосы, которые она любила носить распущенными. Волосы свободными прядями красиво падали на плечи цесаревны и по спине спускались ниже талии. На фотографиях 1915–1916 годов перед нами Анастасия Николаевна — это уже не шустрая баловница, а славная девушка в милых нарядах.

Один из офицеров 5-го драгунского Казанского полка — Феликс Дассель, который попал осенью 1916 года с тяжелым ранением ноги в лазарет Федоровского городка, писал в воспоминаниях, что Анастасия Николаевна показалась ему девушкой «с колдовским, чувственным взглядом». Он описывал, как увидел цесаревну в первый раз: она, «опираясь на край кровати, пристально глядела на меня, рассматривая меня, размахивая ногой, комкая свой носовой платочек». Офицеру сделали операцию, после чего младшие цесаревны навещали его пару раз в неделю. Во время визитов стеснительная Мария Николаевна больше молчала. Зато Анастасия Николаевна не умолкала. Она была откровенной, веселой, «свободной, озорной, с очень бесстрастным чувством юмора». Иногда в разговорах она игриво, по-детски дразнила выздоравливающего офицера. Когда Феликс Дассель выздоровел, перед отъездом обе цесаревны

сфотографировались с ним на память. Он заметил, что Анастасия Николаевна очень гордится своим госпиталем и чувствует себя в нем взрослой, на равных со старшими сестрами.

Анастасия Николаевна, как все царские дети, обожала отца. Ей очень не хватало общения с ним во время войны. Когда Государь надолго оставался в Ставке, единственной возможностью для цесаревны поделиться с отцом всем сокровенным, почувствовать его присутствие становились письма. Вся накопленная нежность дочери, необходимость выговориться выливались на страницы писем Государю. Письма Анастасии Николаевны отцу в Ставку с 1914 по 1916 год — это отображение мира юной девушки, полное искреннего доверия. Для цесаревны отец — близкий друг, верит она ему бесконечно и очень скучает по живому общению. Ей хотелось рассказать «Папа» обо всем, что с ней происходило, поэтому она часто перескакивала с одной темы на другую, стараясь изложить всё, что трогало ее сердце. Казалось бы, не любившая ничего, что требовало бы усидчивости, порывистая и эмоциональная Анастасия Николаевна долго и с удовольствием сидела у письменного стола, излагая свои мысли на бумаге. Эти заочные беседы с отцом были так важны для нее, что цесаревна писала ему часто, иногда дописывала в готовое послание какие-то мысли несколько дней подряд.

Какой ласковой предстает в письмах отцу Анастасия Николаевна, ее полные нежности слова совсем не согласуются с образом резковатой, шаловливой девушки, какой она предстает в воспоминаниях людей, окружавших Царскую семью. Обращается цесаревна к отцу только ласково: «Мой хороший и добрый Папа!», «Мой золотой Папа душка», «Мой хороший Папа душка!» В письмах она не скупится на теплые слова: «Спи хорошо и увидь меня во сне», «Спи хорошо. Господь с тобой. Крепко 1 000 000 раз тебя целую, любящая тебя изо всех сил твоя верная и преданная дочь Настаська», «Спи сладко. Да хранит тебя Господь Бог», «Будь счастлив и здоров. Крепко 1000 раз целую», «Крепко целую 10 000 000 раз. Храни тебя Бог. Любящая твоя собственная верная и преданная Настаська».

Каждое письмо Анастасии Николаевны — это попытка втиснуть в небольшое послание все, что происходило с ней за время, прошедшее с момента последнего письма. Обязательно перечисление мест, где они с сестрами и Государыней побывали (госпитали, санитарные поезда, мероприятия в Петрограде), людей, с которыми встречались. Она рассказывает о сестрах и матери, чем они занимались. Цесаревна сообщала отцу все новости, о которых узнавала, подробно излагая, как идет жизнь в Александровском дворце.

Особое внимание цесаревна уделяла посещению лазаретов. Постоянно рассказывая о раненых, с которыми сводила ее судьба: «Были мы сегодня у Алексея в поезде. Видели много раненых. По дороге умерло трое — два офицера. [...] Потом мы поехали в Дворцовый госпиталь большой; Мама и сестры перевязывали, а я и Мария ходили ко всем раненым, с каждым говорили, один мне показал очень большой осколок от шрапнели, вынули ему из ноги, и тяжелый кусок. Все говорили, что хотят вернуться отплатить врагу! [...] Еще двое бедных умерло вчера, еще мы сидели с ними. [...] Вот мы только что приехали из нашего лазарета. К нам приехало 11 нижних чинов. И один бедный молодой офицер, который был контужен в голову и поэтому он не говорит и едва-едва слышит. [...] Мы продолжаем ходить в лазарет. Бедный наш один старый прапорщик 5 Сибирского полка три дня назад тому приехал, и сегодня ему плохо так, что наверно не выживет бедный...»

Анастасия Николаевна, зная, как отец волнуется о здоровье сына, в каждом письме пишет ему о самочувствии брата: «Алексей, кажется, хорошо спал, я у него была только на минутку. Он теперь пьет чай, я слышу», «Алексею лучше, он веселый и много смеется, так что ему гораздо лучше», «Я сейчас пойду молиться с Алексеем, а потом я кончу письмо». Из писем видно, что Анастасия Николаевна очень любит брата, они близки, много времени проводят вместе, хорошо понимают друг друга. Она рассказывает отцу не только свои новости, но и Алексея Николаевича: «Граф Шуленбург привез Алексею немецкое ружье, потом каску с чехлом, тесак, погоны 147-го полка и кушак серебряный с кисточками, видно, парадный, осколок от шрапнели и, кажется, пули. Ружье резное и тесак тоже, их отдали почистить, чехол тоже, запачкан, видно. Алексей очень был рад».

Однако Анастасия Николаевна не была бы собой, если бы не проказничала и в письмах тоже. Милыми и гладкими рассказы цесаревны о жизни не назовешь, она иногда позволяет себе шаловливый, хулиганский тон:

«Я сейчас сижу и жру морковку и редиску так вкусно. Теперь в 11 часов я хожу к Алексею и жру с наслаждением пробу, и все почти учителя тоже принимают в этом участие»;

«Что мы вчера делали с мусью Жильяром это ужас, мы его пихали и кулаками и повсюду ему досталось от нас!»;

«Мы только что играли с Марией в ring-pong и так невероятно суетились, кричали, и теперь у меня руки трясутся как у контуженных»;

«Вчера мы четыре сделали костер и прыгали через него. Это было

замечательно. Мы ломали старые ветки тупыми ножами и руками, а потом качались на гамаках»;

«Мы с Марией только что валялись на траве перед балконом. Было ужасно приятно и я теперь малинового цвета»;

«Мы с Марией иногда качаемся на гамаках и она меня почти всегда переворачивает и я лечу прямо на собственную «физию».

Цесаревна описывает и развлечения, которым они с сестрами предавались от скуки и которые скорее напоминали озорство: «По вечерам мы с Ольгой и иногда Марией летаем на велосипедах по нашим комнатам полным ходом. Ольга меня ловит или я ее, очень приятно. Падаем иногда, но пока мы живы!»

Когда император брал с собой в Ставку цесаревича, в каждом письме Анастасия Николаевна передавала приветы и нежные слова брату: «Мы гуляем по утрам и видели Алексея и Сергея, им скучно без Алексея играть. Костры остались и две старые картошки. Завтра я кончу писать. Крепко целую и скучаю, без вас стало пусто», «Крепко тебя и Алексея целую и давлю в моих скромных объятиях».

Особым увлечением в это время для Анастасии Николаевны стала фотография. У нее был собственный фотоаппарат, она много экспериментировала, делала самые разные снимки. Много снимала во время путешествий. Фотографии у нее получались достаточно интересные, не постановочные, как принято было в те времена, а скорее репортажные. Часто она посылала снимки отцу в Ставку, в подарок ему и знакомым:

«Посылаю карточки будь ангелом и дай всем тем которым написано сзади, а те которые не надписаны те тебе если ты их хочешь»;

«Вот я тебе посылаю мою хорошую карточку. Я уверена, что ты очень будешь рад... Я с этой карточкой снялась в зеркало и это было трудно, потому что у меня руки тряслись»;

«Вот посылаю Тебе карточки, которые я снимала и ты их хотел иметь».

В письмах можно проследить, как взрослела великая княжна в годы войны. Если в 1914 году, когда ей было Влет, ее письма отцу — это набор событий, цесаревна пишет сумбурно, перескакивая с темы на тему. И сама понимает это: «Какие у меня разбросанные мысли, но когда я начинаю писать что-нибудь потом другое и я не успеваю дописать первое, и тогда приходится потом дописывать» (из письма отцу от 15 апреля 1915 года). То с 1916 года (в 15 лет) — хотя повествование по-прежнему живое, но в письмах уже складываются рассказы, логичные и образные. Вот как 2 июля 1916 года Анастасия Николаевна описывает прощание с уходящим на фронт подразделением, в котором служат знакомые Царской семье

офицеры: «Еще вчера в 4 ч. был молебен перед Большим Дворцом для 4 сотни [Собственного Его Величества конвоя]. Так жалко их всех. Масса которых мы знаем в лицо, но к сожалению не по фамилиям. Лошади все навьючены. Сами они тоже. После молебна они все проходили мимо нас и пели, а мы когда уехали, то поехали через сад к нашей станции и ждали т. к. скоро мы услышали зурну, увидели пыль и они показались... Кухни и повозки все ехало мимо нас, потом офицеры слезли с лошадей и мы попрощались с ними и уехали. Было очень жалко!»

В день четырнадцатилетия каждая дочь императора становилась почетным командиром одного из российских полков, это была устоявшаяся традиция. Цесаревна стала шефом Каспийского 148-го пехотного полка. В День святой Анастасии (22 декабря) полк стал отмечать свой полковой праздник. В Петергофе специально построили полковую церковь для каспийцев, архитектором ее стал Михаил Федорович Вержбицкий. 5 июня 1915 года, в день своего рождения, четырнадцатилетняя Анастасия Николаевна стала шефом каспийцев. С этого момента полк стал официально именоваться 148-м пехотным Каспийским Ее Императорского Высочества великой княжны Анастасии Николаевны полком. Цесаревна была счастлива и горда. Теперь письма отцу она подписывала только: «Любящий тебя твой верный и преданный Каспиец». Иногда цесаревна шалила, подписывалась шутливо: «Любящий тебя твой верный и преданный как собака и больше. Каспиец».

В письмах отцу в Ставку Анастасия Николаевна подробно описывает повседневную жизнь в лазаретах. Достаточно часто упоминает концерты для раненых в разных госпиталях, которые она обязательно с удовольствием посещала. Их устраивали для поднятия духа выздоравливающих солдат. Для сбора средств на благотворительность тоже нередко проходили представления, которые цесаревна тоже никогда не пропускала. Этим она не только выполняла свой долг — присутствие членов Царской семьи поднимало статус мероприятий, что позволяло собрать больше денег, но и ей самой нравилось смотреть выступление артистов и музыкантов. О каждом таком концерте Анастасия Николаевна обязательно в письмах рассказывала отцу: «Сегодня днем мы были в нашем лазарете. Там был концерт. Был Делазари, трое которые пели, потом одна барышня танцевала, одна, которая танцевала и пела и еще был тоже тот маленький человек, который был у Ани [Вырубовой] зимою давно он рассказывал ужасно смешные вещи так что все умирали со смеху, но сам он совсем не смеялся...» (4 сентября 1915 года).

Остались воспоминания сестер милосердия из госпиталя Государыни,

что Анастасия Николаевна и сама устраивала представления для выздоравливающих солдат. Однажды она принесла в лазарет свою маленькую собачку Джимми. Крошечный пес с красным бантом на шее смешно танцевал на задних лапках под аккомпанемент на губной гармошке. Умел «умирать» и «оживать» по команде. Приносил в зубах маленький платочек. Солдаты были в восторге от представления. Но Анастасия Николаевна собачку едва успела спрятать, когда в палату неожиданно вошла главный врач госпиталя строгая княжна Гедройц, которая обязательно бы пожаловалась Государыне на нарушение режима. Наказать могли бы и сестер милосердия, которые разрешили цесаревне принести пса. Но к счастью, спрятанная собачка сидела тихо, и доктор ни о чем не догадалась.

Однако, несмотря на любовь Анастасии Николаевны ко всяким представлениям, она никогда не забывала, что она дочь императора. Когда однажды младший брат цесаревич сказал ей: «Анастасия, тебе нужно представлять в театре, будет очень смешно, поверь!» Цесаревна стала серьезной и ответила ему, что великая княжна не может выступать в театре, у нее есть другие обязанности.

Концерты для раненых в госпиталях Царского Села проходили достаточно часто, в них участвовали не только артисты и музыканты, но и читали стихи поэты. Практически постоянным участником этих мероприятий стал в 1916 году Сергей Есенин. Его в апреле 1916-го призвали на армейскую службу и он получил назначение санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ее Императорского Величества Государыни императрицы Александры Федоровны. Поезд, в котором поэт находился, был причислен к лазарету «младших цесаревен» в Федоровском городке. Государыня императрица и цесаревны прекрасно знали, какой талантливый поэт служит у них в поезде. Известно, что Сергей Есенин был представлен Александре Федоровне, читал ей стихи, просил и получил от императрицы разрешение посвятить ей свою новую книгу. Анна Ахматова вспоминала, что Есенин «принес сборник, который готовил издать. На этом сборнике он написал посвящение Александре Федоровне (Царице)». Остались воспоминания сразу нескольких очевидцев, как однажды после выступления Есенина с чтением стихов в лазарете цесаревна Анастасия Николаевна проявила к поэту искренний интерес. Они долго беседовали, гуляя по саду. Возможно, это знакомство Есенина с юной цесаревной, их разговор подвигли поэта на создание стихотворения о царских дочках, написанное им в 1916 году:

В багровом зареве закат шипуч и пенен,
Березки белые горят в своих венцах.
Приветствует мой стих молодых царевен
И кротость юную в их ласковых сердцах.

Где тени бледные и горестные муки,
Они тому, кто шел страдать за нас,
Протягивают царственные руки,
Благословляя их к грядущей жизни час.

На ложе белом, в ярком блеске света,
Рыдает тот, чью жизнь хотят вернуть...
И вздрагивают стены лазарета
От жалости, что им сжимает грудь.

Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.

Так случилось, что с именем великой княжны Анастасии Николаевны оказалось связано имя не только Сергея Есенина, но и другого великого русского поэта — Николая Гумилева. Когда началась Первая мировая война, Николай Гумилев ушел на фронт добровольцем. В начале лета 1916 года он лечился от бронхита в лазарете в Царском Селе. Именно там он написал стихотворное поздравление с днем рождения для великой княжны Анастасии Николаевны, которой исполнялось 15 лет. Стихотворение поэт подписал так: «Прапорщик Н. Гумилев, 5 июня 1916 года. Царскосельский лазарет, Большой Дворец».

Сегодня день Анастасии,
И мы хотим, чтоб через нас
Любовь и ласка всей России
К Вам благодарно донеслась.

Какая радость нам поздравить
Вас, лучший образ наших снов,
И подпись скромную поставить

Внизу приветственных стихов.

Забыв о том, что накануне
Мы были в яростных боях,
Мы праздник пятого июня
В своих отпразднуем сердцах.

И мы уносим к новой сече
Восторгом полные сердца,
Припоминая наши встречи
Средь царскосельского дворца.

Стихотворение Николая Гумилева дошло до нас, потому что Анастасия Николаевна выделила его особо среди других поздравлений к своему дню рождения, сохранила его в своих бумагах.

Великая княжна Анастасия Николаевна, обладая веселым, ироничным нравом, с юмором относилась к происходившим время от времени увлечениям своих сестер какими-то из офицеров. Подшучивала она над Марией Николаевной, называя предмет ее воздыханий — «толстый Деменков». Не обходила она остротами и Татьяну Николаевну с ее другом Дмитрием Маламой. Однако все окружающие прекрасно знали, что и у самой Анастасии Николаевны есть слабость к одному из офицеров царского конвоя. Это была невинная, юношеская влюбленность, но длилась она не один год.

Сотник Виктор Эрастович Зборовский был одним из любимых партнеров царя по теннису. В Царской семье офицера считали другом. Он был вхож в самый близкий круг людей, которые часто оказывались приглашенными в Александровский дворец на обеды, ужины и праздники. Виктор Эрастович был кубанским казаком, он родился в станице Ладожской Екатеринодарского отдела Кубанского казачьего войска, окончил 3-й Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. В училище он не только блестяще учился, но и считался отличным наездником, классным спортсменом-гимнастом. При переходе на старший курс был назначен вахмистром сотни. После окончания училища служил хорунжим в Кубанском казачьем дивизионе. В 1912 году Зборовский был переведен в царский конвой. Во время Первой мировой войны доблестно воевал, имел несколько боевых наград. Несмотря на то что он был на 12 лет старше Анастасии Николаевны, в общении с самыми

близкими людьми (такой была, например, сестра Зборовского — Екатерина) цесаревна ласково называла офицера «Витей». Однако даже в письмах отцу она упоминала Зборовского только по имени-отчеству. Почти во всех письмах Государю в Ставку (1914–1916) цесаревна упоминала имя дорогого для нее офицера.

Семья Зборовских была близка к Царскому двору еще со времен императора Александра III. Отец Виктора Эрастовича — Эраст Григорьевич — был кадровым военным и с 1891 года служил в царском конвое заместителем командира. За многолетнюю верную службу он имел много наград, император даже стал крестным отцом одной из его дочерей — Ксении.

Какое-то время в 1914–1915 годах Виктор Эрастович Зборовский оставался служить в Царском Селе. Его имя постоянно мелькало в письмах Анастасии Николаевны отцу — он каждый раз присутствует на домашних чаепитиях у А. А. Вырубовой и даже в качестве близкого друга приходит поиграть на бильярде в Александровский дворец. После отъезда на фронт Зборовского в середине 1915 года Анастасия Николаевна в письмах отцу не скрывает, что скучает по сотнику: «Ты наверное выдаешь или издали Виктора Эрастовича? — тогда я тебе завидую» (4 сентября 1915 года). Когда Зборовский возвращается ненадолго в Царское Село, Анастасия Николаевна пишет отцу о каждой встрече с ним: «Ничего особенного не было. Кроме того, что мы вчера были у Ани и там были Виктор Эрастович и Николай Дмитриевич. Это было после обеда в 9 ч. Вот это было хорошо. А сегодня утром мы были у Обедни и по встрече был Виктор Эрастович». И отъезд Зборовского снова на фронт ее печалит: «Сегодня у Мама будут Виктор Эрастович и Александр Константинович (офицеры Царского конвоя) они будут прощаться, потому что завтра они уже уезжают в Могилев» (3 декабря 1915 года). Дальше в письмах отцу цесаревна начинает отсчитывать время с того момента, когда ушла на фронт 1-я сотня царского конвоя, которой командовал Зборовский.

В свой день рождения в 1916 году Анастасия Николаевна пишет письмо отцу, но главное, что ее волнует в этот день, — пришло известие, что на фронте Зборовский ранен в грудь. Во время боев он отличился в нескольких лихих разведках, в одной из них был тяжело ранен в грудь. Государь, узнав об этом, распорядился отправить сотника в госпиталь в Царском Селе. Из письма цесаревны от 5 июня 1916 года: «Мы тоже слышали про Виктора Эрастовича и нам сказали, что он ранен в грудь навывлет. Мама поезд санитарный поехал за ними т. к. Мама написала, что если можно, то чтобы их взяли его и Скворцова, который легко ранен и

привезли бы сюда».

Раненого сотника в Царском Селе положили в госпиталь «младших цесаревен» в Федоровском городке, хотя обычно раненых санитарного поезда императрицы отправляли в другие лазареты, которые были прикреплены к поезду Государыни. Но «Витя» оказался под бдительным присмотром Анастасии Николаевны. Он был тяжело ранен в грудь. Александра Федоровна в своем письме Государю так описывала состояние офицера, по ее словам, он делал вид, «что у него ничего не болит, но все видели, как подергивается его лицо. Он был ранен в грудь, не чувствовал свою руку». Вероятнее всего, Зборовский не хотел волновать сочувствовавших ему Государыню и цесаревен. После серьезного лечения, почти три месяца сотник находился в госпитале, его отправили в санаторий в Минеральные Воды. 26 сентября 1916 года Анастасия Николаевна с тревогой пишет отцу: «Виктор Эрастович приехал из Ессентуков... немного похудел, но говорит, что рука совершенно хорошо и что он здоров, не знаю насколько это правда». В это время великой княжне было 15 лет, «Вите» — 27 и возрастная разница между ними уже не чувствовалась такой катастрофической.

К сожалению, дневники Анастасии Николаевны безвозвратно погибли. Они могли бы больше рассказать о первой влюбленности цесаревны. Без них невозможно узнать, насколько близкими и доверительными были отношения сотника Зборовского и великой княжны Анастасии Николаевны. В своем дневнике об этом Виктор Эрастович ничего не написал. О чувствах цесаревны к сотнику знали ее родные и близкие друзья, но не известно, догадывался ли о них сам офицер. К тому же не только возраст или положение разделяли этих двух людей. Они казались полными противоположностями. Взрывного темперамента, ироничная, яркая Анастасия Николаевна по характеру была абсолютной противоположностью уравновешенному, спокойному, рассудительному, не по годам мудрому Виктору Эрастовичу. Любопытно, что практически для всех близких к Царской семье офицеров конвоя и гвардейского экипажа озорные цесаревны придумали клички, только у нескольких человек их не было. Те, кого упоминали в письмах, дневниках и разговорах только по имени-отчеству, в основном были люди старшего возраста. Но, несмотря на то что сотнику Зборовскому в 1916 году было всего 27 лет, его в это время и раньше в Царской семье всегда называли только по имени-отчеству. Он был человек редкой отваги и чести, с очень отзывчивым сердцем, на которого в Царской семье всегда могли положиться.

Дневники, которые в ссылке сожгла Анастасия Николаевна, цесаревна

вела, как и все ее сестры, но не особенно любила это делать. В одном из писем отцу она писала, что у нее много дел и оставлять записи в дневнике ей некогда, она уже много дней этого не делала. Любила и дорожила цесаревна своим альбомом. В 1912 году на день рождения, на одиннадцатилетие, родители подарили Анастасии Николаевне красивый альбом. Это был красочный ежедневник из 450 страниц. На живописно оформленных страницах, иллюстрации которых подготовили 12 известных художников, были напечатаны четверостишия талантливых русских поэтов и оставлено место для заметок. Книга была в 1895 году издана в красивой обложке и кожаном переплете, на титульном листе посеребренной вязью напечатано название: «Дума за думой. Памятная книга на каждый день». На дополнительном листе был помещен эпиграф:

Дума за думой, лица за лицами
Милые тут имена;
Книга настольная — жизни страницами,
Памятью сердца полна.

Цесаревна делала в альбоме записи сама и давала его родным и знакомым, которые оставляли свои автографы. Великая княжна не расставалась с альбомом, она брала его во все путешествия. Записи сделаны на императорской яхте «Штандарт», в Ливадии, в Царском Селе, в Могилеве и т. д.

За пять лет (с 1912 по 1917 год) Анастасия Николаевна успела заполнить альбом на две трети. Последняя запись сделана в ноябре 1917 года. Всего в альбоме оставили автографы 114 человек, в основном цесаревна просила их написать что-то в свой альбом в день их собственного рождения. Так же часть записей сделана в дни важных праздников, когда Императорский Двор собирался широким кругом: открытие памятника Александру III, торжества по случаю 100-летия Бородинского сражения, празднования 300-летия Дома Романовых, праздник Собственного Его Величества конвоя (День святого Иерофея — 4 октября) и другие события. В некоторые дни в альбом Анастасии Николаевны делали записи несколько человек. В 1916 году большинство записей было сделано офицерами в лазарете Федоровского городка. Альбом был очень дорог Анастасии Николаевне. Он хранил память обо всех дорогих для нее людях, в нем остались их автографы и ее собственные заметки. К счастью, альбом сохранился до наших дней.

К концу 1916 года великая княжна Анастасия Николаевна превратилась из шаловливого ребенка в славную, веселую девушку. Цесаревну в это время так описывает близкая к Царской семье С. Я. Офросимова, вместе с которой великие княжны часто работали на складе, где готовили медицинские материалы для фронта: «Напротив меня сидит великая княжна Анастасия Николаевна. Ее хорошенькое личико полно живости и лукавства. Ее быстрые глазки всегда сверкают неудержимым весельем и задором, они неустанно зорко высматривают, где бы ей нашалить. Они ничего не пропускают из происходящего вокруг, они все подмечают, а острый, подчас беспощадный язычок рассказывает обо всем виденном. Всюду, где она появляется, загорается неудержимая жизнь и звучит веселый смех. При ней «даже раненые пляшут», по собственному ее выражению».

Арест. Ссылка. Расстрел

К концу февраля 1917 года в Петрограде начались массовые беспорядки, сопровождавшиеся грабежами и поджогами, улицы заполнили манифестанты. Столица оказалась парализована общей забастовкой. Императрица с детьми была заблокирована в Александровском дворце, связь с императором, находившимся в Ставке, прервалась. О судьбе Государя Александра Федоровна ничего не знала. Последнее, что он успел сообщить семье, что вернется в Царское Село 1 марта. Но в этот день Государь не вернулся. В довершение всех несчастий старшие цесаревны и цесаревич оказались в постелях с высокой температурой. У докторов сомнений не осталось: царские дети заболели корью.

Еще почти неделю главными помощницами в трудное время для Государыни стали младшие цесаревны. Обе делали что могли, пытаясь облегчить матери груз свалившихся на нее проблем. Лифт во дворце перестал работать, и императрица часто посылала Марию Николаевну и Анастасию Николаевну с разными поручениями.

Когда в столице бушевали беспорядки, появились убитые и раненые, взбунтовались даже самые преданные царю полки, особенно Александру Федоровну потрясла измена лейб-гвардии Преображенского и Павловского полков, в верности которых она не сомневалась, количество преданных Царской семье приближенных уменьшилось и в Царском Селе. Многие близкие к трону люди покинули Александровский дворец.

Однако были люди, которые не на словах, а на деле подтверждали свою любовь и преданность. В эти самые сложные для Государыни дни, когда она оказалась в блокаде, на руках с больными детьми, не имея известий от Государя, в Царское Село из столицы приехала ее подруга — Юлия Александровна (Лили) Ден, оставив в бунтующей столице малолетнего сына только с горничной и под присмотром соседей. Сказать, что Государыня и царские дети были благодарны ей — значит ничего не сказать. Приезд близкого человека стал редкой радостной новостью в тяжелые дни. Великая княжна Анастасия Николаевна лично обустроила комнату для верной Лили.

Цесаревна для нее даже положила на постель ночную рубашку, а рядом с кроватью на тумбочку поставила икону и фотографию сына Лили — Тити. Фотографию мальчика великая княжна нашла в одном из своих альбомов.

Анастасия Николаевна и Лили Ден ночью долго не могли уснуть. Выглянув в окно, они с удивлением наблюдали, как казаки устанавливают пушки. «Вот папа будет удивлен!» — вскрикнула пораженная Анастасия Николаевна. Цесаревна даже представить себе не могла, в какой опасности находились в тот момент ее мать, сестры с братом и она сама. Казаки царского конвоя стали живой стеной вокруг семьи императора.

Одним из самых преданных Царской семье офицером остался Виктор Эрастович Зборовский, который после тяжелого ранения служил во 2-й Кубанской сотне Собственного Его Величества конвоя, охранявшей Царскую семью. Именно Виктора Эрастовича Государыня, полностью ему доверяя, посылала с поручениями в самые трудные дни, в частности к великому князю Павлу Александровичу. Зборовский был так же одним из тех, кто организовал охрану дворца, когда взбунтовавшийся царскосельский гарнизон готовился захватить Государыню с детьми.

После известия об отречении императора Александра Федоровна вызвала к себе Виктора Эрастовича и попросила его помочь, сказав, что у нее есть личная просьба к офицерам и солдатам: «Снять с погон Государевы вензеля». Таково было требование новой власти, в противном случае могли пострадать не только царский конвой, но и она с детьми. Государыня сказала Зборовскому: «Сделайте это для меня, иначе во всем опять будут винить меня, и от этого могут пострадать мои дети». Офицер писал в своем дневнике: «Случилось что-то непонятное, дикое, неестественное, никак не укладывающееся в мозг. Земля уходит из-под ног... Было... и нет ничего! Пусто, темно... Будто душа вылетела из живого еще тела...»

Генерал Л. Г. Корнилов, на тот момент командующий войсками Петроградского военного округа, распорядился, чтобы царский конвой немедленно сдал все посты и покинул Царское Село. После отъезда генерала Александра Федоровна снова вызвала к себе сотника Зборовского, попросила его передать конвою ее просьбу подчиниться приказу: «Прошу вас всех воздержаться от каких-либо самостоятельных действий, которые могут только задержать приезд Государя и отразиться на судьбе детей. Начиная с меня, все должны подчиниться судьбе». В этот же день по просьбе сослуживцев Виктор Эрастович снова поднялся к Государыне, чтобы по просьбе конвоя передать ей их верноподданные чувства. Со слезами на глазах Государыня просила передать кон-воевцам благодарность за верную службу и иконки для всех с ее благословением. Получая благословение, сотник опустился на одно колено. Государыня его благословила, потом подняла и поцеловала. Александра Федоровна провела

Виктора Эрастовича в комнату к больным цесаревнам, которым он глубоко поклонился, потом поклонился Государыне, поцеловал ее поданную ему руку. И ушел. В своем дневнике он записал: «Не помню, как вышел... Я шел не оборачиваясь. Рука сжимала образки, в груди теснило, к горлу подкатывалось что-то тяжелое, готовое вырваться со стоном...»

Утром 1 марта все во дворце проснулись рано и с тревогой ждали скорого возвращения императора. Но он не вернулся и не отвечал на телеграммы, которые ему непрерывно отправляли. Александра Федоровна была в отчаянии. В это время поднялась температура у Анастасии Николаевны. Сомнений не осталось — она тоже заболела корью. Цесаревна поверить не могла, что у нее тоже корь. Она рыдала и просила: «Пожалуйста, не держите меня в постели!» Великую княжну как могла успокаивала Лили Ден, оставаясь рядом с ней. Вскоре температура у цесаревны стала слишком высокой, она с трудом дышала, врачам пришлось использовать кислородную подушку.

Заболела корью и Мария Николаевна, всех больных детей поместили вместе. Когда 7 марта императрица сообщила дочерям об отречении отца, они восприняли это стойко. Анастасия Николаевна, правда, возмутилась, что от них скрывали новость об отречении несколько дней, но потом успокоилась, сказав, что раз «папа приезжает, остальное не важно».

Ко времени возвращения Государя домой у Анастасии Николаевны началось сильнейшее осложнение, так воспалились уши, что барабанные перепонки пришлось проколоть, чтобы снизить давление на них. Потом, после 15 марта, у цесаревны началась вторичная инфекция — плеврит. Температура поднялась больше 40 градусов. Цесаревну мучили длительные приступы сильного кашля. Татьяна Николаевна писала подруге Маргарите Сергеевне Хитрово, что Анастасии Николаевне было так плохо, что она не могла есть — «потому что это все тут же выходило обратно». И добавляла: «Анастасия по-прежнему не слышит, и нужно кричать, чтобы она могла расслышать, что ей говорят».

Корью тяжело переболела и А. А. Вырубова, она находилась тоже во дворце, но уже выздоравливала. Александра Федоровна 18 марта написала подруге записку, в которой просила ее прийти и проститься с младшими цесаревнами, потому что оставалось мало надежды на их выздоровление. Государыня писала, что они «в критическом состоянии, легкие и уши воспалены». Все считали, что только кислород поддерживал в детях жизнь.

Но к 20 марта температура у Анастасии Николаевны немного снизилась и появилась надежда на выздоровление. Она начала выздоравливать достаточно быстро. Уже в субботу 25 марта, в канун

Вербного воскресенья, великая княжна не только встала с постели, но и пообедала вместе с семьей. В Вербное воскресенье цесаревна написала свое первое после болезни письмо. Оно было адресовано Екатерине Зборовской, близкой подруге великой княжны и родной сестре дорогого для сердца цесаревны офицера — Виктора Зборовского. Екатерина Зборовская, как и две ее сестры — Римма и Ксения, во время войны работала сестрой милосердия в лазарете младших цесаревен в Федоровском городке. Екатерина была на три года старше Анастасии Николаевны. Знакомы они были с детства, часто вместе играли еще детьми. Особенно их сближала искренняя привязанность цесаревны к Виктору Эрастовичу. Оказавшись под арестом вместе со всей семьей, Анастасия Николаевна начала постоянно писать подруге и даже передавала через нее небольшие подарки для офицеров конвоя и для самого Виктора Эрастовича. Новая охрана пропускала Екатерину Зборовскую во дворец, позволяя ей забирать письма Царской семьи и посылки.

Государыня и цесаревны, несмотря на арест, продолжали по-прежнему заботиться о военных, которые остались им верны, и о своих госпиталях. Уже 26 марта, едва оправившись от болезни, Анастасия Николаевна передала вместе с письмом Екатерине Зборовской две посылки — вещи для сослуживцев ее брата и для раненых в лазарете. Цесаревна писала: «Отдай оставшиеся носки и рубашки твоему брату, а он может раздать их своим сослуживцам. К сожалению, этого не хватит на всех, но мы посылаем все, что мы оставили. На доньшке этих двух коробок написано, что из вещей передать нашим бывшим раненым».

Сама цесаревна чувствовала себя еще совсем слабой, но ей невыносимо было оставаться в постели. Великая княжна писала Екатерине, что «вставала вчера и очень рада, потому что я пролежала в постели приблизительно четыре недели, хотя я все еще слабо стою на ногах». Для Анастасии Николаевны переписка с подругой — это еще и возможность быть ближе к ее брату, что-то узнать о нем: «Пожалуйста, попроси еще раз своего брата, чтобы он вернул групповую фотографию, которую мы послали тебе в прошлый раз. Мы часто думаем обо всех вас и передаем вам огромный привет. Пиши нам иногда, дорогая Катя, как там все поживают, ну и так далее, мы всегда так рады получать новости... Горячий привет твоей матери и брату. Всего самого лучшего! Горячо целую тебя, твоя Анастасия. Эти маленькие иконки от мамы для всех офицеров...»

В Великую субботу Анастасия Николаевна уже смогла присутствовать на службе в церкви и причаститься. За Пасхальный праздничный стол сели 18 человек, содержавшихся под арестом во дворце. Повара постарались, на

столе стояли куличики, крашеные яйца, ветчина, телятина, колбаса, овощи и т. д. Все с удовольствием ели, кроме Александры Федоровны, которая очень была расстроена тем, что комендант дворца по приказу новой власти категорически запретил ей общаться с Государем. Даже сидеть вместе за столом им запретили.

Уже в Пасхальную неделю Анастасии Николаевне доктора разрешили выходить на прогулку вместе с другими арестованными. Весна в 1917 году наступала быстро, в Пасхальные дни в парке уже цвели подснежники. Один из них цесаревна сорвала и вложила в письмо Екатерине Зборовской. Великая княжна писала подруге, что они теперь отправляются на прогулки вдвоем с сестрой — Татьяной Николаевной. Вместе ломают оставшийся лед.

В середине апреля младшие цесаревны и цесаревич вновь начали учиться. Преподавали почти все арестованные взрослые, даже доктор Боткин стал учителем, он преподавал цесаревичу русскую литературу, которую любил и хорошо знал. Возвращение за парту мало обрадовало Анастасию Николаевну, которая с удовольствием не занималась бы совсем.

После болезни цесаревны не стали ничего менять, снова возвращаться в разные спальни (для младших и старших цесаревен), как было раньше, а остались жить все вместе. Анастасия Николаевна писала подруге: «Мы все сейчас сидим вместе и пишем в той же красной комнате, где мы все сейчас живем, поскольку нам не хочется переезжать из нашей спальни». Прогулки для арестованных были строго регламентированы, и цесаревны придумывали, как себя развлечь. Они повесили качели в дверном проеме и весело на них качались. Цесаревна писала об этом Екатерине Зборовской: «Мы так здорово качаемся, что винты, наверное, долго не продержатся».

К концу апреля стало совсем тепло, земля полностью оттаяла после зимних холодов. Царской семье в парке разрешили разбить собственный огород. 30 апреля Анастасия Николаевна писала: «Мы все вместе начали копать наш собственный огород... Погода сегодня замечательная, очень тепло, поэтому мы долго работали». Огород привнес в жизнь Анастасии Николаевны много радости: это было новое интересное дело. 20 мая цесаревна с восторгом писала подруге: «Мы уже многое посадили, пока в общей сложности шестьдесят клумб, но мы собираемся посадить еще. Поскольку нам сейчас нельзя так много работать, мы часто просто лежим и греемся на солнце. Мы сделали много фотографий и даже сами проявили пленки».

К этому времени семья Зборовских, стараясь быть подальше от революционной столицы, уехала в родную станицу на Кубань, где у них

был собственный дом. Однако переписка двух подруг не прервалась. Письма Анастасии Николаевны подруге на Кубань становятся только более нежными, цесаревна скучает по близким друзьям: «Мы часто думаем обо всех вас. Сейчас, когда я пишу это письмо, мои сестры сидят рядом со мной в комнате и пьют чай, а Мария сидит на подоконнике и пишет письма... Они передают вам тысячу поцелуев. Ты все еще катаешься на роликах? Хорошо ли вы устроились с матерью на новом месте? Я посылаю тебе веточку сирени из нашего сада, пусть она напомнит тебе о северной весне... Катя, милая, я должна заканчивать... Огромные приветы всем от нас! Да пребудет с вами Господь. Целую тебя так крепко, как я люблю тебя. Твоя А.».

Пятого июня 1917 года цесаревне Анастасии Николаевне исполнилось 16 лет — возраст совершеннолетия для великих княжон. В обычное время состоялся бы бал в честь этой знаменательной даты. Она бы впервые надела длинное в пол платье, настоящее взрослое, бальное. Родители бы подарили ей к этому событию первые драгоценности. Впервые перед балом из ее длинных волос сделали бы взрослую высокую прическу. Цесаревна должна была бы танцевать до полуночи с кавалерами, и газеты бы гадали, кто из европейских принцев станет претендовать на ее руку. Но ничего этого не случилось. Единственным особенным подарком на день рождения великой княжны стала пара сережек. Для нее главным событием в этот день стало то, что ей прокололи уши.

Арест в Царском Селе для Анастасии Николаевны постепенно становился все более тяжелым. Для нее, веселой непоседы, долго находиться на одном месте, совсем не имея возможности общаться с людьми из внешнего мира, стало нестерпимым. 4 июля цесаревна писала Екатерине Зборовской: «Мы часто слышим звон колоколов старого собора, и нам так грустно». После кори у цесаревен стали выпадать волосы, до залысин. В итоге все царские дети побрились наголо. Больше всех расстроилась Государыня, писавшая, что ей горько смотреть на дочерей. Ей казалось: вид лысых голов цесаревен подчеркивал печальную участь арестованной Царской семьи. Цесаревны же говорили, что какая кому разница, их все равно никто кроме близких и охранников не видит.

В конце июля вместе с близкими печальная Анастасия Николаевна собирала вещи в дорогу, в ссылку в Тобольск. Плакали цесаревны, покидая родной дом, Государыня благословляла остающихся в Царском Селе людей, которые верой и правдой много лет служили трону и которым не разрешили следовать за их Государем.

Поезд увез Царскую семью в далекую Сибирь. Позже Анастасия

Николаевна так писала о дороге в Тобольск: «Я опишу вам, как мы путешествовали. Мы выехали утром, и, когда мы сели в поезд, я пошла спать, так же, как и все остальные. Мы очень устали, потому что не спали всю ночь. В первый день было жарко и очень пыльно. На станциях нам приходилось опускать шторы на окнах, чтобы никто не увидел нас. Однажды вечером я смотрела в окно, когда мы остановились около небольшого дома, но это была не станция, поэтому нам можно было смотреть. Маленький мальчик подошел к моему окну и попросил: «Дядя, дай газету, пожалуйста, если есть». Я сказала: «Я не дядя, а тетенька, но у меня нет газеты». Сначала я не могла понять, почему он назвал меня «дядей», но потом вспомнила, что у меня острижены волосы, и мы с солдатами (которые стояли рядом со мной) очень смеялись. По дороге случалось много забавного, и если у меня будет время, я напишу вам про наше путешествие потом. До свидания. Не забывайте меня. Много поцелуев от всех нас вам, мой милый. Ваша А.».

В губернаторском доме, в котором Царскую семью поселили в Тобольске, в общей спальне цесаревен Анастасия Николаевна украсила стену у своей койки любимыми фотографиями и рисунками, которые привезла из Царского Села. Жизнь под арестом в Тобольске для Анастасии Николаевны казалась еще скучнее и однообразнее, чем в Царском Селе. Каждый следующий день был похож на предыдущий, как близнец. После завтрака с 9 до 11 — уроки, потом часовая прогулка во дворе дома и небольшом саду. Снова уроки с 12 до 13 часов. Затем обед. И в 14 часов прогулка до 16 часов. Вечером рукоделие, настольные игры, чтение книг вслух. Перед сном общая молитва.

Сразу после приезда в Тобольск Анастасия Николаевна отправила письмо любимой подруге Екатерине Зборовской, вложив в конверт красный цветок мака, который сорвала в саду рядом с губернаторским домом. Письма она стала нумеровать, чтобы понять, какие из ее писем доходят, а какие нет. Цесаревна с печалью писала: «Моя дорогая Катя! Я пишу это письмо тебе, но уверена, что ты никогда его не получишь... Так грустно, что нельзя от тебя получать письма. Мы часто-часто думаем и говорим о тебе...» Цесаревна вспоминает прошедшие счастливые времена и возвращается мыслями к встречам с Виктором Зборовским: «Спроси Виктора, помнит ли он осень прошлого года? Я сейчас многое вспоминаю... все хорошее, конечно!» Настоящее ее радует мало: «Я не могу написать ничего интересного... Наше время проходит так однообразно». На столе у Анастасии Николаевны стояла фотография с видом Федоровского городка. Она очень скучала по времени, когда каждый

день приходила в лазарет, печалилась о тех, кто умер от ран, писала подруге: «Я полагаю, что сейчас никто не навещает могилы наших раненых, все уехали из Царского Села».

Далеко не все письма от Екатерины Зборовской цесаревна получала: «Я не получила писем № 21, 23, 24, 26, 28, 29 — все эти письма, что ты направила по этому адресу». А она с таким нетерпением эти письма ждала. И предлагала подруге, чтобы та писала на имя Анны Демидовой, потому что «письма к ней представляют меньше интереса для этих людей». Анастасия Николаевна прекрасно понимала, в каком сложном положении находилась их семья: «Подумать только, как давно мы не виделись, просто ужасно... Если Бог даст и мы увидимся когда-нибудь, то можно будет рассказать тебе много всего, и грустного, и смешного, и вообще о том, как мы живем. Но я, конечно, не буду об этом писать».

Анастасия Николаевна писала из Тобольска не только Екатерине Зборовской, но и отсылала небольшие открытки ее брату Виктору Эрастовичу. Она помнила о нем в заточении даже в самые трудные для Царской семьи времена. 13 октября 1917 года княжна посылает Зборовскому карточку с видом дома губернатора и дома Корнилова, где жила свита, на обратной стороне она кратко описывает, как проходит их с сестрами жизнь в Тобольске. Но, главное, поздравляет Виктора Эрастовича с днем рождения и наступающим днем Ангела, пишет: «Вспоминаем и говорим о Вас всех постоянно». И с нежностью добавляет: «Желаю всех благ. Мой большой привет Вам. Христос с Вами». К Рождеству и Новому году цесаревна вновь посылает (14 декабря 1917 года) отдельное поздравление Зборовскому: «От всего сердца поздравляем Вас с праздниками и новым годом. Желаем много счастья и быть здоровым! На Рождество особенно будем мысленно с Вами Всеми Дорогими. Совсем ли поправились теперь?» Ласково добавляет: «Храни Вас Бог. Желаю всего самого хорошего». В этом послании Анастасия Николаевна снова немного рассказывает о себе: «Мы живем пока по-старому. Много занимаемся, поэтому дни проходят довольно быстро. Когда свободны, сидим на окнах и смотрим на гуляющих, это самое большое развлечение». Неизвестно, отвечал ли Виктор Эрастович цесаревне на ее послания, такие письма не сохранились. Хотя по правилам хорошего тона в ответ на поздравления цесаревны офицер должен был бы поблагодарить великую княжну. Но письма и дневники цесаревна сожгла в начале весны 1918 года, чтобы они не попали в чужие руки, опасаясь обысков московского комиссара В. В. Яковлева.

Письма Анастасии Николаевны Зборовским сохранились. Когда семья

Зборовских покидала Россию после поражения Белой армии, на стороне которой воевал Виктор Эрастович, то письма цесаревны они взяли с собой и свято их хранили. К сожалению, Екатерина Зборовская не смогла уехать в эмиграцию, потому что тяжело болела. Позже она была арестована, ее следы теряются в ссылке, где она, судя по всему, и умерла. Виктор Эрастович осел в Сербии, он женился, родилась дочь. Жена и дочь Зборовского эмигрировали в США, где все письма Анастасии Николаевны, которые Виктор Эрастович сохранил, несмотря на все переезды и войны, передали в государственный архив.

Цесаревна переписывалась не только со Зборовскими, но и с тетками великими княгинями Ксенией Александровной и Ольгой Александровной, с Анной Вырубовой, с некоторыми сестрами милосердия царскосельских лазаретов, с которыми сдружилась во время войны, и даже с несколькими офицерами, лечившимися в госпитале Федоровского городка. В письмах близким цесаревна подробно описывала повседневную жизнь Царской семьи в Тобольске. Жаловалась на ее однообразие. Учеба каждый день. Прогулки в грязном дворике: «В нашем садике воды и грязи масса». Нехитрые развлечения, которые они придумывали с цесаревичем: «У брата есть маленькая лодочка, в которой мы, так сказать, катаемся (это большое воображение!), воды все-таки недостаточно и мы потому отталкиваемся от дорожек палками, конечно, бываем совершенно мокрые. Ну, маленькое развлечение!» Зимой много радости принесла царским детям горка, которую они построили во дворе, но солдатский комитет постановил ее снести. Что стало поводом для печали несчастных арестованных детей. Цесаревна в это время жаловалась, что солдаты испортили горку, в каждом письме, которое отправляла близким: «С горы мы больше не катаемся (хотя она еще стоит), так как ее испортили и прокопали поперек канаву, для того, чтобы мы не ездили, ну, и пусть; кажется на этом пока успокоились, т. к. уже давно она многим кажется мозолила глаза. Ужасно глупо и слабо, правда...»

Зимой цесаревна писала: «В комнате довольно холодно, поэтому руки не могут писать как следует». Царская семья сама пилила и колола дрова, но они были сырыми и, по словам цесаревны, давали больше дыма, чем тепла. Анастасия Николаевна писала тете Ксении Александровне: «Пилим, рубим и колем дрова, это полезно и очень весело работать. Уже выходит довольно хорошо. И этим мы еще многим помогаем, а нам это развлечение. Чистим еще дорожки и подъезд, превратились в дворников». Главной новостью для Царской семьи в это время стала возможность посещать церковь, солдатский комитет разрешил им изредка в церковные праздники

приходить в ближайший Благовещенский храм на службу, которую служили только для арестованных, не пуская местную публику. Анастасия Николаевна радуется: «Наконец-то мы смогли пойти в церковь! И мы можем там причаститься».

Когда начали ставить пьесы в домашнем театре, великая княжна с удовольствием играла как мужские, так и женские роли. Особенно всем запомнилась постановка с участием Анастасии Николаевны — «Упаковка вещей», немного вульгарный фарс Гарри Граттена. Цесаревна исполняла главную мужскую роль — господина Чагувтера. Спектакль получился такой смешной, хороший, зрители от всей души хохотали. Смеялась до слез даже обычно сдержанная Государыня. Зрителям спектакль так понравился, что они через время попросили его повторить. И в других комедиях Анастасия Николаевна буквально блистала! Баронесса Софья Карловна Буксгевден писала в воспоминаниях: «Великая княжна Анастасия выказала подлинный талант в исполнении комических ролей».

Недолгие прогулки, редкие посещения храма в церковные праздники, домашние спектакли, вечерние посиделки с чтением книг вслух — развлечений у царских детей в Тобольске оставалось немного. В каждом письме родным и друзьям Анастасия Николаевна жаловалась на скуку и однообразие повседневной жизни. Иногда она по несколько раз принималась писать кому-то, но расстраиваясь, что ничего особенного в ее жизни не случилось, бросала письмо. День был похож на день, рассказывать было не о чем.

И все же цесаревна изменила бы себе, если бы полностью отдавалась печали. Ее веселый нрав брал верх в самых сложных ситуациях. Близкие считали, что бойкий темперамент Анастасии Николаевны, ее остроумие поддерживали моральный дух Царской семьи. Хотя порой цесаревна могла шокировать окружающих своим поведением. Доктор Е. С. Боткин даже слышал, как она рассказывала неприличный анекдот, и очень удивлялся, кто мог такое рассказать юной великой княжне. Или цесаревна могла нарисовать фривольный рисунок и очень двусмысленно его подписать. Проблемы у нее были и с учебой.

Очень сложные отношения сложились у великой княжны с новой учительницей Клавдией Михайловной Битнер, которая приехала в Тобольск из Царского Села и преподавала царским детям русский язык, литературу и математику. Клавдия Михайловна, до революции бывшая классной дамой в Мариинской гимназии для девочек в Царском Селе, оказалась дамой строгой и требовательной. С непокорной цесаревной она не смогла найти общий язык. Считала младшую великую княжну

строптивой, плохо воспитанной и даже подозревала, что Анастасия Николаевна отстает в развитии и неспособна нормально учиться, в чем-то это мнение поддержал в своих воспоминаниях и учитель английского языка Сидней Гиббс. Безусловно, это не было правдой. Однако в Тобольске временами цесаревна не могла справиться с досадой на окружающую действительность и становилась более дерзкой и непослушной, чем раньше. Даже учтивый и уравновешенный Гиббс однажды не выдержал, прикрикнул во время урока на вышедшую за всякие рамки цесаревну: «Заткнись!» После этого великая княжна стала подписывать тетрадки для уроков английского языка не только своим именем, но и в скобках писала слово «(Заткнись!)».

После октябрьского переворота узники с опаской ждали посланника из Москвы. В день прибытия нового комиссара Анастасия Николаевна и Мария Николаевна сожгли все свои дневники и письма от родных и друзей, чтобы бумаги не попали во враждебные руки. Анастасия Николаевна со свойственной ей решительностью и эмоциональностью без сомнения сожгла практически все, что было ей дорого, — дневники, с детства хранившие ее воспоминания, дорогие сердцу письма, открытки и фотокарточки близких людей с теплыми словами. Ничего дорогого ее душе не захотела оставлять враждебному миру юная цесаревна.

Так как с середины апреля цесаревич болел, то комиссар Яковлев, сначала планировавший увезти из Тобольска всю Царскую семью, в конце концов взял с собой только царскую чету и великую княжну Марию Николаевну. Анастасия Николаевна горько рыдала, провожая в дорогу родителей и любимую сестру, самого близкого для себя человека. Две младшие цесаревны никогда до этого не расставались. Несмотря на всю разницу в характерах, вкусах, темпераментах, они оставались единым целым. С младенчества жили в одной комнате, делились всеми секретами, проказничали вместе, играли вместе. Вынужденное расставание оказалось для обеих очень болезненным. Без любимых родителей, без самого близкого друга, сестры, Анастасия Николаевна даже с ее оптимизмом и стойкостью остро испытывала боль расставания, словно отрезали часть ее души. От уехавших долго не было никаких новостей. Пасхальные праздники стали печальными, радость омрачала тревога за судьбу родителей и любимой сестры.

Когда, наконец, после Пасхи пришло письмо от Марии Николаевны из Екатеринбурга, радости Анастасии Николаевны не было предела. Она написала в ответ любимой сестре длинное нежнейшее письмо. Кажется, письмо светится от любви цесаревны к родным, будто девчонка-сорванец

от невзгод и несчастий вмиг повзрослела и превратилась в преданную, нежную девушку: «Мысленно все время с вами, дорогими. Ужасно грустно и пусто, прямо не знаю, что такое. [...] Целую не три, а массу раз всех. [...] Милые и дорогие, как Вас жалею. Верим, что Господь поможет, — своим. — !!! [...] Не умею и не могу сказать, что хочу, но вы поймете надеюсь». Цесаревна подробно описывала, как живет вместе со старшими сестрами и братом в Тобольске без родителей. Как завтракали с больным цесаревичем по очереди, уговаривая его хоть что-то съесть. И что сами готовили все к празднику, «ужасно хорошо устроили иконостас к Пасхе, все в елке, как и полагается здесь, и цветы». Что на прогулке она упала с качелей. И по-прежнему продолжала много рисовать. Ее рисунки все хвалили, а ей это было очень приятно. Тут же ярко описывала, с каким удовольствием ела пасхальные куличи: «Только что пили чай. Алексей с нами и мы столько сожрали Пасхи, что собираюсь лопнуть». Снова и снова в каждом абзаце прорывалась у Анастасии Николаевны тоска по уехавшим близким и особенно сестре: «Так хочется Вас увидеть, (знаешь) грустно! [...] Сидим сейчас как всегда вместе, не достает тебя в комнате». Единственной мечтой для цесаревны в это время стало желание, чтобы их семья быстрее воссоединилась. Все мысли и молитвы цесаревны в эти дни с родителями и сестрой: «Пока до свидания. Всех благ желаю Вам, счастья и всего хорошего, постоянно молимся за Вас и думаем, помощи Господи. Христос с Вами золотыми. Обнимаю очень крепко всех... и целую...»

Наконец к началу мая цесаревич почувствовал себя лучше, боли отступили, хотя Алексей Николаевич по-прежнему не мог ходить, его на руках носил дядька матрос Нагорный. Новые власти разрешили отвезти трех цесаревен и цесаревича к их родителям и сестре. 20 (7) мая 1918 года арестованные сначала снова оказались на пароходе «Русь», потом на поезде их привезли в Екатеринбург. Но в дом инженера Ипатьева к императорской чете кроме детей допустили только нескольких слуг. Остальная свита и слуги большей частью были арестованы прямо на вокзале.

Радость встречи детей и родителей ничто не могло испортить: даже жестокое обращение новой охраны, сразу заявившей приехавшим, что содержание их в Екатеринбурге будет организовано по строгим тюремным правилам. Царская семья была счастлива тому, что они снова вместе. Дети обнимали родителей и сестру, все плакали.

Жизнь арестованных в доме Ипатьева оказалась намного печальнее и сложнее, чем в Тобольске. Уральский комитет в «Доме особого назначения», как именовали дом Ипатьева, ввел для арестованных строгий режим: подъем в 9 часов утра, проверка, завтрак; в 14.30 — обед, после

обеда — прогулка в саду (вначале она занимала всего 15 минут); в 17 часов — чай; в 20 часов — ужин; отбой — в 22.30. Анастасия Николаевна, по воспоминаниям охранников, на прогулках была самой непоседливой и активной. Играла со своей собакой, весело бегала с ней по небольшому садику у дома Ипатьева.

Во вторник 18 (5) июня 1918 года великой княжне Анастасии Николаевне исполнилось 17 лет. Родные поздравляли дорогую именинницу. Погода в тот день стояла отличная, даже жаркая. Утром цесаревны помогли повару Харитонову испечь свежий хлеб, который получился очень вкусным. Потом вся Царская семья отправилась на прогулку в сад. Нагорный вынес и Алексея Николаевича, тот чувствовал себя хорошо. Цесаревича катали по саду в кресле с колесами. В саду цвела душистая сирень. Очень приятной получилась прогулка — тихо и уютно было на свежем воздухе, пробивалась трава, распускались листья на деревьях, пахло сиренью и медуницей. В 20 часов ужинали, повар постарался разнообразить стол ко дню рождения младшей цесаревны. На улице к этому времени бушевала недолгая гроза с сильным ливнем. После ужина сыграли в карты несколько партий. Спать отправились, как обычно, в половине одиннадцатого вечера.

Когда наступили жаркие июльские дни, одно из окон в спальне царской четы все же разрешили открыть. Арестованные были рады этой возможности дышать свежим воздухом в душном доме. Теперь Царская семья старалась больше времени проводить рядом с открытым окном, цесаревны занимались рукоделием, Государыня вязала, Государь читал вслух. В один такой тихий вечер непоседа Анастасия Николаевна не удержалась, зная, что это запрещено, выглянула в окно. Ей так было интересно посмотреть на двор под окном, на солдат в карауле, на высокие заборы, окружающие дом, и голубое небо над ними. Неожиданно один за другим раздались два выстрела! Часовой прицельно стрелял в цесаревну. Пули просвистели рядом с головой великой княжны и застряли в деревянной раме окна. Побледневшая Анастасия Николаевна в ужасе сползла на пол. Ее долго успокаивали родные, цесаревна не могла унять нервную дрожь. Она горько рыдала в объятиях матери. Смерть прошла совсем рядом, цесаревна почувствовала, что могла умереть. На вечерней поверке комендант подтвердил, что у охраны приказ: если любой из арестованных подойдет к окну, в него нужно стрелять.

Однако не такой был характер у Анастасии Николаевны, чтобы ее могли запугать надолго даже выстрелы. Над своими тюремщиками она подсмеивалась, говоря, что красноармейцы очень смешно вооружены.

Весело описывала это так: «Как забавно вооружены красногвардейцы — прямо увешаны оружием, всюду что-нибудь висит или торчит». Пришедшие в дом Ипатьева на смену охранникам-рабочим часовые из ЧК так же не вызывали у ироничной цесаревны никакого страха или уважения, как и сам их начальник — Я. М. Юровский. Стоило ему отвернуться, Анастасия Николаевна показывала ему язык или «носик», приставляя большой палец руки к носу и шевеля остальными пальцами руки. Отчего все окружающие с трудом сдерживали смех.

Внешне Анастасия Николаевна изменилась к 17 годам, она поправилась, даже несмотря скудное питание. Относилась она к этому с присущей ей самоиронией, весело писала тете великой княгине Ксении Александровне: «Я еще не совсем превратилась в слона, но это может случиться в ближайшем будущем. Я действительно не знаю, почему это вдруг произошло; может быть, от недостатка упражнений, я не знаю». Больше самой цесаревны из-за изменений ее внешности волновалась Александра Федоровна, она писала подруге Анне Вырубовой, что младшая дочь располнела и стала такой, как раньше была Мария, с толстыми ногами и без талии, но выражала надежду, что Анастасия перерастет, похудеет, как ее старшая сестра.

Ночью 17 (4) июля 1918 года в подвале дома Ипатьева, по воспоминаниям, Анастасия Николаевна, посмотрев на свою семью и слуг, стоявших в ряд, весело воскликнула: «Жаль, что нет фотографа — он мог бы нас всех вместе снять!»

В подвал вошла расстрельная команда. Раздался первый залп. Пули отскакивали от цесаревен, в корсетах которых были защиты драгоценности. Анастасия Николаевна оказалась только ранена, громко лаял Джимми, любимый пес цесаревны, защищая свою хозяйку. Его тоже убили. По воспоминаниям убийц, Анастасия Николаевна умерла последней из Царской семьи, ее добивали штыками и прикладами. Она дольше всех царских детей сопротивлялась смерти.

ЧАСТЬ 6

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НАСЛЕДНИК ЦЕСАРЕВИЧ АЛЕКСЕЙ НИКОЛАЕВИЧ

Рождение четвертой цесаревны, Анастасии Николаевны, вовсе не лишило императорскую чету мечты о сыне. Августейшая семья по-прежнему надеялась на появление наследника. Однако возникавшие каждый раз при беременности Александры Федоровны ожидания рождения сына, а потом разочарование после появления очередной дочери очень тяжело было переносить. После рождения четырех дочерей казалось, что помочь Царской семье могло только чудо.

Почти сразу после появления на свет великой княжны Анастасии Николаевны в Санкт-Петербург прибыл известный во Франции спирит, маг-медиум и предсказатель Низье Антельм Филипп. Еще в юности во французском Лионе он прославился чудесными исцелениями больных, там же он открыл очень популярную школу магнетизма. Говорили, что пациенты выздоравливали благодаря его молитвам к Богу. В это совсем не верила французская полиция, поэтому мэтра два раза отдавали под суд за мошенничество. Слава мага-медиума вскоре перешагнула границы Франции, он стал популярен во всем мире, лечил многих известных и влиятельных людей. У мэтра, конечно, никогда не было никакого диплома врача, но в 1886 году Королевская академия Рима присвоила ему звание почетного доктора медицины, а на родине во Франции в 1887 году он снова был осужден за нелегальную медицинскую практику. Ему удалось завести влиятельных друзей, и он достаточно свободно продолжал заниматься своими оккультными практиками.

Есть сведения, что среди родственников Николая II были поклонники мэтра Филиппа, которые навещали мага во Франции. Называют имена великих князей Владимира Александровича, Николая Николаевича (младшего), Петра Николаевича, супруги последнего великой княгини Милицы Николаевны и других высокородных особ, по приглашению которых маг приезжал в Россию и в домах у которых останавливался. В 1901 году родственники познакомили императорскую чету с мэтром Филиппом, который вскоре стал частым гостем в Царском Селе. Целые вечера проводила в беседах с загадочным французом Царская семья. 26 марта 1901 года Государь записал в своем дневнике: «Сегодня вечером мы

встретились с удивительным французом, г-ном Филиппом. Мы долго разговаривали с ним». Благодаря покровительству великой княгини Милицы Николаевны, несмотря на стойкое противодействие официальных медицинских властей, мэтру Филиппу 8 ноября 1901 года было присвоено Петербургской военно-медицинской академией звание доктора медицины.

Мэтр Филипп лечил людей в основном под гипнозом, как он утверждал, с помощью «психических флюидов и астральных сил». Уверял, что может излечить буквально любую болезнь. В одной из своих работ он утверждал, что может на этапе внутриутробного развития не только определить пол ребенка, но и с помощью «магических флюидов» изменить его пол.

Дружба Царской семьи с французом, у которого была далеко не однозначная репутация, волновала близких родственников императора. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, великие княгини Ольга Александровна и Ксения Александровна, дядя Государя великий князь Сергей Александрович и его супруга (сестра императрицы) Елизавета Федоровна — все вместе просили Августейшую чету не общаться с подозрительным «магом». Однако они услышаны не были. Через какое-то время Государь с Государыней начали называть французского медиума «наш друг». Несколько раз в 1901 году мэтр Филипп приезжал в Санкт-Петербург по приглашению его почитателей, и каждый раз он виделся с Царской семьей. Эти встречи были душевными. Государь писал о мэтре в своем дневнике: «Нас глубоко впечатлило то, что он говорил». Маг утверждал, что с помощью «герметической медицины, астрономии и хирургии в сочетании с психологическим воздействием» может руководить «развитием эмбрионов». Императрице очень хотелось верить, что француз способен помочь с рождением наследника.

В конце 1901 года Александра Федоровна объявила, что снова забеременела. Приближенные императрицы и она сама отнесли эту радостную новость на счет молитв мэтра Филиппа и не сомневались, что теперь точно появится на свет наследник престола. Императрица была счастлива, весной 1902 года она сообщила об этом великой княгине Ксении Александровне в письме: «Сейчас это уже трудно скрыть... Я так хорошо себя чувствую, слава Богу, в августе! Моя раздавшаяся талия тебя, должно быть, удивляла всю зиму». По просьбе мэтра Филиппа все девять месяцев Государыня не позволяла врачам осматривать себя. В августе 1902 года были заготовлены манифесты о рождении ребенка и все необходимое для родов, в Петергоф заранее приехали врачи и акушерка. Однако прошли все сроки, а роды не наступали. С огромным трудом придворный гинеколог

доктор Отт уговорил императрицу позволить ему осмотреть себя, его вывод был однозначен — государыня не беременна! Ложная беременность стала большим ударом для Царской семьи. Великий князь Константин Константинович писал в те дни: «С 8 августа ежедневно ждали разрешения от бремени императрицы. А теперь мы вдруг узнали, что беременности нет и не существовало и что признаки, которые заставили предполагать беременность, на самом деле были только симптомами малокровия! Какое разочарование для царя и царицы! Бедняжки!»

Сама Александра Федоровна писала фрейлине Елизавете Алексеевне Нарышкиной: «Дорогой друг, не приезжайте. Крещения не будет — ребенка нет — ничего нет! Это катастрофа!» Чтобы спасти репутацию императрицы, 21 августа был опубликован официальный бюллетень, в котором придворные врачи лейб-акушер Д. О. Отт и лейб-хирург Г. И. Гирш сообщали: «Несколько месяцев назад в состоянии здоровья Ее Величества Государыни императрицы Александры Федоровны произошли перемены, указывающие на беременность. В настоящее время в результате отклонений от нормального течения прекратившаяся беременность окончилась выкидышем, совершившимся без всяких осложнений». То, что произошло на самом деле, осталось в секрете. Личный врач императрицы изложил факты в секретном докладе, с которым ознакомился только император. Несмотря на уверенность Александры Федоровны в собственной беременности, живот у нее не увеличился в размерах. 16 августа у Государыни началось кровотечение, 19 августа оно усилилось, начались боли, наподобие родовых схваток, в это время у нее самопроизвольно вышло плодовое яйцо не более четвертой недели развития. По мнению врача, у царицы был так называемый «мясистый занос», который вышел с током крови.

Царская семья тяжело переживала случившееся. История с потерей царицей ребенка не вызвала к ней в обществе никакого сочувствия. Наоборот, в стране ходили слухи, что императора уговаривают развестись с женой, не способной родить ему сына. Говорили так же, что царь может отречься от престола, если царица вновь родит ему дочь. Появлялись и совсем гадкие наветы, предполагали, что императрица родила урода и это от народа скрыли. Мэтра Филиппа повсеместно объявляли шарлатаном, и он вынужден был покинуть Россию навсегда. Пресса уверяла, что царица находится в глубокой депрессии и не надеется больше родить ребенка.

Даже всегда мало симпатизировавшая русской императрице зарубежная пресса жалела Александру Федоровну и ее дочерей. Не понимая, почему наследницей трона не может стать дочь императора,

почему такая несправедливость. В других странах женщины спокойно занимали трон. Так было раньше и в России. За рубежом задавались вопросом: почему одна из дочерей императора Николая II не может стать его наследницей? В Англии газеты возмущались практически травлей императрицы, у которой нет сына, и правилом наследования трона только по мужской линии, утверждая, что подобное «...продемонстрировало слабое знание законов природы и истории, которое гласит, что «совершенная женщина, одаренная от рождения многими добродетелями», есть «венец природы», а правление женщины-монархини зачастую оказывается спасением для ее подданных, представляя собой период наивысшего материального и социального процветания».

Ложная беременность вновь всколыхнула в стране волну разговоров о фатальном отсутствии наследника престола, простой народ судачил о «проклятии Дома Романовых» после трагедии на Ходынском поле (1896 года). Многие считали, что именно гибель людей во время празднования коронации императора в Москве стала причиной Божьего наказания — отсутствия у царя наследника. Говорили, что императрица никогда не сможет родить сына и с этим стране придется смириться.

В 1903 году вся Россия оказалась охвачена обсуждением важнейшего на тот момент вопроса — канонизации любимого православными верующими старца Серафима, на могилу к которому в Саровскую пустынь с момента его смерти не иссякал поток паломников. Споры возникли нешуточные. Святейший синод не поддерживал канонизацию, многие его члены достаточно скептически относились к почитанию в народе старца Серафима и попросту не верили в чудеса, происходившие по молитвам к нему. Часть церковного священноначалия была недовольна тем, что светские власти активно поддерживали идею канонизации чудотворца, иерархи заявляли о неприемлемом давлении на церковное начальство, о нарушении канонов. Самым последовательным и твердым сторонником канонизации Серафима Саровского был Николай II. Во многом именно его усилиями при жестком противодействии противников канонизация все же состоялась. Оставив малолетних дочерей на попечении нянек, императорская чета лично отправились в Саров.

Прославление преподобного Серафима Саровского состоялось на Всенощной 18 июня 1903 года. Государь вместе с другими представителями Императорской фамилии переносил на собственных плечах гроб с останками святого старца из церкви Зосимы и Савватия Соловецких в Успенский собор. Всю ночь верующие могли приложиться к святым мощам. Утром 19 июня после Божественной литургии состоялся

крестный ход вокруг Успенского собора с мощами святого, как и накануне, император вновь стал одним из тех, кто нес гроб. Государь записал в своем дневнике: «Впечатление было потрясающее, видеть, как народ и в особенности больные, калеки и несчастные относились к крестному ходу. Очень торжественная минута была, когда началось прославление и затем прикладывание к мощам. Ушли из собора после этого, простояв три часа за всенощной...» Тысячи людей со всей России пришли поклониться мощам святого старца. Для паломников были построены временные бараки, медпункты, чайные. Жилища возвели для 50 тысяч человек, но пришедших оказалось в несколько раз больше. Называли цифру в 300 тысяч человек.

Три дня продолжалось празднование, звонили колокола и шли длинные церковные службы. Три дня Царская семья молилась вместе со своим народом. Государыня, несмотря на болезнь ног, без жалоб выстаивала в церкви длинные службы. Кульминацией праздника стала установка мощей в специальной часовне в честь преподобного Серафима. Николай II и Александра Федоровна совершили омовение в купальне у святого источника преподобного, пешком обошли все святые места, связанные с именем святого старца: его ближнюю и дальнюю пустыньки, камень, на котором тот молился. Вечером 19 июня Государь записал в дневнике: «В 7 с 1/2 обедали у Мама. Затем по два и по три пошли к источнику, где с особым чувством выкупались из-под крана студеной воды. Вернулись благополучно, никто в темноте не узнавал». В эти дни в Сарове царская чета просила святого преподобного старца Серафима о главном — умолить Господа даровать им сына! Остались сведения, что в Дивеевском монастыре они посетили известную на всю Россию блаженную — Пашу Саровскую, которая предсказала, что Государыня родит сына.

1903 год выдался для России беспокойным. По всей империи то тут, то там вспыхивали забастовки и стачки, участились теракты, нарастало напряжение в отношениях с Японией. В декабре это трудное для императора время усугубила неожиданная болезнь императрицы: Александра Федоровна тяжело заболела гриппом. Состояние Государыни ухудшалось с каждым днем. В канун Рождества, по словам няни царских детей Маргаретты Игер, императрица «была очень больна и не могла видаться с детьми». Впервые четыре маленькие цесаревны встретили Рождество Христово без матери. Государь сам с детьми украшал елку, сам раздал всем приближенным подарки. Праздник получился печальным, всем очень не хватало Александры Федоровны, которая всегда лично руководила Рождественскими мероприятиями, заботилась о проведении восьми Рождественских елок во дворце, дарила подарки всем — свите, слугам,

конвою и т. д. Маргаретта Игер писала: «Нам ее очень не хватало, без нее не было того веселья и радости на Рождество, как обычно». Александра Федоровна тяжело болела до середины января.

Самым печальным и тревожным в ее болезни стало то, что императрица в это время снова была беременна. Но эту новость тщательно скрывали, как самую важную государственную тайну: о пятой беременности государыни не сказали даже самым близким родственникам и приближенным. Только в марте 1904 года мать и сестры императора узнали о том, что Государыня снова ждет ребенка. 13 марта великая княгиня Ксения Александровна писала: «Сейчас это уже стало заметно, но она, бедняжка, скрывала свое положение, поскольку она, несомненно, боялась, что люди узнают об этом слишком рано».

Новость о беременности императрицы в начале 1904 года сначала не очень заинтересовала русское общество, поскольку в январе началась Русско-японская война. Конфликт из-за территорий в Южной Маньчжурии между Россией и Японией перешел в открытое противостояние. В тяжелых сражениях на Дальнем Востоке русские войска были вынуждены отступать под давлением превосходящих сил противника. Несмотря на беременность, Александра Федоровна начала активно заниматься благотворительностью: организацией помощи раненым и жертвам войны, обеспечением фронта всем необходимым. На восток отправлялись поезда с одеждой, медикаментами, продовольствием. Государыня лично занималась созданием санитарных поездов, руководила работами на складах, где шили обмундирование и белье, готовили бинты, сортировали медикаменты.

Однако чем ближе было рождения пятого ребенка в Царской семье, тем напряженнее становилось ожидание этого события в стране и за рубежом. Летом 1904 года, когда императрица уже готовилась к родам, градус обсуждений, слухов, ожиданий, касавшихся рождения наследника Российского престола, достиг максимума. Журнал «Наблюдатель» в это время писал: «В течение нескольких дней решится, будет ли царица самой популярной женщиной в России или же в глазах подавляющего большинства народа станет отверженной, на которую направлен особый гнев Божий. Говорят, что она молится день и ночь о том, чтобы ребенок оказался сыном: только тогда она сможет завоевать сердца народа своего супруга, подарив Российской империи наследника. А сейчас, в ожидании таинственного решения Бога и природы, царица — одна из самых несчастных особ в Европе, тем более что ее положение не позволяет ей укрыться от сочувствующих или любопытных глаз общества».

Когда Царская семья, как обычно летом, жила на даче в Петергофе, 30

июля 1904 года у нее гостили сестра императрицы Елизавета Федоровна с мужем великим князем Сергеем Александровичем. Во время обеда Александре Федоровне вдруг стало плохо, она почувствовала сильные схватки и поспешила уйти в свою комнату.

Пятые роды у государыни прошли стремительно. Всего через полчаса после их начала императрица родила мальчика. Она чувствовала себя отлично, сияла от счастья и вскоре уже кормила новорожденного грудью. Позже в дневнике Государыня отметила, указав время рождения цесаревича и каким он появился на свет: «Вес — 4660, длина — 58, окружность головы — 38, груди — 39, в пятницу 30 июля, в 1 ч. 15 мин пополудни». Государь был счастлив и горд появлением наследника, он в этот день радостно писал в дневнике: «Незабвенный великий для нас день, в кот. так явно посетила нас милость Божья. В 1 1/4 дня у Аликс родился сын, которого при молитве нарекли Алексеем. Все произошло замечательно скоро — для меня, по крайней мере». А. А. Вырубова вспоминала: «Государыня потом мне рассказывала, что из всех ее детей это были самые легкие роды. Императрица едва успела подняться из маленького кабинета по витой лестнице к себе в спальню, как родился Наследник. Сколько было радости, несмотря на всю тяжесть войны, кажется, не было того, чего Государь не сделал бы в память этого дорогого дня».

Существует несколько гипотез, почему цесаревич нарекли именно Алексеем. Есть мнение, что имя цесаревич получил в честь святителя Алексия Московского. Есть и другие предположения: император назвал сына в честь царя Алексея Михайловича или в честь святого Серафима Саровского, которого в миру звали Алексеем. А возможно, это была дань любви Государя к жене, Александру Федоровну близкие называли по ее первому имени — Аликс. Точная причина выбора имени до сих пор не определена. Известно только, что Государь сказал по поводу имени для сына так: «В России было уже достаточно Александров и Николаев».

Августейшие родители были безмерно счастливы! Наконец-то сбылись их чаяния, совпадавшие с желанием народа — в России появился официальный, законный наследник трона! Лейб-акушера Д. О. Отта щедро наградили: кроме большого гонорара он еще получил в подарок синюю эмалевую шкатулку Фаберже, инкрустированную бриллиантами. Так же значительную сумму за свои услуги получила акушерка Е. К. Гюнст.

По традиции пушки Петропавловской крепости в день рождения ребенка в Царской семье гремели над столицей. Каждые шесть секунд раздавался выстрел. Горожане высыпали на улицы, они вслух считали количество залпов. И о радость! 301 выстрел! Значит, императрица родила

мальчика. Пришел конец сомнениям и интригам великих князей! Вскоре был опубликован официальный указ, в котором сообщалось о лишении великого князя Михаила Александровича титула престолонаследника и торжественно объявлялось: «Отныне, в соответствии с основополагающими Законами империи, титул наследника цареви́ча и все права, относящиеся к нему, принадлежат нашему сыну Алексею».

Радовались близкие родственники императора и свита. Великая княгиня Ольга Александровна писала о рождении племянника: «Я уверена, что его принес серафим». Фрейлина государыни баронесса С. К. Буксгевден вспоминала: «Звон церковных колоколов раздавался весь день, чуть не оглушив нас». В этот день император с дочерьми в Петергофе принял участие в благодарственном молебне. В Петергоф со всех концов империи и со всего света хлынула лавина поздравительных телеграмм.

Следующий день превратился по всей стране в праздник. По собственной инициативе многие предприятия объявили выходной. В парках проходили гулянья, везде выступали оркестры, в питейных заведениях публику угощали бесплатно. В храмах служили благодарственные молебны. На улицах везде можно было видеть государственные флаги. Вечером улицы украсили иллюминацией так, что было почти светло. Один из английских журналистов так описал день рождения цесаревича: «Вид улиц вдруг изменился, повсюду неожиданно стали появляться национальные флаги, и через пять минут после того, как прозвучал... залп, оповещающий о долгожданном событии, по всему городу реяли полотнища флагов. Работы были по умолчанию прекращены на один день, люди предались общественным празднованиям».

Император воспринял рождение сына как благословение Божье. Он писал: «Я чувствую себя более счастливым от известия о рождении сына и наследника, чем при вестях о победе моих войск, теперь я смотрю в будущее спокойно и без тревоги, ибо знаю — это знак того, что война будет успешно завершена». Государь в честь рождения наследника издал особый манифест, в котором было объявлено о широкой амнистии заключенным, кроме тех, кто совершил убийство, об отмене многих видов штрафов, долгов и пени, накопившихся у крестьян недоимок, телесных наказаний в армии и для крестьян и т. д. Расходы по воспитанию осиротевших детей, погибших и умерших от ран и болезней солдат и офицеров в Японской войне, по царскому указу должны были оплачиваться из казны. Всех российских солдат и офицеров, воевавших в Маньчжурии, назначили крестными наследника.

Далеко не все родственники императора были рады появлению

наследника престола. Один из дипломатов вспоминал, как присутствовал в день появления на свет цесаревича на приеме у великого князя Владимира Александровича (старшего дяди императора), который мог стать следующим претендентом на престол после великого князя Михаила Александровича. Перед торжественным обедом великому князю вручили телеграмму, после прочтения которой Владимир Александрович за весь прием не произнес ни слова, сидел за столом мрачный, как туча, и курил одну сигарету за другой. Так как молчал хозяин, то всем гостям пришлось молчать. После такого «траурного» вечера дипломат узнал, что в телеграмме была новость о рождении в Царской семье сына.

Одиннадцатого августа 1904 года в храме Большого Петергофского дворца состоялся обряд крещения цесаревича Алексея Николаевича, которому на тот момент исполнилось 12 дней. Таинство совершил духовник Царской семьи отец Иоанн Янышев. Восприемниками наследника Российского престола стали несколько королевских особ из Европы и великих князей: вдовствующая императрица Мария Федоровна, император Германский и король Прусский Вильгельм II, король Великобритании и Ирландии Эдуард VII, король Дании Кристиан IX, великий герцог Гессенский и Прирейнский Эрнст Людвиг, принцесса Виктория Великобританская, великие князья Алексей Александрович и Михаил Николаевич, великая княгиня Александра Иосифовна. Так же крестной наследника стала старшая сестра наследника — восьмилетняя цесаревна Ольга Николаевна.

Торжественная церемония крещения наследника престола отличалась особой пышностью. В церковь цесаревича привезли в парадной золоченой карете, в которую были запряжены восемь лошадей. Количество карет в процессии, в которых ехали гости, по сравнению с крестинами цесаревен увеличилось в пять раз. Цесаревича внесла в храм на вышитой золотом подушке старшая фрейлина Императорского Двора — светлейшая княгиня Мария Михайловна Голицына. Княгиня была в возрасте, и чтобы обезопасить царственного младенца, подушку, на которой он должен был лежать, пришили к одежде фрейлины золотыми лентами, а ее обувь подбили резиной, чтобы она не поскользнулась. За главной фрейлиной с наследником на руках шествовали свита и гости. После крещения наследнику по традиции преподнесли несколько орденов: Святого Андрея Первозванного, Святого Александра Невского, Белого орла, Святой Анны и Святого Станислава 1-х степеней. Так же цесаревич, как было принято, зачислялся в один из полков лейб-гвардии. На крестинах присутствовал святой праведный Иоанн Кронштадтский, который получил от Государя на

память об этом важном событии украшенный драгоценными камнями крест.

В церемониале о святом крещении наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича было написано: «При входе в церковь Их Величества Государь император и Государыня императрица Мария Феодоровна и прочие Августейшие Особы встречены будут высокопреосвященным митрополитом с. — петербургским и ладожским, членами Святейшего синода и придворным духовенством со Крестом и святой водой. По окроплении святой водой Его Величество Государь император изволит выйти из церкви в ближайший покой».

По традиции Августейшие родители не присутствовали во время обряда крещения своего ребенка, даже если это касалось наследника престола. Император записал в день крещения цесаревича в дневнике: «И августа. Среда. Знаменательный день крещения нашего дорогого сына. Утро было ясное и теплое. До 9 1/2 перед домом по дороге у моря стали кареты и по взводу Конвоя, Гусар и Атаманцев. Без пяти 10 шествие тронулось. [...] Потом узнал, что маленький Алексей вел себя очень спокойно. Ольга, Татьяна и Ирина с другими детьми были в первый раз на выходе и выстояли всю службу отлично».

После крещения наследника по церемониалу Государь вновь вернулся в храм: «По донесении Его Императорскому Величеству обер-церемониймейстером о совершении таинства Св. Крещения, Его Величество Государь император изволит вновь войти в церковь. Когда Его Величество изволит стать на Свое место, начнется божественная литургия, которую совершать будет высокопреосвященный митрополит с. — петербургский и ладожский. В надлежащее время Ее Величество Государыня императрица Мария Феодоровна изволит поднести Высоконоворожденного наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича к причащению святых божественных Таин». Когда цесаревича в первый раз причастили, император лично возложил орден Святого Апостола Андрея Первозванного на одеяло, в которое его сын был завернут.

О святом крещении цесаревича народу сообщили пушечными залпами: «Совершение таинства Св. Крещения Его Императорского Высочества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича будет возвещено обеим столицам 301 выстрелом из пушек с С.-Петербургской крепости и с Тайницкой башни московского Кремля и колокольным звоном у всех церквей С.-Петербурга и Москвы». Так же в это время звонили колокола всех церквей города Петергофа. Потом император

вместе с матерью — императрицей Марией Федоровной — принимал в парадных залах Петергофского дворца поздравления с рождением наследника престола «от особ дипломатического корпуса».

В младенчестве цесаревич был совершенно очаровательным мальчиком, похожим на ангелочка, — с огромными голубыми глазами и золотистыми локонами. Все, кто видел маленького наследника престола, поражались его красоте. Выглядел он к тому же совершенно здоровым, розовощеким крепышом. Когда его впервые увидела тетка, великая княгиня Ксения Александровна, она сказала, что он «настоящий богатырь». Подруга императрицы А. А. Вырубова вспоминала, как первый раз увидела цесаревича: «Императрица вызвала меня в детскую проститься. Застала я ее в угловой игровой комнате, окруженную детьми, на руках у нее был наследник. Я была поражена его красотой — так он был похож на херувима: вся головка в золотых кудрях, огромные синие глаза, белое кружевное платьице. Императрица дала мне его подержать на руки и тут же подарила медальон (серый камень в виде сердца, окруженный бриллиантами) на память о моем первом дежурстве, а затем простилась со мной».

Начальник канцелярии Министерства Императорского Двора генерал-лейтенант А. А. Мосолов вспоминал, как впервые император показал ему своего новорожденного сына: «Мы вошли, когда ребенок принимал ванну. Он энергично колотил ножками по воде. Царь взял дитя из ванны в полотенце и поставил его маленькие ножки в свою ладонь, поддерживая его другой рукой. Это был голенький, пухленький, розовый, словом, восхитительный мальчик. «Не правда ли, он красив?» — спросил царь, сияя от счастья».

Как и в случае со всеми своими дочерьми, Александра Федоровна полностью взяла на себя руководство уходом за маленьким сыном. Она много времени проводила в детской. Сама купала цесаревича, кормила его грудью. Однако молока у Государыни было недостаточно, поэтому, пришлось искать для новорожденного кормилиц. Первой кормилицей цесаревича стала Александра Негодова-Крот, крестьянка Винницкого уезда Подольской губернии. Однако кормила она наследника только три месяца, затем, одна сменяя другую, его кормили еще три крестьянки, происходило это потому, что качество и количество молока постоянно проверяли доктора и при малейшем ухудшении показателей просили найти новую кормилицу. Каждая из кормилиц при увольнении получала дорогие подарки, ей назначалась пожизненная пенсия, при необходимости и далее решали проблемы ее семьи. Иногда кормилицы обращались к императрице с

различными просьбами, и Государыня всегда им помогала. Так произошло и в случае с первой кормилицей цесаревича Александрой Негодовой-Крот, Государыня два раза устраивала ее мужа на службу и помогла покрыть крупную недостачу в магазине, где тот работал, позже полностью оплатила учебу в гимназии дочери крестьянки.

Практически сразу после появления на свет цесаревича Александра Федоровна уволила главную няню в детской — Маргаретту Игер, которая вынуждена была вернуться в Англию. Цесаревны, которых Маргаретта воспитывала с детства, с печалью с нею расстались. На посту иностранку сменила русская няня Мария Ивановна Вишнякова, до этого служившая «второй» няней. Марии Ивановне помогали ухаживать за детьми еще две русские няни.

В младенческом возрасте цесаревич был ребенком достаточно спокойным и уравновешенным, подрастая, оставался застенчивым и немного боялся незнакомых людей. Пьер Жильяр впервые увидел Алексея Николаевича случайно. Он вспоминал: «В феврале 1906 года я впервые увидел цесаревича Алексея Николаевича, которому было тогда полтора года. Вот при каких обстоятельствах это произошло. В этот день я по обыкновению прибыл в Александровский дворец, куда мои обязанности призывали меня несколько раз в неделю. Я уже готовился закончить свой урок с Ольгой Николаевной, когда вошла императрица с великим князем наследником на руках. Она шла к нам с очевидным намерением показать мне сына, которого я еще не знал. На лице ее сияла радость матери, которая увидела наконец осуществление самой заветной своей мечты. Чувствовалось, что она горда и счастлива красотой своего ребенка. И на самом деле, цесаревич был в то время самым дивным ребенком, о каком только можно мечтать, со своими чудными белокурыми кудрями и большими серо-голубыми глазами, оттененными длинными загнутыми ресницами. У него был свежий и розовый цвет лица здорового ребенка, и когда он улыбался, на его круглых щеках вырисовывались две ямочки. Когда я подошел к нему, он посмотрел на меня серьезно и застенчиво и лишь с большим трудом решился протянуть мне свою маленькую ручку».

Буквально сразу после рождения цесаревича, когда была перерезана пуповина, доктор заметил, что порез кровоточит немного больше, чем обычно это бывает. Два дня кровотечение не прекращалось, но потом врачам удалось его остановить, и в то время случившееся не вызвало большой тревоги. Однако беспокойство у Августейших родителей осталось. 1 августа император писал по просьбе императрицы великой княгине Милице Николаевне, на тот момент близкой подруге Государыни, о

волнении по поводу состояния здоровья цесаревича: «Слава Богу, день прошел спокойно. После смены повязки с 12 часов дня до 9:30 того вечера не было ни капли крови. Врачи надеются, что так и будет дальше. Коровин останется здесь на ночь. Федоров едет в город и возвращается завтра... Маленькое сокровище удивительно спокоен, и, когда меняют повязку, он или спит, или лежит и улыбается. Его родителям сейчас немного легче на душе. Федоров говорит, что примерный объем кровопотери в течение 48 часов был от 1/8 до 1/9 от общего объема крови».

Камер-фрау Мария Федоровна Герингер вспоминала, что вскоре после рождения цесаревича, когда его однажды туго перепеленали, на пеленке остались пятна крови. Александра Федоровна сказала фрейлине: «Если бы вы только знали, как горячо я молила Бога, чтобы он защитил моего сына от нашего наследственного проклятия». Многие потомки Английской королевы Виктории, бабушки Александры Федоровны, страдали от гемофилии. Болел ею дядя Александры Федоровны, младший сын королевы Виктории принц Леопольд. Родной брат российской императрицы — принц Фридрих — умер в раннем возрасте от гемофилии. Старшая сестра Александры Федоровны — Ирена вышла замуж за принца Генриха Прусского. Она родила трех сыновей — Сигизмунд гемофилией не болел; старший — Вольдемар — умер от гемофилии в возрасте 56 лет, младший — Генрих — в возрасте 4 лет, всего за пять месяцев до рождения цесаревича Алексея Николаевича. Ген гемофилии от королевы Виктории перешел к ее детям, внукам и правнукам, исследователи насчитывают девять больных гемофилией потомков-мужчин королевы.

Какое-то время у Царской семьи оставалась надежда, что их новорожденный сын здоров. Однако 8 сентября, когда Алексею Николаевичу было шесть недель от роду, неожиданно у него началось серьезное пупочное кровотечение. К этому времени сомнений у докторов практически не осталось — цесаревич болен гемофилией. Узнав о кровотечении у сына, императрица потеряла сознание. Удар для Государыни оказался тяжелейшим: ее любимый, долгожданный сын оказался болен страшной, неизлечимой болезнью, в которой «виновата» была она, его мать, передавшая ему ген ужасной болезни. С этого момента все мысли и поступки Александры Федоровны были связаны с заботой о здоровье сына. Спасение цесаревича всеми возможными средствами и способами — это стало смыслом ее жизни. Наследственная болезнь цесаревича сразу стала государственной тайной, в которую не посвящали даже близких Царской семье людей. За состоянием здоровья цесаревича следил целый штаб докторов: лейб-медик Е. С. Боткин, почетный лейб-

медик С. А. Острогорский, почетный лейб-хирург В. Н. Деревенко, почетный лейб-хирург С. П. Федоров. При необходимости к этим докторам присоединялись любые известные врачи, которых немедленно вызывали в Царское Село.

Цесаревич рос живым и веселым ребенком, любил пошалить. Но малейшая травма, небольшой удар становились для него опасными. Начиналось внутреннее кровотечение, которое долго не удавалось остановить. Каждый раз гематомы вызывали острые боли, сутками мучившие несчастного мальчика. Цесаревичу приходилось неделями оставаться в постели, во время приступов он практически ничего не мог есть, очень слабел и худел. Главной задачей для всех членов Царской семьи стала попытка защитить живого, непоседливого мальчишку от травм, что было практически невозможно. Няни, сестры, позже матросы с яхты «Штандарт», дядька А. Е. Деревенько и его помощник К. Г. Нагорный, постоянно везде сопровождали цесаревича, всячески оберегая его и защищая. А. А. Вырубова писала: «Он был прелестный, ласковый мальчик, самый красивый из всех детей. Родители и няня Мария Вишнякова в раннем детстве его очень баловали, исполняя малейшие капризы. И это понятно, так как видеть постоянные страдания маленького было очень тяжело; ударится ли он головкой или рукой о мебель, сейчас же появлялась огромная синяя опухоль, показывающая на внутреннее кровоизлияние, причинявшее ему тяжкие страдания».

Главным телохранителем и нянькой в одном лице с августа 1906 года стал у Алексея Николаевича матрос Андрей Еремеевич Деревенько, по происхождению крестьянин из Малороссии. Впервые его сделали дядькой цесаревича во время путешествия Царской семьи на яхте «Штандарт» по финским шхерам. Матрос оказался заботливым и расторопным, и уже с октября 1906 года его официально назначили на должность дядьки наследника. У самого Деревенько к этому времени было два собственных маленьких сына, которые со временем стали для цесаревича приятелями в его играх. Позже наставник цесаревича Пьер Жильяр писал, что для Алексея Николаевича самой большой радостью была возможность поиграть с сыновьями его дядьки. Из-за болезни цесаревича оберегали от лишних контактов со сверстниками, и он, подрастая, очень страдал от отсутствия друзей и приятелей. Взрослые и сестры не могли ему заменить общение с мальчишками-сверстниками. Когда наследник повзрослел, у него появился друг, его ровесник Коля — сын доктора В. Н. Деревенко, которого иногда приводили во дворец поиграть с цесаревичем.

Бликие отношения складывались у Алексея Николаевича с сестрами,

которых он очень любил. Особенно нежно к нему относилась старшая сестра Ольга Николаевна. Так как она была его крестной, цесаревич совершенно серьезно называл себя — «Ольгин сын». И если его наказывали за шалости мать или отец, то он, обижаясь, собирал игрушки и «уходил жить» в комнату к старшей сестре. Настоящим другом и партнером во всех проказах для цесаревича всегда оставалась озорная младшая из сестер Анастасия Николаевна. Именно с ней вдвоем они носились по дворцу, придумывали всякие проделки, переворачивая все вокруг.

Матери, сестрам и вообще всем взрослым Алексей Николаевич подчинялся с неохотой. Единственный, кого цесаревич безоговорочно слушался, был его отец-император. Конечно, Государь горячо любил сына и страдал не меньше Государыни во время приступов его болезни, но все же старался воспитывать мальчика в строгости. Есть воспоминания приближенных, что император мог сорванца и отшлепать.

Алексей Николаевич часто баловался во время обедов, даже когда за столом собирались именитые гости. Однажды он стал скатывать из хлебного мякиша шарики и бросать их в мирно евших генералов. Государь отчитал сорванца и немедленно удалил из-за стола. Один из приближенных императора вспоминал, как цесаревич вбежал в зал, где обедали гости, и одному уважаемому сановнику надел на голову, как шапку, половину арбуза (без мякоти). За такие проделки император сына строго наказывал, насколько это было возможно при хрупком здоровье мальчика. Бесконечная жалость к сыну из-за его страшной болезни, боязнь потерять его в любой момент постоянно боролись в Августейших родителях с необходимостью воспитывать его.

И все же, несмотря на проделки, цесаревич никогда не был злым или совсем неуправляемым. Когда он понимал, что обидел кого-то, то всячески пытался помириться с этим человеком, мог попросить прощения. Одна из фрейлин вспоминала, как наследник обидел старшую сестру, даже ударил ее при посторонних. Ольга Николаевна горько расплакалась. Целый вечер Алексей Николаевич ходил вслед за сестрой, уговаривая ее простить его, искренне каялся. А во время ужина отдал сестре свой любимый десерт, настояв, чтобы она его съела, так себя наказал сам — лишил себя сладкого.

Когда цесаревич гулял рядом с дворцом и проходил мимо караульных, ему понравилось, как солдаты становятся перед ним по стойке смирно. Он много раз ходил туда-сюда мимо постовых, пока это не заметил Государь и, отчитав цесаревича, строго запретил ему впредь близко подходить к караульным, не мешать им исполнять свою службу. Император никогда не

повышал голос на сына, каждый раз пытаясь ему объяснить, как взрослому, в чем тот провинился и почему нельзя так поступать. Цесаревич был совсем маленьким, когда во время путешествия по югу России, в доме одесского губернатора случилась одна интересная история. Маленькому наследнику очень понравились красивые хрустальные шарики, которые висели на большой люстре в центре огромного зала. Они так занимательно поблескивали в лучах солнца, пускали солнечных зайчиков на потолке и стенах. Цесаревич попросил дать ему один такой шарик. Одесский губернатор уже готов был послать слугу за лестницей, чтобы исполнить желание наследника. Но в этот момент чиновника решительно остановил император. Государь взял сына за руку и вывел в соседнюю комнату. В зале наступила напряженная тишина, все присутствующие на приеме люди растерялись и не знали, что делать дальше. Но через неплотно закрытую дверь они вдруг слышали, как Государь строго отчитывает сына, объясняя тому, что он никогда, ни при каких обстоятельствах не должен ничего просить в чужих домах, что «это не наше», нельзя просить чужое. Это неприемлемо! Когда император с сыном вернулись в зал, то дальше притихший и пристыженный наследник вел себя скромно и больше ничего не просил.

Александра Федоровна сына обожала, все время, когда он был болен, она практически безотлучно находилась у его постели, пытаясь хоть чем-то облегчить его страдания. Цесаревич в ответ любил мать, наверное, больше всех остальных родных. Ласково называл ее Ангелом, и стоило ему почувствовать себя плохо, старался не отпускать ее от себя. Пьер Жильяр очень образно описывает это трепетное единство матери и сына, которое он наблюдал с раннего возраста цесаревича: «Во время этой первой встречи я несколько раз видел, как императрица прижимала цесаревича к себе нежным жестом матери, которая как будто всегда дрожит за жизнь своего ребенка; но у нее эта ласка и сопровождавший ее взгляд обнаруживали так ясно и так сильно скрытое беспокойство, что я был уже тогда поражен этим. Лишь много времени спустя мне пришлось понять его значение».

Как только цесаревич научился ходить, он бегал по всему дворцу, дядька и няньки с трудом за ним успевали. Во время занятий у сестер он вбегал в классную комнату и мешал им учиться, уносили его с трудом. Уже с 4 лет цесаревич любил неожиданно пробраться в гостиную, где собирались взрослые. Протягивал каждому человеку в комнате для пожатия руку и о чем-то спрашивал гостей, стараясь подражать взрослым. Обычно все улыбались, он был в эти минуты очень забавным. Жильяр писал о цесаревиче: «Он радовался жизни, когда болезнь оставляла его, и был

счастливым, шумным мальчиком. Он был очень прост в своих вкусах и не испытывал пустого тщеславия из-за того, что он наследник, об этом он думал менее всего». Это был настоящий мальчишка-сорванец, он постоянно вымазывался, залезая в самые укромные места во дворце и парке, его карманы были полны каких-то найденных непонятно где ржавых гвоздей, пуговиц, гаек, веревок, камешков и т. д.

Ему нравилась простая еда, вместе с отцом и сестрами цесаревич обожал печь на костре в парке картошку. Просил приносить ему кашу и черный хлеб с солдатской кухни. И всегда говорил, что вот это по-настоящему вкусная еда, а не та «ерунда», которую для них готовят.

Алексей Николаевич с самого раннего возраста как наследник трона никогда не был просто ребенком, даже просто царским сыном, к нему все относились по-особенному, помня, что это будущий царь. Еще во младенческом возрасте цесаревич стал шефом нескольких гвардейских полков. В 1905 году, когда наследнику исполнился всего год, император уже стал брать его на военные парады. Так, после смотров лейб-гвардии Финляндского и Волынского полков Государь записал в дневнике: «Алексей тоже присутствовал и вел себя очень хорошо. Когда духовенство окропляло войска, я взял его на руки и пошел вдоль фронта». Крохотному цесаревичу к именинам и праздникам от полков дарили мундиры его детского размера и даже оружие. Так, Нижегородские драгуны к двухлетию Алексея Николаевича подарили ему шашку. Гвардейский экипаж на яхте «Штандарт», где отмечали именины наследника, подарил ему маленький мундирчик, который на него тут же надели. Когда цесаревич подрос, для него сшили форму всех полков, шефом которых он был. Цесаревич эти формы очень любил и с удовольствием носил. Они прекрасно на нем сидели. Алексей Николаевич с детства обладал отличной осанкой, умел гордо и прямо держать голову.

Во время официальных мероприятий Алексей Николаевич сидел или стоял рядом с отцом. При появлении на публике его приветствовали криками: «Наследник!» Возле него везде собирались люди, смотревшие на него с восторгом и старавшиеся дотронуться до его одежды. Были случаи, когда делегации крестьян, подносявшие ему подарки, становились перед ним на колени. Цесаревич в такие минуты страшно смущался, ему были совершенно чужды заносчивость и спесивость. Но с детства он прекрасно понимал честь и долг, которые легли на его плечи по праву рождения. Однажды цесаревич, ему на тот момент исполнилось шесть лет, вошел в приемную отца и увидел там министра, который ожидал аудиенции у императора. Министр продолжал сидеть. Алексей Николаевич подошел к

нему и сказал: «Когда наследник русского престола входит в комнату, все должны вставать». Удивленный сановник молча поднялся. Есть еще одна подобная история. Говорят, что маленький цесаревич в кабинете императора не подал руки министру, который протянул ему руку, не поднявшись со стула. Алексей Николаевич молча заложил руки за спину и стал ждать. Министр сразу поднялся, и тогда цесаревич пожал ему руку и вышел из кабинета. Император с гордостью сказал: «Да, с ним вам не так легко будет справиться, как со мною». Государь считал, что у его сына твердый характер и на него трудно будет влиять окружению.

Учиться Алексей Николаевич начал с 7 лет. Занимались с ним все те же учителя, что и с его сестрами, да и содержание и режим обучения повторяли отточенные за годы программы учебы цесаревен. Как и в случае с дочерьми, весь процесс обучения сына контролировала лично Государыня. Выходной был один — воскресенье, остальные шесть дней цесаревич учился, каждый урок длился 40–50 минут, потом 10-минутный перерыв. Первые два урока у цесаревича начинались в 9.20 утра и шли до 10.50. Потом устраивался перерыв на час, во время которого цесаревич отправлялся на прогулку. Жильяр вспоминал, что в это время Алексей Николаевич вместе с кем-то из взрослых катался в карете, на санях или в автомобиле. Третий урок проходил с 12.10 до 13 часов. В 13 часов цесаревич отправлялся на ланч. После еды он проводил три часа на свежем воздухе, в это время с ним на прогулку часто отправлялись кто-то из сестер, или все вместе, или Государь, если был свободен. Это было самое любимое у цесаревича время — три часа свободы в парке, когда он мог резвиться в свое удовольствие. В 16 часов Алексей Николаевич возвращался с прогулки во дворец. В 16.45 вновь начинался урок — четвертый (последний), который длился до 17.30. Обед ему подавали в 19 часов. День у цесаревича обычно заканчивался тем, что близкие вечером читали ему вслух книги. Перед сном вместе с цесаревичем кто-то из родных молился, читая вслух вечерние молитвы, чаще всего это была Государыня.

Алексей Николаевич очень любил животных. Самым его лучшим другом был спаниель Джой, с которым цесаревич мог играть часами, а с котом Котькой он часто вместе спал. Еще ему купили осла Ваньку, это был бывший цирковой осел, старый, смешной и забавный, который знал много фокусов. Ему нравились сладости, и он мастерски выворачивал карманы у всех, кто к нему близко подходил, искал лакомства. Зимой его запрягали в сани, летом в коляску, чтобы прокатить цесаревича.

К сожалению, из-за приступов гемофилии обучение цесаревича часто прерывалось, иногда достаточно надолго. Он забывал многое из того, чему

его учили, преподавателям приходилось начинать все сначала.

Воспитанием цесаревича до 8 лет в основном занимались мать, няньки, во главе с М. И. Вишняковой, и дядька матрос А. Е. Деревенко. Но затем в качестве воспитателей наследнику были выбраны мужчины. Главным наставником наследника стал Пьер Жильяр, швейцарец, преподаватель французского языка, которого его шаловливый ученик панибратски при личном общении называл Жилик.

Несмотря на то что цесаревич постоянно шалил и часто расстраивал учителей своим непослушанием, его родные и близкие к Царской семье люди всегда говорили о его добром, отзывчивом сердце. Алексей Николаевич никогда не злился, не пытался никого обидеть специально. Он с радостью делал подарки, и если ему выпадала возможность, то старался помогать людям. Ему очень хотелось иметь друзей среди сверстников, играть с другими мальчишками, он постоянно сокрушался, что он не такой, как другие дети. В дворцовой церкви во время службы ему очень понравился серьезный и старательный мальчик, который помогал священнику в алтаре. Алексей Николаевич сказал взрослым, что хотел бы с ним подружиться. И ему сразу пообещали, что мальчика приведут к нему поиграть. Но позже цесаревич узнал, что у мальчика очень больна мать, и отменил свою просьбу. Цесаревич сказал, что, наверное, мальчику нужно больше оставаться рядом с матерью, а его заставят приходить к нему.

Сам Алексей Николаевич с необычайной нежностью относился к матери. А. А. Вырубова вспоминала поездку Царской семьи в Крым: «В 1912 году приехали в Вербную Субботу, цвели все фруктовые деревья, и на всю ночь вместо вербы мы стояли с ветками цветущего миндаля. Два раза в день были службы в дворцовой церкви. В Великий Четверг Их Величества и мы все причащались. Ее Величество, как всегда, в белом платье и белом чепчике. Трогательная картина была, когда, приложившись к иконам, они кланялись на три стороны присутствующим. Маленький Алексей Николаевич бережно помогал матери встать с колен после земных поклонов у святых икон». С. Я. Офросимова вспоминала: «Наследник цесаревич имел очень мягкое и доброе сердце. Он был горячо привязан не только к близким ему лицам, но и к окружающим его простым служащим. Никто из них не видел от него заносчивости и резкого обращения».

Приступы гемофилии разной тяжести и продолжительности тревожили цесаревича постоянно, но иногда болезнь отступала, и достаточно на долгий срок. Однако совсем уберечь шустрого мальчишку от травм не удавалось. Осенью 1912 года Царская семья отправилась в свой охотничий дворец в имение Спала в Беловежской Пуще. Охоты следовали

одна за другой, к Царской семье постоянно присоединялись все новые гости, семьи русской и польской знати. Каждый вечер устраивались веселые приемы и застолья. Однажды во время прогулки цесаревич, прыгая в лодку, ударился ногой. В районе паха у него началось кровотечение, которое никак не удавалось остановить. У Алексея Николаевича начался самый тяжелый за всю жизнь приступ гемофилии. Ничто не могло унять сильнейшую боль из-за отека, который распространялся от паха к животу. Из Санкт-Петербурга приехали лейб-педиатр доктор С. А. Острогорский и выдающийся хирург С. П. Фёдоров. Но они ничего не могли сделать, никакие процедуры и лекарства не помогали. 6 октября температура у ребенка поднялась до 39,6 °С. Не справлялось сердце, началась аритмия. Только когда левую ногу цесаревича, подняв, плотно прижимали к животу, ему становилось легче. Температуру снизить не удавалось, цесаревич ничего не ел, его тошнило, он худел и слабел на глазах. Доктор Фёдоров сообщил императору, что нужно готовиться к худшему, заявив, что спасти наследника возможности нет. Врачи предполагали, что вскоре у больного начнутся абсцесс, перитонит и полное заражение крови.

Александра Федоровна не отходила от сына, она за несколько дней резко постарела и поседела. Скрывать тяжелое положение наследника трона больше не было возможности, в газетах стали появляться сообщения о его состоянии здоровья. В скорой смерти цесаревича никто не сомневался. Он принял последнее причастие. И сам Алексей Николаевич понимал, что умирает, он уже не мог кричать, только тихо стонал и попросил мать, чтобы, когда он умрет, ему бы поставили маленький памятник. Все четверо суток страданий цесаревич постоянно повторял одну молитву: «Господи, помилуй меня!» Убитая горем Александра Федоровна послала телеграмму Григорию Распутину, в которой умоляла его о помощи. В ответ тот прислал телеграмму с утешившими ее словами: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора его не мучают». Через день кровотечение неожиданно остановилось, температура упала, наследник стал выздоравливать. Это был не единственный случай, когда больному цесаревичу становилось легче после обращения императрицы за помощью к Распутину, которого в семье считали старцем, молитвенником и другом. Хотя лечившие наследника врачи считали, что подобные случаи «помощи старца» были простым совпадением: медицинская помощь и лекарства начинали помогать больному постепенно.

После приступа в Спале Алексей Николаевич восстанавливался долго, несколько месяцев не мог ходить, большую часть времени проводил в постели. На прогулки его выносили на руках. Пьер Жильяр писал, что в это

время у цесаревича произошло: «Омертвление нервов левой ноги, которая отчасти утратила свою чувствительность и оставалась согнутой — ребенок не мог ее вытянуть. Потребовалось лечение массажем и применение ортопедического аппарата, который постепенно вернул ногу в нормальное состояние». В течение года Алексей Николаевич болел и вновь смог полноценно вернуться к занятиям с учителями только летом 1913 года. Но долгое время мог ходить только опираясь на палочку.

В конце 1913 года Царская семья долгое время находилась в Крыму, в основном из-за болезни цесаревича, которого усиленно лечили, в том числе и грязями, и смогла вернуться в Царское Село только к концу декабря.

И в начале 1914 года Алексей Николаевич почувствовал себя настолько хорошо, что смог вновь приступить к занятиям в полном объеме. Полтора года постоянных процедур и курсы лечений наконец-то помогли избавиться от последствий тяжелого приступа гемофилии в Спале. Пьер Жильяр так описывал цесаревича в начале 1914 года: «Алексею Николаевичу было тогда девять с половиной лет. Он был довольно крупен для своего возраста, имел тонкий, продолговатый овал лица с нежными чертами, чудные светло-каштановые волосы с бронзовыми переливами, большие сине-серые глаза, напоминавшие глаза его матери». О личности наследника престола учитель писал: «У него была большая живость ума и суждения и много вдумчивости. Он поражал иногда вопросами выше своего возраста, которые свидетельствовали о деликатной и чуткой душе. Я легко понимал, что те, которые не должны были, как я, внушать ему дисциплину, могли без задней мысли легко поддаваться его обаянию. В маленьком капризном существе, каким он казался вначале, я открыл ребенка с сердцем, от природы любящим и чувствительным к страданиям, потому что сам он уже много страдал».

Занятия Алексея Николаевича с учителями к этому времени были восстановлены не только полностью, как до болезни, но количество предметов и уроков увеличили. Однако между наставником цесаревича Жильяром и его главным лечащим врачом В. Н. Деревенко назревал конфликт. Наставник считал, что постоянная чрезмерная опека нянек и дядек — боцмана Деревенько и матроса Нагорного, мешала нормальному развитию мальчика. Заботливые дядьки, старавшиеся защитить ребенка от малейшей опасности, лишали его самостоятельности. Жильяр предполагал, что желание врачей полностью с помощью нянек контролировать поведение цесаревича чрезвычайно вредно для его развития и есть опасность того, что он может вырасти человеком безвольным и зависимым.

Однако доктора, боявшиеся новых травм и приступов, категорически настаивали на постоянном строгом контроле поведения Алексея Николаевича.

В итоге решение, как лучше воспитывать наследника трона — под полным контролем или предоставляя ему свободу выбора, — могли принять только Августейшие родители. Они понимали, что постоянная опека может лишить цесаревича мужества и стойкости, которые необходимы будущему монарху. С другой стороны, больной ребенок мог погибнуть в результате любой травмы. И все же было принято решение ослабить контроль. Сам Алексей Николаевич был в восторге от этого. А вот окружавшие наследника трона взрослые очень волновались, понимая, что больной ребенок подвергается риску, но цена всеобщего спокойствия могла стать слишком высокой. Цесаревич с радостью обещал родителям и учителям, что не подведет их, будет осторожен, он очень страдал от строгих ограничений. Какое-то время все шло хорошо. Но однажды цесаревич в классной комнате влез на скамью, поскользнулся, упал, стукнулся коленкой. Случилось внутреннее кровоизлияние, образовалась опухоль, которая быстро распространилась к ступне. Цесаревич не мог ходить, усилившееся кровотечение вызвало приступы боли. Он лежал в своей комнате, в очередной раз страдая от тяжелого приступа. Рядом с сыном круглосуточно находилась Государыня, окружая больного ребенка своей заботой и лаской. Каждую свободную минуту проводил в комнате сына Государь, пытавшийся развлечь больного разговорами. Часто навещали брата цесаревны. Выздоровление шло медленно, занятия с учителями вновь пришлось приостановить, так как последствиями приступа стали малокровие и общая слабость.

Только в начале весны цесаревич вновь почувствовал себя лучше. И Царская семья смогла уехать в Крым. 13 апреля 1914 года в теплый, солнечный день Царская семья прибыла в Ливадию. Прекрасная природа: зелень, цветущие деревья, море — все действовало на выздоравливающего цесаревича лучше любых лекарств. Пьер Жильяр писал: «Здоровье Алексея Николаевича за последние месяцы значительно улучшилось, он вырос и приобрел здоровый вид, что вызывало общую радость».

Следующие три месяца в Крыму прошли чудесно, затем 1 июня Царская семья отправилась в порт Констанцы на встречу с Румынской королевской семьей. Алексею Николаевичу поездка понравилась: она была наполнена яркими праздничными мероприятиями. Принцесса Мария Румынская вспоминала: «Сначала мы отправились в храм, где отслужили *Te Deum*, служба проводилась частично на русском и частично на

румынском языке. Затем мы проехали по улицам города, после чего начался военный парад. После семейного ланча в павильоне тетушки было отведено время для отдыха, так как императрица и дядя чувствовали себя неважно. Мы снова встретились за чаем на императорской яхте, где дети очень весело проводили время. День завершился великолепным банкетом в белоснежном зале в румынском стиле, построенном специально для этого события». Слова принцессы о том, что дети прекрасно проводили время, имеют отношение и к Алексею Николаевичу. Он очень подружился с маленькой очаровательной румынской принцессой Илеаной, младшей дочерью принца Фердинанда и принцессы Марии. Она росла красивой и доброй девочкой, была любимицей матери, которая писала о ней: «У меня есть маленькая дочь, которая все еще очень домашняя, и хотя я даю ей много свободы, я научила ее уважать то, чему нас учили... Я стараюсь согреть в ее сердце пламя надежды, красоты, доверия и веры». Красивая и милая девочка так понравилась цесаревичу, что когда Алексей Николаевич уезжал, то прощаясь с принцессой Илеаной, сказал ей: «Однажды я приеду, чтобы сделать вам предложение». И кто знает, возможно, со временем так бы и случилось. Современники считали, что принцесса Илеана могла бы стать прекрасной кандидатурой на роль русской императрицы, рожденная и воспитанная в православии, с прекрасным характером и острым умом. Увы, этому не суждено было случиться.

Нужно сказать, что принцесса Илеана выросла очень красивой девушкой, милосердной и отзывчивой, ее обожала вся Румыния. Благодаря добрым делам принцесса много занималась благотворительностью, она стала так популярна в стране, что любви к ней народа завидовал даже брат король. В 1931 году Илеану выдали замуж за представителя Тосканской ветви Дома Габсбургов эрцгерцога Антона Австрийского. В Австрии Илеана снова активно занялась делами милосердия, стала попечителем многих благотворительных организаций и какое-то время даже работала сестрой милосердия. В браке она родила шестерых детей. После окончания Второй мировой войны Илеана жила в США. Их брак с эрцгерцогом Антоном Тосканским не был счастливым, после войны они развелись. Позже принцесса Илеана приняла монашество с именем Александра и основала Преображенский монастырь в Эл-вуд-Сити, в штате Пенсильвания. Мать Александра скончалась в 1991 году, в 82 года, прожив долгую, насыщенную событиями жизнь.

Отрочество. Война

В Петергоф Царская семья вернулась 5 июня 1914 года, поскольку Государь должен был принимать прибывшего в Россию с четырехдневным визитом президента Франции Раймона Пуанкаре. В честь президента было проведено множество различных торжественных приемов и встреч. На завтраке, который давала для Пуанкаре императорская чета, президент Франции наградила наследника престола орденом Почетного легиона. Алексей Николаевич был счастлив и всем показывал этот орден и ленту к нему.

Лето в Петергофе с прогулками в парках, купанием, играми на свежем воздухе для царских детей казалось беспечным. Однако безмятежное время кончилось неожиданно и быстро. Пьер Жильяр писал: «Мы узнали, что в Австрии объявлена общая мобилизация. На следующий день пришло известие о бомбардировке Белграда, и еще через день Россия ответила на это мобилизацией всей своей армии. Вечером того же дня германский посол в Петербурге, граф Пурталес, объявил Сазонову, что его правительство дает России двенадцатичасовой срок, чтобы остановить мобилизацию, — в противном же случае Германия сама будет мобилизовываться». 19 июля Германия официально объявила войну России.

Первое время для Алексея Николаевича начало войны ничего не изменило, кроме того, что отец император стал редко общаться с детьми, Государя захлестнула волна неотложных дел. 30 июля 1914 года цесаревичу исполнилось 10 лет, особых празднеств по этому поводу не устраивали: была отслужена обедня, на которую из-за срочных дел Государь опоздал. Однако днем император нашел время, чтобы погулять с детьми в парке. Потом Царская семья обедала вместе с приехавшей поздравить внука бабушкой — вдовствующей императрицей Марией Федоровной, но праздничный обед быстро закончился, потому что Государю нужно было идти отвечать на срочные телеграммы и письма, чем он занимался весь вечер.

После начала войны цесаревич больше времени начал проводить с наставником Пьером Жильяром, в какой-то степени ставшим для него не только учителем, но и достаточно близким старшим товарищем. Часто в свободные часы наставник с цесаревичем отправлялись покататься по окрестностям на автомобиле. Алексей Николаевич любил эти прогулки,

ему нравилось рассматривать пейзажи, крестьян на полях, деревни у дороги.

Однажды, когда Царская семья осенью посетила Москву, Пьер Жильяр вместе с цесаревичем поехали на автомобиле посмотреть город. В одном из переулков близ Якиманки их автомобилю перегородила дорогу толпа, это были простые люди — горожане, крестьяне, приехавшие в город по делам. Люди окружили машину, шоферу пришлось остановиться. Жильяр в тот день записал в дневнике: «Вдруг раздались крики: «Наследник, Наследник!..» Толпа бросилась вперед, нас окружили, мы очутились, как в кольце, словно в плену у этих мужиков, рабочих, торговцев, которые толкали друг друга, кричали и пробивались вперед, чтобы лучше разглядеть цесаревича. Женщины и дети, мало-помалу осмелев, влезают на подножки автомобиля, протягивают руки через дверцы и, когда им удается дотронуться до ребенка, кричат с торжеством: «Я его тронула, я тронула Наследника!». Сначала Алексей Николаевич испугался, побледнел и отодвинулся от окна, чтобы до него не могли достать руками. Потом, когда он понял, что люди просто радуются встрече с ним, улыбаются, то перестал бояться, но оставался смущенным от неумеренного внимания подданных, не зная, как себя вести. А вот Пьер Жильяр по-настоящему испугался, вокруг в давке кто-то мог пострадать, непонятно, чем это все могло закончиться. К счастью, вскоре появились полицейские. Наставник цесаревича вспоминал: «Наконец появилось два толстых, запыхавшихся городских, грозно кричавших изо всех сил. Толпа с покорным послушанием русского мужика заколебалась и медленно отступила. Я дал приказание боцману Деревенко, следовавшему за нами в другом автомобиле, ехать вперед, и нам таким образом удалось медленно выбраться из толпы».

Из Москвы император отправился в Ставку, а остальные члены семьи вернулись в Царское Село. Алексей Николаевич тоже после уроков практически ежедневно отправлялся в лазарет с матерью и сестрами. Он любил беседовать с солдатами, расспрашивая их о войне, о сражениях, об их семьях. Играл с выздоравливающими в шашки. Есть воспоминания, что иногда цесаревич в меру своих сил помогал сестрам, приносил инструменты или материалы для перевязки. И все же Алексей Николаевич и в госпитале оставался самым собой — шустрым, веселым мальчишкой. Особенно много шума устраивал цесаревич вместе с сестрой Анастасией Николаевной, его главной подругой в играх и шалостях. Вдвоем они бегали по коридорам лазарета, хохоча, разъезжали на каталках. Пока их не призывали к порядку строгие доктора.

Всю зиму 1914/15 года Алексей Николаевич чувствовал себя хорошо, его занятия шли по расписанию. В это время цесаревич во многом наверстал отставание от программы обучения. В начале весны Августейшие родители снова не стали назначать нового воспитателя цесаревичу, хотя до начала войны предполагалось, что Жильяра на этом посту сменит кто-то из уважаемых русских педагогов. Но война спутала все планы и учителя французского языка вновь оставили главным наставником наследника престола.

Пьер Жильяр тревожился, что у цесаревича не было не только ровесников-друзей, но даже товарищей для игр. Проблема казалась неразрешимой, потому что не со всяким мальчиком мог подружиться наследник престола, да и постоянно привозить какого-то ребенка в Александровский дворец было проблематично. Любая встреча членов Царской семьи с кем бы то ни было планировалась заранее, за две недели подавалась заявка, дворцовая полиция тщательно проверяла человека и его семью. В таких условиях подружиться с ровесником для цесаревича становилось совершенно нереально, а в близком кругу Царской семьи такого ребенка долго не могли найти.

В начале 1915 года Алексей Николаевич познакомился с сыном своего доктора В. Н. Деревенко — Колей, который был на два года младше. Мальчики друг другу понравились. Сначала они виделись на праздниках и по воскресеньям, потом стали встречаться каждый день. Вскоре, к необычайной радости цесаревича, ему разрешили бывать у Коли Деревенко дома: его семья жила в Царском Селе на небольшой даче недалеко от Александровского дворца. Часто во второй половине дня, после уроков, мальчишки играли дома у Коли. Петербургское высшее общество осуждало подобную дружбу наследника престола с мальчиком из небогатой семьи. Жильяр писал по этому поводу: «Их Величества не обращали на это внимания; они сами были так просты в своей частной жизни, что могли только поощрять такие же вкусы своих детей».

Осенью 1915 года император впервые решил взять с собой в Ставку цесаревича. К этому времени Государь уже принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего и хотел во время первых смотров войск показать армии наследника. Государь считал это полезным для поднятия боевого духа у солдат. Александра Федоровна не без грусти согласилась на поездки сына в Ставку: понимая важность подобного решения, Государыня тем не менее чрезвычайно волновалась, впервые она расставалась с сыном надолго. И хотя цесаревич чувствовал себя хорошо, сердце матери не могло быть спокойно: опасность приступа гемофилии никуда не отступила.

Первого октября 1915 года цесаревич отбыл с отцом в Могилев, на вокзале их провожали Государыня и цесаревны. Александра Федоровна попросила Пьера Жильяра, который отправлялся вместе со своим учеником, каждый день писать ей, сообщая все новости о сыне. Алексей Николаевич был счастлив: он ехал с отцом на фронт, как настоящий солдат и мужчина, к тому же он получил специально для него пошитую настоящую солдатскую форму, которая ему очень понравилась. Впервые с войсками Государь с наследником встретились в Режице. Это были фронтовые части, сражавшиеся в Галиции и Карпатах и понесшие там большие потери. После смотра император подошел к солдатам и начал с ними запросто разговаривать, фронтовики рассказывали царю о жестоких боях. Цесаревич всюду следовал за отцом и внимательно слушал, стараясь не пропустить ни слова из рассказов солдат о страшных сражениях. Солдаты в свою очередь с интересом рассматривали наследника престола, шепотом обсуждая его внешность, одежду, выражение лица.

В Ставку в Могилев Государь с цесаревичем прибыли 3 октября 1915 года. Император жил в губернаторском доме, построенном на высоком берегу Днепра: на 1-м этаже он занимал две большие комнаты, в одной располагалась спальня, в другой — кабинет. Сразу решили, что цесаревич будет жить вместе с отцом, и походную кровать Алексея Николаевича поставили в спальне Государя.

Каждое утро в 9.30 император уходил работать в штаб, где оставался до 13 часов. В это время Пьер Жильяр занимался с цесаревичем в кабинете Государя — специального помещения для классной комнаты в доме не нашлось. Потом в большом зале губернаторского дома подавали завтрак, на котором обычно присутствовали не менее тридцати старших офицеров и начальники союзнических военных миссий. После трапезы, в 15 часов цесаревич с наставником отправлялись на автомобиле на прогулку за город. Гуляли пешком по окрестным полям и лесам около часа. После возвращения с прогулки Алексей Николаевич делал уроки. Иногда цесаревич гулял в городском парке Могилева, где для него собирали компанию местных кадетов и гимназистов. Со временем у него появились среди них близкие приятели. Во время прогулок на Алексея Николаевича обращали внимание и местные гимназистки, некоторые из которых даже передавали ему записки. Это очень удивляло цесаревича, он искренне считал себя несимпатичным. Рассказывая о записках сестрам, Алексей Николаевич удивлялся, почему девочки пишут ему записки, неужели они не видят, что он некрасивый.

Часто император вместе с сыном отправлялся на фронт. Так, 21

октября 1915 года в Ровно они встречались с генералом А. А. Брусиловым и чинами его штаба. Затем был произведен смотр войскам. Построенные шеренгами солдаты приветствовали царя, который лично вручил отличившимся в боях солдатам и офицерам награды. Пьер Жильяр вспоминал, что на обратном пути «узнав от генерала Иванова, что неподалеку находится передовой перевязочный пункт, Государь решил прямо проехать туда. Мы въехали в густой лес и вскоре заметили небольшое здание, слабо освещенное красным светом факелов. Государь, сопровождаемый Алексеем Николаевичем, вошел в дом, подходил ко всем раненым и с большой добротой с ними беседовал. Его внезапное посещение в столь поздний час и так близко от линии фронта вызвало изумление, выражавшееся на всех лицах. Один из солдат, которого только что вновь уложили в постель после перевязки, пристально смотрел на Государя, и когда последний нагнулся над ним, он приподнял единственную свою здоровую руку, чтобы дотронуться до его одежды и убедиться, что перед ним действительно царь, а не видение. Алексей Николаевич стоял немного позади своего отца, глубоко потрясенный стонами, которые он слышал, и страданиями, которые угадывал вокруг себя». На следующий день поезд Государя направился в Галицию и пересек бывшую австрийскую границу, где недавно шли жестокие бои. Русские войска с трудом — не хватало оружия — благодаря чудесам героизма удержали позиции. И хотя на фронте было все еще неспокойно, Государь хотел поздравить и поблагодарить солдат лично.

После посещения Государем и цесаревичем войск на передовой главнокомандующий армиями Юго-Западного фронта генерал-адъютант Н. И. Иванов 25 октября 1915 года ходатайствовал о награждении Алексея Николаевича «серебряной медалью 4-й степени на Георгиевской ленте в память посещения Его Императорским Высочеством... раненых в районе станции Клевань в сфере дальнего огня неприятельской артиллерии».

После возвращения императора в Могилев туда приехали к нему в гости императрица с цесаревнами. Несколько дней спустя вся Царская семья вместе отправилась в Царское Село, но уже через 10 дней Государь с цесаревичем вновь уехали. Почти месяц они объезжали всю линию обороны от Балтийского до Черного моря, после чего, наконец, снова прибыли в Могилев. 3 декабря 1915 года Государь собирался посетить гвардейские полки в Галиции. Накануне цесаревич простудился, у него начался сильный насморк, во время чихания у Алексея Николаевича началось кровотечение из носа. Доктор С. П. Фёдоров пытался остановить кровотечение, это ему удалось, но не до конца. Так как поездку императора

на фронт спланировали заранее, то откладывать ее не стали. Однако в дороге цесаревичу стало хуже, ночью у него поднялась температура и вновь из носа стала сочиться кровь. Врач в три часа ночи попросил разбудить Государя, объяснив, что нужно срочно вернуться в Могилев. На следующий день состояние здоровья Алексея Николаевича настолько ухудшилось, что было принято решение ехать в Царское Село. В поезде состояние больного стало еще хуже, он сильно ослабел. Приходилось останавливать состав, чтобы менять напитанные кровью тампоны. Всю следующую ночь в дороге цесаревича в полулежащем состоянии поддерживал дядька Клементий Нагорный, потому что больному нельзя было лежать. Ночью Алексей Николаевич дважды терял сознание.

В Царское Село поезд прибыл в 11 часов утра. На вокзале приехавших встречали Государыня и цесаревны, которые очень тревожились. Больного с большими предосторожностями перевезли в Александровский дворец, где его ждала целая бригада врачей. Лопнувший кровеносный сосуд удалось прижечь, кровотечение наконец-то остановилось. Больше месяца ослабевший после приступа Алексей Николаевич оставался в постели. Рождество и празднование наступления нового, 1916 года для него получились печальными. Только в феврале он начал медленно выздоравливать.

Император еще в декабре 1915 года вернулся в Ставку один. Цесаревича решили оставить в Царском Селе до начала теплой погоды. Наставник Пьер Жильяр считал, что это хорошо для занятий, потому что из-за длительных поездок на фронт в 1915 году его ученик сильно отставал от программы обучения.

В 1916 году император вновь взял с собой в Ставку цесаревича только в начале мая. Теплая погода позволила в Могилеве сделать для Алексея Николаевича классную комнату на веранде губернаторского дома. Во дворе поставили большую палатку, которая служила столовой, и еще Государь временами устраивал в ней совещания. Иногда, когда в палатке собирался очередной военный совет, цесаревич по собственной инициативе с ружьем становился у палатки как часовой. Взрослых забавляло, с какой серьезностью Алексей Николаевич исполнял в эти моменты роль охранника. По воспоминаниям флигель-адъютанта А. А. Мордвинова, цесаревич во время пребывания в Ставке отлично научился выполнять военные упражнения со своим игрушечным ружьем, не хуже профессиональных военных.

Летом, когда погода стала по-настоящему жаркой, министр путей сообщения выделил цесаревичу для прогулок по Днепру маленькую яхту.

Вместе с наставником Алексей Николаевич отправлялся в недолгие плавания, иногда с ними путешествовал и Государь. Останавливались у красивых песочных пляжей, купались, плавали, загорали. Несколько раз летом в Ставку приезжали Государыня с цесаревнами, им тоже очень нравились прогулки по Днепру.

Жизнь в Могилеве у Алексея Николаевича складывалась сложно. Много нервных нагрузок, связанных с поездками на фронт, ежедневные напряженные встречи, необходимость общаться с большим количеством людей для юного цесаревича были тяжелыми. Он становился нервным и рассеянным, ему плохо давалась учеба. Пьер Жильяр говорил, что мальчику нужны спокойный, строгий распорядок дня и ежедневные занятия. Однако император учителя не поддержал, считая, что для наследника престола очень важно видеть страдания, которые приносит война, чтобы он навсегда сохранил к ней отвращение. К тому же Государь надеялся, что жизнь на фронте сделает цесаревича более самостоятельным, независимым и ради этого можно на какое-то время пожертвовать учебой. В результате после пары стычек, когда Алексей Николаевич отказывался заниматься и перечил учителю, Жильяр попросил императора предоставить ему отпуск, сославшись на то, что не отдыхал с 1913 года. В середине июля вместо уехавшего из Ставки Жильяра цесаревича начал учить приехавший из Царского Села Петр Васильевич Петров, более лояльный и снисходительный. Однако Жильяр для Алексея Николаевича давно стал близким человеком, и стоило наставнику уехать, как цесаревич начал скучать по нему, постоянно, практически каждый день, писал ему.

Из Ставки Алексей Николаевич так же постоянно писал матери и сестрам, по которым очень скучал. Особенно нежные послания он отправлял матери. Эти письма были короткими и всегда оптимистичными, даже когда он чувствовал себя не слишком хорошо. Никаких жалоб и печальных историй. Только однажды, после отъезда Государыни из Ставки домой, цесаревич написал: «Стало пусто без Вас и скучно». Каждое его письмо начиналось с нежного обращения к матери: «Душка моя милая мама», «Дорогая моя милая мама», «Ненаглядная моя, душка Мама». Однако иногда Алексей Николаевич в своих письмах шалил, называя маму — «Душка Мамашка». Каждое письмо заканчивается словами: «Целую. Храни тебя Господь!», «Храни тебя и сестер Господь Бог!», «Буду молиться о тебе и сестрах. Храни Бог!».

Письма цесаревича полны милых, игривых шуток. Но главное, что он постоянно находил среди однообразного повседневного существования какие-то интересные, яркие моменты:

«Кошка лежит на диване, а Джой у нее искал блох и страшно ее щекотал» (5 сентября 1916 года, Могилев);

«Мы роём яму, чтобы найти разные вещи 1812 г... Уже нашли кусок от ружья» (10 сентября 1916 года, Могилев);

«Можно было думать, что дождь будет лить целый месяц, и вдруг сегодня чудная погода, хотя холодновато. Нога отдохнула, и ей гораздо лучше» (18 сентября 1916 года, Могилев);

«После завтрака ездили на моторах с Папа. Пекли картошку, ели с маслом и хлебом, было очень вкусно!!!» (21 сентября 1916 года, Могилев).

Алексей Николаевич скучал по сестрам и матери, их недолгие приезды в Ставку становились для него праздником. Перед одним из таких визитов он написал Государыне 22 сентября 1916 года письмо, полное радостного ожидания скорой встречи:

«Родная моя, милая Мама. Пишу тебе мою грамоту. Посылаю тебе несчетное число поцелуев и аппетитное расписание. Желтых листьев почти нет, но холодно (+3). Если будет такая погода, тебе здесь будет очень хорошо.

Собирайся поживей,

Приезжай-ка поскорей,

Ждем тебя мы с наслаждением и с малиновым вареньем!!!

Вчера мы ездили в Дашковку и через новые мосты. Димитрий и Н.П. всех целуют. Сейчас еду на прогулку. Храни Вас всех Господь Бог. Алексей».

В середине августа назад в Ставку вернулся Пьер Жильяр, Алексей Николаевич был ему так искренне рад, что учитель даже немного удивился. Было решено, что с сентября у цесаревича начнутся систематические занятия по обычной программе. К остававшемуся в Могилеве учителю русского языка П. В. Петрову и вернувшемуся из отпуска Пьеру Жильяру, учителю французского языка, вскоре присоединился преподаватель английского языка Сидней Гиббс. Такой состав учителей помог обеспечить преподавание большего количества предметов, а чтобы не выписывать из Царского Села еще одного учителя, арифметику цесаревичу стал преподавать генерал В. Н. Воейков. Впрочем, последнее вызывало возмущение в окружении Государя, многие считали, что стоило пригласить для наследника трона профессионального преподавателя математики.

В Ставке состояние здоровья Алексея Николаевича долгое время было хорошим. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов вспоминал, что в 1916 году в Могилеве цесаревич чувствовал себя хорошо, кровоизлияния от ушибов стали редкостью. Нога, на которую он раньше хромал, совсем

распрямилась, и «Алексей Николаевич по виду и движениям не отличался нисколько от совершенно здоровых детей его возраста».

Для игр цесаревичу собрали «роту» мальчишек его возраста «из всех слоев могилевского населения»: 25 кадетов и гимназистов. Для цесаревича, который раньше недели, а то и месяцы из-за болезни мог проводить в постели, играть со сверстниками стало счастьем. Он с упоением участвовал в самых «буйных» забавах, был ловким и находчивым. Часто цесаревич заставлял свою «роту», с которой встречался в городском саду, маршировать и на его приказы отвечать по-военному. Мордвинов так описывал Алексея Николаевича в период его нахождения в Ставке в 1916 году: «Это был изумительно красивый мальчик, стройный, изящный, смысленный и находчивый. На него нельзя было не залюбоваться...» Но особо флигель-адъютант отмечал не только красоту, но и доброту цесаревича: «У него было то, что мы, русские, привыкли называть «золотым сердцем». Он легко привязывался к людям, любил их, старался всеми силами помочь, в особенности тем, кто ему казался несправедливо обижен».

Алексей Николаевич в свои 12 лет изо всех сил старался казаться взрослым, во многом подражал родителям и сестрам. Так, он в 1916 году начал вести личный дневник, однако сначала заполнял его раз в несколько дней или просил наставника написать что-то со своих слов. И даже когда писал, как положено, каждый день, то мог сделать запись не вечером, а днем. Некоторые записи состоят из двух-трех предложений, вначале: «Встал как всегда. Учился и гулял», и в конце: «Потом как всегда». Или даже совсем кратко: «Обедали свои. Все как всегда» (2 марта 1916 года). Императрица в своем письме Государю в Ставку (14 января 1916 года) весело рассказывала об этом: «Бэби не на шутку принялся за свой дневник. Только уж очень смешно: так как вечером у него мало времени, то он днем описывает обед и отход ко сну». Однако со временем, войдя во вкус, цесаревич стал вести дневник более старательно, записывая в него свои новости достаточно подробно.

Первый дневник цесаревич полностью заполнил каждодневными записями с 1 января до 23 декабря 1916 года. Часто это совсем краткие перечисления того, что он делал в течение дня, но нередко встречаются и более подробные сведения о каких-то событиях или о состоянии его здоровья. Особенно невеселые записи сделаны в дни болезней, когда у Алексея Николаевича случались ангина, насморк, болели живот, рука или голова. В такие дни он обязательно указывал свою температуру и с печалью писал: «Целый день лежал в постели. Температура утром 37.6», «Играл в

карты (скучал)», «Не гулял и потому играл с м-е Жильяром в солдаты». Самые радостные записи в дневнике посвящены прогулкам, зимой это: «катался на горке», «катался на санках». Весной: «кололи лед», «катался на маленьком моторе». Лето приносило новые развлечения: «катался на шлюпке», «пили чай на балконе». Часто, когда цесаревич оставался в Царском Селе, в дневнике он упоминает друга — Колю Деревенко, их прогулки вместе и свои поездки к Коле домой. Алексей Николаевич обязательно отмечал каждое посещение церкви («был у заутрени», «был у обедни», «был у венощной»), каждую исповедь и причастие. Особенно выделял цесаревич в дневнике военные смотры, в которых принимал участие, подробно указывая, какие именно были части, сколько солдат. Так, 19 апреля 1916 года он писал: «Был смотр запасных гвардейских батальонов. 31 400 человек». 25 октября 1916 года: «Утром был с Папа на смотре новобранцев 4-х стрелковых полков».

Весь быт Царской семьи отражается в дневнике цесаревича. Посещение лазаретов, концерты для раненых в госпиталях, посещение зубного врача, визиты родных и чаепития с ними. Оставаясь в Царском Селе, цесаревич фиксирует в дневнике все телеграммы отца из Ставки. Встречаются и неожиданные события: так, у матроса Нагорного украли кошелек, в котором было 90 рублей, — цесаревича поразило это событие. Или уже в Могилеве он не чурается крестьянской работы: «Помогал бабам убирать сено». Отдельно он с удовольствием упоминает свою игру на балалайке или в любимых солдатиков.

В дневнике практически каждый раз цесаревич вспоминает, если писал кому-то письмо. Изредка не на русском, а на французском или английском языке: «Писал Мама французское письмо» (24 сентября 1916 года). Среди адресатов, которым он пишет, разные люди. Чаще всего он пишет письма из Ставки родным — каждый день матери и довольно часто сестрам. Встречаются упоминания о письмах учителям, тетям, бабушке, духовнику, друзьям кадетам, докторам Е. С. Боткину и В. Н. Деревенко и др.

В 1916 году Алексей Николаевич начал увлекаться литературой. Так, он писал в дневнике, что учитель П. В. Петров закончил читать ему вслух «Тараса Бульбу» Н. В. Гоголя. Оценивая роман, цесаревич отметил: «Чудная вещь!» Теперь он часто писал о том, что сам читает какие-то книги, это одно слово: «Читал». Преподаватель английского языка Сидней Гиббс в Могилеве начал читать ему вслух книгу о Шерлоке Холмсе на английском языке. Сам цесаревич тоже читал книги на иностранных языках и упоминал об этом в дневнике: «Вечером читал по-французски», «...читал

по-английски». Изредка в записях появляются и названия книг, которые он читал: «Начал читать книгу «Доктор Гааз» (15 сентября 1916 года). Достаточно часто цесаревич упоминал посещение кинотеатров и разные фильмы, которые он там смотрел. 30 августа 1916 года: «После обеда был в кинема. Интересны: «Предатель» (драма) и «Тайны Нью-Йорка».

К цесаревичу в Могилеве домой приходили в гости кадеты: «Играл с кадетами, наверху в прятки, в военно-морскую игру. [...] Кадеты со мной обедали, а в 7 часов ушли по домам» (24 июля 1916 года). Он отправлялся с новыми друзьями на прогулки в лес или по Днепру, играл в войну, в такие дни они у него обедали. Так произошло и в день его рождения, к своему двенадцатилетию Алексей Николаевич получил много подарков, потом играл и обедал с кадетами. Получил пару десятков поздравительных телеграмм, на которые сразу ответил. И сам вручил на память о своем дне рождения подарки новым друзьям: «Подарил кадетам сапоги и балалайки».

Когда цесаревич находился с отцом в Ставке, то в дневнике часто описывал события, связанные с войной:

«Папа получил 4 турецких знамени, взятых на Кавказе» (18 мая 1916 года);

«Поехали смотреть полубатарю на моторах, 4 пушки, 2 пулемета, 1 прожектор и 1 кухня. [...] Перед завтраком Папа дал мне 1 нашивку. Он меня произвел в ефрейторы» (25 мая 1916 года).

Иногда записи в дневнике очень печальные: «Старший сын батюшки [духовника Царской семьи Александра Петровича Васильева] Сережа убит на войне 7-го числа» (14 сентября 1916 года). И тут же Алексей Николаевич отмечает, что написал батюшке письмо, вероятно, с соболезнованиями.

И все же цесаревичу всего 12 лет, он обычный мальчишка, и в его дневнике есть не только серьезные записи, но и милые: «...играл с маленькими собачками мужика», «...я бегал по воде», «...я бегал босиком». Появлялись в дневнике и упоминания о девочках: о гимназистках в городском саду, о крестьянских девочках, которые пели песни.

Некоторые записи в дневнике, в отличие от обычных ежедневных, бытовых, рассказывают об обязанностях Алексея Николаевича, как наследника престола, ему приходилось участвовать в официальных церемониях во время визитов иностранных гостей. 11 сентября 1916 года цесаревич писал: «Встречали японского принца Кан-Ина на вокзале. Был почетный караул. Завтракал со всеми». 30 сентября 1916 года: «Я получил золотую сербскую военную медаль «За храбрость». Сербский генерал Юрижич со свитой обедал». 8 декабря 1916 года: «Получил третьего дня французскую военную медаль». Из-за общественных обязанностей иногда

приходилось отменять уроки не только, когда цесаревич находился в Ставке, но и в Царском Селе: «Один утренний урок пропал потому, что сперва представлялись конвоиры, вернувшиеся с войны, а потом английские фотографы снимали классную комнату».

Постепенно, чем больше опыта получал цесаревич, тем длиннее, образнее и содержательнее становились записи, сложнее предложения. По повествованию можно легко представить себе, как у цесаревича прошел день: «Был в церкви. Простоял молебен. Завтракал со всеми. Катались по Днепру. Пекли картошку и каштаны. С трех часов льет сильный дождь. Ходил к закуске. Лег рановато» (25 сентября 1916 года), «Занимался по расписанию. Утром катался на моторе. После завтрака была прогулка по Днепру. Ураганный ветер, волны, как горы...» (30 сентября 1916 года).

Интересно, что Алексей Николаевич был неравнодушен к еде, любил вкусно поесть. Если болел и вынужденно держал диету по настоянию докторов, то всегда расстраивался. А о вкусных блюдах обязательно писал в дневнике: «борщ и суп великолепны», «очень вкусно», «наслаждался борщом», «обедал вкусно».

Благодаря дневнику становится понятно, что Алексей Николаевич в 12 лет был достаточно сложившейся личностью. Понятно, почему его наставник Пьер Жильяр писал, что цесаревич по развитию был старше своего возраста. Алексей Николаевич достаточно много читал, или ему читали вслух учителя, вел большую и постоянную переписку с разными людьми, причем не только по-русски, но и на французском и английском языках, серьезно относился к своим обязанностям наследника престола, живо интересовался историей, военной наукой, музыкой (достаточно хорошо играл на балалайке), имел доброе сердце — постоянно старался помогать людям. 7 ноября 1916 года он записывает в дневнике: «Дал губернатору 100 р. на табак для солдат к Р.Х.». 9 ноября 1916 года: «Папа велел выдать пособие одной бедной учительнице (300 р.)». Во время войны Алексей Николаевич очень повзрослел, постоянное посещение войск и госпиталей, знакомство с людьми, прошедшими тяжелые страдания на фронте, заставляли юного цесаревича серьезнее смотреть на жизнь, лучше понимать чужую боль.

О добром сердце Алексея Николаевича вспоминала близкая к Царской семье С. Я. Офросимова: «Наследник принимал горячее участие, если и у прислуги стряжется какое-нибудь горе. Его Величество был тоже сострадателен, но деятельно это не выражал, тогда как Алексей Николаевич не успокаивался, пока сразу не поможет. Помню случай с поваренком, которому почему-то отказали в должности. Алексей Николаевич как-то

узнал об этом и приставал весь день к родителям, пока не приказали поваренка снова взять обратно. Он защищал и горой стоял за всех своих».

Цесаревич к 1916 году практически избавился от застенчивости и легко общался даже с незнакомыми людьми. Многие отмечали, что, несмотря на доброту и жалость к людям, Алексей Николаевич обладал достаточно твердым характером, убедить его в чем-то удавалось, если собеседник приводил какие-то веские доводы. Флигель-адъютант А. А. Мордвинов, который провел в Ставке рядом с цесаревичем достаточно много времени, анализируя его характер и поведение, делал вывод, что «Алексей Николаевич обещал быть не только хорошим, но и выдающимся русским монархом». Мордвинову вторит в своих воспоминаниях и протопресвитер военного и морского духовенства Г. И. Шавельский: «Господь наделил несчастного мальчика прекрасными природными качествами: сильным и быстрым умом, находчивостью, добрым и сострадательным сердцем, очаровательной у царей простотой; красоте духовной соответствовала и телесная». Императрица также считала, что ее сын растет настоящим мужчиной и у него «твердая воля и своя голова».

В ноябре 1916 года Николай II с сыном ненадолго приехали в Царское Село, однако вскоре снова они были вынуждены вернуться в Ставку. Положение на фронте оставалось сложным, император нервничал, под грузом забот часто становился строг и требователен, в том числе и к сыну. По воспоминаниям Жильяра, Государь в те дни несколько раз резко обрывал Алексея Николаевича.

В декабре резко ухудшилась ситуация у союзника России — Румынии, особенно тревожным было известие о взятии Бухареста, катастрофическая гибель страны, казалось, была предрешена. Жильяр писал, что в Ставке в это время царила атмосфера уныния. 31 декабря пришла весть об убийстве Григория Распутина, в тот же день император с наследником и приближенными выехал из Могилева в Царское Село, где оставался весь январь и февраль наступившего 1917 года.

В начале 1917 года, когда политическое напряжение в стране нарастало и в Петрограде полицейскими мерами власти с трудом сдерживали народные волнения, уставшие от войны и лишений люди мечтали только о мире, у цесаревича продолжалась беззаботная, обычная жизнь мальчика, которому было всего двенадцать с половиной лет. Уроки, прогулки, посещения лазаретов, в которых работали сестры, — Алексея Николаевича никто не посвящал в сложности политической обстановки в стране. Его картина мира оставалась незамутненной: доблестная русская армия сражалась на фронтах против врагов, народ оставался преданным его

отцу-императору, дома в семье царили мир и согласие. Приступы гемофилии не случались уже достаточно долго, Алексей Николаевич чувствовал себя совершенно здоровым. У юного цесаревича в канун революционных потрясений был один из самых счастливых и спокойных периодов в его жизни.

Арест. Ссылка. Расстрел

Двадцать третьего февраля 1917 года у цесаревича неожиданно резко поднялась температура до 38,3 градуса. Врачи сразу заподозрили инфекционную болезнь, потому что в этот же день лихорадка началась у великой княжны Ольги Николаевны и подруги императрицы А. А. Вырубовой, которая в это время жила в Александровском дворце в крыле, где находились помещения для придворных. Несмотря на то что болезнь сначала очень напоминала простуду, так как у заболевших был кашель и насморк, вскоре доктора поставили однозначный диагноз — корь. Через несколько дней у всех троих появились сыпь и светобоязнь.

В спальне цесаревича окна круглые сутки оставались завешены плотными шторами. У его постели по очереди дежурил кто-то из фрейлин, П. Жильяр или С. Гиббс. В эти дни основным врачом для Алексея Николаевича стал доктор В. Н. Деревенко. Раньше лечивший цесаревича в сложных ситуациях лейб-педиатр С. А. Острогорский, который обычно в случае надобности приезжал в Царское Село из Петрограда, отказался посещать царских детей, заявив, что дорога стала «слишком грязна и опасна».

Вскоре корью заболела великая княжна Татьяна Николаевна, позже и две младшие цесаревны. Легче всех корь перенес Алексей Николаевич, температура у него не была выше 39 градусов, выздоровление проходило без осложнений. Но доктор Деревенко и помогавший ему «взрослый доктор» Е. С. Боткин все же установили для больного строжайший постельный режим, опасаясь, что недостаточно крепкий организм цесаревича может не выдержать серьезной нагрузки.

Алексея Николаевича искренне расстроила необходимость постоянно лежать в постели. Для него это оказалось настоящим мучением. Он понимал, что вокруг дворца что-то происходит, почему-то слышны выстрелы, но заботливые приближенные ничего не рассказывали ему. Еще больше цесаревича волновала задержка с возвращением отца из Ставки. Никто не мог объяснить, почему император не вернулся к 1 марта в Царское Село, хотя близкие его ждали в этот день. Взрослые дипломатично уходили от прямого ответа на вопрос: когда же отец вернется? Цесаревич рвался подняться с постели, и только угроза пожаловаться на его непослушание матери удерживала Алексея Николаевича от попыток покинуть свою комнату. Облегчало ситуацию то, что ослабевший от

болезни цесаревич достаточно много спал. Однако людям, дежурившим у его постели, оказалось трудно выполнять настоятельную рекомендацию докторов — хорошо кормить больного и давать ему много питья. Алексей Николаевич капризничал, есть и пить отказывался. По рекомендации Государыни цесаревичу для развлечения читали книги, играли с ним в настольные игры, что его мало утешало.

В эти дни цесаревич ничего не знал ни об отречении отца — за себя и за него — от престола, ни о беспорядках в столице, ни о волнениях в царскосельском гарнизоне. Только 7 марта, накануне возвращения уже бывшего императора в Царское Село, Александра Федоровна решила, что обо всех печальных новостях нужно сообщить детям, и попросила Пьера Жильяра все объяснить сыну. Тот так вспоминал свой с цесаревичем разговор: «Я пошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что Государь возвращается завтра из Могилева и больше туда не вернется.

— Почему?

— Потому что ваш отец не хочет быть больше Верховным главнокомандующим!

Это известие сильно его огорчило, так как он очень любил ездить в ставку. Через несколько времени я добавил:

— Знаете, Алексей Николаевич, ваш отец не хочет быть больше императором.

Он удивленно посмотрел на меня, стараясь прочесть на моем лице, что произошло.

— Зачем? Почему?

— Потому что он очень устал и перенес много тяжелого за последнее время.

— Ах, да! Мама мне сказала, что, когда он хотел ехать сюда, его поезд задержали. Но папа потом опять будет императором?

Я объяснил ему тогда, что Государь отрекся от престола в пользу великого князя Михаила Александровича, который в свою очередь уклонился.

— Но тогда кто же будет императором?

— Я не знаю, пока никто!..

Ни слова о себе, ни намек на свои права наследника. Он сильно покраснел и был взволнован.

После нескольких минут молчания он сказал:

— Если нет больше царя, кто же будет править Россией?

Я объяснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься государственными делами до созыва Учредительного

собрания, и что тогда, быть может, его дядя Михаил взойдет на престол.

Я еще раз был поражен скромностью этого ребенка».

По приказу Временного правительства 7 марта с 16 часов дня Царская семья и приближенные, пожелавшие с ней остаться, стали считаться арестованными. Двери Александровского дворца закрыли, верную царю охрану заменили на революционные части царскосельского гарнизона. 9 марта домой вернулся Государь. Вместе с ним из всей раньше многочисленной свиты императора приехал только гофмаршал князь В. А. Долгоруков, не изменивший присяге.

Во дворце первой навстречу Государю выбежала Александра Федоровна. По словам А. А. Вырубовой, Государыня бежала навстречу мужу по коридорам и лестнице, как юная, пылкая девочка. С такой теплотой и любовью супруги обнялись, что эта трогательная встреча умилила присутствовавших фрейлин. Первым делом Николай Александрович посетил больных детей, сначала дочерей, потом сына. К этому моменту уже все четыре цесаревны тяжело болели корью, один Алексей Николаевич начал выздоравливать, несколько дней у него не поднималась температура, только немного по вечерам, но не выше 37 градусов.

Уже через неделю цесаревич смог вместе с родителями посещать церковные службы и вскоре со всеми арестованными стал выходить на прогулки. Первое время караульные вели себя не просто строго, а подчеркнуто грубо с бывшим императором и его семьей. Особенно резко они обращались с Государем, кричали на него, случалось, что подталкивали прикладами винтовок, что-то дерзко запрещали, на ходу меняя правила. Алексей Николаевич по-настоящему страдал от такого обращения с отцом.

Пьер Жильяр вспоминал, что после первого посещения арестованной Царской семьи А. Ф. Керенским, рассказав учителю о подробностях этой встречи, цесаревич был глубоко уязвлен непочтительным поведением министра нового правительства. Наставник писал: «Для Алексея Николаевича удар был очень тяжел. Он еще не отдавал себе отчета в их новом положении. Он в первый раз видел, чтобы его отцу давались приказания, а он их исполнял, как подначальный».

Режим содержания арестованных установили строгий: в Александровский дворец никто из близких Царской семье людей не мог прийти без особого разрешения новых властей; как и никому из узников не разрешалось покидать дворец; запрещалось пользоваться телефоном; все письма подвергались строгой цензуре, любое послание могло быть

задержано комендантом охраны без объяснения причин; на прогулки арестованных выводили сразу всех вместе в определенное время под усиленной охраной и т. д. В эти дни Пьер Жильяр писал в своем дневнике: «Каждый раз, что мы выходим, нас окружают несколько солдат с винтовками с примкнутыми штыками под командой офицера и следуют за нами по пятам. Мы — точно каторжане среди караульных. Распоряжения меняются ежедневно, — или, может быть, офицеры понимают их каждый на свой лад!»

Алексей Николаевич не был избалован общением с внешним миром — из-за приступов гемофилии все детство доктора ограничивали его свободу — и сейчас, когда, казалось, чувствовал себя лучше и проблемы связанные с его наследственной болезнью отступили, из-за ареста он оказался заперт вместе с близкими во дворце. Это было для него очень больно. Единственной радостью становились дни, когда доктор Деревенко приносил Алексею Николаевичу записки от своего сына Коли, став тайным почтальоном для двух друзей-мальчишек. Послания врач прятал в своем саквояже среди инструментов и лекарств, что очень нравилось цесаревичу, напоминало ему игру в шпионов.

В конце марта в Александровском дворце неожиданно появился боцман А. Е. Деревенько. До революционных дней верно служивший дядькой у цесаревича, он в первые же дни смуты бесследно, без объяснений исчез. Теперь матрос вел себя с цесаревичем надменно, объяснял ему, что теперь хозяином стал народ и «бывшие господа» должны сами ему прислуживать. А. А. Вырубова вспоминала, как она с удивлением и возмущением наблюдала сцену, когда Андрей Деревенько сидел, развалившись в кресле, и командным тоном приказывал Алексею Николаевичу что-то ему принести. Впрочем, на следующий день матрос снова ушел, оставив два сундука якобы своих вещей, за которыми обещал вскоре прислать. Когда сундуки открыли, то в них оказались сложены разные вещи, принадлежавшие Царской семье, в основном одежда и обувь цесаревича — у бывшего дядьки было три сына приблизительно одного возраста с Алексеем Николаевичем.

Какое-то время, кроме верного Пьера Жильяра, рядом с цесаревичем не осталось других помощников-взрослых. И Алексей Николаевич обрадовался, когда во дворец неожиданно вернулся помощник предавшего Царскую семью дядьки Деревенько — Климентий Григорьевич Нагорный. Это был настоящий поступок, матрос по собственной инициативе присоединился к арестованной Царской семье, чтобы помогать Алексею Николаевичу, постоянно быть с ним рядом. Матрос поселился в комнате

рядом со спальней цесаревича, которую раньше занимал сбежавший Деревенко.

Только к началу мая все царские дети окончательно оправились после кори. Цесаревич начал посещать уроки. Так как большинство учителей, которые приходили в Александровский дворец только на уроки, перестали пускать к Царской семье, часть предметов распределили между собой взрослые из числа арестованных. 29 апреля Пьер Жильяр записал в дневнике: «Вечером длинный разговор с Их Величествами насчет уроков Алексея Николаевича. Надо найти какой-нибудь выход, раз у нас нет больше преподавателей. Государь возьмет на себя историю и географию, Государыня — закон Божий, баронесса Буксгевден — английский язык, г-жа Шнейдер — арифметику, доктор Боткин — русский язык, а я — французский».

В конце весны Царской семье разрешили разбить в парке огород. Расположили его совсем рядом со дворцом, прямо под окнами. Газонную траву сняли и устроили грядки. Государь с мужской частью свиты с энтузиазмом копал землю. Алексею Николаевичу тоже очень хотелось копать, но отец запретил ему делать это, опасаясь, что физические нагрузки могут быть вредны для сына, только что переболевшего корью.

Алексей Николаевич испытывал искренний интерес ко всем огородным работам. Он бродил рядом с грядками, рассматривая каждый росток, а иногда и трогая всходы руками, пока Государыня или кто-то из взрослых не объясняли ему, что для растений это вредно. Цесаревич мог подолгу слушать рассказы своего дядьки Нагорного о жизни в деревне, о хитростях крестьянской работы, о том, как правильно нужно ухаживать за огородом. Первая редиска, появившаяся на столе во время обеда, стала настоящим событием для всех, кто принимал участие в ее выращивании. Упоминание об этой редиске появилось в дневниках и письмах у всех арестованных.

Через время к цесаревичу стали изредка, по праздникам, пускать в гости друга — Колю Деревенко. Хотя по-прежнему никого из дворца не выпускали, посещать арестованных было нельзя, оставалась строгая проверка писем. Но Алексей Николаевич всегда умел находить для себя развлечения в любых обстоятельствах. Когда наступили теплые летние дни, он купался в пруду и загорал. На детском острове устроил для себя целые военные маневры: маршировал, ползал по-пластунски, играл со своим любимым детским ружьем, которое подарили еще его отцу тульские оружейники, — замечательная игрушка, очень похожая на настоящее ружье. Его цесаревич обожал и необычайно им дорожил. По какой-то

непонятной причине солдатский комитет постановил это ружье у Алексея Николаевича изъять. И сколько солдатам охраны не объясняли, что это не настоящее оружие, они настояли на своем. Цесаревичу пришлось расстаться с любимой вещью, обычно стойкий и не склонный к сантиментам, тут обиженный ребенок долго и горько плакал. Пьер Жильяр 10 июня 1917 года писал: «Несколько дней тому назад дети играли на своем острове [искусственный остров среди маленького озера]. Алексей Николаевич играл с маленьким ружьем, которым очень дорожит, так как это ружье Государь получил от отца, когда был ребенком.

Один из офицеров подошел к нам и предупредил меня, что солдаты решили отнять у Цесаревича его ружье и что они сейчас придут его взять. Услыхав это, Алексей Николаевич положил свою игрушку и подошел к Государыне, сидевшей на лужайке в нескольких шагах от нас. Минуту спустя подошел караульный офицер с двумя солдатами и потребовал, чтобы ему сдали требуемое ими «оружие». Я пытаюсь вступить в это дело и объяснить им, что это не ружье, а игрушка. Напрасный труд — они отбирают его. Алексей Николаевич начинает рыдать. Его мать просит меня еще раз попробовать уговорить солдат, но это мне снова не удается, и они уходят со своим трофеем».

В конце концов, втайне симпатизировавший Царской семье командир охраны полковник Е. С. Кобылинский пообещал ружье цесаревичу вернуть. Но Алексею Николаевичу пришлось в ответ дать слово играть с ним только в своей комнате, чтобы не видели солдаты. Само возвращение игрушечного оружия превратилось в целую историю. Нужно было, чтобы солдатский комитет ни в коем случае не догадался о нарушении его постановления. Поэтому полковник Кобылинский разобрал ружье на части, а учитель Пьер Жильяр, приходя на уроки к царским детям, каждый раз приносил одну из этих частей, пряча их в своей одежде. Когда, наконец, все части оказались у цесаревича, к его неописуемой радости, Нагорный смог вновь собрать ружье.

Неприятности, подобные истории с игрушечным ружьем, происходили постоянно. Царские дети не понимали: зачем этим взрослым людям, солдатам, к которым они хорошо относились, так недостойно себя вести? Одним из самых печальных случаев стал для цесаревен и цесаревича расстрел лебедей. В парке на одном из прудов жили совершенно ручные прекрасные белые лебеди, дети приходили их кормить. Когда птицы видели людей, то сразу к ним приплывали, надеясь на угощение. Однажды солдаты расстреляли из ружей всех лебедей. В этом не было никакого смысла. Цесаревны рыдали, жалея птиц. Алексей Николаевич пытал всех взрослых

— почему? Почему это произошло? Как могли солдаты, которых он так уважал, столько слышал рассказов об их подвигах на фронтах, убить доверчивых, красивых птиц?

С самого начала ареста Царскую семью предупредили, что они недолго будут оставаться в Царском Селе, перевезти в Ливадию их отказались, Британия сначала прислала приглашение, а затем его отозвала. Алексей Николаевич отреагировал на это совершенно спокойно, ему никогда не нравилась идея жить в Англии, он хотел остаться в России.

Перед самым днем рождения Алексея Николаевича полковник Кобылине кий неожиданно сделал ему подарок: через Пьера Жильяра на одну ночь он передал письма и открытки, которые, как и в прежние годы, прислали во дворец люди с поздравлениями цесаревичу. Полковник и учитель очень рисковали, нарушая распоряжение революционного солдатского комитета, но не могли поступить иначе. По воспоминаниям Жильяра, незатейливые слова любви, поздравления, которые прислали в основном дети, произвели на Алексея Николаевича большое впечатление. Написанные детским почерком, подписанные краткими милыми именами или часто просто «дети России» в трудные времена добрые пожелания глубоко тронули душу юного цесаревича. Он не хотел расставаться с этими письмами, но их пришлось вернуть, чтобы солдатский комитет не узнал о смелом поступке двух взрослых людей, рискнувших нарушить строгие правила.

Отъезд из Царского Села был назначен на 1 августа 1917 года, накануне Алексею Николаевичу исполнилось 13 лет. Близкие вручили ему подарки, но праздник получился печальным. Все собирали вещи в дорогу. Александра Федоровна постоянно плакала, прощаясь с домом, в котором прожила 22 года, в котором росли ее дети и она была счастлива. Озабоченный отъездом Государь был печален. Он смог проститься с любимым братом великим князем Михаилом Александровичем только в присутствии охраны, братьям дали для беседы десять минут, но рядом стояли часовые, при посторонних людях откровенный разговор не получился.

Алексей Николаевич через дверь кабинета отца услышал, как тот разговаривает с Михаилом Александровичем. Цесаревичу очень хотелось поговорить с «дядей Мими», которого он любил, проститься с ним. Но часовые грубо выставили цесаревича из коридора, так что он даже издалека не смог увидеть дядю. И ему было совершенно непонятно, почему он должен уйти. Алексей Николаевич пытался объяснить непонятливой охране, что их семья уезжает и неизвестно когда они увидят снова

родственников. Ну какие же солдаты непонятливые! Почему не хотят разрешить ему просто поздороваться с дядей!

Дворец, полный плачущих людей — плакали Государыня и цесаревны, плакали фрейлины и слуги, — оставлял гнетущее впечатление. Везде стояли сундуки, чемоданы, коробки, рядом на полу, столах и стульях лежали вещи, которые хотела взять с собой отправлявшаяся в ссылку Царская семья. И только один человек радовался отъезду — цесаревич. Счастливый Алексей Николаевич радостный бегал по дворцу. Он совершенно не понимал, почему так убиты горем его близкие. Это же замечательно — путешествовать, побывать в новых местах!

Царской семье только перед самым отъездом сообщили, что их отправляют в Тобольск. Алексей Николаевич считал, что это здорово. Он никогда не видел Тобольска, никогда не был в Сибири. Поездка казалась ему настоящим приключением. Цесаревича не понимала даже младшая из сестер Анастасия Николаевна, всегда поддерживающая его в веселье. И он возмущался, что сестра плачет, ведь и она никогда так далеко не уезжала из Царского Села и, по его мнению, тоже должна была с удовольствием думать о прекрасной возможности посетить новый город.

Накануне отъезда (30 июля 1917 года) Александра Федоровна попросила принести во дворец Знаменскую икону Божьей Матери, у которой состоялся молебен. Ночью уезжающих несколько раз собирали в зале, а потом снова отправляли по комнатам. Алексей Николаевич к утру очень устал: его несколько раз за ночь будили, приходилось одеваться, а потом снова раздеваться. В конце концов, Нагорный в очередной раз уложил его в постель одетым. Только на рассвете машины, наконец, подали. 1 августа 1917 года цесаревич записал в своем дневнике: «В 6 ч. 10 м. утра уехали из Царского Села в поезде. Когда тронулся поезд, все легли спать и спали до завтрака». Ехать в поезде Алексею Николаевичу понравилось. Единственное, что его расстраивало, — занавески на окнах во время стоянок охрана держала закрытыми, а так хотелось рассматривать пейзажи вокруг вагона. 3 августа цесаревич писал в дневнике: «На станциях закрывали занавески на окнах, чтобы нас никто не видал». Иногда в безлюдных местах поезд останавливался и арестованным разрешали погулять. Цесаревичу очень нравились эти прогулки. Одна такая остановка, о которой он упоминал — «гуляли около реки Сылвы с массами солдат», — особенно всех порадовала. Поезд остановился на высокой насыпи наверху холма, от железнодорожного полотна через луг, заросший дикими благоухающими цветами, открывался красивый вид на реку. Недалеко начинался лес, в котором оказались целые поляны спелой черники.

Цесаревич помогал сестрам собирать букеты цветов, потом вместе со всеми наелся черники и, убегая от опекавшего его Нагорного, добрался по лугу почти до берега реки.

Четвертого августа цесаревич записал в дневнике: «В 11 ч. мы все сели на пароход «Русь». Дальше Царскую семью повезли по реке. Цесаревичу плавание нравилось, потому что пароход изредка причаливал у безлюдных берегов, где можно было гулять, да и других новых впечатлений хватало. Так, 5 августа он подробно описывает события прошедшего дня: «Смотрели, как дрова грузят. Утром «Русь» сел на мель и мы простояли около 2 ч. Завтракал со всеми в столовой. У мама болит сердце и поэтому она лежала целый день в постели. Пил чай и обедал со всеми в столовой. Я и сестры играли с маленькими детьми машинистов. Вечером «Русь» пристала к берегу; гулял, собирал цветы».

Наконец 6 августа Царская семья прибыла в Тобольск. Цесаревич записал: «В 10 ч. пришли в Тобольск. Солдаты таскали вещи на пристань; сказали нам, что выехать нельзя, потому что дом, в котором мы должны жить, еще не вычищен. Мы спали в наших каютах на пароходе». Однако жизнь на пароходе цесаревичу быстро наскучила, отчасти потому, что у пристани постоянно собиралась толпа зевак, неотрывно глазевшая на то, что происходило на судне. Спокойно гулять на палубе под взглядами любопытной публики было неудобно. Алексей Николаевич в дневнике возмущался: «Толпа все время стоит и смотрит». И был очень рад, когда их перевели с парохода в губернаторский дом. 14 августа он с облегчением записал: «Утром гулял на палубе и играл с Машей. В 1/2 11-го Папа, О[льга], М[ария] и А[настасия] и я пошли пешком по улице в губернаторский дом жить. Мама и Т[атьяна] уехали на извозчике за нами. За мама шли офицеры, а по бокам стояли солдаты. Мы все смотрели весь дом, сад, кухню, караульное помещение».

Первое время жизнь Царской семьи в Тобольске протекала достаточно спокойно. Конечно, по-прежнему арестованным не разрешали покидать дом, но для сопровождающих сделали исключение — они могли изредка выходить на прогулки в город, сначала под охраной, а вскоре и вовсе без нее. В провинции легче было купить продукты, поэтому питание стало разнообразнее. В конце концов, Царской семье разрешили в церковные праздники посещать службы в расположенной недалеко от губернаторского дома Благовещенской церкви. Первый раз они оказались в храме в сентябре по случаю праздника Рождества Богородицы. И это стало большой радостью для всех арестованных.

Снова начались занятия у младших цесаревен и цесаревича. Пьер

Жильяр так описывал жизнь в Тобольске в первые три месяца: «Наша жизнь понемногу налаживалась, и нам удалось общими силами возобновить обучение цесаревича и двух младших великих княжон. Уроки начинались в 9 часов и от 11 до часа прерывались для прогулки, в которой всегда принимал участие Государь. Ввиду того, что не было классной комнаты, ученье происходило либо в большой зале верхнего этажа, либо у Алексея Николаевича, или в моей комнате: я жил внизу, в прежнем кабинете губернатора. В час все собирались к завтраку. Однако Государыня, когда бывала нездорова, завтракала у себя с Алексеем Николаевичем. Около 2 часов мы снова выходили на прогулку и гуляли, и играли до 4 часов.

Государь очень страдал от недостатка физических упражнений. Полковник Кобылинский, которому он жаловался на этот счет, приказал привезти березовые бревна и купить пилы и топоры, и мы получили возможность заготавливать дрова, необходимые для кухни печей. Это сделалось одним из больших наших развлечений на чистом воздухе в продолжение нашего заключения в Тобольске, и даже великие княжны пристрастились к этому новому спорту.

После чая уроки возобновлялись и оканчивались около шести с половиною. Обедали часом позже, после чего шли наверх в большую залу пить кофе. Мы все были приглашены проводить вечер с Царской семьей, и для некоторых из нас это сделалось вскоре привычкой. Мы устроили игры и всячески изоощрялись найти забавы, способные внести разнообразие в монотонность нашего заключения. Когда начало становиться очень холодно и большая зала сделалась необитаемой, мы нашли себе приют в соседней, единственной действительно уютной комнате дома, служившей гостиной Ее Величеству. Государь часто читал вслух, а великие княжны занимались рукодельем или играли с нами. Государыня обыкновенно играла одну или две партии в безик с генералом Татищевым, а затем также брала какую-нибудь работу или лежала на своей кушетке. В этой мирной семейной обстановке мы проводили долгие зимние вечера, как бы затерянные в беспредельности далекой Сибири».

Вскоре в Тобольск приехала опытная учительница — Клавдия Михайловна Битнер. Ее пригласили преподавателем к царским детям, и она стала давать уроки русского языка, математики и географии цесаревичу, а истории и русской литературы — младшим великим княжнам. В своих воспоминаниях Клавдия Михайловна писала, что из всех царских детей особенно привязалась к Алексею Николаевичу: «Я любила его больше, чем других». И хотя она считала, что цесаревич отставал в знаниях от

гимназического курса, по ее мнению, он был «хороший, добрый мальчик... умный, наблюдательный, восприимчивый, очень вежливый, веселый, кипучий», «очень способный, но немного ленивый». Однако учительница отмечала, что он быстро усваивал материал. Нравились ей и черты характера Алексея Николаевича — его простота и прямота, что он никогда не лгал, не изворачивался. Ее восхищало терпение, с которым он переносил свою болезнь. Клавдия Михайловна отмечала: «Ему хотелось быть здоровым, и он надеялся, что так и будет». Говоря о своей болезни, цесаревич спрашивал у нее: «Как вы думаете, так и будет продолжаться?»

Как и для всей Царской семьи, для Алексея Николаевича в Tobольске особое значение имела переписка. Он писал немногим адресатам. Чаще в конце писем сестер или матери к кому-то из родных и близких дописывал несколько строк от себя. Несколько писем из Tobольска цесаревич написал своему учителю П. В. Петрову, с которым у него были очень добрые отношения. 7 января 1918 года Алексей Николаевич писал учителю: «Дорогой Петр Васильевич. Пишу Вам уже третье письмо. Надеюсь, что Вы их получаете. Мама и другие Вам шлют поклон. Завтра начнутся уроки. У меня и сестер была краснуха, а Анастасия одна была здорова и гуляла с Папой. Странно, что никаких известий от Вас не получаем. Сегодня 20 гр. морозу, а до сих пор было тепло. Пока я Вам пишу, Жилик читает газету, а Коля рисует его портрет. Коля беснуется и поэтому он мешает писать Вам. Скоро обед. Нагорный Вам очень кланяется. Поклон Маше и Ирине. Храни Вас Господь Бог! Ваш любящий. Алексей».

А. А. Вырубова присылала письма не только Александре Федоровне, но и всем царским детям, которых очень любила. Цесаревич тоже писал ей небольшие письма: «Дорогая моя милая Аня. Радуюсь опять иметь от тебя известия и что ты наши вещи получила. Сегодня 29 градусов мороза, и сильный ветер и солнце. Гуляли — ходили на лыжах по двору. [...] Есть у нас хороших несколько солдат, с ними я играю в караульном помещении в шашки. [...] Пора идти к завтраку. Целую и люблю. Храни Тебя Господь».

К октябрю 1917 года обстановка вокруг Царской семьи в Tobольске начала меняться к худшему. Режим содержания стал более строгим, никому больше не разрешали прогулки по городу, посещения храма стали совсем редкими, что особенно печалило арестованных. Алексея Николаевича тоже очень расстраивал запрет молиться в церкви. 5 октября он с досадой писал в дневнике: «В 11 час. был молебен, потому что не позволили обедню и идти в церковь. Дураки». После октябрьского переворота все стало еще хуже. Революционно настроенные солдаты устраивали обыски, когда арестованные уходили на прогулку, в это время у них стали пропадать

ценные вещи. Алексею Николаевичу тяжело было прощаться с доброжелательно настроенными к Царской семье солдатами, с которыми, когда они заступали в караул, он любил беседовать; их новые власти уволили в первую очередь. Когда солдатский комитет приказал всем офицерам и солдатам снять погоны, дольше всех сопротивлялся цесаревич, он никак не мог понять, почему ему отказывают вправе остаться военным, не наследником, не цесаревичем, а простым ефрейтором русской армии. Но и ему пришлось смириться, со слезами на глазах он сам срезал погоны со своей солдатской формы. Сложив в шкатулку погоны и награды, цесаревич отдал их на хранение няне — Александре Александровне Теглевой. Добрая няня пыталась его утешить, сказав, что отдает он их ей на время. Цесаревич на это печально ответил, что не хочет обманывать себя, он расстанется с ними навсегда.

Чтобы как-то скрасить унылое существование, помочь детям переносить заключение, учителя придумали устроить домашний театр. Самым активным участником всех постановок стал Алексей Николаевич. Он был готов играть в каждой пьесе, помогал делать декорации, костюмы, реквизит. Его неутомимое трудолюбие и энергия теперь всецело принадлежали театру. Репетиции проходили практически каждый день. В первом же спектакле («Флюиды Джона») одну из трех ролей исполнил цесаревич. Алексей Николаевич прекрасно справился с ролью. Гофлектриса Е. А. Шнейдер в письме учителю П. В. Петрову, рассказывая об игре цесаревича в пьесе, написала, что он «поразил всех своею игрой... Как будто давно выступал на подмостках». Вторит ей и Татьяна Мельник-Боткина, которая вспоминала, что «Алексей Николаевич, с привязанной бородой и го-веривший басом, был необычайно мил». И сам цесаревич в январе 1918 года в небольшом письме А. А. Вырубовой как о главной новости рассказывает ей о театре: «Вчера играл с Татьяной и Жиликом французскую пьесу. Все готовят еще другие комедии».

Зимой дети, которым помогали взрослые, соорудили во дворе снежную горку. Она стала главным развлечением для цесаревен и цесаревича в зимние месяцы. Сколько радости у них появилось от возможности с хохотом скатываться с горки в сугроб. Цесаревич все время прогулок пропадал на горке. Однако 4 марта 1918 года солдатский комитет постановил горку разрушить, сославшись на то, что она слишком высокая, с нее можно видеть улицу. Пьер Жильяр записал в дневнике: «Солдаты пришли вчера, как злоумышленники — они отлично чувствовали, что делают низость, — чтобы разломать кирками ледяную гору. Дети в отчаянье». Цесаревич действительно был необыкновенно угнетен, эта

горка оставалась для него одним из немногих утешений в заключении. Не было иного смысла ее разрушать, кроме как побольнее уколоть царских детей.

В воскресенье 17 марта 1918 года Пьер Жильяр с печалью писал: «Сегодня воскресенье на масленице. Все в полном веселье. Под нашими окнами проезжают туда и обратно сани. Звон колокольников, бубенчиков, звуки гармоник, песни... Дети грустно смотрят на всех этих веселящихся людей. С некоторого времени они начинают скучать, и их тяготит их заключение. Они ходят кругом двора, окруженного высоким сплошным забором. С тех пор, как их гора разрушена, их единственное развлечение — пилить и рубить дрова».

В эти дни в дневнике цесаревича часто появляются одни и те же слова: «холодно и скучно», «как же тяжело и скучно», «скучно». Алексей Николаевич в печальные дни в конце тобольского периода ссылки становится взрослее и серьезнее. Несчастья, обрушившиеся на семью, враждебность революционных солдат, жизнь под арестом заставляли его задуматься и о себе, и о своем месте в мире. И если еще недавно он мечтал стать таким, как все мальчишки, и часто тяготился своим положением наследника престола, то теперь цесаревич говорил, что если бы он стал царем, то никому бы не позволил обманывать себя и сделал бы так, чтобы все его подданные были счастливы.

Обстановка вокруг арестованных накалялась, из Омска прибыл отряд из ста красноармейцев во главе с большевицким комиссаром, который имел полномочия на случай, если охрана Царской семьи не станет выполнять его приказы, расстрелять любого. Противостояние между отрядом из Омска и охраной губернаторского дома нарастало. 9 апреля 1918 года Жильяр писал в дневнике: «Полковник Кобылинский очень встревожен и боится столкновения. Меры предосторожности, патрули, усиленные караулы. Мы проводим очень тревожную ночь».

Однако самое страшное случилось 12 апреля (30 марта). У цесаревича начался приступ гемофилии, Жильяр писал: «Со вчерашнего дня он ощущает сильную боль в паху вследствие сделанного им усилия. Он так хорошо чувствовал себя эту зиму! Лишь бы это не было что-нибудь серьезное!» Сначала Алексей Николаевич просто почувствовал себя плохо, и доктор назначил ему постельный режим. Но вскоре ситуация стала быстро ухудшаться. И уже 15 (2) апреля Пьер Жильяр с тревогой писал в своем дневнике: «Алексей Николаевич очень страдал вчера и сегодня. Это один из его сильных припадков гемофилии». По воспоминаниям одной из фрейлин, цесаревич не спал ни днем ни ночью, когда боль становилась

нестерпимой, он начинал кричать. Его громкие крики разносились по всему дому. У постели больного постоянно кто-то дежурил: матрос Нагорный, учителя Пьер Жильяр или Сидней Гиббс, одна из старших цесаревен или сама Государыня. По общему мнению, приступ был таким же тяжелым, как и в Спаде.

Солдатский комитет не верил в болезнь цесаревича, революционные стрелки считали, что он претворяется, чтобы семья могла получить какие-то послабления в режиме содержания. Поэтому обыски стали проводить даже чаще. У докторов Е. С. Боткина и В. Н. Деревенко лекарства были на исходе, а новых взять было негде — в революционном Тобольске аптеки закрылись. Лечить больного цесаревича оказалось нечем.

В тот же день, 15 (2) апреля, из Москвы прибыл большевицкий комиссар В. В. Яковлев и вскоре выяснилось, что у него есть приказ увезти Государя, однако он не сообщил куда именно. Алексея Николаевича оставляли на попечении старших цесаревен, доктора Деревенко, учителей и фрейлин. Для цесаревича отъезд родителей стал большим ударом. Особенно тяжело ему было остаться во время болезни без матери. Она всегда в самые сложные моменты приступов оставалась рядом с ним, ее нежность, казалось, не хуже лекарств успокаивала цесаревичу боль. Впервые в сложнейшей ситуации, когда сама жизнь Алексея Николаевича висела на волоске, он оставался без родителей. И это стало для него трагедией. Пьер Жильяр писал, что во время отъезда родителей цесаревич горько плакал в своей кровати. Только через неделю Алексей Николаевич наконец-то почувствовал себя немного лучше. Вскоре он, к радости сестер и свиты, смог сидеть. Матрос Нагорный перенес его из постели на кресло-каталку и стал вывозить его во двор, чтобы больной смог подышать свежим воздухом. После Пасхи — 5 мая (22 апреля) — наконец стало известно, где находится императорская чета, полковник Кобылинский получил телеграмму из Екатеринбурга, цесаревны с цесаревичем сразу начали просить отвезти их к родителям. Однако цесаревич по-прежнему чувствовал себя плохо, доктора решили, что ему пускаться в дорогу в таком состоянии не стоит. В результате оставшихся в Тобольске царских детей, свиту и слуг отправили в Екатеринбург только 20 (7) мая.

В порту арестованных посадили на тот же пароход «Русь», который девять месяцев назад привез их в Тобольск. На пристани собралась большая толпа народа. Остались воспоминания, что когда матрос Нагорный с цесаревичем на руках приблизился к пароходу, многие из стоявших на пристани людей опустились на колени. Мужчины сняли шапки. Женщины запричитали, заплакали. Раздались голоса: «На кого ты нас покидаешь?!» И

цесаревич перекрестил провожавших его людей.

На судне Алексея Николаевича вместе с дядькой Нагорным закрыли в каюте, запретив даже выходить в уборную. Часовой без разговоров сунул в руки дядьке ведро. Вечером разрешили посетить больного ребенка только доктору Деревенко. На палубе пели и плясали пьяные красноармейцы. Их голоса достигали кают, в которых закрыли арестованных. Именно в этот момент Алексей Николаевич вдруг сказал: «Я знаю, они убьют нас. Только бы не очень мучили». 23 (10) мая матрос Нагорный на руках внес Алексея Николаевича в дом Ипатьева в Екатеринбурге, вместе с ними вошли три цесаревны и несколько слуг. Встреча четырех царских детей с родителями и сестрой стала по-настоящему радостной, семья воссоединилась, они были счастливы. В дневнике в этот день Государь написал: «Утром нам в течение одного часа последовательно объявляли, что дети в нескольких часах от города, затем, что они приехали на станцию, и, наконец, что они прибыли к дому, хотя их поезд стоял здесь с 2 час. ночи! Огромная радость была увидеть их снова и обнять после четырехнедельной разлуки и неопределенности.

Взаимным расспросам и ответам не было конца. Очень мало писем дошло до них и от них. Много они, бедные, перетерпели нравственного страдания и в Тобольске, и в течение трехдневного пути. За ночь выпал снег и лежал целый день. Из всех прибывших с ними впустили только повара Харитонову и племянника Седнёва. Днем вышли минут на 20 в сад — было холодно и отчаянно грязно. До ночи ожидали привоза с вокзала кроватей и нужных вещей, но напрасно, и всем дочерям пришлось спать на полу. Алексей ночевал на койке Марии. Вечером, как нарочно, он ушиб себе колено и всю ночь сильно страдал и мешал нам спать».

Накопившаяся после дороги усталость плюс ушиб колена — цесаревич несколько дней вновь страдал от боли. Приступ, который начался в Тобольске и, казалось, отступил, в Екатеринбурге вернулся с новой силой. Родные, измотанные несчастьями, сочувствовали Алексею Николаевичу, терпеливо ухаживали за ним, и все же и у них накапливалась усталость от его непрекращающихся страданий. Больного навестил доктор Деревенко, с ним вместе пришел незнакомый человек, одетый во все черное. Государь в дневнике записал, что все подумали, что незнакомец тоже врач, так профессионально он себя вел. Позже Царская семья узнала — вместе с доктором Деревенко приходил осматривать цесаревича чекист Я. М. Юровский, который в свое время служил в армии фельдшером.

Первую неделю после приезда в Екатеринбург цесаревич страдал от сильных болей в колене, однако постепенно спокойные периоды между

промежутками боли стали увеличиваться, и доктор Деревенко смог сделать больному гипсовую повязку, после чего Алексею Николаевичу стало лучше. В начале июня цесаревич больше не страдал от болей, но по-прежнему все время проводил в постели. И это было обидно и досадно, потому что погода стояла хорошая, жаркая, в душном доме никому находиться не хотелось, на прогулки все выходили с большим удовольствием. И только Алексей Николаевич вынужденно оставался в своей комнате.

Наконец, 18 (5) июня цесаревич впервые смог подышать свежим воздухом в саду. Его вынесли на улицу на руках. Вместе с матерью и сестрой Татьяной Николаевной он провел полтора часа на открытом воздухе. Для него это стало необыкновенной радостью, первый раз цесаревич увидел небольшой сад у дома Ипатьева — цветущие деревья, траву под ними, высокий дощатый забор вокруг, сараи в глубине двора. Начавшееся лето мало что изменило в жизни цесаревича, он по-прежнему не мог ходить, хотя опухоль на колене и спала. Алексея Николаевича носил на руках дядька матрос Нагорный, а когда его не оказывалось под рукой, то цесаревна Мария Николаевна, самая крепкая из сестер. В один из дней, когда цесаревич не очень хорошо себя чувствовал и лежал в постели, а остальные члены Царской семьи отправились на прогулку, в комнату к нему неожиданно вошли два охранника. Не обращая внимания на Алексея Николаевича, они, увидев небольшую икону Божьей Матери, которая висела на золотой цепочке на спинке кровати, стали отрывать ее, радуясь, что нашли золото. Это была икона, с которой цесаревич никогда не расставался, он с молитвой сжимал ее в руках во время приступов. В это время в комнату вбежал матрос Нагорный, возмущившись, он икону с цепочкой у охранников отнял. Завязалась драка. На помощь дядьке пришел лакей Седнёв. Нагорный успел отдать икону цесаревичу, прежде чем привлеченные шумом прибежали другие красноармейцы. Они скрутили и увели двух верных защитников Царской семьи. Цесаревич не узнал, что арестованных Нагорного и Седнёва через несколько дней расстреляли. Он до конца ждал возвращения верного дядьки, к которому очень привязался за время жизни под арестом.

В начале июля в дом Ипатьева назначили нового коменданта — чекиста Я. М. Юровского; старого главу охраны А. Д. Авдеева с позором уволили, оказалось, что часовые постоянно обворовывали Царскую семью. Государь перед этими событиями писал в дневнике: «В сарае, где находятся наши сундуки, постоянно открывают ящики и вынимают разные предметы и провизию из Тобольска. И при этом без всякого объяснения причин. Все

это наводит на мысль, что понравившиеся вещи очень легко могут увозиться по домам и, стало быть, пропасть для нас! Омерзительно! Внешние отношения также за последние недели изменились: тюремщики стараются не говорить с нами, как будто им не по себе, и чувствуется как бы тревога или опасение чего-то у них! Непонятно!»

Вновь назначенный комендант пересчитал все ценности у Царской семьи и осмотрел их вещи, которые хранились в сарае, после приезда из Тобольска. Драгоценности сложил в шкатулку и унес с собой. Новая охрана, состоявшая в основном из бывших военнопленных, полностью ему подчинялась и с арестованными не общалась. В доме Ипатьева стало совсем тихо, казалось, новые часовые и между собой тоже не разговаривали. Комендант строго запретил насельницам Ново-Тихвинского женского монастыря Екатеринбургa помогать Царской семье, которой монахини передавали продукты из своего хозяйства. Александра Федоровна несколько раз просила Юровского разрешить принимать продукты из монастыря хотя бы для больного Алексея Николаевича, объясняя, что после приступа он сильно похудел и очень слаб. Комендант, в конце концов, разрешил монахиням приносить для цесаревича только одну бутылку молока и тогда, когда он позволит.

Алексей Николаевич действительно плохо себя чувствовал, не мог даже сам вставать на ноги, близкие из постели переносили его на кресло с колесами и потом катали на нем цесаревича по дому. После ареста дядьки Нагорного и лакея Седнёва некому стало ухаживать за больным цесаревичем, все заботы, с этим связанные, упали на плечи его сестер. Каждый раз возникала особая проблема, когда нужно было вынести Алексея Николаевича на прогулку. А он так рвался на свежий воздух, в сад! Больному Государю доктор Боткин запретил поднимать тяжести, боясь, что у того начнется кровотечение. Николай Александрович о своем здоровье в те дни писал в дневнике: «Весь день страдал болями от гемм[орроидальных] шишек, поэтому ложился на кровать, пот [ому] что удобнее прикладывать компрессы». В итоге на прогулки Алексея Николаевича на руках выносила сестра великая княжна Мария Николаевна. А кресло с трудом по лестнице спускали, а потом поднимали Ольга Николаевна с Татьяной Николаевной, им это, в общем-то, оказалось не по силам, слишком они обе были хрупкими. Кресло переворачивалось, падало, но помощников рядом не осталось.

Алексей Николаевич скучал, тосковал, сестры ему читали вслух, играли с ним в карты, но это ему быстро надоедало. Единственным другом в эти дни для него оставался помощник повара — Леонид Седнёв,

мальчишка, на пару лет младше самого цесаревича. Мальчишки часто играли с солдатиками, которых Алексей Николаевич взял с собой из Тобольска. Вместе они гуляли в саду — Леня катал цесаревича в кресле с колесами по дорожкам. Колю Деревенко больше к цесаревичу не пускали, а он очень скучал по своему старому другу. И переписываться с Колей тоже не было никакой возможности, потому что его отец — доктор Деревенко больше не навещал Царскую семью. Причина этого до конца не известна. Возможно, что эти посещения запретили большевицкие власти. Но может быть, это стало решением самого врача. Потому что судьбы у двух самых близких врачей Царской семьи, «взрослого доктора» — Боткина и «детского» — Деревенко, были диаметрально противоположными. Когда доктору Боткину в Екатеринбурге предложили оставить своих подопечных, работать в госпитале и лечить красноармейцев, намекнув, что Царская семья все равно обречена, а новым властям нужны хорошие врачи, тот отказался предать своих арестованных пациентов. А доктор Деревенко стал работать на новые власти, он в военных госпиталях лечил красноармейцев.

Долгое время Царской семье отказывали в просьбе пригласить священника, чтобы отслужить обедню. И вдруг неожиданно утром в воскресенье 14 (1) июля 1918 года Юровский сам, без предварительного разговора, сказал, что вскоре придет священник и состоится служба. Цесаревны в гостиной приготовили все необходимое, накрыли стол красивой вязаной скатертью, принесли иконы. Служба прошла на одном дыхании, только священнику показалось, что очень уж печальной была Царская семья. Он даже подумал, что у них что-то случилось. В конце на прощание он дал каждому, кто был на службе, по просфоре. Алексей Николаевич всю службу сидел в кресле, священник, покосившись на Юровского, сам подошел к нему и вручил просфору.

Несколько работниц 15 (2) июля устроили в доме генеральную уборку. Алексей Николаевич за ними с интересом наблюдал. Но самое удивительное произошло во вторник 16 (3) июля. Комендант Юровский неожиданно принес корзину куриных яиц, целых пятьдесят штук. Александре Федоровне он сказал, что это монахини их принесли для цесаревича, она же просила улучшить питание для больного сына. На обед повар приготовил омлет, каким же вкусным он показался Алексею Николаевичу, в Екатеринбурге давно не из чего было его готовить. Однако в этот день случилась одна неприятность, которая очень расстроила цесаревича. Неожиданно куда-то увели единственного приятеля Алексея Николаевича — поваренка Леонида Седнёва. Невнятные объяснения коменданта, дескать, мальчика увели, чтобы он мог встретиться с дядей, а

потом он снова вернется в дом Ипатьева, никого не убедили. Ни один человек, кого в Екатеринбурге увели охранники, назад к Царской семье не вернулся. Александра Федоровна вслух сказала то, о чем подумали все: поваренка они больше не увидят.

В начале третьего ночи 17 июля 1918 года Государь вошел в комнату к спавшему цесаревичу. Самого Николая Александровича разбудил доктор Боткин со словами, что комендант объявил: их срочно должны увезти, всем необходимо собраться в прихожей, так как на дом Ипатьева готовится нападение.

Алексей Николаевич сладко спал, наконец-то измучивший его тяжелый приступ гемофилии прошел окончательно, боли больше не повторялись. Государь стал медленно одевать спящего сына, тот так глубоко был погружен в сон, что не реагировал на нежные, осторожные прикосновения отца. Так спящего он и поднял на руки своего дорогого мальчика. Не проснулся цесаревич, и когда вся Царская семья с немногочисленными слугами собралась в прихожей, и когда они вслед за Юровским вышли на улицу, а потом по ступеням спустились в полуподвальное помещение. Алексей Николаевич сладко спал на руках отца. В большой пустой комнате комендант попросил их ждать отъезда. Александра Федоровна, которая из-за болезни ног с трудом стояла, попросила его принести хотя бы два стула: для себя и спящего сына, Государю тяжело было долго держать цесаревича на руках. Стулья принесли.

Государь посадил спящего сына на один из стульев. Алексей Николаевич до конца проснуться не смог, в полусне дремал, не открывая глаз. Возможно, он четко и не слышал слова коменданта о принятом решении расстрелять всю Царскую семью и прозвучавшее в ответ на страшный приказ изумленное: «Что?!» — отца.

В цесаревича стрелял лично Юровский, руководивший расправой. Первый выстрел не убил мальчика. Цесаревич стонал в луже собственной крови, упав со стула на пол. Юровский подошел вплотную и наклонился над раненым, быстро, не целясь, еще несколько раз выстрелил из револьвера ему в голову. Все было кончено, Алексей Николаевич перестал стонать, затих. Больше в России не осталось наследника.

ЭПИЛОГ

ПОСМЕРТНАЯ СУДЬБА ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

Через 8 дней после расстрела Царской семьи войска адмирала А. В. Колчака заняли Екатеринбург. По приказу Верховного правителя было начато следствие по факту исчезновения царя и его семьи. Вначале дело вел судебный следователь по важнейшим делам Екатеринбургского окружного суда А. П. Наметкин, затем его коллега И. А. Сергеев, потом подключился к расследованию начальник уголовного розыска А. Ф. Кирста. Однако по-настоящему профессионально и результативно организовал работу следователь по особо важным делам Омского окружного суда Николай Алексеевич Соколов. Он практически сделал целью своей жизни поведать миру обстоятельства гибели Царской семьи: кто принимал решение о ее расстреле, кто убивал и что случилось с останками казненных. Протоколы допросов всех свидетелей, даже случайных, изучение вещественных доказательств и места преступления — Соколов скрупулезно изучал факты. Собранные материалы он увез с собой в эмиграцию, где в Париже издал книгу «Убийство Царской семьи».

По версии следователя Соколова, после расстрела тела членов Царской семьи, доктора и трех слуг на грузовиках были вывезены за город в район Ганиной Ямы, где они были расчленены, облиты серной кислотой и сожжены. Однако уже в период начала следствия появились данные, что трупы не были полностью уничтожены в Ганиной Яме, а их захоронили в другом месте.

В 1920-е годы появлялась самая разная информация о судьбе Царской семьи: большевики, сначала вроде даже сообщившие о расстреле царя, категорически отказались признать казнь всей семьи, в том числе детей. А через время они стали вообще отрицать и сам факт массового убийства. Но начиная с 1930-х годов члены расстрельной команды уже открыто говорили об убийстве Царской семьи: они давали интервью, писали мемуары, выступали с рассказами об уничтожении трупов, выставя свои действия чуть ли не героическим поступком.

Долгие годы о страшной судьбе последнего российского императора и его семьи в Советской России предпочитали не вспоминать. За рубежом среди эмигрантов первой волны немного оставалось людей, почитавших

царя, по-прежнему преданных ему. Однако «народная молва» о семье последнего царя не забывала. Время от времени за рубежом и в Советской России появлялись слухи о «царских детях, которые избежали расстрела». Посмертная судьба всех цесаревен и цесаревича отмечена появлением самозванцев.

Самыми известными в истории стали лже-Анастасии, хотя их было не больше, чем других лжецесаревен. По разным данным, самозванок, претендовавших на имя младшей из дочерей императора Николая II, было около тридцати, во главе с самой знаменитой «Анастасией» Анной Андерсон. Первое время эмигрировавшие в Европу родственники и приближенные погибшей Царской семьи даже встречались с некоторыми из этих самозванок, но каждый раз это оказывалось слишком больно для людей, любивших реальную Анастасию. Уцелевшими близкими Царской семьи было принято решение игнорировать подобные ситуации. Последняя известная лже-Анастасия умерла в 2000 году.

Появлялись Лже-Ольги в основном в Европе, но одна из них объявилась даже в Аргентине.

Лже-Татьян было более тридцати. Появлялись они в самых разных странах — Англии, Франции, Канаде, Польше, Испании и др. Особенно прославилась француженка, которая упорно добивалась встречи с «бабушкой» — императрицей Марией Федоровной, обещая только ей раскрыть «страшную тайну».

По некоторым сведениям, лже-Марий было просто огромное количество, называют цифру 53. Появлялись они по всему миру. Одна из самых известных самозванок жила в Южной Африке. Были свои лже-Марии в Румынии, Польше и даже в Японии.

Но все рекорды побили лже-Алексеи, их было больше восьмидесяти. Самозванные «Алексеи» начали появляться сразу после гибели Царской семьи, но тогда еще были живы многие, хорошо знавшие цесаревича, и поэтому первых лже-Алексеев быстро разоблачали. Так, самый первый самозванец, уверявший, что он смог выпрыгнуть из поезда, когда Царскую семью куда-то везли, и спастись, был уличен во лжи учителем цесаревича Пьером Жильяром. Среди самозванцев были ирландец, эстонец, поляк, венгр, аргентинец и т. д. Но все же больше всего лже-Алексеев были русскими. Начиная от экзотических — бухгалтера из Самарканда, который был женат четыре раза, а потом сидел за мошенничество, и кончая — мещанином из маленького провинциального города, дети которого до сих пор требуют признания их наследниками «цесаревича Алексея».

Всех иностранных самозванцев, лжецесаревен и лже-цесаревича,

объединяло одно — они не знали русского языка, как бы напрочь забывали родной язык «из-за перенесенных потрясений».

Существует несколько альтернативных версий о судьбе Царской семьи. По одной из них последние Романовы не были расстреляны и никогда не покидали Россию. Они жили под чужими именами и умерли своей смертью. Сторонники этой теории и в наши дни пишут статьи и книги, доказывая свою правоту, не обращая внимания на исторические исследования. В основном такие авторы живут в России и бывших советских республиках.

Есть версия «спасения Царской семьи» неким коллективным Западом. По этой теории, изложенной европейцами, императрица Александра Федоровна с дочерьми была передана по договору с большевистским правительством немцам. Цесаревны и их мать прожили жизнь безбедно, под покровительством правительств различных европейских государств. Подобная теория не подкреплена никакими доказательствами, но понятна с точки зрения «коллективной вины», осознания того, что именно политика европейских государств привела к мировой войне и к революции в России, а в итоге к гибели Царской семьи.

В России о погибшей Царской семье народ не забывал, при всем желании советской власти стереть память о последнем российском императоре. Люди задумывались и хотели знать правду об истории убийства царя, его жены и детей. Летом 1979 года по инициативе кандидата геолого-минералогических наук Александра Николаевича Авдоница и писателя Гелия Трофимовича Рябова, изучивших материалы следствий, архивные материалы, воспоминания участников расстрела, была организована экспедиция по поиску останков Царской семьи. Они обнаружили под Свердловском недалеко от железнодорожного переезда в Порошенковом логу захоронение нескольких лиц. Но найденные останки извлекать не стали. И только в 1991 году, после заявления А. Н. Авдоница о том, что у него есть сведения о месте захоронения Царской семьи, были извлечены тела девяти человек. По результатам находки в 1993 году было возбуждено уголовное дело по факту гибели Царской семьи. Его вел старший следователь-криминалист Главного управления криминалистики Следственного комитета РФ В. Н. Соловьёв. В 1998 году, после многочисленных экспертиз, уголовное дело завершилось признанием останков принадлежащими императору Николаю II, императрице Александре Федоровне, их дочерям — цесаревнам Ольге Николаевне, Татьяне Николаевне и Анастасии Николаевне, а также царскому доктору Е. С. Боткину и трем слугам.

На этом история с захоронениями не закончилась, так как среди тел не оказалось останков цесаревича Алексея Николаевича и цесаревны Марии Николаевны. В 2007 году поиски останков царских детей возобновили. И недалеко от первого захоронения (в Поросенковом логоу) нашли другую могилу и в ней тела двух человек, после чего было открыто новое уголовное дело. В результате экспертиз останки были признаны принадлежащими царским детям — Алексею Николаевичу и Марии Николаевне.

Несмотря на многочисленные экспертизы в России и за рубежом, в том числе и генетические (к исследованиям привлекали потомков родственников Царской семьи), споры о подлинности останков продолжают по сей день.

В 1998 году в Санкт-Петербурге в Петропавловском соборе похоронили последнего российского императора, императрицу, трех их дочерей, доктора и слуг. Для склепа выбрали Екатерининский придел храма, где подготовили небольшого размера двухъярусную усыпальницу, что явилось компромиссом. Русская православная церковь до конца не признала достоверность проведенных экспертиз. По причине этих же сомнений не захоронены останки, найденные в 2007 году: их отказываются признать принадлежащими цесаревичу Алексею Николаевичу и его сестре цесаревне Марии Николаевне.

Царская семья и их слуги были канонизированы в 1981 году Архиерейским собором Русской православной церкви за границей. В 2000 году Русская православная церковь причислила семью последнего российского императора к лику святых страстотерпцев в сонме Собора новомучеников и исповедников Российских, явленных и неявленных. Чин канонизации был совершен 20 августа 2000 года.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ЦАРСКОЙ СЕМЬИ

1868, 6 мая — день рождения императора Николая II Александровича.

1872, 25 мая — день рождения принцессы Алисы Гессенской и Прирейнской (будущей императрицы Александры Федоровны).

1884, май — знакомство цесаревича Николая Александровича и принцессы Алисы в Санкт-Петербурге на свадьбе великого князя Сергея Александровича и принцессы Елизаветы (старшей сестры принцессы Алисы).

1889, январь — визит в Россию великого герцога Людвига IV Гессенского и Прирейнского с детьми. Начало серьезных романтических отношений цесаревича Николая Александровича и принцессы Алисы.

1894, 8 апреля — официальное объявление в Кобурге о помолвке цесаревича Николая Александровича и принцессы Алисы Гессенской и Прирейнской.

10 октября — приезд принцессы Алисы в Ливадию (Крым).

20 октября — смерть императора Александра III.

21 октября — принятие принцессой Алисой православия и имени великой княгини Александры Федоровны.

14 ноября — венчание императора Николая II и великой княгини Александры Федоровны в Санкт-Петербурге в церкви Зимнего дворца.

1895, 10 марта — переезд Августейшей семьи в Александровский дворец (Царское Село).

3 ноября — день рождения великой княжны Ольги Николаевны.

1896, 14 мая — венчание на царство императора Николая II и императрицы Александры Федоровны в Успенском соборе Кремля в Москве.

1897, 29 мая — день рождения великой княжны Татьяны Николаевны.

1899, 14 июня — день рождения великой княжны Марии Николаевны.

1900, осень — Крым. Ливадия. Тяжелая болезнь императора Николая II — брюшной тиф.

1901, 5 июня — день рождения великой княжны Анастасии Николаевны.

1903, июль — прославление в лике святых преподобного Серафима Саровского, участие в торжествах Царской семьи; молитвы императорской

четы о даровании им сына — наследника престола.

1904, 27 января — начало войны с Японией.

30 июля — день рождения цесаревича Алексея Николаевича.

1912, 25–29 августа — празднование столетия Отечественной войны 1812 года.

Осень — тяжелый приступ гемофилии у цесаревича Алексея Николаевича в охотничьем дворце Царской семьи в Спаде (Беловежская Пуща); реальная угроза смерти наследника.

1913 — празднование 300-летия Дома Романовых.

1914, 19 июля — объявление Германией войны России; начало Первой мировой войны.

1915, 23 августа — император Николай II принимает пост Верховного главнокомандующего русской армией.

1916, ночь на 17 декабря — убийство в Петрограде Григория Распутина.

1917, конец февраля — все царские дети в Александровском дворце заболели корью.

2 марта — отречение императора Николая II от престола в пользу младшего брата великого князя Михаила Александровича.

9 марта — возвращение Николая II в Царское Село к семье; арест Царской семьи.

1 августа — отъезд Царской семьи по распоряжению Временного правительства из Царского Села в ссылку в Тобольск.

6 августа — прибытие Царской семьи в Тобольск; заключение в доме тобольского губернатора.

1918, 12 апреля (30 марта) — начало тяжелого приступа гемофилии у цесаревича Алексея Николаевича.

26 апреля (13 апреля) — Николая II, Александру Федоровну, великую княжну Марию Николаевну, князя В. А. Долгорукова, доктора Е. С. Боткина и трех слуг увозят из Тобольска по приказу большевицкого правительства.

1 мая (17 апреля) — прибытие царской четы и др. в Екатеринбург; заключение в доме инженера Ипатьева.

5 мая (22 апреля) — Пасха. Царская семья отмечает праздник в разлуке. Три цесаревны и цесаревич в Тобольске. Родители и великая княжна Мария Николаевна в Екатеринбурге.

20 (7 мая) — отъезд из Тобольска в Екатеринбург цесаревича Алексея Николаевича, великих княжон Ольги Николаевны, Татьяны Николаевны, Анастасии Николаевны, свиты и слуг.

23 мая (10 мая) — прибытие в Екатеринбург цесаревича Алексея Николаевича с сестрами; воссоединение Царской семьи в доме инженера Ипатьева.

Ночь на 17 (4) июля — расстрел Царской семьи, доктора Е. С. Боткина и трех слуг в Екатеринбурге в подвале дома инженера Ипатьева.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Николай II в кругу семьи

*Император Николай II в мундире лейб-гвардии Стрелкового
Императорской фамилии батальона*

Император Николай II и Александра Федоровна на морской прогулке

Царская чета с двумя старшими дочерьми. 1898 г.

Император Николай II и Александра Федоровна на прогулке

Императрица Александра Федоровна

Великая княжна Ольга Николаевна. 1906 г.

Великая княжна Татьяна Николаевна

Великая княжна Мария Николаевна

*Император Николай II на отдыхе на борту императорской яхты
«Штандарт»*

Дети Царской семьи в морской форме

Императрица Александра Федоровна

Императрица Александра Федоровна с дочерью Татьяной

Цесаревич Алексей Николаевич

Цесаревич Алексей играет с котятами на яхте «Штандарт»

П. В. Петров занимается русским языком с цесаревичем Алексеем

Императрица Александра Федоровна с сыном цесаревичем Алексеем

Царская семья очень любила отдыхать на яхте «Штандарт»

Император Николай II с сыном цесаревичем Алексеем на борту императорской яхты «Штандарт»

Царская семья на яхте

Великая княжна Ольга Николаевна

Великая княжна Татьяна Николаевна

Царская семья за обедом

Великая княжна Анастасия Николаевна

Царская семья в гостях у германского императора Вильгельма II

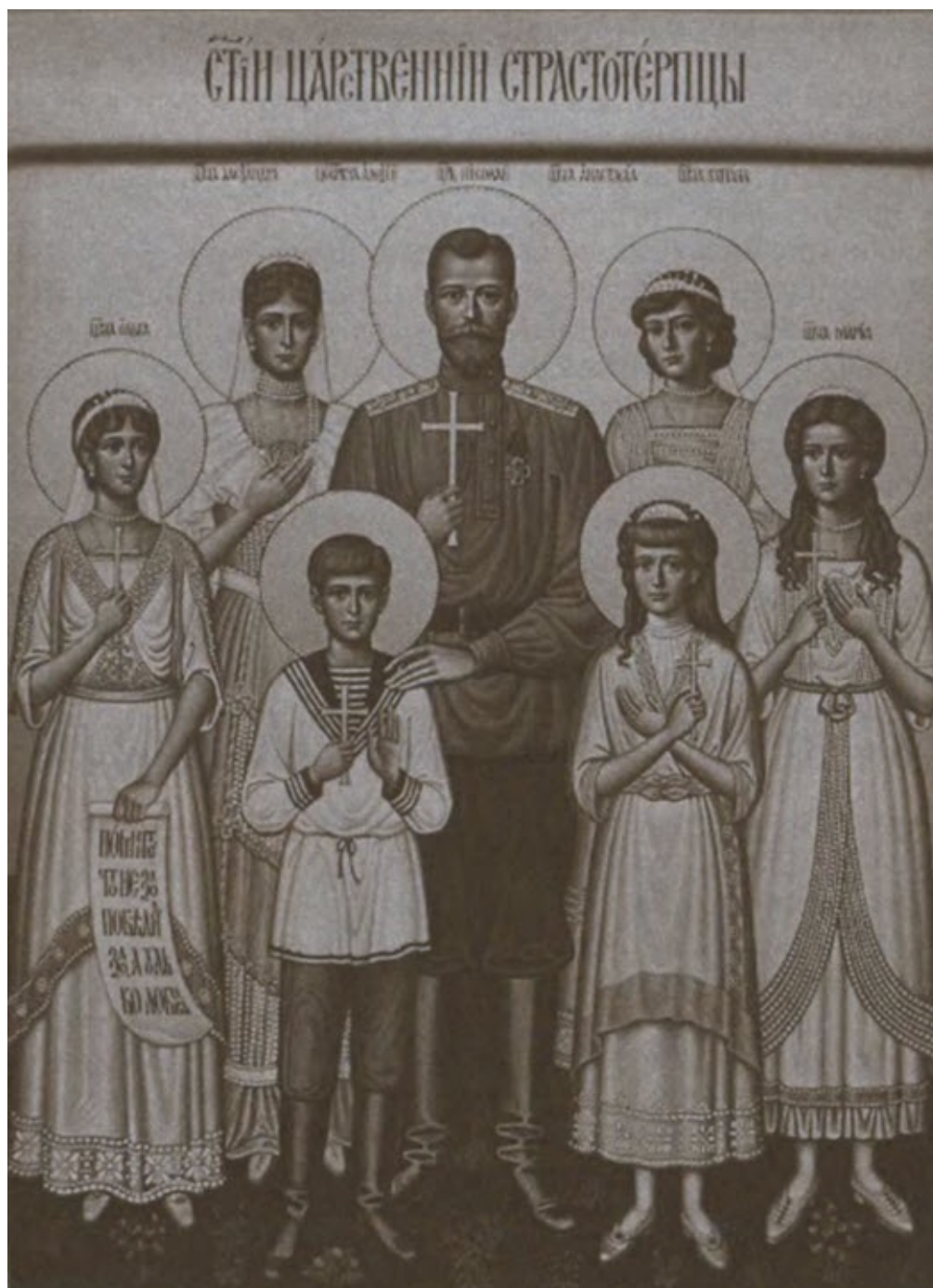
Великая княжна Мария Николаевна с братом

Царская семья в комнате с больной Марией Николаевной

Император Николай II в британском военном мундире

Икона «Царственные страстотерпы»

Великая княжна Ольга Николаевна с братом в мамином сиреневом кабинете

Царская семья в Царском Селе

Несмотря на возраст цесаревич Алексей должен был принимать участие в официальных мероприятиях

Цесаревич Алексей с любимой собакой Джоем

«Младшая пара» — великие княжны Мария и Анастасия

Великая княжна Анастасия Николаевна с матерью

Царская семья в 1912 году

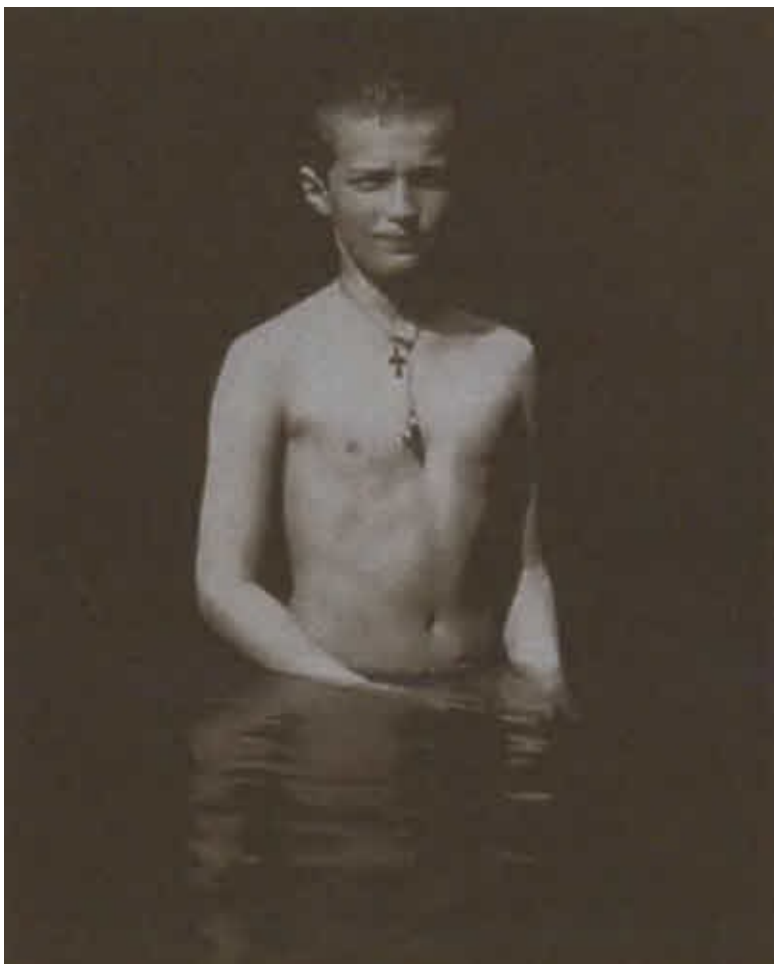
ОТМА: сестры — великие княжны

Великая княжна Мария Николаевна

Великие княжны Ольга, Мария и Анастасия со своей теткой великой княгиней Ольгой Александровной

Цесаревич Алексей купается в пруду в Царском Селе. 1917 г.

*Александровский дворец в Царском Селе — любимая резиденция
Царской семьи*

Великая княжна Анастасия Николаевна сфотографировала себя в зеркале

Любимой летней резиденцией Царской семьи была Нижняя дача в Петергофе

*Великая княжна Татьяна Николаевна в форме 8-го уланского
Вознесенского полка. 1910 г.*

*Великая княжна Ольга Николаевна в форме 3-го гусарского
Елисаветградского полка*

Великая княжна Мария Николаевна в форме 9-го драгунского Казанского полка

*Императрица Александра Федоровна в форме полковника лейб-гвардии
Уланского Ея Величества полка*

Царская семья на праздновании 300-летия царствования Дома Романовых в Московском Кремле

*Торжественное благодарственное молебствие на площади при
Успенском соборе по случаю 300-летия царствования Дома Романовых.
21 февраля 1913 г.*

Празднование 300-летия царствования Дома Романовых.

Прибытие императорской четы в Ярославль

Царская семья во время визита в Румынию в 1914 году

Императрица Александра Федоровна в одежде сестры милосердия с сыном в госпитале

Младшие великие княжны в госпитале с ранеными

Царская семья на молебне при посещении действующей армии

Николай II после ареста в Царском Селе

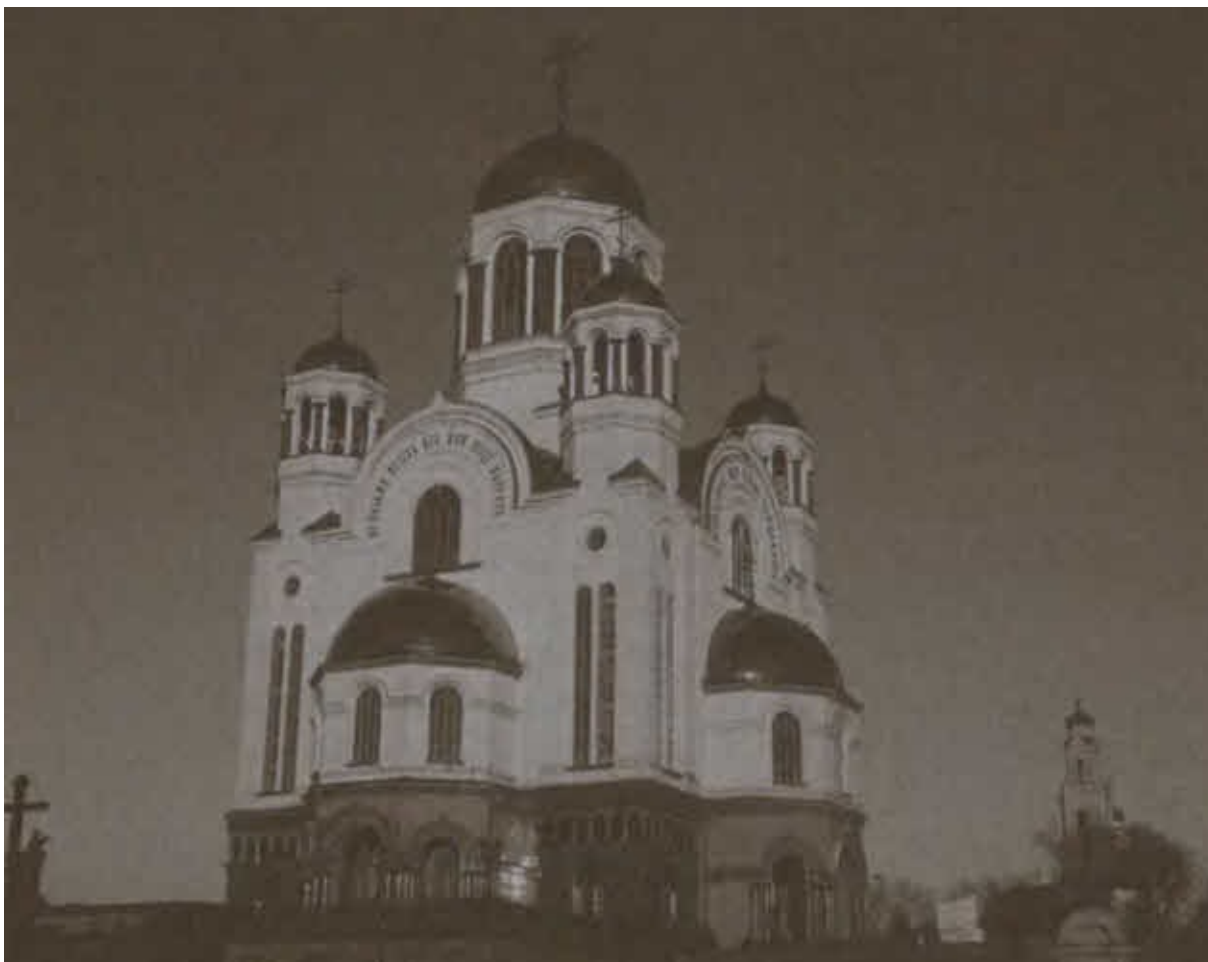
Николай II с цесаревичем Алексеем пилят дрова. Тобольск. 1917 г.

Последнее фото цесаревича Алексея. Екатеринбург. 1918 г.

Дом Ипатьева — место гибели Царской семьи

Вознесенский храм на Крови (Екатеринбург), возведенный на месте расстрела Царской семьи

ЛИТЕРАТУРА

Дневники и переписка

Дневники императора Николая II (1894–1918) / Отв. ред. С. В. Мироненко. Т. 1–2. М.: РОССПЭН, 2011–2012.

Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны. 1917–1918 / Сост. В. М. Хрусталева. Т. 1–2. М.: ПРОЗАиК, 2008.

Дневник Николая II (1913–1918). М.: Захаров, 2007.

Дневник великого князя Константина Константиновича (К.Р.). 1911–1915. М.: ПРОЗАиК, 2013.

Переписка Николая и Александры. М.: Захаров, 2013.

Письма святых царственных мучеников из заточения: Семья императора Николая II: Мат-лы и док-ты / Собр. Е. Е. Алферьева и др. М.; СПб.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995.

Письма Царской семьи из заточения / Сост. О. Г. Гончаренко. М.: Вече, 2013.

Скорбный ангел. Царица-Мученица Александра Новая в письмах, дневниках и воспоминаниях / Сост. С. В. Фомин. М.: Об-во Святителя Василия Великого, 2000.

Воспоминания и мемуары

Буксгевден С. К. Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы России. В 3 кн. М.: Вече, 2012.

Воейков В. Н. С царем и без царя. М.: Захаров, 2016.

Волков А. А. Около Царской семьи. М.: Анкор, 1993.

Воррес Й. Великая княгиня Ольга Александровна. Мемуары. М.: Захаров, 2004.

Вырубова А. А. Фрейлина Ее Величества. Воспоминания Анны Вырубовой. М.: Олма-пресс, 2019.

Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. М.: Центрполиграф, 2008.

Ден Ю. А. Подлинная царица. М.: Вече, 2013.

Дитерихс М. К. В своем кругу. М.: Изд-во Сретенского монастыря,

2004.

Дитерихс М. К. Убийство Царской Семьи и членов Дома Романовых на Урале. М.: Директ-Медиа, 2015.

Жильяр П. Император Николай II и его семья. М.: Русь, 2001.

Жильяр П. Рядом с Царской Семьей. М.: Вече, 2006.

Жильяр П. Трагическая судьба императора Николая II. Б/м: Изд-во Стрельбицкого, 2017.

Жильяр Л., Гиббс С. Цесаревич Алексей в воспоминаниях его учителей. М.: Захаров, 2006.

Жирарден Д., Жильяр П. Рядом с Царской Семьей. М.: Вече, 2013.

Зверева Н. К. Августейшие сестры милосердия. М.: Вече, 2006.

Мельник-Боткина Т. Е. Воспоминания о Царской семье. М.: Захаров, 2009.

Мосолов А. А. Царская фамилия. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004.

Офросимова С. Я. Царская семья (из детских воспоминаний) // Бежинлуг. 1995. № 1. С. 135–148.

Попов К. С. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. Белград: Русская типография, 1925.

Саблин Н. П. Десять лет на императорской яхте «Штандарт».

СПб.: Петроний, 2008.

Саблин Н. П. С Царской семьей на «Штандарте». М.: БСГ-Пресс, 2001.

Соколов Н. А. Убийство Царской семьи. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2018.

Исследования

Балязин В. Н. Тайны дома Романовых. Браки с немецкими династиями в XVIII — начале XX в. М.: Просвещение, 2010.

Бонетская Н. К. Царские дети. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2004.

Боханов А. Н. Александра Федоровна. М.: Вече, 2008.

Зимин И. В. Детский мир. Повседневная жизнь Российского императорского двора. М.: Центрполиграф, 2010.

Зимин И. В. Царские деньги. Доходы и расходы Дома Романовых. М.: Центрполиграф, 2011.

Калинин Н. Н., Земляниченко М. А. Тайна великой княжны. Симферополь: Бизнес-Информ, 2010.

Ковалевская О. Т. С царем и за царя: мученический венец царских слуг.

М.: Русский хронограф, 2008.

Малютин А. Ю. Цесаревич: документы, воспоминания, фотографии. М.: Вагриус, 1998.

Марков С. В. Покинутая Царская семья. 1917–1918. Царское Село — Тобольск — Екатеринбург. М.: Паломник, 2002.

Мирек А. Император Николай II и судьба православной России. М.: Духовное просвещение, 2011.

Монахиня Нектария (Мак Лиз). Дивный Свет. Жизнь Александры Федоровны Романовой, последней Всероссийской Императрицы. М.: Русский паломник, 2011.

Непеин И. Г. Перед расстрелом: последние письма Царской семьи. Тобольск, 1917 — Екатеринбург, 1918. Омск: Омское книжное изд-во, 1992.

Ордынская И. Н. Отречение. М.: Вече; Лепта книга, 2013.

Раппопорт Х. Дневники княжон Романовых. Загубленные жизни. М.: Эксмо, 2015.

Раппопорт Х. Застигнутые революцией. Живые голоса очевидцев. М.: Эксмо, 2017.

Раппопорт Х. Рок семьи Романовых. «Мы не хотим и не можем бежать...». М.: Эксмо, 2018.

Росс Н. Г. Гибель Царской семьи: Материалы следствия по делу об убийстве Царской семьи. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1987.

Рябинин А. Н. Царская семья в Крыму осенью 1913 года. М.: Возрождение, 1963.

Савченко П. В. Государыня императрица Александра Федоровна. Белград: Nobel Press, 1939.

Савченко П. В. Русская девушка. М.: Трифонов Печенгский монастырь; Ковчег, 2001.

Титов И. В. ОТМА: О великих княжнах Ольге, Татьяне, Марии и Анастасии Николаевнах //Дворянское собрание. 1996. № 4.

Чернова О. В. Верные. О тех, кто не предал царственных мучеников. М.: Русский хронограф, 2010.

INFO

Ордынская И. Н.

О-65 Святая Царская семья / Ирина Ордынская. — М.: Молодая гвардия, 2022. — 399[1] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1902).

ISBN 978-5-235-04495-1

УДК 94(47)-058.12 "18/19"

ББК 63.3(2)53-75

знак информационной продукции 16+

Ордынская Ирина Николаевна
СВЯТАЯ ЦАРСКАЯ СЕМЬЯ

Редактор *К. А. Залесский*
Художественный редактор *Е. В. Кошелева*
Технический редактор *М. П. Качурина*
Корректоры *Т. И. Маляренко, Г. В. Платова*

Сдано в набор 09.09.2021. Подписано в печать 07.10.2021.
Формат 84x108/32. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,0+1,68 вкл. Тираж 3000 экз.
Заказ 10771.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства:
127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dsel@gvardiya.ru

Отпечатано с готовых файлов заказчика в АО «Первая
Образцовая типография», филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ
ПЕЧАТИ» 432980, Россия, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

.....

.....

Ирина Ордынская — член Союза писателей России, Союза журналистов России, Национальной ассоциации драматургов, главный редактор журнала-библиотеки «Эхо Бога». Автор 12 книг прозы, 5 пьес, сценариев. Награждена «Золотым Витязем». Имеет награды Издательского совета РПЦ. Автор книг «Отречение» и «Наследник» о Царской семье, автор сценария литературно-музыкальной композиции «Восхождения» — к 100-летию гибели Царской семьи (премьера состоялась в Концертном зале Чайковского 17 июля 2018 года), принимала участие в создании пьесы «Последние Романовы» и новеллы о Царской семье в фильме «Новомученики».

Эта книга — попытка в какой-то степени восстановить справедливость, очистить от идеологических наслоений реальные образы членов Царской семьи, отринуть горы лжи, десятилетиями закрывавшей чистые, благородные образы оболганных людей. Если убрать все политические споры и идеологические мифы и всмотреться в Царскую семью как в реальных людей, увидеть в них личности, то в результате можно изменить и само отношение к недавней истории России. Император Николай II Александрович, императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, наследник цесаревич Алексей Николаевич — все они замечательные люди, которыми Россия может гордиться.

Ирина Ордынская

Ирина Ордынская — член Союза писателей России, Союза журналистов России, Национальной ассоциации драматургов, главный редактор журнала-библиотеки «Эхо Бога». Автор 12 книг прозы, 5 пьес, сценариев. Награждена «Золотым Витязем». Имеет награды Издательского совета РПЦ. Автор книг «Отречение» и «Наследник» о Царской семье, автор сценария литературно-музыкальной композиции «Восхождение» — к 100-летию гибели Царской семьи (премьера состоялась в Концертном зале Чайковского 17 июля 2018 года), принимала участие в создании пьесы «Последние Романовы» и новеллы о Царской семье в фильме «Новомученики».

Эта книга — попытка в какой-то степени восстановить справедливость, очистить от идеологических наслоений реальные образы членов Царской семьи, отринуть горы лжи, десятилетиями закрывавшей чистые, благородные образы обогданных людей. Если убрать все политические споры и идеологические мифы и всмотреться в Царскую семью как в реальных людей, увидеть в них личности, то в результате можно изменить и само отношение к недавней истории России. Император Николай II Александрович, императрица Александра Федоровна, великие княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна, наследник цесаревич Алексей Николаевич — все они замечательные люди, которыми Россия может гордиться.

книга упакована
в биоразлагаемую пленку
ISBN 978-5-235-04495-1

9 785235 044951 >

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

---

notes

Примечания

В 1890-е годы при Российском и Французском Дворах серьезно рассматривался вопрос о браке будущего императора Николая II и принцессы Елены Орлеанской, дочери главы Дома Бурбон-Орлеанских, претендента на французский престол Луи Филиппа графа Парижского.